

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

ACTA
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. 17, part 3

Editor-in-chief Evgeny V. Golovko

2021

АСТА
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том 17, часть 3

Главный редактор Е. В. Головки

2021

УДК 81
ББК 81.2
А 38

Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2021. — Т. 17. Ч. 3. — 332 с.

Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies. 2021. — Vol. 17. Pt. 3. — 332 p.

Ответственный за выпуск от редколлегии:

Н. М. Заика

Статьи отбираются редколлегией журнала
на основе анонимного независимого рецензирования

Материалы выпуска доступны в электронном виде по ссылке:

<https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html>

Адрес журнала: 199004, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9,
Институт лингвистических исследований РАН,
редакция журнала «Acta Linguistica Petropolitana»
Труды Института лингвистических исследований»

Телефон: + 7 812 328-16-11

E-mail: acta_linguistica@iling.spb.ru

Сайт: <https://alp.iling.spb.ru/>

Свидетельство Роскомнадзора ПИ № ФС 77-60965 от 05.03.2015

ISSN 2306-5737
DOI 10.30842/alp23065737173

© ИЛИ РАН, 2021
© Составление. Редколлегия
журнала, 2021

РЕДКОЛЛЕГИЯ

член-корр. РАН, д. филол. н. Е. В. Головкин, главный редактор (ИЛИ РАН); д. истор. н. А. К. Байбурун (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург); PhD, Assoc. Prof. A. Varentsen / А. Барентсен (Амстердамский ун-т, Нидерланды); д. истор. н. Ю. Е. Березкин (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург); член-корр. РАН, д. филол. н., проф. Е. Л. Березович (Уральский университет, Екатеринбург); д. филол. н. П. Е. Бухаркин (СПбГУ); член-корр. РАН, д. филол. н., проф. Н. Б. Вахтин (Европейский университет в Санкт-Петербурге); д. филол. н. М. Д. Воейкова (ИЛИ РАН); PhD, Prof. L. Grenoble / Л. Гренобль (Ун-т Чикаго, США); к. филол. н. С. Ю. Дмитренко (ИЛИ РАН); PhD, к. филол. н. Н. М. Заика (ИЛИ РАН, СПбГУ); д. филол. н., проф. В. Б. Касевич (СПбГУ); к. филол. н. А. Ю. Кожевников (ИЛИ РАН); член-корр. РАН, д. филол. н. Н. В. Корниенко (Институт мировой литературы РАН, Москва); д. филол. н., проф. Н. Б. Кошарева (Институт филологии СО РАН, Новосибирск); д. филол. н. М. А. Кронгауз (НИУ ВШЭ, Москва); к. филол. н. Г. А. Мольков (ИЛИ РАН); член-корр. РАН, д. филол. н. И. И. Муллонен (Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск); член-корр. РАН, д. филол. н. С. А. Мызников (Институт славяноведения РАН); акад. РАН, д. филол. н. С. И. Николаев (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург); д. филол. н., проф. В. И. Подлеская (РГГУ, Москва) д. филол. н. К. И. Поздняков (Национальный институт восточных языков и цивилизаций, Париж, Франция); PhD, Prof. Em. J. Russell / Дж. Рассел (Гарвардский ун-т, Кембридж, США); к. филол. н. Е. А. Руднева, секретарь редколлегии (ИЛИ РАН); д. филол. н. А. Ю. Русаков (ИЛИ РАН); к. филол. н. С. С. Сай (ИЛИ РАН); д. филол. н., проф. А. Н. Соболев, заместитель главного редактора (ИЛИ РАН); д. филол. н. С. Г. Татевосов (МГУ); к. филол. н. А. Ю. Урманчиева (ИЛИ РАН); PhD, Prof. А. Ю. Фильченко (Nazarbaev University, Астана, Казахстан); д. истор. н., проф. Д. А. Функ (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва); д. филол. н., проф. В. С. Храковский (ИЛИ РАН); Dr. habil., Prof. J. A. Janhunen / Ю. А. Янхунен (Хельсинкский ун-т, Финляндия)

EDITORIAL BOARD

Evgeny V. Golovko, editor-in-chief (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Albert K. Baiburin (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences); Adriaan Barentsen (University of Amsterdam); Yuri E. Berezkin (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences); Elena L. Berezovich (Ural Federal University); Petr E. Bukharkin (St. Petersburg State University); Sergey Yu. Dmitrenko (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Andrey Yu. Filchenko (Nazarbaev University, Kazakhstan); Dmitry A. Funk (Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences); Lenore Grenoble (University of Chicago); Juha A. Janhunen (University of Helsinki); Vadim B. Kasevich (St. Petersburg State University); Viktor S. Khrakovsky (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Natalia V. Kornienko (Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences); Natalia B. Koshkareva (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences); Aleksandr Yu. Kozhevnikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Maksim A. Krongauz (HSE University, Moscow); Georgy A. Molkov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Irma I. Mullonen (Institute of Linguistics, Literature and History Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences); Sergei A. Myznikov (Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergei I. Nikolaev (Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences); Vera I. Podlesskaya (Russian State University for the Humanities); Konstantin I. Pozdniakov (INALCO, Paris); Ekaterina A. Rudneva, board secretary (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Aleksandr Yu. Rusakov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); James Russell (Harvard University, Cambridge, Mass.); Sergey S. Say (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Andrey N. Sobolev, deputy editor-in-chief (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergei G. Tatevosov (Moscow State University); Anna Yu. Urmanchieva (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Nikolai B. Vakhtin (European University at St. Petersburg); Maria D. Voeikova (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Natalia M. Zaika (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences; St. Petersburg State University)

Содержание

М. И. Чернышева

- Из истории «Словаря русского языка XI–XVII вв.»
(замечания о неопубликованном рукописном отзыве
академика О. Н. Трубачева о научном докладе
А. Н. Шаламовой) 11

В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина

- Диалектный словарь
как лингвоаксиологический источник 43

Р. И. Воронцов

- Переход собственных имен в нарицательные как объект
лексикографии: концепции специализированного
словарного описания 67

И. А. Мальшева

- Несколько страниц истории «Словаря русского языка
XVIII века» 108

Ю. Г. Захарова

- О некоторых особенностях семантической деривации
прилагательных в русском языке второй половины XIX в.
(на материале писем А. П. Чехова) 133

Е. Г. Соколов

- Особенности употребления лексики тематической группы
‘фотография’ в российских журналах 1839–1848 гг. 152

Э. Гербеца

- О первом русском переводе «Архитектуры»
Джакомо Бароцци да Виньолы 197

<i>Е. Ю. Иванова, М. Г. Джонова, С. И. Лесева</i>	
Инхоативная деривация в болгарском языке: предикаты состояний и их производные	218
<i>А. Ю. Урманчиева</i>	
Использование глагольных форм для структурирования нарратива и маркирования текстов различных жанров в диалектах хантыйского	287
Этика научных публикаций	324
Publication Ethics	328

Contents

M. I. Chernysheva

From the history of the “Dictionary of the Russian Language of the XI–XVII centuries” (comments on an unpublished handwritten Review by Academician O. N. Trubachev on A. N. Shalamova’s scientific report) 11

V. M. Mokienko, T. G. Nikitina

A dialect dictionary as a linguoaxiological source. 43

R. I. Vorontsov

Proper-to-common name conversion as an object of lexicography: concepts of specialized lexicographic description 67

I. A. Malysheva

Dictionary of XVIII century Russian: A few pages of history . . . 108

Yu. G. Zakharova

Some features of the semantic derivation of Russian adjectives in the second half of the XIX century (on the evidence of Chekhov’s letters) 133

E. G. Sokolov

On some peculiarities in the usage of lexical items belonging to the thematic group ‘photography’ (as represented in Russian magazines from 1839 to 1848) 152

E. Gherbezza

On the first Russian translation of “Architecture” by Giacomo Barozzi da Vignola 197

<i>E. Yu. Ivanova, M. G. Dzhonova, S. I. Leseva</i> Inchoative derivation in Bulgarian: State predicates and their derivatives.	218
<i>A. Yu. Urmanchieva</i> Verbal forms as means for structuring narratives and text genre marking in Khanty dialects	287
Publication Ethics (in Russian)	324
Publication Ethics	328

Из истории «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (замечания о неопубликованном рукописном отзыве академика О. Н. Трубачева о научном докладе А. Н. Шаламовой)

М. И. Чернышева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия);
chernysheva@bk.ru

Аннотация. В работе показан фрагмент истории развития «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (СлРЯ XI–XVII вв.), который прошел сложный путь от научно-популярного лексикона первых выпусков до подлинно академического словаря последних томов. Исследование содержит разбор неопубликованного рукописного отзыва академика О. Н. Трубачева о научном докладе А. Н. Шаламовой, где Трубачев проводит анализ ее авторской работы в двух выпусках (СлРЯ XI–XVII вв.) — 11-м (1986) и 21-м (1995), — которую он высоко оценил. Отзыв представляет собой аналитический (в небольшой степени — критический) разбор лексикографического труда, построенный на сравнительном лексическом материале древнерусского и славянских языков с привлечением праславянских данных. Помимо конкретных наблюдений, касающихся значения слов с начальным *не-* и др., в отзыве содержатся рассуждения о методологии работы в исторических и этимологических словарях, способах установления семантики, процедурах реконструкции и др. Изучение отзыва позволило выделить такие категории научного метода Трубачева, используемые им для лексического анализа, как «зона неизвестного», «нежесткие параметры словаря», «проверочные критерии научной реконструкции», «ряд и множество», «открытое множество» и др., а также показать, как Трубачев оперирует «универсалиями» — «убывающими и одновременно живыми» — при изучении диахронического развития языка. В приложении публикуется отзыв О. Н. Трубачева, содержащий ценную информацию, которая имеет большое значение для специалистов в области славянской этимологии и исторической лексикологии и лексикографии русского

языка. В этой работе О. Н. Трубачев сделал целый ряд уникальных наблюдений, до сих пор не известных в науке.

Ключевые слова: русская историческая лексикография, славянская лексикография, этимология, семантика.

From the history of the “Dictionary of the Russian Language of the XI–XVII centuries” (comments on an unpublished handwritten Review by Academician O. N. Trubachev on A. N. Shalamova’s scientific report)

M. I. Chernysheva

V. V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); chernysheva@bk.ru

Abstract. The paper covers a fragment of the intricate history of the “Dictionary of the Russian Language of the XI–XVII centuries” (DRL XI–XVII c.) which has passed a long way from the popular-science lexicon it was in its first issues to a solid academic dictionary as we know it today. The paper proposes an analysis of the unpublished handwritten “Review” by Academician O. N. Trubachev of A. N. Shalamova’s report. In his manuscript, Trubachev gives a high mark to her research published in the Issues 11 (1986) and 21 (1995) of the DRL XI–XVII. The Review is an analytical and to an extent critical assessment of her lexicographic research based on a comparison of Old Russian and Slavic (including some Proto-Slavic) lexical material. In addition to specific observations on the meaning of *ne-* words and some other lexemes, the review proposes a discussion of approaches to work with historical and etymological dictionaries and deals with the ways to establish word meanings, reconstruction procedures, etc. This study of the Review revealed such categories of Trubachev’s approach to lexical analysis as “the unknown domain”, “non-rigid dictionary parameters”, “verification criteria for scientific reconstruction”, “a series and a set”, “an open set”, etc. It also demonstrates the way Trubachev handles “universals” that are “declining while remaining active at the same time” in his study of diachronic language development. Trubachev’s Review, appended to the paper, contains information that may be valuable for experts in Slavic etymology and Russian historical lexicology and lexicography. It includes a number of unique, previously unknown observations by O. N. Trubachev.

Keywords: Russian historical lexicography, Slavic lexicography, etymology, semantics.

В память о выдающихся коллегах-лексикографах — О. Н. Трубачеве (1930–2002) и А. Н. Шаламовой (1928–2009)

1. Введение. О. Н. Трубачев и А. Н. Шаламова

Академик Олег Николаевич Трубачев не нуждается в представлении, его вклад в мировую славистику и индоевропеистику бесспорен (о нем: [Трубачев 2009; Чернышева 2003]). Практически все работы О. Н. Трубачева были опубликованы при жизни автора или вскоре после его кончины, поэтому нечаянным подарком кажется обнаружение в 2020 году неопубликованной рукописи отзыва о научном докладе А. Н. Шаламовой, совпавшее с 90-летием Олега Николаевича.

Анна Николаевна Шаламова (Добромыслова), краткие сведения о жизни которой можно найти в «Библиографическом словаре», посвященном создателям Картотеки «Словаря русского языка XI–XVII вв.» [Справочный выпуск: 241]), — специалист по истории русского языка, крупный историк-лексикограф, ей принадлежит огромный объем словарных статей в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» [СлРЯ XI–XVII вв.], над которым она работала с 1962 г. после прихода в академический Институт русского языка. Среди этого массива — два так называемых «авторских тома» (выпуска) СлРЯ XI–XVII вв. — 11-й (1986) [СлРЯ XI–XVII вв. 11] и 21-й (1995) [СлРЯ XI–XVII вв. 21] — уникальный факт в практике коллективного составления словарей. Только в этих выпусках объем ее работы составляет: 4516 словарных статей в 11-м выпуске и 2043 словарные статьи в 21-м, что занимает соответственно 456 и 280 страниц, в общей сложности — 736 печатных страниц двухколоночного убористого набора. Необычным для практики СлРЯ XI–XVII вв. стало еще и включение в Предисловия этих выпусков положений теоретического

характера, изложенных А. Н. Шаламовой для обоснования принятых лексикографических решений. Такой шаг положил начало созданию аналитической части Предисловий СлРЯ XI–XVII вв.

Способом отметить заслуги А. Н. Шаламовой стала состоявшаяся в 1996 г. в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН беспрецедентная защита докторской диссертации по докладу «Словарь русского языка XI–XVII вв.: проблемы и результаты (на материале двух авторских томов)», где в качестве диссертационного тома были представлены два выпуска Словаря. Одним из рецензентов на этой уникальной защите был академик О. Н. Трубачев¹, копия рукописного отзыва которого недавно была обнаружена в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН. С разрешения Г. А. Богатовой, вдовы О. Н. Трубачева, этот отзыв приводится ниже.

После защиты докторской диссертации лексикографическая деятельность Анны Николаевны активно продолжалась. Светлой памяти А. Н. Шаламовой посвящен 29-й выпуск Словаря (2011) [СлРЯ XI–XVII вв. 29].

В конце брошюры, в которой был опубликован доклад А. Н. Шаламовой по ее докторской диссертации, перечислены словарные статьи, вошедшие в коллективные тома СлРЯ XI–XVII вв. [Шаламова 1996: 50]. Общий объем ее работы в следующих выпусках: первом (1975), четвертом (1977), пятом (1978), восьмом (1981), десятом (1983), 12-м (1987), 14-м (1988), 17-м (1991) — составил 46 усл. печ. л. Там же, в перечне, озаглавленном «Работы по проблемам лексикологии и лексикографии», были указаны следующие публикации [Шаламова 1985: 142–146, 1986: 101–105, 1989: 67–78].

Добавим (этот факт теперь уже мало кому известен), что в семье Шаламовых велись работы структурного характера по анализу мировых языков, в которых она принимала активное участие. Общее представление об этой деятельности можно составить по публикации мужа Анны Николаевны: [Шаламов и др. 1983].

¹ Второй оппонент — доктор филологических наук, профессор Ф. П. Соколов, третий оппонент — доктор филологических наук, профессор Р. М. Цейтлин.

2. Отзыв О. Н. Трубачева: методология, оценка деятельности А. Н. Шаламовой

Если говорить собственно об отзыве О. Н. Трубачева, то его значимость выходит за пределы официального отклика, который — при высокой оценке научных достижений А. Н. Шаламовой — представляет собой аналитический (в небольшой степени — критический) разбор лексикографического труда, построенный на сравнительном лексическом материале древнерусского и славянских языков с привлечением праславянских данных. Помимо конкретных наблюдений в отзыве содержатся рассуждения о методологии работы в историческом и этимологическом словарях, которые позволили рецензенту показать, как можно достичь оптимального способа определения лексической семантики и экономного ее выражения.

В связи с особенностями формирования СлРЯ XI–XVII вв., проявившимися в постепенном отходе от первоначальной концепции, необходимо отметить, что в своем отзыве О. Н. Трубачев оценил вклад Анны Николаевны в новый этап совершенствования Словаря. Наблюдения за меняющейся типологией СлРЯ XI–XVII вв. в момент перехода от научно-популярного лексикона начала издания к подлинно академическому² позволили О. Н. Трубачеву назвать этот процесс «отрадным прогрессом» (л. 2 рукописи).

Мало того, отмечая творческий и даже «пионерский» характер лексикографической деятельности (л. 1 рукописи), в первую очередь в сфере исторической и этимологической лексикографии³, когда открываются «новые пути и новые уровни» (л. 2), О. Н. Трубачев особо выделил вклад А. Н. Шаламовой в совершенствование русской

² Этой теме посвящена наша работа «Итоги 45-летнего издания “Словаря русского языка XI–XVII вв.”» [Чернышева 2020: 9–40].

³ В отзыве слышны отголоски дискуссии 80-х годов прошлого века о несовпадении воспроизведения истории слова в этимологической и исторической лексикографии, ограниченной, по мнению Трубачева, письменными фиксациями [Трубачев 1984; то же — Трубачев 2004].

исторической лексикографии в целом: «⟨...⟩ говоря о семантической схеме словарных статей, мы не можем не прийти к выводу о чрезвычайной разработанности этой схемы именно трудами А. Н. Шаламовой, благодаря которой мы наблюдаем новый уровень нашей исторической лексикографии» (л. 16 рукописи).

3. Аналитический разбор описания лексики в 11-м и 21-м выпусках СлРЯ XI–XVII вв.

В связи с разбором 11-го выпуска СлРЯ XI–XVII вв. (л. 3), где преобладают лексемы с приставкой *не-*, О. Н. Трубачев говорит о синонимичности сложений на *не-* и *без-* и отмечает, что это явление наблюдается также в процессе исторического развития других славянских языков, ср. ст.-чеш. *necěstie* ‘бездорожье’ = соврем. чеш. *bezcestí*, и отмечает, что этот факт (как и семантическая близость начальных *не-* и *раз-*, *не-* и *от-*) нашел отражение в практике составления «Этимологического словаря славянских языков», создателем которого он был [ЭССЯ].

Из многочисленных примеров анализа конкретных случаев упомянем один: разбираемую им статью [*невѣи*] (мн.) ‘неваяный хлеб’ [СлРЯ XI–XVII вв. 11: 34], где для доказательства исходной формы *невѣя*, ж. О. Н. Трубачев предложил целый историко-лексикологический очерк, в который вошли и уменьшительное *невѣйка*, и диалектный материал (русское диалектное *невѣя* ж. р. ‘мука разных сортов’), и древнерусское личное имя собственное *Невѣя*, что, в конечном счете, по словам автора, «послужило нам в ЭССЯ основанием для реконструкции словарной позиции в форме **nevěja*» (л. 7–8 рукописи).

Обращаясь к вопросу о так называемом «избыточном отрицании» в русском языке — «ведь нерусскому кажется “избыточным” русское двойное отрицание, закономерное для нашего языка, типа: я *ничего не хочу*»⁴ (л. 4), О. Н. Трубачев замечает, что «то, что *сейчас* может

⁴ Здесь и далее в цитатах воспроизводится подчеркивание, используемое в рукописи отзыва.

показаться избыточным, двойное отрицание — в том числе, оказывается, весьма характерно для многих языков, даже для тех, в которых оно потом было преодолено, как в немецком, и вообще повтор отрицания есть не что иное, как частный случай проявления повторов, как правило — служебных слов, в подлинно народной речи, ориентированной первоначально и по преимуществу на устное восприятие». Таким образом, по словам Трубачева, «перед нами **универсалия, убывающая и одновременно живая**» [здесь и далее выделение наше. — М. Ч.]

В отзыве находится несколько исследовательских очерков, в которых на ярких примерах автор демонстрирует богатый потенциал исторической лексикографии, которая «дает возможность не только установления контекстов эволюции лексических значений, но и документации драматических утрат отдельных звеньев, а также ошутимого разрушения целых словарных гнезд» (л. 19 рукописи) — *ношебный* от не отмеченных нигде **ношьба*, **носьба*; *ноение* как закономерное русское развитие первоначальной фонетической формы **ныение* (л. 21 рукописи).

О. Н. Трубачев особо подчеркивает «острую нужду» научной реконструкции в проверочных критериях. И утверждает, что «лучшие из них — те, которые представляет сам язык в моделях, бесконечно воспроизводимых им на протяжении истории» (л. 23 рукописи).

4. Критериальные характеристики

Завершая характеристику «алфавитного ряда на *не-*», О. Н. Трубачев отмечает, что этот лексический пласт, «будучи по праву довольно представительной частью русского словарного состава, древнего и нового... разделяет и те критериальные характеристики ряда и множества, точнее — открытого множества, которые наиболее адекватно подходят для определения всего словаря» (л. 5 рукописи).

В связи с этим Олег Николаевич затрагивает проблему «критериальности <...> **широких, нежестких параметров словаря**», которые он противопоставляет «попыткам подогнать словарь обязательно под

понятие системы» (л. 5 рукописи). Такие попытки, по его мнению, «либо не могут приниматься всерьез (как утверждение, что твердая алфавитная позиция слова в словаре будто и есть доказательство системности словаря (?), либо вообще голословны, и дело не идет дальше констатации (...) — пар, оппозиций, групп слов» (л. 6 рукописи). Он предлагает «разумно удовлетвориться, признав за словарем **статус открытого множества, находящегося в вечном движении**».

Олег Николаевич выделяет роль Словаря (с большой буквы) «как критерия для суждений о разных уровнях языка, будь то грамматика (морфология), словообразование, фонетика или семантика». По его словам, «обратная связь этих отношений, собственно, и обеспечивает **авторские подходы к словарным задачам** определения базовой формы слова, заголовочного слова словарной статьи» (с. 6 рукописи). Трубочев высоко оценивает именно эту сторону оригинальной авторской деятельности А. Н. Шаламовой.

Один из ключевых моментов отзыва Трубочева — его обращение к проблеме **полноты словника**. Он обнаруживает, что «тридцать три слова / словарных статьи, привлечших (...) внимание, включены в СлРЯ впервые, в “Материалах” Срезневского⁵ их нет». «Автор, — заключает Трубочев, — вступал в **зону неизвестного** или малоизвестного материала, шел **еще не проторенными путями**» (л. 8–9 рукописи).

5. Итоговые замечания

В связи со сформулированной Трубочевым категорией «зона неизвестного» (о «непроторенных путях»), нельзя не обратить внимание на то, что, разбирая конкретный материал, ученый всегда в то же самое время находится на другом уровне, мыслит более крупными понятиями, отсюда и отмеченная выше категория «зона неизвестного», и выделение «универсалий» — «убывающих и одновременно живых», и указание на «проверочные критерии», в которых «остро нуждается»

⁵ [Срезневский 1893–1912].

научная реконструкция, и подчеркивание «критериальности ⟨...⟩ широких, жестких параметров словаря», а также использование характеристик ряда и множества, и, наконец, определение Словаря (с большой буквы) как «открытого множества»: «Словарь — открытое множество, находящееся в вечном движении» (л. 6 рукописи).

Для профессионального лексикографа дорого не просто уважительное отношение Трубачева к отмеченному в отзыве «авторскому подходу к словарным задачам», но выделение его как единственно значимого.

В отзыве несколько раз звучат высказывания о лексикографической деятельности: «Словарная деятельность, лексикография, — это труднейший род лингвистических работ и подчас единственный верный критерий многих наших теорий и истин», «рутинную коннотацию ⟨...⟩ понятия — “составление словаря” ⟨...⟩ усматривают, естественно, те, кто далек от словарной работы» (л. 1–2 рукописи).

Как и другие работы, отзыв продемонстрировал не только способность Трубачева по-новому увидеть и оценить анализируемый материал, но, что особенно значимо, масштабность его мышления, позволяющую ученому выходить за пределы конкретных фактов и, раздвигая горизонт очевидного, подниматься на более высокий уровень широких обобщений и глубоких выводов, увлекая за собой своих читателей и слушателей.

Приложение

О. Н. Трубачев

[л. 1] **Отзыв о научном докладе А. Н. Шаламовой «Словарь русского языка XI–XVII вв.: проблемы и результаты (на материале двух авторских томов)» и выпусках 11 и 21 СлРЯ XI–XVII вв. в авторском монографическом исполнении**⁶

Отзыв подготовлен к печати М. И. Чернышевой

⁶ Несколько слов о самой рукописи «Отзыва» О. Н. Трубачева и предварительные замечания, касающиеся его воспроизведения. В рукописи 25 листов. Про-

Свой отзыв я позволю себе начать с того, что обращаю внимание на важное и необычное обстоятельство. Мы присутствуем на незаурядном событии, когда не только выставляется на обсуждение значительное итоговое достижение нашего коллеги-русиста, но и в сам наш научный обиход вводится новая форма представляемых работ. Организаторы науки, наконец, добились понимания со стороны ВАКа и других директивных инстанций того — очень давно, впрочем, очевидного — факта, что словарная деятельность, лексикография, этот труднейший род лингвистических работ и подчас единственный верный критерий многих наших теорий и истин, заслуживает научной аттестации⁷ ввиду своего несомненно творческого и, можно сказать, пионерского характера. Именно эта оценка приложима к лексикографическому труду Анны Николаевны Шаламовой, не только огромному по объёму опубликованного ⟨материала⟩⁸ (40 + 25 = 65 а. л., за которыми [л. 2] ещё стоит не меньший объём и опыт участия в многочисленных предыдущих томах), но и действительно ⟨пролагающему⟩⁹ новые пути и ⟨создающему⟩¹⁰ новые уровни, открывающиеся нам в результате такого труда. В дальнейшем я постараюсь показать конкретно, в чём я вижу эти новые пути и как понимаю новые

нумерованный автором текст написан, как это свойственно Олегу Николаевичу, прекрасным четким почерком почти без правки. Публикация точно воспроизводит оригинал (подчеркивание, последовательное использование буквы «ё» и др.). Единственное исключение (в соответствии с издательскими правилами) — курсивное выделение слов. В рукописи, подготовленной О. Н. Трубачевым не для издания, а для устного выступления на Ученом совете, в некоторых случаях отсутствует библиографическое описание цитируемых научных трудов. Соответствующие сведения (вместе с минимальным комментарием) помещаются в сносах публикации. В квадратных скобках указывается лист рукописи.

⁷ На этом особенно настаивала и добивалась признания в форме присуждения научной степени Г. А. Богатова, возглавлявшая в то время отдел исторической лексикологии и лексикографии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

⁸ Вставлено нами. — М. Ч.

⁹ Вставлено нами. — М. Ч.

¹⁰ Вставлено нами. — М. Ч.

уровни исследовательской работы Анны Николаевны, одного из тех заслуженных составителей Словаря, благодаря которым оказался возможным тот отрядный прогресс от первых выпусков Словаря к последующим выпускам, которого нельзя не видеть.

Сама рутинная коннотация этого понятия — «составление словаря», в которой наибольшее преткновение усматривают, естественно, те, кто далёк от словарной работы, (а также)¹¹ сам внешний фактор произвольности алфавитного порядка, обычно принятого в словарях, успешно на сей раз преодолеваются Шаламовой-исследователем. Я имею в виду то, что центром своего исследовательского и составительского внимания Шаламова избрала тематический отрезок русского словаря — отрицание **не-** и образования с ним, крупнейший и важнейший с точки зрения характеристики русского языкового развития вообще. Рамки представленного труда Шаламовой, конечно, шире обозначенного тематического ограничения, которое само при ближайшем рассмотрении часто перерастает свои границы, — явление, интересующее и нашу соискательницу, ср. синонимичность сложений на *не-* и на *без-* (и то, и другое знаменует «отвръжение», как стоит в старом тексте, см. СлРЯ... , в. 11, 8), [л. 3] синонимичность, наблюдаемую и в других славянских языках в их истории, ср. ст.-чеш. *nečestie* ‘бездорожье’ = соврем. чеш. *bezcestí*, и достаточно отражённую в практике составления нашего Этимологического словаря славянских языков¹², отрезок которого на *NE-* готов, но пока ещё не увидел свет, ср. оттуда **nenadějъnъ* = **beznadějъnъ*, **neprěmъ* = **bezprěmъ*, далее отмечаемые отношения русск. диал. *непутьица* и соврем. русск. *распутьица*, то есть уже *не-* и *раз-*, и, наконец, факт отношения **neroka* (на базе древнепсковского названия няньки, кормилицы, отмечаемого и в СлРЯ..., в. 11, 277) и **ot(ь)rokъ* как названия малолетнего дитяти, то есть на этот раз близкое употребление *не-* и *от-*. Возвращаясь к центральному тематически единому материалу Шаламовой на *не-* (СлРЯ..., в. 11, 8–362: *не* — *неятье*), я хочу сказать, что счёл возможным и даже

¹¹ Вставлено нами. — М. Ч.

¹² [ЭССЯ].

поучительным избрать его в качестве центрального также для настоящего своего отзыва.

Затрагивая отрицание и способы его выражения, мы касаемся одной из кардинальных характеристик языка / языков и речи. Во взглядах на эту характерную особенность, в частности русского языка, имеются свои привычные традиции, не всегда проверенные со стороны истории и типологии или нуждающиеся в такой проверке. Впрочем, здесь уместно напомнить справедливое нареkanie А. Н. Шаламовой по поводу недостаточной ещё изученности грамматического строя древнего языка в сравнении с современным. Сказано это было в связи с трудностью разграничения *не-* приставочного и частицы *не* (см. СлРЯ..., в. 11, 4: Предисловие), но может быть распространено и на [л. 4] другие случаи трактовки отрицания, включая такую современную оценочную терминологию, как «избыточное отрицание» (ведь нерусскому кажется «избыточным» и русское двойное отрицание, закономерное для нашего языка: я ничего не хочу). А между тем то, что сейчас может показаться избыточным, двойное отрицание — в том числе, оказывается, весьма характерно для многих языков, даже для тех, в которых оно потом было преодолено, как в немецком, и вообще повтор отрицания есть не что иное, как частный случай проявления повторов, как правило, служебных слов, в подлинно народной речи, ориентированной первоначально и по преимуществу на устное восприятие (см. W. Havers. Handbuch der erklärenden Syntax. Heidelberg, 1931. S. 119). Таким образом, перед нами универсалия, убывающая и одновременно живая.

Приставка *не-* весьма характерна для русского словообразования и вообще для русского словарного материала. Если мы обратимся к русской ономастике, то для неё наличие отрицания *Не-* вообще специфично, и это отнюдь не банальная истина, ради неё, например, Фасмеру пришлось неоднократно выступать в печати, чтобы преодолеть скепсис рецензента и полнее показать материал «отрицательных» водных и местных названий России — все эти довольно самобытные *Нетрубеж, Неволга, Немда, Нерехта, Неручь, Неглинная, Непрядва, Нежеголь* (перекликающееся с тождественным

древнерусским апеллятивом¹³ у А. Н. Шаламовой, о котором специально — далее), *Нередицы* и другие, которым никак не откажешь в древности [л. 5] (см. М. Vasmer. The meaning of Russian river names. — Oxford Slavonic Papers 6, 1956, 44 и сл.; idem. Verneinende geographische Namen im Ostslavischen. — Studi in onore di E. Lo Gatto e G. Maver, 1962, 667 и сл.; Russisches geographisches Namenbuch, begründet von M. Vasmer. Bd. VI, Lief. 1. Wiesbaden, 1971. S. 109 и сл.). Кстати заметим, поскольку сложения с отрицанием включают также образования на *ни-*, которыми специально занимается Шаламова и к которым мы также обратимся ниже: ономастика, русские географические названия на *Ни-* этимологическое практически полностью отсутствуют, по имеющимся у нас данным. В целом, даже если оставить в стороне вопрос о несобственных значениях приставки *не-* отрицательное (а это сравнение, преувеличение, табу, которых касается наш ЭССЯ на примерах **neručь*, **nevodь* и других), словарный отрезок на *не-* СлРЯ XI–XVII вв. выступает как внушительный ряд русской лексики, книжной и народной, множество, далёкое от однообразия, мысль о котором он мог бы вызвать при поверхностном наблюдении.

Будучи по праву довольно представительной частью русского словарного состава, древнего и нового, алфавитный ряд на *не-* разделяет и те критериальные характеристики ряда и множества, точнее — открытого множества, которые наиболее адекватно подходят для определения всего словаря. О критериальности упомянутых широких, нежёстких параметров словаря уместно вспомнить в противовес попыткам подогнать словарь обязательно под понятие системы, которые [л. 6] либо не могут приниматься всерьёз, как утверждение французского лексикографа Жозетты Рей-Дебов (Josette Rey-Debove), что твёрдая алфавитная позиция слова в словаре будто и есть доказательство системности словаря (?), либо вообще голословны, и дело не идет дальше констатации внутри фрагментов — пар, оппозиций, групп слов, чем было бы разумно удовлетвориться, признав за словарем статус открытого множества, находящегося в вечном движении.

¹³ В рукописи: апеллятивом.

Трезвый практик и теоретик словарного дела, А. Н. Шаламова употребляет научную терминологию взвешенно, никогда не злоупотребляя ею, как это бывает. Показательно, что слово «система»¹⁴ она применила к словарю только один раз, если я правильно заметил, и с необходимыми оговорками: «Словарь, находящийся в процессе составления, — развивающаяся система» [Шаламова 1996: 39¹⁵]. Автор вполне отдаёт себе отчёт в роли словаря как критерия для суждений о разных уровнях языка, будь то грамматика (морфология), словообразование, фонетика или семантика. Ср. хотя бы рассуждения о проблеме развивающихся категорий [Шаламова 1996: 23¹⁶ и сл.]. Обратная связь этих отношений, собственно, и обеспечивает авторские подходы к словарным задачам определения базовой формы слова, заголовочного слова словарной статьи. Словарная практика А. Н. Шаламовой при этом в большинстве случаев вправе встретить понимание со стороны читателя и одобрение рецензента (оппонента), как в данном случае, даже если последний иначе отнёсся бы к трактовке отдельных примеров. У меня, скажем, нет уверенности в том, что наречное употребление именной [л. 7] падежной формы стоило обязательно давать как отдельную статью в примерах *небреженьемь*, нареч. (СлРЯ..., в. 11, 11; в остальном — то же значение, что и в ст. *небрежение*); далее — *небреженьемь*, нареч. (СлРЯ..., в. 11, 22), отдельно от *небрежение*; *неволею*, нареч. (СлРЯ..., в. 11, 55), отдельно от *неволя*, ж. (СлРЯ..., в. 11, 57; кстати, Старославянский словарь под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой даёт наречное *неволенѣж* внутри статьи *неволя*¹⁷); *неправдою*, нареч. (СлРЯ..., в. 11, 239), отдельно о ст. *неправда*, ж. (СлРЯ..., в. 11, 238).

¹⁴ Кавычек в оригинале нет.

¹⁵ Пагинация исправлена автором, первоначально ошибочно — 30. Далее тоже более поздняя правка пагинации, это заставляет предположить, что О. Н. Трубачев при подготовке своего выступления пользовался предыдущей (неопубликованной?) версией доклада А. Н. Шаламовой.

¹⁶ Пагинация исправлена, первоначально — 13.

¹⁷ [Старославянский словарь: 360].

«Инструкция для Составителей Словаря русского языка XI–XVII вв.» (ИРЯ АН СССР. М., 1988, 20¹⁸) подобное выделение не рекомендует.

Несколько особого рода трудности (и автор сознает это, откуда квадратные скобки вокруг заглавного слова) в статье [*невѣи*, мн.] Невеяный хлеб... (СлРЯ..., в. 11, 34). Уже судя по форме заглавного *невѣйка*, ж. Невеяный хлеб, зерно с мякиной (на той же странице), в качестве предыдущей заглавной формы должно было бы быть *невѣя*, ж., от которого непосредственно произведено и ум. *невѣйка*. Конечно, трудность заключалась еще и в том, что слова не было у Срезневского¹⁹ (о чём мы будем ещё говорить), автор включил его впервые, идя новыми путями и решая конкретно проблему полноты словаря, о чём специально ниже. И всё-таки в данном случае мы с различных сторон имеем свидетельства о предпочтительности здесь заглавной формы *невѣя*, ж. р. ед. ч. Это и древнерусское личное имя собственное *Невѣя* (1539 г., Тупиков 324²⁰), и русск. диал. *невѣя* ж. р. ‘мука разных сортов’ (Филин, СРНГ, вып. 20²¹), что в совокупности послужило нам в ЭССЯ [л. 8] основанием для реконструкции словарной позиции в форме **nevěja* (ркп.)²².

Проблема полноты словаря, которая у нас сейчас решается применительно к истории русского языка наиболее эффективно, на всю длину старописьменной истории, именно в продолжающемся СлРЯ XI–XVII вв., имеет в лице А. Н. Шаламовой одного из своих самых неустанных ревнителей, о чём свидетельствуют также с. 33 и сл. «Доклада». Конечно, для всех, кто этим занимается, точкой отсчёта служит Срезневский. Я не берусь здесь оперировать данными исчерпывающего сравнения двух словарей, которое показало бы разницу в полноте наиболее красноречивым образом, речь

¹⁸ [Инструкция 1988].

¹⁹ [Срезневский 1893–1912].

²⁰ [Тупиков 1903: 324].

²¹ [СРНГ 20, 1985].

²² Во время написания «Отзыва» ЭССЯ на этот алфавитный отрезок еще не был издан. Слово описано в 25 выпуске [ЭССЯ 1999: 67].

идёт о труде одного из авторов-составителей. Тем не менее эти данные тоже впечатляют. На отрезке *не-* — *ни-* (включая *нов-*) СлРЯ XI–XVII вв. отмечены несколько десятков новых словарных включений. Должен оговориться, что наблюдение моё осложняется некоторыми обстоятельствами. Дело в том, что я, собственно, сначала и не ставил перед собой задачи обязательно точно выяснить — насколько в авторском отрезке Шаламовой больше слов сравнительно со словарём Срезневского; меня интересовал прежде всего труд Шаламовой как лексикографа, её трактовка слов и их значений. Признаюсь, что наиболее пристальное моё внимание было обращено на случаи, когда толкование было чем-либо затруднено, вплоть до его отсутствия и выразительной замены вопросительным знаком — (?). Только после этого я открывал словарь Срезневского. Результат так или иначе заслуживает интереса: оказалось, что тридцать три слова / словарных статьи, привлёкших моё [л. 9] внимание в указанном выше смысле, включены в СлРЯ впервые, у Срезневского их нет. Это в значительной степени объясняло и извиняло некоторую кумуляцию неуверенных, не всегда точных толкований, а порой — их отсутствие: автор вступал в зону неизвестного или малоизвестного материала, шёл ещё не проторёнными путями. Поскольку я ниже предпринимаю некоторые уточнения и предлагаю отдельные свои толкования, я хотел бы специально подчеркнуть, что и то и другое сделалось возможным благодаря немалой предварительной критической работе, проделанной нашим автором. Большинство примеров — на *не-* приставочные:

небездѣльно, нареч. (?). Ему же [Богу] и небездѣльно бѣ бесѣdua... (ϛ̅ καὶ ἀμέσως ἐτύχανε ὀμιλῶν). (Ж. Феод. Студ.) Выг. сб. ... (СлРЯ ..., в. 11, 10). — Считаю, что слово значило ‘непосредственно’, как это подтверждает и греческий эквивалент ἀμέσως (проверено по: Diccionario griego-español. Volumen II. Red. de Fr. R. Adrados. Madrid, 1986, 192: ἀμεσος... adv. -ως directa, inmediatamente, sin término medio), между прочим, именно с этим эквивалентом соотнесено само слово *непосредственно* в рукописном переводе Сильвестра Медведова со словаря Герасима Влаха, как точно дано у Шаламовой (СлРЯ..., в. 11, 230).

небышаций, прил. Мнимый, ложный... Шестоднев Ио. екз. (СлРЯ..., в. 11, 26). — Судя по редкой грамматической форме *ptc. futuri* с отрицанием, здесь уместнее толкование ‘несбыточный, которому не суждено сбыться’ (Инструкция 1988²³, с. 22, специально упоминается прич. *бышаций*. Будущий, который будет).

[л. 10] *недѣльный*³, прил. Не оборудованный (для чего-л.). А бортовых дѣльных и недѣльных деревь, которые в дѣло пригодятца, не сечь... (СлРЯ..., в. 11, 73). — Ясно, пожалуй, что здесь представлено прежде всего производное от *дѣль*², ж. Устройство в виде углубления в бортном дереве для пчел (СлРЯ..., в. 4, 209). Значит, точнее: *недѣльный*, прил. Не снабженный делью (о бортном дереве)... см. *дѣль*², *дѣльный*¹ (знач. 2).

недохожий, прил. Недостающий (?)... взято въ его великого государя казну за недохожие дворы... (СлРЯ..., в. 11, 104). — В любом случае при толковании необходимо опираться на ближайшую связь *недохожий* — *недоходъ*, м. То, что недополучено из ожидаемого, полагающегося (Там же, выше).

нежеголь, ж. Высохшая на корню, нескошенная трава. Осеннюю траву нежеголь подкосить... и ту нежеголь велет(ь) зажечь... (СлРЯ..., в. 11, 111). — Толкование, кажется, должно быть ‘несоженная трава’. Ср. аналогичное по значению русск. диал. *непаль* (по рукописи ЭССЯ).

неизнуренный, прил. Неприкосновенный... неизнурено цѣломудрье... (ѣсѣлов). Хрон. Г. Амарт. ... (СлРЯ..., в. 11, 130). — Более точным кажется толкование ‘неоскверненный’.

немастьный, прил. (?). И преже молитъс(я) иерѣи пици немастьнѣ суци чѣстѣ (ѣвнѣс). Хрон. Г. Амарт. (СлРЯ..., в. —11, 167). — В любом случае значение этого прилагательного не оставляет никаких сомнений: речь идет о ‘нежирной, нескоромной, постной’ пище. Есть и в других славянских языках, ср. ст.-чеш. *nemastný*.

неявочный, прил. Изготовленный тайно, без разрешения властей и без уплаты пошлин (СлРЯ..., в. 11, 361). — В толковании этого слова XVII века невольно привносятся [л. 11] элементы толкования

²³ [Инструкция 1988: 22].

цитаты, довольно длинной, где говорится о наказуемости «неявочного питания». Можно экономнее и точнее — одним словом ‘неофициальный’. Здесь, возможно, не обошлось без польского влияния: *jawny* ‘публичный, официальный’ — *niejawny*. Ср. и нем. *öffentlich* ‘публичный, официальный’.

Прочие замечания по толкованию значений слов:

невещный, прил. Не имеющий под собой материальной основы (?). ... стѣнь невещныи (в греч. αἰ σκιαὶ τῶν πραγμάτων). Пч. ... (СлРЯ..., в. 11, 43). — Не вполне удачная, неуверенная формулировка толкования отчасти навеяна приблизительным характером толкования у Срезневского (II, 360): ‘духовный, не материальный’²⁴, отчасти же — «творческим», свободным характером славянского перевода с греч. («тени вещей», которые пугают «мужей некрепких»). Правильнее здесь было бы: ‘бесплотный’, ‘бесплотная тень’²⁵.

невъсобленный, прил. Беспочвенный, несуществующий. Бѣдѣщу тѣлу мьчѣтъ естъ невъсобленое видѣние (ἀνυλόστατος). Ио.Леств. ... (СлРЯ..., в. 11, 62). — Думается, что здесь мы имеем дело со значением, тождественным или очень близким предыдущему: речь идет о ‘бесплотном’ видении.

негородьба, ж. Непостройка ограждений ... (СлРЯ..., в. 11, 69). — Очевидно, здесь автора подвёл стиль.

недоживъ, м. Преждевременное оставление работником дома или хозяйства... А будетъ онъ ... не доживъ до сроку прочь отойдетъ... (СлРЯ..., в. 11, 83). — Здесь, конечно, налицо деепричастие, и надо бы отграничить этот пример от следующего (... за недоживъ дватцать рублевъ...) ²⁶ [л. 12], где мы имеем дело с субстантивацией предыдущего.

²⁴ Так! У Срезневского отдельно.

²⁵ Наверное, подразумевалось пояснение в скобках: (о бесплотной тени).

²⁶ В использованной цитате за формой «не доживъ» чуть ниже — «за недоживъ». Без сомнения, автор, А. Н. Шаламова, понимала, что «не доживъ» — это деепричастие; О. Н. Трубочев, видимо, хотел сказать, что неудачно воспроизводить эти лексемы в одной цитате.

немагание, с. Невозможность. От... немагания начинанье блудных избѣгнути (ἐκ τοῦ μὴ δύνασθαι). Хрон. Г. Амарт. (СлРЯ ..., в. 11, 167). — Решающим для толкования здесь представляется значение мотивирующего глагола *немагати*. Быть больным, болеть (СлРЯ ... Там же) или *немагатися*. Ослабевать (Там же). Так что скорее ‘недомогание, слабость’. У Срезневского точнее: ‘немошь, слабость’.

непотлаченная, в знач. сущ. ж.р. Тропинка, дорожка. Стъзу мою и непотлаченную мою ты еси ислѣдовалъ (τὴν σχοῖνόν μου). (Псалт. ...) (СлРЯ ..., в. 11, 235).

непотлачено, с. Тропинка, дорожка (СлРЯ ... Там же).

непротлаченная, ж. Тропинка, дорожка (СлРЯ ..., в. 11, 259). — Здесь имеет место явное поэтическое противопоставление, с целью усиления ‘стези’ и ‘(еще) не протоптанной, непроторѣнной (дороги)’, ‘бездорожья’, что и следовало отразить в толковании. Ср. у автора правильно: *непротлачение*, с. Неровность, неторность... (τραχύτητα). Гр. Наз. (СлРЯ ..., в. 11, 259); *нетлачный*, прил. Непроторѣнный, неторный (СлРЯ ..., в. 11, 319).

неразличнѣ, нареч. Безразлично. Сие имя Елоим неразличнѣ приемлѣтся (indifferenter) (СлРЯ ..., в. 11, 266). Это толкование, кажется, могло бы послужить поводом для недоразумений, в частности богословских: безразлично — о Боге? Старинный смысл цитаты, очевидно, относился к специфике толкуемого древнееврейского слова, которое, будучи формально плюралем на *-im* ‘боги’, [л. 13] должно было пониматься ‘неразрывно, неделимо’ — ‘Бог’.

нехудожнѣ, нареч. Передача греч. ἀτεχνῶς ‘совершенно’, ‘вполне’. И дѣши нехудожнѣ ищѣление творя (ἀτεχνῶς) (Ж.Феод.Студ.) Выг.сб. (СлРЯ ..., в. 11, 345). — Здесь стоило, по-видимому, ориентироваться на другие значения греческого эквивалента, более соответствующие славянскому слову: ‘безыскусно, просто’.

нурѣти. Открываться (?). Слова дѣльма нурѣть срѣдце наше (σολᾶται). (Ефр.Сир.)... (СлРЯ ..., в. 11, 448). — Всѣ-таки здесь нужно было критичнее отнестись к Срезневскому, который даёт ‘открываться’ даже без вопросительного знака, и прежде всего основываться на тесном родстве и грамматической связи глагола на *-ѣти*

нурѣти и глагола на *-ити нурити*. Отсюда *нурѣти* — ‘истощаться’. Что не противоречит нисколько и греческому эквиваленту.

пучина, ж. 1. Выпуклость... (*ventrem*)... 2. Море (тж. образно); открытое море; водный простор вдали от берегов, глубина, пучина... Пучина морская — море; глубина моря... 3. Бездна, безмерность, беспредельность... 4. Залив... 5. Брюхо, живот... (СлРЯ ..., в. 21, 70–71). — Здесь хотелось бы воспользоваться случаем и попытаться развеять заблуждение, базирующееся на неточном словоупотреблении, будто пучина — это ‘глубина (моря)’. Слово *пучина* очень точно передает образ моря, видимого с некоторого расстояния как вздымающаяся гладь. Эта этимологическая семантика слова *пучина* прекрасно прослеживается по данным рецензируемого словаря, ср. помещённое следом слово *пучитися*. Вздыматься, наполняться (СлРЯ ..., в. 21, 71), [л. 14] что всё вместе содержит как бы резерв внутренней реконструкции, иначе говоря — обеспечивает нам возможность наблюдать практически комплектную историю слова, не выходя за рамки СлРЯ (ниже мы еще специально будем говорить о подобных открывающихся перед нами преимуществах именно на материале вып. 21; что касается семантического развития ‘море’ ← ‘пучина, выпуклое’, оно известно и из других языков).

Как и в каждом словаре, в любой лексикологической и лексикографической практике, при работе по описанию значений мы неизменно прибегаем к этой перспективной виноградовской градации: значение ~ употребление²⁷. В лексикографическом варианте на ней в немалой степени должны, очевидно, базироваться решения проблемы отдельности слова, *resp.* словарной статьи. Такой проблематичный пример статьи, как бы «распадающейся» изнутри, поскольку ее значения 1, 2 слишком самостоятельны, чем это бывает, скажем, с употреблениями одного словозначения, отметим для *небесникъ*, м. 1. Небожитель... 2. Свод (ср. греч. οὐρανίσκος в знач.

²⁷ О. Н. Трубочев имеет в виду работу В. В. Виноградова «Основные типы лексических значений слова» [Виноградов 1977: 182]. За указание на соответствующее место в этом труде В. В. Виноградова выражаю благодарность И. Г. Дობродому.

‘балдахин’ и ‘нёбо’). А еже над языком, то то другое нбо... тѣмъ бо елени тому глѹють нбсьникъ (οὐρανίσκος καλεῖται). Шестоднев Ио. екз. ... (СлРЯ ..., в. 11, 11).

Обсуждая технику описания значений, мы неизбежно приходим к проблеме разграничения / применения, с одной стороны, того, что называется «метаязыком описания», с другой стороны, — того, что является прямым переводом. Справедливо, конечно, что словари толкового типа — это вершина лексикографии, но проистекающая отсюда тенденция, даже — культ, толковых дефиниций, претендующих [л. 15] на энциклопедическую абсолютность, во всяком случае — на то, что можно было бы назвать «метаязыком описания», с этой установкой на полное исключение двусмысленности (*disambiguation*) и с этим практическим итогом крайней неэкономичности и ненужной замысловатости — всё это уже, скорее, негативные последствия. Следует иметь в виду, что подобная многословность толкований толковых словарей — вынужденная их особенность, и её разумно было бы при первой возможности избегать. Перейду к примерам.

новоселье, с. Празднество по случаю переселения на новое место, в новое жилище... (СлРЯ ..., в. 11, 410). — Вполне адекватно было бы и даже читалось бы без лишнего напряжения, по-моему: *новоселье*, с. Новоселье.

новый, прил. 1. Такой, который пришёл (приходит, придёт) на смену старому или возник недавно (возникает, возникнет впервые)... (СлРЯ ..., в. 11, 413). — Вполне без ущерба можно было применить однословный перевод: *новый*, прил. Новый (орр. к старый, ветхий).

*пустити*¹. 1. Перестав удерживать, дать возможность свободно двигаться (идти, бежать, течь, плыть, катиться, падать и т. п.); заставить идти, течь, двигаться ... (СлРЯ ..., в. 21, 49). — Практика двуязычного переводного словаря была бы в данном случае как нельзя больше подходящей и экономной: *пустити*¹. Пустить.

Редактируя наш Этимологический словарь славянских языков, я стараюсь по мере возможностей сдерживать эту составительскую тенденцию — передавать слово в слово порой четырёх-пятистрочные дефиниции толковых словарей разных славянских языков, исходя

именно из этих соображений практически более удобного опыта переводной лексикографии.

Разумеется, не всё так просто и однозначно; [л. 16] иногда, чтобы быть понятным, нужно бывает сменить лаконизм на некоторый минимум подробности, как в случае:

разговѣтися (роз-). Разговеться (СлРЯ ..., в. 21, 171). — Некоторая расшифровка, тем более — для современного, не слишком сведущего, читателя, здесь бы не помешала: Перестать говеть (поститься), отдавая скоромной пищи.

Вместе с тем, говоря о семантической схеме словарных статей, мы не можем не прийти к выводу о чрезвычайной разработанности этой схемы именно трудами А. Н. Шаламовой, благодаря которой мы наблюдаем новый уровень нашей исторической лексикографии. Считаю полезным привести здесь довольно много соответствующих примеров из словарных партий нашего автора.

Носити. 1. Носить (перемещать, неся). 2. Определять чьё-л. движение, чьи-л. действия; перен. влечь, побуждать. 3. Носить в себе, вынашивать (младенца). 4. Выносить, уносить. 5. Перевозить вьюками. 6. Иметь при себе, носить или возить с собой. 7. Приносить, давать, доставлять. 8. Держать, поддерживать, служить опорой (тж. перен.). 9. Переносить, терпеть. 10. Воспринимать, постигать. 11. Подвергаться чему-л. 12. Иметь. 13. Быть одетым во что-л., иметь что-л. на себе в качестве отличительного знака, украшения и т. п. 14. Выносить, произносить (решение, приговор). 15. Вынашивать (ловчую птицу) (СлРЯ ..., в. 11, 425–427). — И хотя некоторые из рубрик этой семантической схемы как бы тавтологичны, напр. значения 6 и 13 (иметь при себе, носить или возить с собой ~ Быть одетым во что-л., иметь что-л. на себе...) [л. 17] или же чересчур дробны, будучи, скорее, лишь употреблениями более общих значений в смысле известного виноградовского противопоставления²⁸, всё же детальность разработки, конечно, здесь велика.

нужа... — пятнадцать семантических рубрик (СлРЯ ..., в. 11, 440–441).

²⁸ См. предыдущую сноску.

прочный (-ий), прил. 1. Остальной; иной, другой, прочий. 2. В знач. сущ. *Прочная*, мн. Остальное. 3. Будущий, следующий. 4. В знач. сущ. *Прочнее*, с. и *Прочная*, мн. Будущее; то, что следует далее по порядку. 5. Такой, на который можно рассчитывать в будущем, надёжный, прочный. 6. Годный, пригодный для использования в будущем, соответствующий предназначению. 7. Такой, на которого можно положиться, верный, надёжный (о человеке). 8. Такой, который не поддается быстрому разрушению, крепкий, прочный (СлРЯ..., в. 21, 9). — Внимательное чтение убеждает нас, что перед нами хороший пример истории слова в историческом словаре, тогда как в «Материалах» Срезневского на эту тему даны как бы лишь предварительные наброски. Вообще, я думаю, новый выпуск, 21-й, особенно выделяется этой тщательностью разработки именно семантики, динамики и подчас почти комплектной глубины семантической эволюции слов, что отнюдь не является легковывполнимой задачей и далеко не всегда достижимо в ограниченных рамках письменной истории.

птичь², м. 1. Птица. 2. В знач. собир. Птицы. 3. Детеныш. Птичь лвовъ Июда (σκύμνος). Быт. XLIX, 9 (СлРЯ..., в. 21, 39). — В этой статье (сюда и *птищ^ь*. Там же) история слова выглядит особенно пластично, вплоть [л. 18] до собственно этимологии, для которой в случае с этим словом решающее значение имеет именно это последнее — ‘детёныш (вообще)’ (в примерах — лвов, медвежий), в традиционной же этимологизации это, как правило, смазано, на первое место выставляются значения в связи с ‘птицей’, ‘яйцо’, что как раз не первично.

Исключительно тщательно детализировано семантическое описание слова *пустити¹* — 19 рубрик (СлРЯ..., в. 21, 49–51), которое вместе с *пустити²*. Опустошать: ... да не пустять волости нашае. Переясл. лет., 99 (Там же) — охватывает, в сущности, средствами словаря всю историю слова, вплоть до этимологических начал: трактуемое здесь как омоним *пустити²* ‘сделать пустым’ есть лишь древняя ипостась *пустити¹* во всем многообразии его значений.

развести 1–12 и *развестися* 1–7 (СлРЯ..., в. 21, 149–151) также выглядят весьма проработанными со стороны семантики.

разводъ (*роз-*) 1–13 (СлРЯ..., в. 21, 153–154) — статья с тщательно препарированными тринадцатью рубриками соответствующего количества значений (употреблений), среди которых нет только главного современного. Зато в следующем затем *разводити* (*роз-*) в качестве значения 2 дано: Разводить (супругов), расторгать брак (чей-л.). ... Стоглав (СлРЯ..., в. 21, 154–155).

Всё это может быть повторено (о детальной разработанности словарных статей, с пластической подачей семантики слов) и применительно к *разойтися* 1–9 (СлРЯ..., в. 21, 234), *разрѣшати* 1–10 (СлРЯ..., в. 21, 240–241), *разрѣшити* 1–12 (СлРЯ..., в. 21, 242–243).

[л. 19] История слов — как нам представляет её историческая лексикография — даёт возможность не только установления контекстов эволюции лексических значений, но и документации драматических утрат отдельных звеньев, а также осязаемого разрушения целых словарных гнезд. Такие равно интересные и для лексикологии, и для лексикографии случаи есть и в обследованных партиях словаря.

Случай, когда для более полного представления о словарном гнезде могут быть использованы резервы внутренней реконструкции парадигматического характера, наблюдается в форме *ношебный*, прил. Носильный (СлРЯ..., в. 11, 434), у Срезневского, кстати, не отмеченной, очевидно производной от имени **ношьба*, **носьба*, не отмеченной нигде.

Другой любопытный пример — слово, отделившееся от своего словообразовательного гнезда вследствие затемняющего изменения, — *разумъ*², м. Мясной рынок. ... акы агньци в разумѣ висящее (ἐν μακέλλῳ). ВМЧ..., XVI в. (СлРЯ..., в. 21, 251). Столь же внешне темно синонимичное *разумница*, ж. Мясной или вообще продовольственный рынок. Все продаваемо въ разумници ѣдите (ἐν μακέλλῳ). (1 Кор. X, 25) Апост. (СлРЯ..., в. 21, 257), и только вариант *раземница* (*разъмница*) (СлРЯ..., в. 21, 197)²⁹ показывает, что мы имеем дело с первоначальным **разъмь* (*раз-ъмь*) ‘разделка, разделочное место’.

²⁹ На связь этих форм указано в «Материалах» И. И. Срезневского: *разъмница* [Срезневский III: 41]; *разоумница* [Срезневский III: 55].

И, может быть, самый интересный факт такого рода изменений вплоть до забвения предстает перед нами в виде нескольких лексем, обозначавших в древнерусском языке пищеварение: *ноение* (*гноение*), с. Пищеварение, [л. 20] переваривание пищи... Ноение брашну наводить. Травник Любч., 82. XVII в. ~ 1534 г. ... И то вино ... стомахъ укрѣпляетъ и гноение жолудку творить. Там же (СлРЯ..., в. 11, 417). Сюда же с отрицанием: *неноение*, с. Несварение, недостаточность пищеварительной способности. Сырь... неноение творить стомаху. Травник Любч., 263 (СлРЯ..., в. 11, 188). Далее — *ныти* и [*ноити* или *нояти*] (*ноети*). Переварить пищу (о желудке). Уксусъ единъ приятно вредително есть тѣмъ стомахом которые не нѣютъ, понеже послѣ того одинаго пріятия пуше не станет нѣети (СлРЯ..., в. 11, 453). Наконец, сюда же *разноити* (с затемнённым вариантом *раздноити*) и семантической пометой «знач. неясно» (СлРЯ..., в. 21, 227): Вниде ему во узга язя неисъцѣл(ь)ная, нарицаемая студеница, и нача раздноити (βρόσκεσθαι). ВМЧ, Апр. ... XVI в. Оба вторичных варианта, приводимые выше, — *гноение* и *раздноити* — имеют, очевидно, природу ложной адидеации, народной этимологии и к первоначальному происхождению отношения не имеют. Так что этимологически авторитетными остаются только *ноение* / *неноение*, *ныти* / *ноети*. Эти древнерусские физиологические термины (ср. сюда ещё *ноительный*, прил. Способный переваривать пищу (о желудке); поддающийся перевариванию (о пище)... Орѣхи не скоро суть ноителны, но блевание творять. Травник Любч. СлРЯ..., в. 11, 420) оставались как бы в тени, выпав не только из лексикона нового времени, но и из научных словарей. Слова *ноение* не знают [л. 21] ни этимологический словарь М. Фасмера, ни историко-этимологический словарь П. Я. Черныха. Ясно — по какой причине: этого слова нет у Срезневского. Собственно говоря, особых этимологических проблем наше слово не представляет; если снять явно вторичное народноэтимологическое осмысление с *гноити* (*гноение* — выше), ясно, что *ноение* относится к гнезду глагола *ныти*, будучи закономерным русским развитием первоначальной фонетической формы **ныение*, и оно могло бы найти своё место в статье о слове *ныть*, *ноу* соответствующих этимологических словарей. Всё дело в семантическом развитии данного

термина для ‘пищеварения’, которое, очевидно, требовало специального исследования и необходимых типологических аналогий. Здесь терминологии ‘пищеварения’, похоже, не очень повезло: в известном словаре по истории идей в ряде индоевропейских языков Бака³⁰ она не попала ввиду неполноты словаря. Приходится подыскивать типологические аналогии самим. В обозначениях ‘пищеварения’ преобладает местная лексика вторичного использования: русск. *переваривать* ~ *варить*, нем. *verdauen* — от глагольной лексики ‘разжижать, растапливать’ (по данным словаря Клюге³¹). Определенная семантическая близость между семемами ‘переваривать пищу’ и ‘томить, морить’, которая оправдывала бы включение в эту сферу глагола *ныть* с его семантикой ‘боли’, ‘тоски’, ‘(у)томления’ и — в производных — даже ‘смерти’, всё же нащупывается и находит выход в разных формах (заморить червячка). Так что перед нами — ещё одна страничка из истории русского словарного состава в его значениях, заполненная благодаря словарной деятельности [л. 22] А. Н. Шаламовой.

Понятно, что реконструкция в историческом словаре преследует свои совершенно конкретные вспомогательные цели — главным образом парадигматической реконструкции с задачей установления основной, исходной, заголовочной — номинативной или инфинитивной — формы, что на базе дефектно засвидетельствованной парадигмы может сохранять элемент гипотетичности (откуда авторские квадратные скобки). Сходные процедуры реконструкции, вынужденно применяемые в историческом словаре в подобных ситуациях, описывал И. Немец по опыту своей работы в чешской исторической лексикографии³². Понятно, что доля (и ответственность) реконструкции в словаре праязыковом, каким задуман Этимологический словарь славянских языков, совсем другая. Между прочим, в ходе этой реконструкции в ЭССЯ отобраны и включены на правах заглавных слов довольно многочисленные сложения с отрицанием *ne-*, которые

³⁰ [Buck 1949].

³¹ [Kluge 1881–1883].

³² Вероятно, автор имеет в виду пассаж на с. 22 в работе [Němec 1980].

могут быть отнесены к важным архаизмам — как собственно (пра)-славянского образования, так и индоевропейского наследия, представляющим исключительный лингвистический, а также культурно-исторический интерес. Из них только назову, не имея возможности здесь давать подробности: **nebasъ*, **nebo* / **nebes-?*, **neješyть*, **neptyjь* (и.-е. **neptijōs*), **nerędъ*, **neukъ*, **nevęsta*, **nevęgolsъ*, **neznabogъ*, **nědro* (и.-е. **ne-ed-*), **něтъ* (**ne-ьтъ?*).

Научная реконструкция остро нуждается в проверочных критериях. Лучшие из них — те, которые представляет сам язык в моделях, бесконечно воспроизводимых [л. 23] им на протяжении истории. Тонкий анализ одной такой ситуации позволим себе привести из «Доклада» А. Н. Шаламовой (с. 12)³³: «...и частица *не* в предложении могла предшествовать союзу *и* (по крайней мере, в языке архаического, книжно-славянского типа): тоже *не* и самъ приде изгнать мя... (каі оўте)» (Усп. сб.)... «Результатом стяжения сочетания *не* и *ли* ‘а разве не’, засвидетельствованного в Ио. екз. Бог., 327, по-видимому, является вопросительная частица *нили* ‘а разве не’. ⟨...⟩³⁴

А. Н. Шаламова логически точно и самостоятельно, используя эти доступные резервы внутренней реконструкции, приходит к существенному выводу, пусть и известному уже в компаративистике, а именно — что «...*ни* в качестве перечислительного союза в отрицательных предложениях и в качестве усилительно-отрицательной частицы явилось результатом слияния отрицательной частицы *не* с последующим *и*»³⁵ (ЭССЯ, s. v. **ni*, в печ.³⁶).

Весьма своеобразной представляется проблема слитности написания *не-* (*не-* как приставка) в рецензируемом словаре, как, впрочем, и в других. Слитность при этом нисколько не стесняет подвижности

³³ [Шаламова 1996: 15] — здесь снова разница в пагинации, свидетельствующая, как уже было сказано выше, о том, что О. Н. Трубачев при подготовке отзыва работал с более ранней версией доклада Шаламовой.

³⁴ Далее опущена фраза, повторенная автором ниже.

³⁵ [Шаламова 1996: 15].

³⁶ Соответствующую информацию см. в опубликованном позже выпуске «Этимологического словаря славянских языков» [ЭССЯ 25, 1999: 106–107].

этого *не-*, причём как в глагольной лексике [л. 24] (*невзберечи* ~ *вознебречи*, СлРЯ..., в. 11, 44³⁷), так и в именной (*неотдача*: не въ отдачь... СлРЯ..., в. 11, 203). Разумеется, слитное написание гарантирует слову, особенно глагольному, твёрдую алфавитную позицию, ср. *неоправдиту* (СлРЯ..., в. 11, 199), *нечути* (СлРЯ..., в. 11, 358), в остальном это достаточно условно³⁸. Как парадокс можно назвать положение в чешском и русском, где существуют две противоположные орфографические традиции — в чешском отрицание *не-* при глаголах трактуется в принципе как приставка, пишется слитно, в русском отрицательное *не-* выступает как приставка (*не-*) при именах, а при глаголах *не* в огромном большинстве — как частица (пишется отдельно), но с точки зрения чешской лексикографии приглагольное *не-* как бы игнорируется и в словари в большинстве случаев не включается, как и в русском, с теми же исключениями, что и в русской лексикографии: в словарь попадают отрицательные глаголы без позитивного коррелята, этимологические случаи, как в русском: *nenávidět* ~ *небрежничать*, *ненавидеть*.

Тем самым мы коснулись материй уже собственно филологических, и это тем более оправданно, что А. Н. Шаламова постоянно имеет в виду эти аспекты своего словарного слова, многое уточняет и внимательно учитывает другие уточнения из области филологии и текстологии, поступающие в научный обиход. Главные проблемы, с которыми имеет здесь дело лексикограф, известны: свести до минимума количество искусственных, неподтверждённых форм, из которых отдельные нашли себе [л. 25] место ещё в «Материалах» Срезневского. Не забыта при этом и уникальная сложность амальгамы русского и церковнославянского, составляющей существо (древне)-

³⁷ В цитате из Ипатьевской летописи, приведенной в словарной статье, раздельное написание этого глагола: «не възберегоша» [СлРЯ XI–XVII вв. 11: 44].

³⁸ При подготовке материала на *не-* в СлРЯ XI–XVII вв. А. Н. Шаламова учитывала соответствие в оригиналах переводных памятников: решающим аргументом в пользу слитного написания было наличие в греческом оригинале отрицательной приставки *ἀ-*. Например, в словарной статье *неоправдиту* (в первой цитате) — τοῦ ἀδικῆσαι.

русской письменной традиции. Отсюда столь частая вариантность форм. В поле зрения автора — вся письменная история русского, до самой современности, ср. тонкие наблюдения о мнимой изначальной двухприставочности современных *рассказать* и *расспрашивать*, которые в самом деле выглядят избыточным орфографизмом при взгляде на них из древнерусской ретроспективы, ср. там устойчиво одноприставочные *расказати*, *расказъ*, *распрашивати*, *распрось*.

В целом перед нами труд многоопытного, строгого, можно сказать даже — сурового, исследователя, настоящего лексикографа-профессионала, специалиста по русской филологии. Известный афористичностью своих суждений, академик В. В. Виноградов, помнится, высказал своё кредо о лексикографе (я помню это его высказывание в устной форме, прозвучавшей в стенах Института русского языка, даже точнее — в этом конференц-зале): «Кого назову я лексикографом? — Лексикографом я назову того, кто даст определение пятидесяти слов...»

Вынося заключение о выполненной А. Н. Шаламовой словарной работе, мы не можем не признать, что она отвечает (множественно) и этому требованию, и всем самым строгим требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям, сама же Анна Николаевна Шаламова давно и вполне заслуживает присуждения ей ученой степени доктора филологических наук по соответствующей специальности.

8 декабря 1995 г. — О. Н. Трубочёв

Литература

- Виноградов 1977 — В. В. Виноградов. Основные типы лексических значений слова // В. В. Виноградов. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977.
- Трубочев 1984 — О. Н. Трубочев. Историческая и этимологическая лексикография // Г. А. Богатова, Г. Я. Романова (ред.). Теория и история русской исторической лексикографии. М.: Наука, 1984. С. 23–36.
- Трубочев 2004 — О. Н. Трубочев. Историческая и этимологическая лексикография // О. Н. Трубочев. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 406–421.

- Трубачев 2009 — Г. А. Богатова, А. К. Шапошников (сост.). Академик Олег Николаевич Трубачев. Очерки. Материалы. Воспоминания. М.: Наука, 2009.
- Чернышева 2003 — М. И. Чернышева. Олег Николаевич Трубачев и наше поколение. Из воспоминаний // Вопросы языкознания. 2003. № 1. С. 30–36.
- Чернышева 2020 — М. И. Чернышева. Итоги 45-летнего издания «Словаря русского языка XI–XVII вв.» // Южнославянский филолог. 2020. Кн. 76. Св. 1. С. 9–40.
- Шаламов и др. 1983 — Я. Я. Шаламов и др. Статистическая обработка словарей как метод исследования языка // В. П. Григорьев (отв. ред.). Проблемы структурной лингвистики — 1981. М.: Наука, 1983. С. 66–82.
- Шаламова 1985 — А. Н. Шаламова. Подвижность приставки *не-* в древнерусском языке (по письменным памятникам XI–XVII вв.) // Ю. Н. Караулов (отв. ред.). Восточные славяне: Языки, история, культура. М.: Наука, 1985. С. 142–146.
- Шаламова 1986 — А. Н. Шаламова. Семантика и структура определительных словосочетаний в древне- и старорусском языке // Вопросы языкознания. 1986. № 2. С. 101–105.
- Шаламова 1989 — А. Н. Шаламова. Старорусское *дополна* и его связи // Советское славяноведение. 1989. № 5. С. 67–78.
- Шаламова 1996 — А. Н. Шаламова. Словарь русского языка XI–XVII вв.: проблемы и результаты (на материале двух авторских томов). Дисс. ... доктора филол. наук. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1996.
- Němec 1980 — I. Němec. Rekonstrukce lexikálního vývoje. Praha: Academia, 1980.

Источники

- Инструкция 1988 — Инструкция для составителей Словаря русского языка XI–XVII вв. М.: Институт русского языка АН СССР, 1988.
- СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1 — 31-. М.; СПб.: Наука, Азбуковник, Нестор-История, ЛЕКСРУС, 1975 — 2019-.
- Срезневский — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1893–1912.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Т. 1–49-. М.; Л., СПб.: Наука, 1965–2019-.
- Старославянский словарь — Р. М. Цейтлин, Р. Вечерка и Э. Благова (ред.). Старославянский словарь. М.: Русский язык, 1994.

- Тупиков 1903 — Н. М. Тупиков. Словарь древне-русских личных собственных именъ / СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1903.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Пра斯拉вянский лексический фонд, 1–41–. М.: Наука, 1974–2018–.
- Buck 1949 — С. D. Buck. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages: A Contribution to the History of Ideas. Chicago: University of Chicago Press, 1949.
- Kluge 1881–1883 — Fr. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Strassburg: Karl J. Trüber, 1881–1883 (1-е изд.).
- Němec 1980 — I. Němec. Rekonstrukce lexikálního vývoje. Praha: Academia, 1980.

References

- Chernysheva 2003 — М. И. Chernysheva. Oleg Nikolaevich Trubachyov i nashe pokoleniye. Iz vospominaniy [Oleg Nikolaevich Trubachyov and our generation. From the memories]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2003. No. 1. P. 30–36.
- Chernysheva 2020 — М. И. Chernysheva. Itogi 45-letnego izdaniya “Slovyara russkogo yazyka XI–XVII vv.” [Results of the 45th-year edition of the “Dictionary of the Russian language of the XIth–XVIIth centuries”]. *Yuzhnoslovenski filolog*. 2020. Vol. 76 (1). P. 9–40.
- Němec 1980 — I. Němec. Rekonstrukce lexikálního vývoje. Praha: Academia, 1980.
- Shalamov et al. 1983 — Ya. Ya. Shalamov i dr. Statisticheskaya obrabotka slovarey kak metod issledovaniya yazyka [Statistical processing of dictionaries as a method of language research]. *Problemy strukturnoy lingvistiki. 1981* [Problems of structural linguistics. 1981]. Moscow: Nauka, 1983. P. 66–82.
- Shalamova 1985 — А. N. Shalamova. Podvizhnost' pristinavki *ne-* v drevnerusskom yazyke (po pis'mennym pamyatnikam XI–XVII vv.) [Mobility of the prefix *ne-* in the Old Russian language (according to written monuments of the XIth–XVIIth centuries)]. *Vostochnye slavyane: yazyki, istoriya, kul'tura* [Eastern Slavs: languages, history, culture]. Yu. N. Karaulov (ed.). Moscow: Nauka, 1985. P. 142–146.
- Shalamova 1986 — А. N. Shalamova. Semantika i struktura opredelitel'nykh slovosochetaniy v drevne- i starorussskom yazyke [Semantics and structure of determinative phrases in the Old and medieval Russian language]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 1986. No. 2. P. 101–105.
- Shalamova 1989 — А. N. Shalamova. Starorussskoye *dopolna* i yego svyazi [The Medieval Russian *dopolna* and its connections]. *Sovetskoye slavyanovedeniye*. 1989. No. 5. P. 67–78.

- Shalamova 1996 — A. N. Shalamova. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.: problemy i rezul'taty (na materiale dvukh avtorskikh tomov) ["Dictionary of the Russian language of the XIth–XVIIth centuries": problems and results (based on the material of two author's volumes)]. Doctoral thesis. Moscow: V. V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, 1996.
- Trubachyov 1984 — O. N. Trubachyov. Istoricheskaya i etimologicheskaya leksikografiya [Historical and etymological lexicography]. *Teoriya i istoriya russkoy istoricheskoy leksikografii* [Theory and history of the Russian historical lexicography]. Moscow: Nauka, 1984. P. 23–36.
- Trubachyov 2004 — O. N. Trubachev. Istoricheskaya i etimologicheskaya leksikografiya [Historical and etymological lexicography]. G. A. Bogatova, G. Ya. Romanova (eds.). O. N. Trubachev. *Trudy po etimologii. Slovo. Istoriya. Kultura* [The Works on etymology. Word. History. Culture]. Vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004. P. 406–421.
- Trubachev 2009 — G. A. Bogatova, G. Ya. Romanova (comp.). *Academic Oleg Nikolaevich Trubachev. Ocherki. Materialy. Vospominaniya* [Academician Oleg Nikolaevich Trubachyov. Essays. Materials. Memories]. Moscow: Nauka, 2009.
- Vinogradov 1977 — V. V. Vinogradov. Osnovnye tipy leksicheskikh znacheniy slova [The main types of lexical meanings of the word]. V. V. Vinogradov. *Leksikologiya i leksikografiya*. [Lexicology and lexicography]. Moscow: Nauka, 1977.

Диалектный словарь как лингвоаксиологический источник

В. М. Мокиенко

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); mokienko40@mail.ru, v. mokienko@spbu.ru

Т. Г. Никитина

Псковский государственный университет (Псков, Россия);
cambala2007@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен опыт лексикографической разработки русских диалектных фразеологизмов и паремий в проектах, реализуемых авторами. Подчеркивается значимость для отечественной лексикографии разработанных составителями СРНГ принципов словарной репрезентации диалектизмов, показана преемственность и развитие идей основоположников отечественной диалектографии в новых словарных проектах. Особое внимание уделяется приемам интерпретации аксиологического компонента семантики фразеологизмов и паремий в диалектном словаре.

Ключевые слова: лексикография, диалектология, диалектография, лингвоаксиология, диалектизм, фразеологизм, паремия, Словарь русских народных говоров, фразеологический словарь, словарная статья, лексикографический параметр.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00091 «Мир восточных славян в паремиологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурнографическая репрезентация», реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

A dialect dictionary as a linguoaxiological source

V. M. Mokienko

St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); mokienko40@mail.ru,
v. mokienko@spbu.ru

T. G. Nikitina

Pskov State University (Pskov, Russia); cambala2007@yandex.ru

Abstract. The 100th anniversary of the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences is a propitious occasion to look back on Russian lexicography's track records, especially given that this academic science has been flourishing in Russia for over two centuries, its roots stretching back to ancient times. Initially, vocabulary studies focused on fixing and systemic description of folk words as defined by V. Dahl. Russian dialectal lexicography, now more than a century old, has a history of significant success in dictionary descriptions of Russian vocabulary and phraseology. The publication of the "Dictionary of Russian folk dialects" edited by F. P. Filin, F. P. Sorokoletov and S. A. Myznikov was a landmark event not only for Russian, but also for cross-linguistic lexicography and dialectology. This dictionary, as well as the dictionary projects the "Pskov regional dictionary" supervised by B. A. Larin, and the "Arkhangelsk regional dictionary" supervised by O. G. Getsova, gave a boost to dialectographic studies in practically all Russian regions. Notably, most new developments follow the lexicography principles of the "Dictionary of Russian folk dialects", its structure and vocabulary as a model and measure for vocabulary quality.

The article presents the experience of lexicographic processing of Russian dialect phraseological units and paremias in projects by its authors.

One example of this experience is a special consolidated dictionary of Russian dialect phraseology, "Polnyy frazeologicheskii slovar russkikh narodnykh govorov" [Complete phraseological dictionary of Russian folk dialects], backed by a Russian Scientific Foundation grant (2017–2019) within the project "Mir vostochnykh slavyan v paremiologicheskoy interpretatsii: aksiologicheskiye dominanty i ikh lingvokulturograficheskaya reprezentatsiya" [The world of Eastern Slavs in paremiological interpretation: axiological dominants and their linguistic and cultural representation].

Working on this dictionary, we have expanded the phraseological vocabulary of the Dictionary of Russian folk dialects with materials from numerous fundamental Russian dialectal dictionaries, regional dictionaries, and small-scale local folklore collections including proverbs and sayings. Our dictionary accommodates modern

views on phraseological units and proverbs as lexicographic description objects and applies new procedures for their objective linguistic and culturological commenting. In a bid to reflect the phraseology and paremiology dynamics in live speech, we have departed from the strictly differential principle of material selection. Nevertheless, the composition of the “Complete phraseological dictionary of Russian folk dialects” and the principles of the selection of phraseological units conform to those guiding the compilers of the “Dictionary of Russian folk dialects” in dealing with dialect vocabulary. The article accentuates the importance of the proposed principles for dictionary representation of dialecticisms, as well as the continuity and further development of ideas by Russian dialectography founders in new vocabulary projects. Particular attention is paid to the methods of interpreting the axiological component of phraseological units and paremiology semantics applied in the dialect dictionary.

Keywords: lexicography, dialectology, dialectography, linguoaxiology, dialecticism, phraseological unit, paroimia, Dictionary of Russian folk dialects, phraseological dictionary, dictionary entry, lexicographic parameter.

1. Введение

100-летие ИЛИ РАН — значимый повод для подведения итогов отечественной лексикографии, тем более что эта отрасль академической науки в России процветает уже более двух столетий, а корни ее уходят в Древнюю Русь. Изначально словарное дело было устремлено к фиксации и системной характеристике народного слова в далевском его понимании. Неслучайно поэтому направление «Русская диалектная лексикография: история, теория и современная практика» становится все востребованнее в современной лексикографии. Этому направлению академической лексикографии также более века — века, ознаменованного весомыми успехами словарного описания русской лексики и фразеологии. Продолжая в минувшем столетии дело таких своих предшественников, как Я. К. Грот, А. А. Шахматов, А. И. Соболевский и др., Б. А. Ларин, Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, О. Г. Гецова, И. А. Оссоветский, А. С. Герд, С. А. Мызников, Л. А. Ивашко, В. П. Строгова, А. И. Федоров, О. И. Блинова, В. В. Палагина,

Н. С. Ганцовская, Е. В. Иванцова, Е. Б. Брысина, Л. Я. Костючук, З. В. Сметанина, Т. В. Бахвалова, Л. З. Бояринова, И. А. Воробьёва, И. А. Подюков, Ф. Л. Скитова, В. А. Пащенко, Л. Е. Элиасов и многие «очарованные странники» диалектной фразеологии не только заложили ее материальную основу, но и воплотили свои идеи в полновесных словарях.

Выход в свет «Словаря русских народных говоров» [СРНГ] под редакцией Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова и С. А. Мызникова стал знаковым событием не только отечественной, но и мировой лексикографии и диалектологии. Работа авторов СРНГ, так же как и словарные проекты «Псковского областного словаря» [ПОС] под руководством Б. А. Ларина и «Архангельского областного словаря» [АОС] под руководством О. Г. Гецовой, стала мощным стимулом для диалектографических разработок практически всех регионов России. И для большинства этих разработок принципы составления «Словаря русских народных говоров», его структура и словник стали лексикографическим образцом и мерилем словарного качества [Мокиенко 2011: 190].

2. Развивая идеи основоположников жанра

За 55 лет, прошедших с момента издания первого выпуска СРНГ, запас диалектизмов, в том числе фразеологических, в словарных картотеках значительно пополнился и продолжает пополняться. Диалектная фразеология и паремиография постепенно вырабатывали основы составления специализированных словарей диалектных устойчивых словосочетаний. Словари сибирской диалектной фразеологии, созданные под руководством проф. А. И. Федорова [СФС; ФСС], во многом опирались на академический опыт СРНГ уже потому, что их редактор был ленинградцем и вышел из группы составителей известного словаря под редакцией А. И. Молоткова. При составлении своего фразеологического словаря псковских говоров [СПП] мы исходили как из опыта составления «Псковского

областного словаря» с его миллионной картотекой, так и из опыта СРНГ. Фразеологические словари других регионов России [Прокошева 1972; Прокошева 2002; Кобелева 2004; Ставшина 2008 и др.] также базируются на опыте разработки фразеологии ленинградскими / петербургскими лексикографами в СРНГ [Мокиенко 2011: 190–191].

Одним из обобщений этого опыта стал специальный сводный словарь русской диалектной фразеологии — «Полный фразеологический словарь русских народных говоров», поддержанный грантом РФФИ (2017–2019 гг.) в проекте «Мир восточных славян в паремиологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурологическая репрезентация», реализуемом в Санкт-Петербургском государственном университете.

Работая над ПФСРНГ, мы расширили фразеологический словарь СРНГ материалом многочисленных фундаментальных диалектных словарей русского языка, региональных словарей и собраний местного фольклора малого жанра, включающих пословицы и поговорки. Были учтены современные точки зрения на фразеологизм и пословицу как объект лексикографического описания, использованы новые модели их объективного лингвокультурологического комментирования. Было принято решение отступить от строго дифференциального принципа отбора материала, что позволило отразить динамику фразеологии и паремиологии в живой речи. Тем не менее состав ПФСРНГ и принципы отбора фразеологизмов соответствуют критериям, которыми руководствуются составители СРНГ по отношению к диалектной лексике [СРНГ 1: 5–7]. «... Какого бы значения и происхождения ни было слово, оно, как правило, будет включаться в Словарь лишь в том случае, если его употребляют не повсеместно, если оно не является словом современного литературного языка», — пишет во «Введении» к СРНГ Ф. П. Филин. Он делает существенную оговорку, особо, как кажется, актуальную по отношению к отбору фразеологических и паремиологических диалектизмов: «Во всех случаях, когда слово стоит на грани диалектной и общенародной лексики или когда невозможно определить, является ли слово диалектным или оно распространено

повсеместно, вопрос решается в пользу помещения слова в Словаре» [СРНГ 1: 6]. Именно для фразеологизмов характерно расположение «на грани» диалектного и общенародного, и здесь лучше перейти эту грань в пользу смещения к общенародному, чем исключить выражения и поговорки, актуальные для областной живой речи [Мокиенко 2011: 193]. К тому же многие диалектные фразеологизмы включают в себя лексические компоненты общенационального языка, например соматизмы. Составители СРНГ совершенно оправданно включают их в состав своего словаря, не комментируя исходное слово. Так, 1-е значение вокабулы **Нога** открывается типовой характеристикой «В сочетаниях», а затем под специальными графическими знаками даются фразеологизмы: ⟨...⟩ **Залезать в рот с ногами**. Быть бесцеремонным. Ворон., 1967. **К холодным ногам (прийти)**. (Прийти) слишком поздно. Ворон. **Молодой на ногу**. Способный много, без усталости ходить. Том., 1965. **На богатую ногу**. То же, что **на всю ногу**. Ряз. **(На) боевую ногу стать**. Начать хорошо, зажиточно жить. Кемер., 1964. **На нашу ногу**. По-нашему. Влад. **На простую ногу**. Ряз. **На своих ногах**. Самостоятельный. Ворон. **На толстую ногу**. То же, что **на всю ногу**. Дон., 1975. **На тонкую ногу**. Бедно. Дон., 1975. **Сбрести на ноги**. Выздороветь; окрепнуть. Новосиб., 1967. **Спи, рука, спи, нога**. а) Об удобной постели. б) Об очень спокойном, тихом человеке. По нижн. и средн. теч. р. Урал, 1976 [СРНГ 21: 261–263].

Легко заметить, что в ряды таких фразеологизмов органично «вклиниваются» и обороты, которые являются не столько диалектизмами в соответствии с принятым составителями дифференциальным подходом, сколько лишь вариантами общенародных устойчивых словосочетаний (ср. разговорное *на широкую ногу* и представленные выше *на богатую ногу, на всю ногу, на боевую ногу*) [Мокиенко 2011: 192]. В ПФСРНГ такого рода фразеологизмы описываются в единой макростатье, а их объединение под общим стержневым компонентом (как правило, существительным) позволяет увидеть и диапазон варьирования оборотов, и продуктивность их структурно-семантических моделей, и фразеологическую активность образного стержня [Мокиенко, Никитина 2018].

3. Лингвоаксиология в лексикографическом формате

В богатом материале СРНГ адекватно и детально отражены многие свойства русской народной речи. В зеркале Слова запечатлены многие реалии крестьянского быта, этнографические артефакты, мифологические представления — то есть все, что определяет лингвокультурологическую и ментальную составляющую традиционной России на всем ее широком пространстве. Собственно, СРНГ воспроизводит языковую картину нашего традиционного мира во всех ее ракурсах. Одной из важнейших составляющих этой картины является аксиологическая характеристика описываемых фактов. Базовым понятием аксиологии является ценность, система объективных и субъективных оценок, характеризующих окружающий мир и деятельность человека на оси глобальной бинарной оппозиции «Хорошо — Плохо». Ценностные ориентации определяют жизненную позицию человека, его коммуникативную стратегию, формируют его отношение к окружающему миру, который воспринимается «с точки зрения его ценностного характера — добра и зла, пользы и вреда и тому подобное, и это вторичное членение, обусловленное социалью, — весьма сложным образом отражено в языковых структурах» [Арутюнова 1988: 45].

Аксиологическую направленность уже давно имеют этнолингвистические исследования группы Н. И. Толстого и С. М. Толстой, результатом которых стал фундаментальный словарь «Славянские древности. Этнолингвистический словарь» [Толстой (ред.)]. Именно в аксиологическом ключе под редакцией Е. Бартминьского созданы 5 капитальных томов ключевых концептов славянской лингвокультурологии — «Дом», «Европа», «Труд», «Свобода» и «Честь» [Bartmiński (red.)]. В некоторых из них для отдельных славянских языков используются и паремиологические материалы, что доказывает их общую аксиологическую эффективность. При этом специально фразеология и паремиология в разделах этих томов не рассматриваются, что дает новый импульс для фразеологических и паремиологических исследований.

Накоплен и определенный опыт аксиологической характеристики отдельных блоков фразеологии (в широком смысле этого термина). Таков, например, цикл работ по лингвоаксиологии Л. К. Байрамовой: монография «Счастье и несчастье как ценность и антиценность во фразеологической парадигме» [Байрамова 2011в], «Аксиологический фразеологический словарь русского языка: Словарь ценностей и антиценностей» [Байрамова 2011б], «Аксиологический фразеологический словарь английского языка: Словарь ценностей и антиценностей» [Байрамова 2011а]. Все эти работы, хотя и разные по жанру и языковому материалу, объединены единой концепцией, основанной на философских работах о ценностях и выделении аксиологического параметра у языковых единиц. «В абсолютной ценностной пустоте невозможно никакое высказывание, невозможно само сознание», — подчеркивал М. М. Бахтин [Бахтин 1986: 134]. Ценности, по его мнению, имеют конвенциональный характер, т. е. с определением главных ценностей в обществе существует согласие, ведь конвенциональные ценности — это «утвержденный контекст ценностей»: «совокупность ценностей, ценных не для того или иного индивидуума и в ту или иную эпоху, а для всего исторического человечества». Поэтому пословицы и поговорки, анализируемые в аксиологическом аспекте, имеют положительный или отрицательный вектор в зависимости от его корреляции с ценностью или антиценностью, которая может меняться.

Внимательно вчитываясь в 52 тома СРНГ, любой исследователь почерпнет ценнейшие материалы для воссоздания аксиологических оппозиций в народной фразеологии и паремиологии. Они образуют достаточно последовательную систему, позволяющую их структурировать. На материале фразеологии литературного языка такая попытка была нами осуществлена в синонимическом словаре [Бирх и др. 2009], на материале паремиологии — в идеографическом словаре пословиц [Мокиенко, Никитина 2011]. Сопоставляя такой материал (в основном на основе литературно-разговорной речи) с диалектной сокровищницей СРНГ, легко убедиться в неисчислимости народной фразеологии и паремиологии, воплощающей такие аксиологические оппозиции. Так, например, экспрессивная оппозиция

«Глупый — Умный», являющая собой во многих языках семантически универсалию [Diatschkow 1997], в синонимическом словаре [Бирих и др. 2009] представлена такими фразеологизмами:

ГЛУПЕЦ (ДУРАК) * Голова садовая (еловая. Презр.; дубовая. Презр.; мякинная. Презр.). Неодобр.; дурья голова (башка). Прост. неодобр.; баранья башка. Прост. презр.; голова [и] два уха. Прост. неодобр. Глупый, бестолковый человек (иногда говорит снисходительно).

Дубина дубиной. Дуб дубом. Прост. презр.; дубина стоеросовая. Прост. презр.; болван болваном. Прост. презр.; балда балдой; болван стоеросовый. Прост. презр.; дундук дундуком. Прост. презр.; лопух лопухом. Прост. презр.; чурка (пень) с глазами. Грубо-прост. бран.; чурбан чурбаном. Прост. презр. Совершенно, безнадежно глупый, тупой человек.

Доходит на третий день до кого. О несообразительном человеке, тугодуме.

Медный (толоконный) лоб. Книжн. презр. Бессмысленно-упрямый, ограниченный человек, тупица [Бирих и др. 2009: 47].

ГЛУПЫЙ (ДУРАК) * Без царя в голове; нет царя в голове у кого. Неодобр.; опилки в голове у кого. Презр.; отсутствие всякого присутствия у кого. Шутл.; ум короток у кого. Неодобр. О глупом, недалеком, бестолковом человеке.

Как дитя (как дитё. Прост.) малое; хуже малого дитяти. Неодобр. О наивном, бестолковом, глупом или впавшем в маразм человеке.

Мозги набекрень у кого. Прост. ирон.; не все дома у кого. Прост. ирон.; сдвиг по фазе у кого. Прост. ирон.; клёпок (одной клёпки) недостаёт у кого. Прост. ирон.; шариков (винтиков) не хватает у кого. Прост. ирон.; из-за угла мешком ударенный (стукнутый, прибитый). Прост. презр.; пыльным мешком ударенный. Прост. презр.; Богом убитый (убит). Устар. ирон.

О человеке со странностями; о придурковатом и глупом человеке [Бирих и др. 2009: 48]

УМНЫЙ * Светлая (умная) голова (светлый ум); с головой (с башкой). *Прост.*; человек большого ума; кладезь премудрости. *Высок.* и *шутл.*; ума не занимать кому. Об очень умном человеке.

Ума палата у кого; **голова** [что] Дом Советов у кого. *Нов. шутл.*; не голова — [а] Дом Советов у кого. Об очень умном, сведущем человеке.

Семи пядей во лбу. О чрезвычайно умном, мудром человеке.

Голова (котелок. Шутл.; черепушка. Шутл.) варит у кого. *Прост.* Об умном, сообразительном, находчивом человеке.

Умён как чёрт (как бес). *Прост.*; **мудрый как царь Соломон.** *Устар. книжн.* О чрезвычайно умном, мудром человеке [Бирих и др. 2009: 48, 212].

4. Диалектизм как объект аксиологической словарной параметризации

Погрузившись в глубины СРНГ и других диалектных источников, можно в разы увеличить «воплотителей» универсальной оппозиции «Глупый — Умный», например, по первому из этих противопоставленных понятий:

Деревеньская ографёна. *Арх. Презр.* О простом, необразованном или глупом, бестолковом человеке из деревни [АОС 11: 46].

Аноха Аноху да впряг в соху. *Народн. Ирон.* О двух глупцах, один из которых заставил другого что-л. делать. (В. И. Даль) [СРНГ 1: 261]. < **Аноха** — о простофиле, дураке, глупце.

Аноха праведник (праведный). *Влад. Ирон.* (1846). О простофиле, дураке, глупце [СРНГ 1: 261].

Аноху стротить. *Прост. Сиб. Неодобр.* Представляться простаком, глупцом [СРНГ 1: 261; СРНГ 42: 19; СФС: 17].

Бесподённая Арина. *Курск. Неодобр.* (1840). Бестолковая, глупая, странная женщина [СРНГ 2: 273].

Афоня малохолный. *Краснояр.* (1967), *Сиб. Неодобр.* Неудачник [СФС: 17; ФСС: 8; СРНГ 17: 319]. < **Малохолный** — ненормальный, умственно неполноценный; глупый.

Баба-дура. *Пск. Презр.* О глупой женщине [ПОС 19: 223].

Баба рязанская. *Волг. Прост., Пск. Ирон.* О неловкой, рассеянной, глупой женщине [ПОС 1: 79; СПП: 15].

Деревеньская баба. *Арх. Презр.* О простом, необразованном или глупом, бестолковом человеке из деревни [АОС 11: 46].

Багун в голове у кого. *Смол.* (1914). У кого-л. помрачение ума, кто-л. глуп [СРНГ 2: 37]. < **Багун** — глупость, помрачение ума.

Деревеньский балдёжник. *Арх. Презр.* О простом, необразованном или глупом, бестолковом человеке из деревни [АОС 11: 46].

Бальки (балечки) не хватает у кого. *Лит. ССР. Неодобр.* (1963). О глуповатом, не в своём уме человеке [СРНГ 2: 90]. < **Балька** — строевое бревно.

Дикая баракша. *Сев.-Двин. Ирон.* (1928). О крайне глупом человеке [СРНГ 2: 103]. < **Баракша** — то же.

Безгрудый баран. *Курск. Бран.* О крайне глупом человеке [СРНГ 2: 184]. < **Безгрудый** — бестолковый, безмозглый.

Дубовая башка. См. **Дубовая голова (ГОЛОВА).**

Дурна башка. *Р. Урал. Бран.* (1976). О глупом, тупом человеке [СРНГ 45: 302].

Пустая башка (голова). См. Пустая голова (ГОЛОВА).

Таловая башка у кого. *Р. Урал. Бран. Ирон.* (1976). О глупом человеке [СРНГ 43: 247]. < Ср. **таловый.** *Омск.* — сделанный из дерева, деревянный.

В башке толчеи нет у кого. *Влад. Неодобр.* (1905–1921). То же, что **голова не варит (ГОЛОВА)** [СРНГ 44: 218]. < Толчея — смышлённость, здравый ум.

Безлюдье полорукое. *Влад. Бран.* О плохих, неумелых и глупых людях [СРНГ 2: 192].

Ты на безмен, а он с аршином. *Народн. Ирон.* О глупом, бестолковом человеке. ДП: 449.

Ни бельмеса, ни разума, ни ума [у кого]. *Сарат.* (1959). О полном отсутствии разума у кого-л., глупом человеке [СРНГ 21: 212].

Бестолочью обтянуло кого. *Кар.* Кто-л. поглупел, начал плохо соображать [СРГК 1: 71].

Блазота на уме у кого. *Смол. Неодобр.* (1914). О человеке, думающем о чем-л. несерьёзном, глупом [СРНГ 3: 15]. < **Блазота** — глупость.

У Бога телёнка съел. 1. *Прост. Шутл.-ирон.* О простоватом, глуповатом, наивном человеке [Соколова 2009: 58, 334]. 2. *Р. Урал.* (1976). О человеке, сделавшем что-л. нелепое, удивительное [СРНГ 43: 108, 348].

Борода с ворота, а ума (ум) с перекалиток (прикалиток). *Курск., Новг. Неодобр.* О легкомысленном, глупом немолодом человеке [СРНГ 31: 237]. < **Перекалиток** — пристройка для хозяйственных надобностей. **Прикалиток** — небольшая дверь в воротах, калитка. **Борода с ворота, а ума с перекалиток нет.** *Нижегор.* (1852). То же [СРНГ 26: 117].

С бусорью. *Калуж. Неодобр. или шутл.-ирон.* О глуповатом, несообразительном человеке [СРНГ 3: 238].

Бусарь в голове у кого. *Ворон., Дон., Калуж., Орл. Неодобр.* О глупом человеке [СРНГ 3: 303]. < **Бусарь** — глупость, дурь.

С бусарью. *Брян., Ворон., Дон. (1874), Калуж., Курск. (1850), Ставроп., Тамб., Тул. Неодобр.* То же, что **с бусырю 1.** [СРНГ 3: 303].

Бусор в голове у кого. *Калуж. Неодобр. (1892).* О глупом, глуповатом человеке [СРНГ 3: 307]. < **Бусор** — глупость, дурь.

С бусором. *Калуж. Неодобр. (1892).* То же, что **с бусырю 1. (БУСЫРЬ).** [СРНГ 3: 307].

С бусырю (бусорью). 1. *Волг., Дон. (1874), Енис., Сарат. (1858), Сиб., Тул. Неодобр. или Шутл.-ирон.* О глуповатом, несообразительном человеке [СФС: 162; ФСС: 18]. 2. *Курск. (1947–1953), Орл., Сиб. Неодобр.* О грубом, сердитом человеке [СРНГ 3: 303; СФС: 162; ФСС: 18]. 3. *Дон., Сиб. Неодобр.* О высокомерном человеке [СДГ 1: 50]. < **Бусырь** — глупость, дурь.

С бусырю в голове. *Брян. Неодобр.* То же, что **с бусырю 1.** [СРНГ 3: 308].

С бусью. *Ворон., Курск. Неодобр.* То же, что **с бусырю 1.** [СРНГ 3: 308]. < **Бусь** — глупость, дурь.

Не смыслит Вавила ни уха ни рыла. *Народн. Неодобр.* О глупом, несообразительном человеке [ДП: 455].

Ваньжа сук рубит, а сам на ём сидит. *Свердл. Ирон. (1964).* О действиях глупого человека, который, поступая необдуманно, наносит себе непоправимый вред [СРНГ 4: 36]. < **Ваньжа** — глупый, несообразительный человек, простофиля.

Ванюша кудрявый. См. **Ваня кудрявый (ВАНЯ).**

Тухла варка. *Р. Урал. Бран. (1976).* О глупом, тупом человеке [СРНГ 45: 302].

Аксиологическая палитра пословиц, естественно, несколько отличается от фразеологической, поскольку систему оценок здесь диктует

дидактическая, морально-нравственная семантика. Тем не менее основные аксиологические доминанты и здесь обнаруживают определенную переключку, хотя языковые способы квалификации оппозиций «Добро — Зло», «Ум — Глупость», «Правда — Ложь» и т. п. различны по определению. И здесь материалы СРНГ представляют исключительную ценность. Составители последовательно, на протяжении всех 50 томов, выдерживают строгую маргинальную линию между пословицами и поговорками (resp. фразеологизмами). Она четко маркируется графически: фразеологизмы обозначаются прямым полужирным шрифтом, в то время как пословицы — курсивом и с пометой в скобках: (пословица). Более того: если фразеологизмы-поговорки, как выше говорилось, нередко составляют обильные гнезда вокруг компонентов общелитературного языка — **голова**, **нога**, **рука** и под., то пословицы под такими компонентами даются лишь как исключение. Вот один из редких примеров — компонент **Репа**, где введение пословиц предваряется фразой «В поговорках и пословицах»:

Шуйск. Влад. *Голодному Федоту и репа в охоту; Капуста да репа брюху не крепа;*

Помор. Арх., 1885. *Репа брюху не крепа;*

Онеж. КАССР, 1933. *Репа да горох сеются для воров;*

Холмог. Арх., 1907. *Хоть репа без костей, да и на той кора (горькая) [СРНГ 35: 65].*

Как видим, даже в таких случаях аксиологическая составляющая просматривается и по этим паремиям легко реконструируется оценка репы в традиционном русском крестьянском быту.

Ср. также «одиночные» размещения пословиц под недифференциальной лексикой, которые, правда, в большинстве случаев оправданы либо региональной семантикой, либо входением в состав фразеологизмов:

Больше ремесла, больше и злыдней под ремесло 'искусство, умение' [СРНГ 35: 55].

Не рок головы ищет, сама голова на рок идёт под **рок** ‘неизбежное несчастье, несчастная судьба, участь’ [СРНГ 35: 168].

Ловит волк роковую овцу под **роковой** ‘обречённый на гибель’ [СРНГ 35: 169].

Петрозав. Олон. *Участи-талану не пришить к сарафану* под **участь** ‘счастливая судьба’ [СРНГ 48: 314].

Смол. *Не учи учёного есть хлеба печёного* под **учёный** [СРНГ 48: 316–317].

Кашин. Твер. *За учёного двух неучёных дают* под **учёный** [СРНГ 48: 316–317].

Учи жену без детей, а детей без людей под **учить** (**учить жену**) ‘бить’ [СРНГ 48: 325].

Опоч. Пск., 1852. Лебед. Тамб., 1850. *Скажешь с уха на ухо — узнают с угла на угол* под **ухо** (**с уха на ухо** (говорить) ‘говорить тихо, таиться’) [СРНГ 48: 275].

Твер. Минус. Енис. *Дверь добро с ушами, а храма с очами* под **ухо** [СРНГ 48: 278].

Вдовый обиход не уход под **уход** ‘уборка, наведение порядка’ [СРНГ 48: 285].

Р. Урал. *Последняя рука хуже дурака* под **рука** ‘удар по мячу (при игре в лапту), право такого удара’ [СРНГ 35: 242].

Николаев. Самар., 1853. *Добрая жена дом сбережёт, а плохая — рукавом разнесёт* под **рукавом разнести** ‘промотать, разорить (состояние, хозяйство)’ [СРНГ 35: 245].

В основном же составители оправданно помещают пословичный материал под дифференциальной лексемой, иллюстрируя тем самым классические диалектизмы, напр.:

фольк. *На летячем камне и мох не растёт* под **летячий** ‘такой, который летит, летящий’ [СРНГ 17: 27].

Смол. *Чиста, личиста, да и говорить речиста* под **личистый** ‘красивый лицом’ [СРНГ 17: 88].

Волог. *Не солоду, не хмелю да лишю бух во чан* (поговорка) под **лишо** ‘лишь’ [СРНГ 17: 90].

Собака и в море лохчет, да не всё же выпьет под **лохтать** ‘глотать, хлебать с жадностью, помногу’ [СРНГ 17: 164].

Перм. *Ночь почуй, другу ночуй, третью люлюй* под **люлить** ‘укачивать ребёнка’ [СРНГ 17: 245].

Кирилл. Новг., 1849. *Знают Фому и в регозинном ряду* под **регозинный** (знач.?) [СРНГ 35: 13].

Мурман., 1979. *Из звонка* [морская утка] *уха тонка* под **звонок** ‘суп из дичи’ [СРНГ 48: 234].

Влад. *Друг всем макарам, а ухи не видал* под **макар** ‘завяты́й рыболов’ [СРНГ 17: 308].

Низ. Печора, 2005. *Без учи в попы не ставят* под **уча** ‘учеба, обучение’ [СРНГ 48: 312].

Волог., 1898. *Рядись — не торопись, на прибавку не надейся* под **рядиться** ‘торговаться, условливаться о цене, споря друг с другом, стараться купить что-л. подешевле’ [СРНГ 35: 341].

Олон., 1885–1898. *Однажды ряжено — одна и руга* ‘Раз условились о цене, не следует назначать другую цену’, где **руга** ‘плата пастуху’ [СРНГ 35: 229] и т. п.

И в таких поговорках оценка различных явлений крестьянской жизни выражена прозрачно и образно; к каждой из таких поговорок легко подобрать аксиологический комментарий.

Следует ценить гостеприимство, избегая излишне частых визитов к друзьям: *Где любят, не части (посещеньем), а где нет, реди* под **редить** ‘появляться редко, не часто’ [СРНГ 35: 18]; Смол., 1905–1921. *Иде любять, не учащай, а иде не любять, ноги не накладай* под **учащать** ‘2. часто ходить куда-л.’ [СРНГ 48: 314].

Преступление наказуемо: Тул., 1820. *Злое ремесло на рель занесло под рель* ‘виселица’ [СРНГ 35: 50]; Ряз. *Село для дворов, а рель для воров* [СРНГ 35: 50].

Предостережение перед присвоением чужого: Ворон. *Чужой кус фатишь, да рубль платишь, а два — не разделаешься под фатить* ‘схватывать, хватать’ [СРНГ 49: 71].

Жизнь в тесноте лучше, чем раздоры: Нижегород., 1840. *Не возьмёт теснота, а возьмёт лихота под лихота* ‘нелады, сора’ [СРНГ 17: 83].

Лицемерие осуждается: Ярослав. *Правду говорит пословица, что лицёмёрщики Богу молятся, а чертям веруют под лицёмёрщик* ‘лицемер’ [СРНГ 17: 83].

Осуждаются люди, живущие за счет других: Пск., Смол. *Немного работников да много ломотников под ломотник* ‘один из тех, кто питается вместе с кем-либо за общим столом; едок’ [СРНГ 17: 124].

Осуждается скопидомство и крохоборство: Волог., 1898. *Крохи собирает, а ломотье теряет под ломотье* ‘ломти (хлеба)’ [СРНГ 17: 124].

Осуждается хвастовство: фольк. *Фасть обедать не даст под фасть* ‘хвастовство’ [СРНГ 49: 71].

Осуждается пьянство: Волог. *Пьяному море по колено, а лывка по уши под лывка* ‘лужица’ [СРНГ 17: 218].

Необходимо остерегаться обманщиков: Олон. *Мани всякому даны, т. е. «обмануть всякий может» под мана* ‘обман’ [СРНГ 17: 354].

Предупреждение против нарушения законов и установленного порядка: *Недолго той земле стоять, где учнут уставы ломать под учинать* ‘начинать’ [СРНГ 48: 321].

В ряде случаев аксиологическая маркировка выражена паремиями со всей прямолинейностью народной речи: *Арзамасцы гусятники, луковники, малеваны под малеван* ‘иконописец’ [СРНГ 17: 320]; *Саночки-малеваночки: сел на них да поехал в них под малеваночка* ‘о том, что ярко, красиво раскрашено’ [СРНГ 17: 320].

Аксиологический потенциал паремий с именами собственными недавно был исследован М. Л. Ковшовой на материале загадок [Ковшова 2019]. Хотя Ф. П. Филин не включал этот разряд слов в корпус Словаря, но тем не менее имена собственные, представляющие культурологическую ценность как компоненты паремий, нередко

получают отражение в СРНГ. В нашем ПФСРНГ мы продолжаем эту традицию, расширяя ряд «ономастических» фразеологизмов [Мокиенко 2011: 193], напр.:

МАКАР * Где **Макар быков не пас**. *Кар. Шутл.* То же, что **куда Макар телят не гонял** [СРГК 1: 152].

Загнать туда, куда Макар телят не гонял. *Народн.* Расправиться с кем-л., строго наказать кого-л. [Соколова 2009: 571].

Куда Макар телят не гонял. *Ленингр., Пск., Разг. Шутл.* Очень далеко, в отдалённое место (послать, сослать, отправить) [СПП: 51].

Тутушка Макар! Со подушки упал, А дедушка увидал, Макарушку поднимал. *Нижегор. Ирон.* (1894). Поговорка о неудачливом Макаре [СРНГ 45: 299]. < **Тутушка** — в этом месте, здесь.

Узнать, куда Макар телят гонял. *Народн.* Подвергнуться строгому наказанию, расправе [Соколова 2009: 572].

На бедного Макара все шишки валятся. *Прост.* Чем беднее и несчастнее человек, тем больше бед и неудач он испытывает [ДП: 60, 147, 706].

Не Макара родить. *Горьк. Шутл.* (1973). О каком-л. несложном деле, не составляющем большого труда кому-л. [СРНГ 35: 137].

Макаром смотреть. *Ряз. Неодобр.* О лицемерном, притворяющемся человеке. < **Макар** — лицемер, плут [СРНГ 17: 308].

Особенно уместна фиксация имен собственных в пословицах. Так, в СРНГ (36) имя *Савва* не фиксируется. В раздел диалектизм-пословиц ПФСРНГ оно будет тем не менее включено, ибо такие пословицы по всем параметрам соответствует принципу дифференциального отбора диалектного материала [Мокиенко 2011: 194]:

САВВА

Савва встав, Хома сив, а нас укупе усих сим. *Кубан.* [ППЗК: 76].

Савва съел сало, упёрся, запёрся, сказал: не видал. Орл. [ДП 1: 160].

От Саввы славы, а от Перши чести. Пск. [СПП: 139].

Как видим, русская диалектная фразеология, органически инкрустированная в СРНГ, воспроизводит всю яркую палитру аксиологически ориентированной русской образной речи. Почти полный ареальный охват, широкая семантическая и стилистическая амплитуда, вариантное многообразие и воспроизведение традиционных русских реалий с полным правом делают словарь, созданный лексикографами ИЛИ РАН, не только лексическим, но и фразеологическим тезаурусом.

5. Заключение

Анализ фразеологического материала, подвергнутого последовательному описанию в СРНГ, демонстрирует высокое мастерство его составителей и редакторов. Неслучайно это мастерство маркировано печатью академической лексикографии. Ведь со времени основания Императорской Российской Академии по указу Екатерины II в сентябре 1783 года главной целью ее сотрудников было изучение русского языка и словесности. Эта цель сохранила свою заостренность и после соединения Императорской Академии с Академией наук в виде ее Второго отделения. И с екатерининских времен задача новой академии, сформулированная как «очищение и обогащение» русского языка, неуклонно выполнялась разными поколениями лексикографов. Во многом процесс «обогащения» был успешен благодаря неисчислимым источникам народной речи. И первый (гнездовой) шеститомный академический словарь 1784–1789 гг., и второй (алфавитный) академический словарь 1806–1822 гг., и все последующие толковые справочники вплоть до новейшего БАСа, рожденные в лоне Академии наук, черпали материал из этого источника. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии

наук (1891–1930) и комиссией по русскому языку Академии наук СССР (1930–1937) под редакцией Я. К. Грота, А. А. Шахматова, В. И. Чернышёва, Л. В. Щербы и др., был попыткой максимально полного синтеза литературно-книжной и народной стихии русской речи. СРНГ, задуманный Ф. П. Филиным и продолженный под редакцией Ф. П. Сороколетова и С. А. Мызникова многолетним самоотверженным трудом когорты самых опытных диалектографов ИЛИ РАН, сделал объектом описания именно народную речь во всем ее аксиологическом многоцветье. И мы, фразеологи, ожидая выхода 53-го тома этого диалектного тезауруса, постоянно обращаемся к нему за новыми идеями и лексикографическими проектами. Обращаемся, поздравляя наших коллег из ИЛИ РАН со столетним юбилеем.

Литература

- Арутюнова 1988 — Н. Д. Арутюнова. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
- Байрамова 2011а — Л. К. Байрамова. Аксиологический фразеологический словарь английского языка: Словарь ценностей и антиценностей. Казань: Центр инновационных технологий, 2011.
- Байрамова 2011б — Л. К. Байрамова. Аксиологический фразеологический словарь русского языка: Словарь ценностей и антиценностей. Казань: Центр инновационных технологий, 2011.
- Байрамова 2011в — Л. К. Байрамова. Счастье и несчастье как ценность и антиценность во фразеологической парадигме. Казань: Центр инновационных технологий, 2011.
- Бахтин 1986 — М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
- Бирих и др. 2009 — А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. Словарь фразеологических синонимов русского языка. М.: Аст, 2009.
- Кобелева 2004 — И. А. Кобелева. Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет, 2004.
- Ковшова 2019 — М. Л. Ковшова. К вопросу об аксиологической модальности загадок: *что на свете всех милее?* // Н. А. Купина (отв. ред.). Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. Междунар. науч. конф. Екатеринбург: Ажур, 2019. С. 29–33.

- Мокиенко 2011 — В. М. Мокиенко. Проект «Фразеологического словаря русских народных говоров» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 3 (33). С. 190–198.
- Мокиенко, Никитина 2011 — В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. Народная мудрость. Русские пословицы. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011.
- Мокиенко, Никитина 2018 — В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. К концепции полного словаря народной фразеологии: проблемы макроструктурирования // Вопросы лексикографии. 2018. № 14. С. 80–106.
- Прокошева 1972 — К. Н. Прокошева. Материалы для фразеологического словаря говоров Северного Прикамья. Пермь: б. и., 1972.
- Прокошева 2002 — К. Н. Прокошева. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь: ПГПУ, 2002.
- Ставшина 2008 (сост.) — Н. А. Ставшина (сост.). Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры: [в 2 т.]. СПб.: Наука, 2008.
- Толстой (ред.) 1995–2014 — Н. И. Толстой (ред.). Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / РАН. Институт славяноведения и балканистики. М.: Международные отношения, 1995–2014.
- Bartmiński (red.) 2015–2019 — Je. Bartmiński (red.). Lexicon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów. T. 1–5. Lublin; Warszawa: wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2015–2019.
- Diatschkow 1997 — A. Diatschkow. Untersuchungen zur konfrontativen Phraseologie der deutschen und der russischen Gegenwartssprache am Beispiel der semantischen Felder der menschlichen Intelligenz mit der alldemeinen Bedeutung “*Dummheit / Klugheit*” und “*злunость / ум*”. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades doctor Philosophiae der Philosophischen Fakultät der Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 1997.

Источники

- АОС — О. Г. Гецова (ред.). Архангельский областной словарь. Вып. 1–20. М.: МГУ; Наука, 1980–2019.
- ДП — В. И. Даль. Пословицы русского народа. М.: Художественная литература, 1957.
- ДП 1 — В. И. Даль. Пословицы русского народа. Изд. 3-е. В 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1984.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–26. Л.; СПб.: Изд-во ЛГУ; СПбГУ, 1967–2016.

- ППЗК — Л. Б. Мартыненко, И. В. Уварова (сост.); Л. А. Степанов (ред.). Пословицы, поговорки и загадки Кубани. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2002.
- СДГ — Словарь русских донских говоров. Т. 1–3. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет, 1975–1976.
- Соколова 2009 — М. И. Соколова. Народная мудрость. Пословицы и поговорки. Новосибирск: Офсет, 2009.
- СПП 2001 — В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина (сост.); Л. А. Ивашко (ред.). Словарь псковских пословиц и поговорок. СПб.: Норинт, 2001.
- СРГК — А. С. Герд (ред.). Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6. СПб.: СПбГУ, 1994–2005.
- СРНГ — Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников (ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 1–52. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2021.
- СФС — Н. Т. Бухарева, А. И. Федоров (сост.). Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири. Новосибирск: Наука, 1977.
- ФСС — Л. Г. Панин, Л. В. Петропавловская, А. И. Постнова, А. И. Федоров (сост.); А. И. Федоров (ред.). Фразеологический словарь русских говоров Сибири. Новосибирск: Наука, 1983.

References

- Arutyunova 1988 — N. D. Arutyunova. *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytiye. Fakt* [Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact]. Moscow: Nauka, 1988.
- Bakhtin 1986 — M. M. Bakhtin. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo, 1986.
- Bartmiński (ed.) 2015–2019 — Je. Bartmiński (ed.). *Lexicon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*. [Axiological lexicon of Slavs and their neighbors]. Т. 1–5. Lublin; Warszawa: wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2015–2019.
- Bayramova 2011a — L. K. Bayramova. *Aksiologicheskij frazeologicheskij slovar anglijskogo yazyka: Slovar tsennostey i antitsennostey* [Axiological phraseological dictionary of the English language: Dictionary of values and anti-values]. Kazan: Center for innovative technologies, 2011.
- Bayramova 2011b — L. K. Bayramova. *Aksiologicheskij frazeologicheskij slovar russkogo yazyka: Slovar tsennostey i antitsennostey* [Axiological phraseological dictionary of the Russian language: Dictionary of values and anti-values]. Kazan: Center for innovative technologies, 2011.

- Bayramova 2011c — L. K. Bayramova. *Schastye i neschastye kak tsennost i antisennost vo frazeologicheskoy paradigme* [Happiness and misery as value and anti-value in the phraseological paradigm]. Kazan: Center for innovative technologies, 2011.
- Birikh et al. 2009 — A. K. Birikh, V. M. Mokiyeenko, L. I. Stepanova. *Slovar frazeologicheskikh sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of phraseological synonyms of the Russian language]. Moscow: AST, 2009.
- Diatschkow 1997 — A. Diatschkow. *Untersuchungen zur konfrontativen Phraseologie der deutschen und der russischen Gegenwartssprache am Beispiel der semantischen Felder der menschlichen Intelligenz mit der alldemeinen Bedeutung "Dummheit / Klugheit" und "глупость / ум"*. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades doctor Philosophiae der Philosophischen Fakultät der Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 1997.
- Kobeleva 2004 — I. A. Kobeleva. *Frazeologicheskii slovar russkikh govorov Respubliki Komi* [Phraseological dictionary of Russian dialects of the Komi Republic]. Syktyvkar: Syktyvkar State University Press, 2004.
- Kovshova 2019 — M. L. Kovshova. K voprosu ob aksiologicheskoy modalnosti zagadok: chto na svete vsekh mileye? [On the axiological modality of riddles: what is the cutest thing in the world?]. N. F. Kupina (ed.). *Aksiologicheskiye aspekty sovremennykh filologicheskikh issledovaniy: Tezisy dokladov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Axiological aspects of modern philological research: abstracts of reports of an international scientific conference]. Ekaterinburg: Azhur, 2019. P. 29–33.
- Mokiyenko 2011 — V. M. Mokiyenko. Proyekt «Frazeologicheskogo slovara russkikh narodnykh govorov» [Project of the "Phraseological dictionary of Russian folk dialects"]. *Problemy Istorii, filologii, kultury*. 2011. No. 3 (33). P. 190–198.
- Mokiyenko, Nikitina 2011 — V. M. Mokiyenko, T. G. Nikitina. *Narodnaya mudrost. Russkiye poslovitsy* [Folk wisdom. Russian proverbs]. Moscow: OLMA Media Grupp, 2011.
- Mokiyenko, Nikitina 2018 — V. M. Mokiyenko, T. G. Nikitina. K kontseptsii polnogo slovara narodnoy frazeologii: problemy makrostrukturirovaniya [The concept of a complete dictionary of popular phraseology revisited: problems of macrostructuring]. *Voprosy leksikografii*. 2018. No. 14. P. 80–106.
- Prokosheva 1972 — K. N. Prokosheva. *Materialy dlya frazeologicheskogo slovara govorov Severnogo Prikamya* [Materials for the phraseological dictionary of dialects of the Northern Kama region]. Perm: S. n., 1972.
- Prokosheva 2002 — K. N. Prokosheva. *Frazeologicheskii slovar permskikh govorov* [Phraseological dictionary of Perm dialects]. Perm: Perm State Pedagogical University Press, 2002.

- Stavshina 2008 (ed.)—N. A. Stavshina (ed.) *Frazeologicheskiy slovar russkikh govorov Nizhney Pechory* [Phraseological dictionary of Russian dialects of Lower Pechora]. V. 1–2. St. Petersburg: Nauka, 2008.
- Tolstoy (ed.) 1995–2014—N. I. Tolstoy (ed.). *Slavyanskiye drevnosti. Etnolingvistiicheskiy slovar* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary]. V. 1–5. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1995–2014.

Переход собственных имен в нарицательные как объект лексикографии: концепции специализированного словарного описания

Р. И. Воронцов

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия);
roman.vorontsov.86@gmail.com

Аннотация. В статье предпринята попытка критически проанализировать существующие в российской лексикографии концепции специализированного словарного описания процессов перехода собственных имен в нарицательные (деонимизации). Представлены словари, опубликованные с середины XX века по настоящее время. Особое внимание уделено рассмотрению словарных концепций с позиций современной лексикографической теории, прежде всего, в свете идей лингвокультурологии, фигуративной и авторской лексикографии. Намечены основные векторы развития жанра словаря деонимизации.

Ключевые слова: русский язык, имя собственное и нарицательное, деонимизация, словарь, лингвокультурология, фигуративная лексикография, авторская лексикография.

Proper-to-common name conversion as an object of lexicography: concepts of specialized lexicographic description

R. I. Vorontsov

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); roman.vorontsov.86@gmail.com

Abstract. The article is an attempt to critically analyse the existing concepts of describing proper-to-common name conversion processes (deonymisation) within

the scope of the Russian lexicography. The key factor of lexicographic interpretation of deonymisation products is the nature of the relationship between the original proper name and its derivative which can be either actual or etymological. In the former case, the derivation process results in figurative nominations (e. g., *Емеля* ‘Yemelya’, *Митрофанушка* ‘Mitrofanushka’, *Отелло* ‘Othello’) based either on a metaphoric model or on the extension of a “disembodied” name reference. The latter case involves formation of neutral words of eponymic origin (e. g., *ампер* ‘ampere’, *галифе* ‘breeches’ (from proper name *Gallifet*), *хулиган* ‘hooligan’), often based on metonymy. Hence, modern lexicography demonstrates two opposite trends: scientific, specialized lexicography focuses on proper name derivatives with unobliterated figurative motivation, while popular-science dictionaries mainly describe neutral derivatives that have already lost their actual ties with the original proper names.

The article proposes a review of deonymisation dictionaries published as of the mid-20th century. They demonstrate quite a few achievements to the credit of Russian lexicography including identification of the conceptual fields with particularly active deonymisation processes, elaboration of a specific dictionary entry architecture, a comprehensive description of the Russian corpus of connotative proper names, etc. Regular publication of new deonymisation dictionaries, each invariably based on a specific and refined theoretical footing, clearly proves the importance of the research. The article pays special attention to a review of dictionary concepts with an eye to the modern lexicographic theory, largely in terms of cultural linguistics, figurative and author lexicography. Some weaknesses of the existing deonymisation dictionaries are pointed out to help lexicographers focus on finding new remedies for the problems.

Keywords: Russian language, proper and common names, deonymisation, dictionary, cultural linguistics, figurative lexicography, author lexicography.

1. Введение

Взаимодействие разрядов собственных и нарицательных имен в том или ином аспекте привлекало внимание словарников на всем протяжении истории отечественной лексикографии. Самым архаическим типом средневекового глоссария был ономастикон,

в котором объяснялись имена библейских персонажей и названия мест, в том числе с символическими значениями. Символические имена впоследствии описываются и в азбуковниках XVI–XVII веков, и в лексикографических произведениях Юго-Западной Руси: так, значительную часть «Лексикона...» Памвы Беринды (1627) составляет «имен толкование» — описание значимых собственных имен иноязычного происхождения (см. [Сороколетов (ред.) 2001]). В XVIII веке продолжается описание символической ономастики, при этом особое место занимает «Словарь пиитико-исторических примечаний» Аполлоса Байбакова (1781), кодифицирующий употребление античных мифологических имен в духе барочной эмблематической традиции. В конце XVIII века создается «Словарь Академии Российской», который закладывает фундамент всей дальнейшей толковой академической лексикографии и декларирует принцип, остающийся актуальным по сей день: в толковый словарь не входят имена собственные, за исключением тех, которые развили нарицательные значения. Наконец, важной вехой на пути словарной разработки переходных процессов между онимами и апеллятивами становится труд М. И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний» (1903–1905), где, помимо прочего, описываются иносказательные употребления исторических и мифологических имен, подтверждаемые цитатами из современной автору литературы. Словарь Михельсона стал прообразом будущих фразеологических словарей и словарей крылатых слов и выражений, также описывающих ономастическую лексику (см. [Хуснутдинов 2004]).

Динамику словарного отражения перехода собственных имен в нарицательные в толковых словарях и словарях крылатых слов и выражений можно проследить на материале метафорических процессов (см. подробно в работе [Воронцов 2015]). Будучи ориентированными на «нарицательность» онима, толковые словари русского языка фиксируют только те единицы, которые составляют ядро русской языковой ономастической метафоры: около 100 лексем в больших толковых словарях ([БАС-1; БАС-3]) и не более 30 в средних и малых ([Ушаков; МАС; Ожегов, Шведова],

промежуточная позиция представлена в [БТС]). Сюда относятся такие устоявшиеся наименования, как, например, *альфонс, геркулес, держиморда, донжуан, ирод, иуда, каин, левиафан, ловелас, мещенат, митрофанушка, молох, одиссея, олимп, содом (и гоморра), утопия, цербер, эдем, эскулап* и др. Несмотря на достаточно полное отражение корпуса языковой ономастической метафоры, толковые словари по целой совокупности причин не могут учесть все метафорические отонимные дериваты. Отчасти эта задача решается в словарях крылатых слов и выражений, которые демонстрируют резкое увеличение корпуса описываемых метафор: до 150 единиц в [Ашукин, Ашукина 1986] и до 200 в [Берков и др. 2005]. В данных словарях описываются не только системно-языковые ономастические метафоры, но и узуальные речевые проявления переходного процесса, например: *Барон Мюнхгаузен, Вергилий, дед Мазай, Джеймс Бонд, Король Лир, Монтекки и Капулетти, Остап Бендер, Подпоручик Кижже, Робин Гуд, Смердяков, Швондер, Эллочка-людоедка* и др. Тем не менее и такой широкий подход, заданный традицией словаря М. И. Михельсона, не позволяет дать исчерпывающее, а главное — созвучное лингвистической природе семантического процесса описание данного феномена. Попыткой предложить такое описание, в том числе, объясняется появление узконаправленных специальных словарей, фиксирующих процессы перехода онимов в апеллятивы.

Так, несмотря на длительную лексикографическую традицию, **специализированное** словарное описание отонимных дериватов начинается только во второй половине XX века. Это можно объяснить, во-первых, развитием ономастики и теоретической лексикографии, которое позволило создавать аспектные словари на базе строгих научных концепций, а во-вторых, накоплением в узусе достаточно большого материала: от библейских и античных символических имен до наименований технических приспособлений по именам изобретателей. Сегодня лексико-семантическое пространство, лежащее на границе проприальной и апеллятивной лексики, остается актуальным языковым ресурсом и заставляет исследователей искать новые лексикографические подходы. Именно этим продиктована цель

данной статьи — обобщить историю специализированного словарного описания процессов перехода онимов в апеллятивы с позиций современной лексикографической теории и наметить перспективы развития соответствующего словарного жанра. Прежде всего нас будут интересовать проекции, накладываемые на предмет нашего внимания такими направлениями, как **лингвокультурологическая, фигуративная и авторская лексикография**.

При этом важно помнить, что, помимо научных словарей, посвященных взаимодействию онимов и апеллятивов, в отечественной лексикографии существует также традиция научно-популярного описания этого феномена. Задачей научно-популярного словаря, ориентированного на широкий круг читателей, становится не столько лингвистическое описание семантического процесса, сколько раскрытие «тайны», стоящей за словом, знакомым каждому, но не осознаваемым как бывшее имя собственное. И специальные, и научно-популярные словари перехода собственных имен в нарицательные издаются с достаточной регулярностью, что не оставляет сомнений в актуальности этой проблематики как для ученых-гуманитариев, так и для всех, кто интересуется русским языком и культурой.

2. Процесс деонимизации и специфика его словарного описания

Переходный процесс от собственного имени к нарицательному обозначается парой синонимичных терминов: **деонимизация** и **апеллятивация**, — толкуемых как «переход онима в апеллятив без аффиксации» [Подольская 1978: 54]. Мы оперируем термином деонимизация, так как апеллятивация, на наш взгляд, предполагает большее (в идеале — полное) уподобление онима апеллятиву, что встречается достаточно редко. Кроме того, в рамках различных исследовательских концепций используются более частные понятия: коннотативный оним [Отин 1997], прецедентное имя [Гудков 1999], интертекстема [Сидоренко 1999], полуантропоним [Блох,

Семенова 2001], логоэпистема [Бурвикова, Костомаров 2006], также подразумевающие обретение именем собственным признаков нарицательного.

Для описания разновидностей процесса деонимизации методологически важно учитывать теорию «воплощенного» (embodied) и «невоплощенного» (disembodied) имени, предложенную А. Гардинером [Gardiner 1954] (см. также [Кронгауз 1987]). Если «воплощенное» имя присвоено конкретному объекту действительности (ср.: *Я увидел Ивана*), то «невоплощенное» имя относится ко всем его потенциальным носителям (ср.: *Иван — распространенное имя*). Именно поэтому процесс семантической деривации (деонимизации) у этих классов имен идет по разным моделям: «воплощенное» имя развивает созначения по моделям метафоры и метонимии (ср.: *Отелло* — ‘ревнивец’ и *ампер* — ‘единица силы тока’), а «невоплощенное» имя приобретает расширительную оценочную коннотацию, как бы приписывающую некоторое свойство всем его носителям (ср.: *русский Ваня, хитрый Митрий, Вася Пупкин* (‘зурядный человек’)).

Не менее важно и то, что для разных моделей деонимизации, как правило, характерна разная степень расподобления имени собственного: метонимические дериваты легко отрываются от исходного онима и употребляются в речи вне связи с ним, а ономастические метафоры и «невоплощенные» имена в расширительном значении всегда (за редчайшими исключениями, такими, как, например, *олух, хам, хулиган*) сохраняют свою ономастическую мотивацию. Отсюда следует и тот факт, что метонимические отонимные дериваты, как правило, имеют четкую семантическую структуру и стилистически нейтральны, а слова, образованные по другим моделям, становятся средством выражения оценки и могут использоваться с различными смысловыми и экспрессивными оттенками, часто окказиональными. Это различие выявляется даже по словарным данным (без привлечения текстового материала). Ср., с одной стороны, такие метонимии, как, скажем, *галифе* — ‘брюки особого покроя, облегающие голени и сильно расширяющиеся кверху (заправляемые в сапоги) (по имени французского кавалерийского

генерала Г. Галифе (1830–1909))’ [БТС] и *дизель* — ‘двигатель внутреннего сгорания с воспламенением от сжатия (по имени немецкого инженера Р. Дизеля (1858–1913))’ [БТС], а с другой стороны — образные единицы: *Наполеон* — ‘о реакционном диктаторе // о человеке с чрезвычайно властолюбивыми замыслами’ [БАС-1]; ‘о человеке, считающем себя исключительной личностью и отличающемся крайним индивидуализмом’ [БТС]; ‘о том, кто стремится к неограниченной власти, добивается возможности повелевать кем-, чем-л.’ [БАС-3] (видны различные интерпретации имени в разных словарях); *Емеля* — ‘1. Сказочный герой, иронический удачник Емеля-дурак. 2. Врун, хвастун, пустомеля, лентяй. 3. Хитрец, притворяющийся дурачком’ [Кондратьева 1983] (видно множество оценок, которые можно дать человеку, называя его Емелей).

Еще одним важнейшим свойством процесса деонимизации является его культурная обусловленность. Имя собственное при употреблении в речи всегда вовлекает в дискурс целый комплекс внеязыковых представлений говорящего и слушающего; тем более это характерно для культурно значимых имен, склонных к «нарицательному» употреблению. Эта внеязыковая мотивирующая основа деонимизации в большинстве случаев осознается коммуникантами (если речь не идет о простейших метонимических переносах), а значит, составляет неотъемлемую часть смысловой структуры отонимного деривата и, наравне с его производным лексическим значением, подлечит словарному описанию.

Таким образом, ключевым фактором, определяющим специфику лексикографического описания деонимизации, является характер связи между исходным онимом и дериватом: она может быть актуальной или этимологической. Мотивирующий деонимизацию компонент значения так или иначе должен быть эксплицирован в словаре, что в свою очередь требует включения в словарную статью энциклопедической информации о первоначальном носителе имени. Порядок описания может быть различным. В следующем разделе рассмотрим принципы построения словарной статьи в словарях деонимизации.

3. К истории специализированного словарного описания деонимизации

3.1. Научные словари деонимизации

Приступая к рассмотрению специализированных словарей деонимизации, следует сделать важную оговорку: мы не ставим здесь задачу исчерпывающего обзора изданий, так или иначе отражающих данный семантический процесс. Наше внимание сконцентрировано на словарях, которые, на наш взгляд, представляют ключевые вехи в развитии данного словарного жанра. Каждый из анализируемых словарей вносит значимую новацию, открывает перед читателем и исследователем новые перспективы изучения феномена деонимизации, а иногда и знаменует собой переход на новый уровень лексикографического мастерства.

Так, во второй половине XX века вышли в свет книги Д. С. Мгеладзе и Н. П. Колесникова «От собственных имен к нарицательным» [Мгеладзе, Колесников 1970] и Т. Н. Кондратьевой «Метаморфозы собственного имени: опыт словаря» [Кондратьева 1983]. Авторы этих книг, будучи пионерами в области словарного описания деонимизации, внесли большой вклад в теоретическое изучение данного семантического процесса, обозначив понятийные области, в которых он проявляется наиболее активно, наметив динамические особенности перехода и разработав соответствующую архитектуру словарных статей. В то же время оригинальность авторских лексикографических концепций вступала в противоречие с вторичностью этих изданий по отношению к толковым словарям и словарям других типов (энциклопедическим, словарям иностранных слов, крылатых выражений и т. д.): первые словари деонимизации, по сути, оказались компиляциями материалов, извлеченных из разнообразных словарей-источников. Это позволило авторам, с одной стороны, собрать в своих книгах большой объем верифицированных данных, с другой же — не способствовало реализации строгих принципов описания и отбора материала.

В основе концепции словаря Д. С. Мгеладзе и Н. П. Колесникова лежит понятие антропонома — нарицательного имени, произошедшего от антропонима. При этом способ деривации не имеет принципиального значения. К числу антропономов авторы словаря относят и семантические дериваты (*ампер, дизель, макинтош, маугли, отелло*), и словообразовательные (*толстовка, тимуровец, подкузьмить*). Для авторов не важен и характер мотивированности антропономов: является ли она живой или лежит в области этимологии. Поэтому в словарь включено, с одной стороны, слово *Гамлет*, не воспринимаемое вне связи с именем шекспировского героя, а с другой стороны, слово *хороший*, которое, по одной из версий, восходит к имени древнеславянского бога солнца Хорса. Стремление к всеохватности в отборе материала позволяет увидеть взаимодействие разрядов собственных и нарицательных имен во всей его полноте, но в то же время становится помехой на пути подлинно научного описания этого взаимодействия: фиксация языковых фактов не сопровождается аналитическим подходом к объекту.

Словарь опирается на идеографический принцип: все рассматриваемые слова распределяются по лексико-семантическим объединениям. Каждое из них соответствует особой понятийной области, в рамках которой взаимодействие онимов и апеллятивов проявляется наиболее заметно.

Из 41 объединения, представленного в словаре, наиболее обширным оказывается первое: «Названия людей по роду их деятельности, научным, философским, политическим и религиозным взглядам, по специальности или профессии, по принадлежности к какой-либо группе, партии; национальности, народности; по физическим и моральным данным и т. д.». Это объединение подразделяется на 14 более частных групп, организованных по семантическому принципу и содержащих типичные образцы ономастической метафоры. Ср. *Гулливёр* — ‘человек, кажущийся среди ничтожеств великаном, а среди великанов лилипутом’. — По имени героя сатирического романа английского писателя Джонатана Свифта (1667–1745) «Путешествия Гулливера»; *Калибан* — ‘грубый человек’. В пьесе В. Шекспира «Буря» (1612) это дикарь-невольник, уродливый, грубый, лишенный

человечности пьяница, чудовище в образе человека. В таком значении имя его стало нарицательным; *Фауст* — ‘пытливый искатель истины, борец за свободу и могущество человеческого духа’. — По имени доктора Фауста, героя средневековых легенд, чернокнижника и астролога, продавшего свою душу дьяволу.

Остальные 40 лексико-семантических объединений, представленных в словаре, иллюстрируют, помимо словообразовательной деривации, главным образом, метонимические переходы онима в апеллатив. Среди зон активности этого перехода отметим: 1) названия музыкальных инструментов (*амати, гуарнери, спинет, страдивариус*); 2) названия машин, приборов, аппаратов и проч. (*брегет, верньер, дизель, жакар, кардан, кингстон, нониус, нортрон, ремингтон, рентген, реомюр, цейс, шредер*); 3) названия единиц измерения (*ампер, ангстрем, ватт, вебер, вольт, герц, гильберт, кулон, кюри, ламберт, максвелл, ньютон, ом, рентген, стокс, тесла, эрстед*); 4) названия средств передвижения (*монгольфьер, тильбюри, цепелин*); 5) названия огнестрельного и холодного оружия, боеприпасов (*винчестер, маузер, монтекристо, шрапнель*); 6) названия кушаний и сладостей (*бешамель, монпансье, наполеон, сэндвич*); 7) названия одежды и головных уборов (*альмавива, галифе, макинтош, пальмерстон, панталоны, реглан, спенсер, тальма, фигаро, френч*); 8) названия тканей (*батист, гобелен, ришелье*); 9) названия мебели и ее стилей (*буль, жакоб, помпадур*); 10) названия изделий из фарфора (*веджвуд, селадон*).

Таким образом, первый словарь, описывающий переход собственных имен в нарицательные, представляет собой большой свод разнородной информации и задает вектор как собственно научному описанию процессов деонимизации, которое в дальнейшем пойдет по пути выработки более строгой концепции, соответствующей природе описываемого процесса, так и научно-популярному представлению взаимодействия онимов и апеллативов, нацеленному на расширение кругозора читателя и раскрытие «тайны» происхождения слова.

Следующим этапом научного лексикографического описания деонимизации стала публикация словаря Т. Н. Кондратьевой «Метаморфозы собственного имени», хотя, безусловно, следует признать,

что материалы книги иллюстрируют более широкий круг явлений, характерных для взаимодействия онимов и апеллятивов. Отмечая преемственность словаря по отношению к книге Д. С. Мгеладзе и Н. П. Колесникова, его автор заявляет о принципиальном отличии: теперь «исследование ведется в среднем звене “перехода” или “переноса” имени» [Кондратьева 1983: 5]. Новый словарь не только фиксирует факт деонимизации, но и стремится выявить ее континуальную специфику, установить семантические закономерности и историко-культурные предпосылки. Объектом описания становится «путь метаморфоз от собственных к нарицательным и от нарицательных к собственным» [Кондратьева 1983: 5].

В новом словаре описывается более 1000 имен. Специфика словника состоит в его ориентации на слова ограниченного употребления. В словарь включены «окказиональные имена, архаические имена, диалектизмы, арготизмы, профессионализмы, образованные от слов-имен» [Кондратьева 1983: 6]. Разумеется, в книге небольшого объема невозможно исчерпывающе представить такой корпус имен собственных (особенно это относится к потенциально бесконечному числу окказионализмов), однако автору удается глубоко проникнуть в семантическую и культурную специфику процесса деонимизации и наглядно показать ее читателю. Так, например, в статье, посвященной имени *Перун*, представлен целый ряд метонимических и метафорических значений, многие из которых имеют выраженный историко-культурный компонент, характеризуются как символы того или иного предмета или явления и сопровождаются пометами *устар.*, *поэтич.* и *книжн.* Характерно также, что некоторые значения в ряде случаев подтверждаются не только отсылками к словарям, но и цитатным материалом. Ср.:

ПЕРУН, а, м. 1. Главное божество восточных славян, бог грома, молнии и покровитель воинов. 2. Скульптурное изображение этого бога в виде воина, держащего в левой руке колчан со стрелами, а в правой — лук. 3. Дуб, дубрава, возвышенное место, холм, где было место богослужения. Сохранилось название: Перуново (Новгород. обл.), Перуново Ржевск. р-на и др. 4. Устар.

гром и молния: «Кругом... перуны блещут!» (*Ломоносов*). 5. Болезнь, недуг: «Схвати тебя перуном!» (*Соляр.*). 6. Устар. поэтич. а) Стрела, молния, низвергаемые богом грома и войны. б) Символическое обозначение грома и молнии, войны: «...воспитанник побед, бросал разящие перуны» (*Д. Давыдов*); «Вы — отечества щит, / Перун вековечной державы...» (*Д. Давыдов*). в) Символ оружия, воинской славы. «Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов, / Потомки грозные славян, / Перуном Зевсовым победу похищали» (*Пушкин*, *Воспом. в Царском Селе*). г) Оружие, пушка (поэтич.) — «медные перуны» (*Бобров*, *Стансы на утверждение корабельного и штурманского училища. 1798*). 7. Брань, обереги. — Кабы тебя перун треснул! — Схвати тебя перуном! Перун бы тебе взял (убил)! — Ишь его перуном носит! Метать перуны против кого (книжн.) — гневаться, сердиться на кого. Ср.: бросать молнии (*Д.; Соляр.; Дьяч.; ССРЛЯ*).

«Метаморфозы...» фиксируют как энциклопедические (единичные, индивидуальные), так и общие значения «перенесенных» имен. При этом «внеязыковые данные (сведения о реалиях) используются лишь в той мере, в какой это необходимо для раскрытия значения слова, для правильного понимания и использования его» [Кондратьева 1983: 6]. Такой подход к толкованию отонимных дериватов не нов для лексикографии: он реализуется в толковых словарях и в словарях крылатых выражений. То же можно сказать и о словаре Д. С. Мгеладзе и Н. П. Колесникова. Принципиальное же отличие словаря Т. Н. Кондратьевой состоит в том, что словарная статья в нем описывает не устоявшуюся семантическую структуру слова, а деривационный процесс. Если в словарях-предшественниках энциклопедическая информация о носителе исходного онима привлекалась лишь в качестве этимологической справки, то здесь она, как правило, выносится на первое место, что непосредственно соответствует логике семантического переноса. В словаре отражены как метафорические, так и метонимические процессы. Ср.:

РЕНТГЕН, а, м. 1. Имя немецкого физика, открывшего в 1895 г. невидимые лучи, получившие название рентгеновских. 2. То же,

что и рентгеновские лучи. Лечение рентгеном. Просвечивание этими лучами или снимок. 3. Аппарат для просвечивания этими лучами. Включить рентген. Поломка рентгена. 4. Спец. Единицы дозы рентгеновского и гамма-излучения (*Уш.*).

РОСИНАНТ, а, м. 1. Имя коня Дон Кихота в романе Сервантеса. 2. Ирон. и шутл. Изнуренная исхудавшая лошадь, кляча. — Но, пегашка, выручай! — И Пафнутьичев росинант, пегий меринок, затрусил (*ССРЛЯ*).

Кроме того, описываются «невоплощенные» имена, развивающие расширительные значения, так называемые «пословичные» имена, обрядовая лексика, фольклорные имена и прочие образные отонимные дериваты. Ср.:

ДЕМА, ы, м. Плут, обманщик. Уменьш. от *Демьян*. Возможно, отриц. значению способствовало созвучие с *демон*? Ср. **Демешка** — сатана, демон (*Фасм.*).

ЕКИМ, а, м. От **ИОАКИМ** др.-евр. *iaaqim* — бог воздвигает, восстановление или воскресение господне. 1. Важный, много думающий о себе человек. — **Еким-господин** на небо лезет, мудрит, даром, что еким. 2. Простак. — Эх, я, **Еким-простота**, рукавицы за поясом, а я ищу! **Еким-парубок** — слуга Алеши Поповича — простой, преданный богатырю отрок. 3. Приверженец старого. В селе **Екимец (Якимец)** (ряз.) в честь Ярилы была ярмарка (*Мак.*).

«Метаморфозы собственного имени» Т. Н. Кондратьевой — это, по существу, первый в отечественной лексикографии опыт специализированного описания деонимизации как семантического **процесса**. Идея словарной статьи как «пути метаморфозы» имени собственного оказалась весьма продуктивной. Неслучайно аналогичное решение было предложено и составителями позднейших словарей (скорее всего, самостоятельно, вне преемственности с книгой Т. Н. Кондратьевой). В частности, именно так описываются ономастические метафоры с нестертой образностью в современных толковых

словарях — [БТС] и [БАС-3] (см. об этом [Воронцов 2019]). Такой же принцип реализован и в «Словаре коннотативных собственных имен» Е. С. Отина [Отин 2010] (первое издание — 2004), который является следующим шагом на пути научного словарного описания процессов деонимизации.

«Словарь коннотативных собственных имен», ставший итогом многолетней исследовательской работы автора, отличается от словарей-предшественников богатством материала, как исторического, так и современного, активным использованием цитат, подтверждающих переносное употребление имен собственных, и, что особенно важно, оригинальной и последовательно реализованной лексикографической концепцией. Подробный критический анализ первого издания словаря представлен в рецензии М. Э. Рут [Рут 2005] (см. также [Мокиенко 2006; Гунтарева 2019]), мы же ограничимся здесь краткой характеристикой новаторских идей лексикографа.

В центре внимания автора словаря — понятие коннотонима, «собственного имени, в котором его денотативное значение сосуществует с общеязыковыми или индивидуальными коннотациями» [Отин 1997: 279]. Коннотоним, таким образом, заключает в себе одновременно и проприальную, и апеллятивную семантику и часто является промежуточной единицей между разрядами собственных и нарицательных имен. Его разновидности — это ономастические метафоры (в разной степени узуализации: от индивидуально-авторских коннотированных употреблений онимов до апеллятивов типа *ментор*, *ирод*, *ловелас*) и «невоплощенные» имена, употребляемые в расширительном значении (*Ванька*, *Ероха*, *Марь Иванна*). В словаре описано более 500 единиц.

Эмпирической основой словаря являются как лексикографические данные (толковые, диалектные словари, словари жаргона и т. д.), так и огромный корпус текстов: от древнерусских летописей до современной публицистики; более того, учитываются даже записи устной речи. Обратной стороной такого грандиозного охвата материала становится его «пестрота» и «случайная избирательность», что, однако, не мешает адекватному воплощению поставленной автором задачи [Рут 2005: 180]. На сегодняшний день словарь Е. С. Отина,

несмотря на неизбежное наличие лакун и мелких неточностей, представляет собой самое полное, глубокое и последовательное описание коннотативных собственных имен в отечественной лексикографии.

В плане построения словарной статьи «Словарь коннотативных собственных имен», так же, как и словарь Т. Н. Кондратьевой, описывает «путь метаморфозы» собственного имени. Но Е. С. Отин совершенствует эту концепцию, дополняя статью сведениями об историко-культурных предпосылках деонимизации (мотивирующего компонента, о значимости которого шла речь выше) и расширяя ее за счет многостороннего описания семантико-стилистического потенциала коннотонима. Так, каждая словарная статья начинается с описания референта исходного имени собственного, затем с помощью особых графических знаков (<<...>>) вводятся внеязыковые реалии, обусловившие вторичную номинацию (только для ономастических метафор), затем приводятся все значения коннотонима с иллюстрациями, и наконец, заключительная часть статьи посвящается отконнотонимным дериватам или устойчивым сочетаниям с коннотонимами. В качестве примера приведем (в сокращении) две словарные статьи, иллюстрирующие основные разновидности коннотонимов:

БАСТИЛИЯ, -ии, ж. Топ.₁. Тюрьма (до XV в. — крепость) в Париже. <...> <<Твердыня феодально-абсолютистского строя. В 1789 г. была взята восставшим народом>>.

УКТ₁ (узуальный коннотативный топоним. — Р. В.). 1. Тюрьма вообще; всякое место заточения и угнетения человека. <...> *Человек, вступивший за ограду Тауэра — английской Бастилии, бывшего дворца норманнских завоевателей, редко сохранял жизнь* (Серебрякова Г. И. Предшествование).

2. Непрístupная крепость, твердыня. *Но сердце Эмили / Подобно Бастилии* (Лермонтов М. Ю. <К Э. К. Мусиной-Пушкиной>, 1839 г.).

3. Гнет, жестокость, подавление человека. *Пора и бастильи все эти уничтожить* (Герцен А. И. Былое и думы).

4. Оплот реакции, консерватизма, догматизма. *Все решительнее общественное мнение вторгается в область идеологии,*

которая до недавнего времени была зоной, где догматические бастилии казались особо неприступными («Вечерний Донецк», 1988 г., 6 янв.).

◇ **Взять Бастилию.** Одержать победу, добиться крупного успеха. 13 июля 1985 года в Париже на стадионе имени Жана Буэна взял 6 метров. — «Бубка взял “Бастилию”» — такой заголовков был тогда в нескольких французских газетах... («Неделя», 1986 г., № 32). <...>

ТИМОХА, -и, м. Антр. Личное мужское имя, производное от **Тимофей**. <...> УКА (узуальный коннотативный антропоним. — Р. В.). Простак, простофиля, недотепа. *Этакий Тимоха ты* (Тургенев И. С. Чертопханов и Недопюскин).

В словаре Е. С. Отина в основном фиксируются узуальные коннотонимы, однако в ряде случаев отмечаются и их окказиональные употребления. Так, коннотоним *Ватерлоо*, по данным словаря, даже проявляет признаки окказиональной энантиосемии: узуальному значению ‘поражение в каком-либо деле; крушение надежд, замыслов’, противостоит окказиональное ‘победа’: *Роберт Пиль, переходом своим на сторону свободной торговли, одержал экономическое Ватерлоо для правительства* (А. И. Герцен. Революция в России). Ср. также *Гаврош*: узуальные значения — ‘подросток, участвующий в бою на баррикадах’, ‘подросток-бродяга, беспризорник, несовершеннолетний бомж’, окказиональное — ‘всякий политик — пылкий борец за демократию, «романтик баррикад»’.

«Словарь коннотативных собственных имен» Е. С. Отина завершает очередной важный этап на пути научного описания процесса деонимизации, но в то же время «открывает новую страницу в нашей лексикографии» [Мокиенко 2006]. Прежде всего, эта новая страница связана с открывающимися перспективами. Дальнейшее совершенствование теоретической основы словаря, системное привлечение новых пластов текстового материала, сосредоточение внимания на надежных верифицируемых источниках позволит в будущем создать описание русской коннотонимии, близкое к исчерпывающему.

Новейшим лексикографическим изданием, описывающим процессы деонимизации в русском языке, можно — с некоторой долей условности — назвать «Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах» М. Л. Ковшовой [Ковшова 2019]. Эта условность определяется тем, что имена собственные описываются в нем не как самостоятельные единицы, а как компоненты более крупных единств — паремий и идиом, в составе которых они являются «носителями культурных смыслов, воплощенных в языковую оболочку», служат «олицетворенными символами, эталонами, мифологемами, стереотипами» и, наконец, создают особую «атмосферу театральности» [Ковшова 2019: 7].

В строгом смысле образцы деонимизации, приобретения именем собственным признаков нарицательного, обнаруживаются в третьем блоке словаря — «Собственное имя в идиомах». Под идиомами понимаются «устойчиво воспроизводимые, образно мотивированные, полностью переосмысленные по значению лексико-синтаксические сочетания слов», состоящие из двух и более компонентов [Ковшова 2019: 41]. Такое понимание термина позволяет автору собрать в одном блоке словаря очень пестрый в лексико-грамматическом отношении языковой материал: от многословных фразеологизмов (*показать кузькину мать, приносить жертву Молоху, превратиться из Савла в Павла*) до типичных ономастических метафор и «невоплощенных» имен в расширительном значении (*Александр Македонский, Иван Иванович и Иван Никифорович, тетя Мотя*), формально являющихся неоднословными, но семантически, конечно, представляющих собой единую номинацию. Кроме того, сюда можно отнести многочисленные единицы следующего типа: [*как; словно*] *Акакий Акакиевич [Башмачкин]*; [*как*] *два Аякса*; [*как*] *ванька-встанька*; [*как*] *Царевна Несмеяна* и т. д. Встраивание таких коннотативных имен в сравнительную конструкцию подчеркивает предикативный характер их употребления, типичный для образных, в том числе метафорических средств языка. Характерно также замечание автора словаря, что из состава идиомы затруднительно выделить имя собственное в качестве заголовочного слова словарной статьи. При этом легче

выделяются культурно значимые агионимы, мифонимы, хрононимы, исторические и литературные имена [Ковшова 2019: 13] — как раз те онимы, которые наиболее склонны к развитию коннотативных сознаний.

Так, именно наличие в словаре М. Л. Ковшовой подобных единиц позволяет нам условно относить его к жанру словаря деонимизации. Идиоматика, понятая в широком смысле — не только как фразеологический фонд, но как все средства языка, создающие его специфичность (см. [Савицкий 2006]), — безусловно, включает в себя образные продукты деонимизации — коннотативные онимы.

Вокабула в словаре М. Л. Ковшовой сопровождается функционально-стилистическими пометами, толкованием идиомы, иллюстрациями и комментарием (при необходимости). Благодаря широкому обращению к данным Национального корпуса русского языка автору удастся всесторонне проиллюстрировать употребление идиом. В зоне комментария приводятся этимологические и культурно-исторические сведения, в том числе описывается мотивационная основа переносного (идиоматического) употребления имени. Приведем примеры:

[Как <и>] Подпоручик <Поручик> Кижсе. Книжн. — ‘1. Человек, в действительности не существующий. 2. Человек, оставшийся неизвестным, проходящий по секретным спискам. 3. Фальшивые, несуществующие данные. 4. Нечто неизвестное, требующее пояснения’.

1. Интеллектуалы выдохлись еще и потому, что прекрасно поняли: их аудитория, то есть все те же «умные», не пойдут за этим фантомным *подпоручиком Кижсе*, «фигуры не имеющим». [А. Турганов. *Время умных* (2003)]. <...>

2. <...> осужденный по ОСО — это *поручик Кижсе*, арестант секретный, фигуры не имеющий [Ю. О. Домбровский. *Факультет ненужных вещей, часть 2* (1978)]. <...>

3. — Я бы мог сам изобрести *подпоручика Кижсе*, но у нас теперь требуют реальные факты [О. Новикова. *Женский роман* (1993)]. <...>

4. ⟨...⟩ А западная <культура. — Р. В.>... тут что ни имя, то *подручик Киже*: арестант секретный, фигуры не имеет. Поди разбери, кто такой Кретъен де Труа и чем он отличается от Луве де Кувре [Г. С. Померанц. Записки гадкого утенка (1998)].

Выражение восходит к историческому анекдоту, связанному с ошибкой молодого писателя при составлении бумаги: канцелярский оборот «подпоручик иже...» превратился в имя «Киже». На развитие идиомы оказала влияние фраза: «арестант секретный и фигуры не имеет» в рассказе Ю. Тынянова «Подпоручик Киже» (1930).

Дядя Вася. Публиц. — ‘1. Обыкновенный труженик; простой рабочий, умелый и смекалистый. 2. Разг. Ирон. ⟨...⟩ Нерадивый работник, отсталый, ленивый человек; пьяница’.

1. ⟨...⟩ Если котел вышел из строя, а мороз градусов под тридцать, тут взвоешь, а кроме как от *дяди Васи* спасения неоткуда ждать [Н. Кожевникова. Золушка // «Октябрь», 2003]. ⟨...⟩

2. ⟨...⟩ Во-первых, нет уверенности, что *дядя Вася*, съевший собаку на ремонте «Жигулей», разберется в устройстве современной иномарки, а во-вторых, жалко терять гарантию [И. Сирин. Свой путь (2003)]. ⟨...⟩

Подводя итог, следует подчеркнуть то оригинальное и новое, что вошло в поле исследовательского внимания благодаря каждому из четырех представленных словарей. В книге [Мгеладзе, Колесников 1970], ставшей первой попыткой специализированного описания продуктов деонимизации, определены основные понятийные области, в которых особенно активен данный вид семантической деривации, и намечены векторы как собственно научного, так и научно-популярного описания этого феномена. В словаре [Кондратьева 1983] деонимизация описывается как семантический процесс и в связи с этим разрабатывается особая архитектура словарной статьи. Издание [Отин 2010] сегодня является наиболее полным собранием коннотонимов русского языка, выполненным в рамках строгой лексикографической концепции. И наконец, в словаре [Ковшова 2019] коннотонимия представлена в контексте языковой идиоматики, а системное

использование материалов Национального корпуса русского языка впервые позволило построить словарь анализируемого жанра на широкой и выверенной текстовой базе.

Важно также подчеркнуть, что в последнее время наметилась тенденция к всестороннему описанию образных ономастических единиц, сохраняющих живую связь с исходным онимом. Эти единицы (иначе — коннотативные онимы) составляют часть идиоматики языка и, как правило, образуются по модели ономастической метафоры и расширения семантики «невоплощенного» имени. Для современных научных словарей деонимизации характерен отказ от описания ономастических метонимий и словообразовательных отонимных дериватов, которые фиксируются в толковых словарях, словарях специальной лексики, а также в научно-популярных словарях деонимизации. Краткий обзор последних представлен в следующем разделе.

3.2. Научно-популярные словари деонимизации

Научно-популярная лексикография удовлетворяет интеллектуальные запросы широкого круга читателей-неспециалистов и, прежде всего, ориентирована на увлекательное описание необычных, загадочных явлений, в том числе языковых. Применительно к процессам деонимизации единицей описания научно-популярного словаря, как правило, является эпоним — «лицо, имя которого послужило для образования любого другого онима» [Подольская 1978: 165]. Добавим к этому, что, во-первых, от эпонимов очень часто образуются и апеллативы, во-вторых, эпонимами могут выступать не только антропонимы, но и онимы других разрядов (*болонья* ‘ткань’ от названия города) и, в-третьих, способ образования нового слова может быть как безаффиксным (ономастические метонимии типа *амати*, *ампер*, *макинтош*), так и аффиксальным (например, наименования минералов: *александрит*, *магnezит*, *щербaковит*) (см. [Какзанова 2018: 145]). Эпонимическими по происхождению, безусловно, можно считать и стертые ономастические метафоры.

Начало научно-популярному описанию деонимизации в отечественной лексикографии (как и научному) было положено словарем Д. С. Мгеладзе и Н. П. Колесникова (1970), материалы которого впоследствии нашли отражение в книге Л. А. Введенской и Н. П. Колесникова «От названий к именам» [Введенская, Колесников 1995]. Словники этих словарей во многом тождественны, но в популярном издании авторы отказались от идеографической подачи материала, демонстрирующей семантические зоны активности деонимизации, в пользу простого алфавитного порядка.

Единицы словаря Л. А. Введенской и Н. П. Колесникова предельно разнообразны: это и продукты деонимизации (метафоры: *агасфер*, *вагнер*, *соломон*; метонимии: *кольт*, *сэндвич*, *шевиот*; «невоплощенные» имена с расширенной семантикой: *агафон*, *иван*, *фриц*), и словообразовательные дериваты (*гальванизация*, *линчевание*, *обломовщина*, *тиролька* ('яблоня', 'шляпа'), *францисканцы* и многие др.). В приложении приводится перечень названий минералов, образованных от имен собственных. При огромном словнике (более 2000 имен) семантическое описание отонимных дериватов весьма лаконично: толкование, стилистическая помета (при необходимости) и краткая историко-этимологическая справка.

Книга В. Д. Рязанцева «Имена и названия» [Рязанцев 1998] имеет подзаголовок, отражающий ее предельно широкий охват: «Словарь эпонимов: имена собственные, перешедшие в названия; образование терминов и понятий; происхождение имен нарицательных; слова, употребляемые в переносном смысле». Помимо уже названных типов описываемых единиц, здесь представлены примеры трансонимизации (*Атлас* 'мифологический герой (Атлант)' — 'горная система'), происхождения топонимов (*Санкт-Петербург* — от 'крепость святого Петра'), слова, восходящие к именам древних языческих божеств (*лад*, *чур*), коммерческие наименования («*пежо*», «*форд*») и т. д. Пестрота словника сочетается с разнообразием приводимой энциклопедической информации, словарные статьи объемны и часто сопровождаются иллюстрациями.

Не менее энциклопедичным является и словарь-справочник М. Г. Блау «Судьба эпонимов. 300 историй происхождения названий»

[Блау 2010]. Концептуальное единство словника определяется, во-первых, строгим пониманием эпонима как человека, чье имя стало основой вторичной номинации (ср. название предисловия «Нарицательные люди»), а во-вторых, отказом от описания отонимных дериватов с живой образной мотивацией. В семантическом же плане словник также отличается пестротой (ср.: *бефстроганов, клятва Гиппократ, Йельский университет, калашиников, крайслер, мавзолей, пастеризация, пролив Кука*). Каждая словарная статья состоит из двух разделов: толкования слова с отсылкой к его эпониму и подробной историко-биографической справки о последнем.

Для сравнения приведем словарные статьи на слово *иммельман* из всех трех научно-популярных словарей.

ИММЕЛЬМАН. Фигура высшего пилотажа, дающая возможность быстро переменить курс самолета на 180°. — По имени немецкого летчика М. Иммельмана (1890–1916) [Введенская, Колесников 1995].

ИММЕЛЬМАН. Фигура сложного пилотажа — полупетля с переворотом. Названа по фамилии немецкого летчика Макса Иммельмана, впервые выполнившего эту фигуру в 1916 г. Маневр имеет целью быстро переменить курс самолета на 180°. Самолет описывает половину петли, пока пилот не оказывается в мертвой точке в положении «вниз головой», а затем он выводится в нормальное горизонтальное положение [Рязанцев 1998].

ИММЕЛЬМАН. Фигура высшего пилотажа, полупетля с полубочкой (половина восходящей петли, которая завершается в верхней точке поворотом на 180° для выхода в обычный горизонтальный полет); названа по имени М. Иммельмана. **Макс Иммельман** Max Immelmann (1890–1916) — немецкий летчик-ас времен Первой мировой войны. Родился в Дрездене в семье фабриканта. После школы поступил в железнодорожное управление и в 1913–1914 гг. изучал инженерное дело. С началом Первой мировой войны был призван на военную службу, в ноябре 1914 г. послан в летную школу. Летал в небе Франции как летчик-разведчик. К концу 1915 г. стал

одним из лучших немецких летчиков. Получил прозвище «Орел Лилля». Первый немецкий военный летчик, удостоенный высшей военной награды Германии, ордена «За заслуги» [Блау 2010].

Таким образом, общими тенденциями в научно-популярном лексикографическом описании деонимизации можно назвать повышение степени энциклопедизации словарей и преимущественное внимание к дериватам, утратившим связь с исходным онимом. Обе эти тенденции определяются задачами научно-популярного словаря — открыть читателю «тайну», стоящую за словом, и подробно рассказать об обстоятельствах, способствовавших переносу имени на новый предмет или явление.

4. Словарное описание деонимизации в свете современных лексикографических концепций

4.1. Словарь деонимизации с точки зрения типологии словарей

Как показывает анализ словарей деонимизации, общей для них единицей описания является имя собственное с элементами апеллятивной семантики. В то же время разнообразие подобных единиц, как логико-семантическое, так и лингвокультурологическое, достаточно велико, что может вызвать обоснованные сомнения в правомерности выделения словаря деонимизации как словарного типа. Поэтому мы квалифицируем его как жанр лексикографии — разновидность ономастического словаря, описывающего отонимные семантические дериваты и концентрирующего внимание читателя на взаимодействии разрядов собственных и нарицательных имен. Схожим образом типологическая природа словаря деонимизации трактуется в монографии В. А. Козырева и В. Д. Черняк, где такие издания описываются в разделе ономастических словарей, подраздел «Словари ономастической лексики» [Козырев, Черняк 2015: 349–351].

Важнейшим свойством ономастической лексикографии в целом является **аспектность** словарного описания онимов. Если апеллятивная лексикография имеет интегральный тип толкового словаря, в котором реализуется комплексное описание лексики, то в ономастической лексикографии такого типа словаря быть не может в силу специфики проприальной семантики: имя собственное соотносится с единичным понятием, не обладает апеллятивным лексическим значением и, следовательно, может описываться только под тем или иным углом зрения: этимологическим, социолингвистическим, лингвокультурологическим, ортологическим и т. д. (см. [Воронцов 2017a]). В той же мере это относится и к словарям деонимизации как разновидности ономастических словарей: в них описываются типологически различные виды отонимных дериватов, при этом рассматриваются они с точки зрения разных подходов и аспектов.

4.2. Лингвокультурологический подход к описанию деонимизации

Выше было показано, что основной интерес для научной лексикографии представляют образные отонимные дериваты — коннотативные собственные имена. По мнению В. Э. Сталтмане, высказанному более 30 лет назад, такие онимы изучаются в области лингвострановедения и, соответственно, описываются в лингвострановедческих словарях, ориентированных, прежде всего, на иностранцев, изучающих русский язык [Сталтмане 1989: 45]. В качестве одного из примеров автор приводит словарные материалы Е. С. Отина, которые впоследствии станут частью его «Словаря коннотативных собственных имен». Тем самым словарю деонимизации приписывается прикладной характер — служить пособием при изучении русского языка как иностранного. Лингвострановедческий аспект словарного описания коннотонимов, впервые обоснованный Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым [Верещагин, Костомаров 1977], впоследствии получил развитие в рамках лингвокультурологической

теории прецедентных феноменов и, в частности, прецедентных имен (см. [Гудков 1999]).

Семантизация онима в лингвострановедческом словаре должна выполняться по принципу «изъяснения» — описания лексического фона имени, заключающего в себе внеязыковые сведения из обыденного языкового сознания [Верещагин, Костомаров 1977: 125–126]. Помимо собственно вторичных онимных номинаций, этот лексический фон может содержать массу разнородных сведений: от сокращенных личных форм имени и перечня его известных обладателей до особенностей его употребления в фольклорных и литературных текстах (см. примеры словарных статей в цитируемой работе).

Более структурированный подход к словарному описанию прецедентных имен с позиций теории межкультурной коммуникации предложен в докторской диссертации Д. Б. Гудкова [Гудков 1999], где выстроена следующая схема словарной статьи: «В начале статьи предлагается “энциклопедическая” информация о том или ином феномене, затем (...) представления, которые актуализируются при интенциональном (коннотативном) употреблении имени (ср. с нашим тезисом о мотивирующей основе деонимизации. — *P. B.*), после указываются (если их можно явно выделить) те атрибуты, которые прочно связаны с соответствующим “культурным предметом” (например, *Настоящий Остап Бендер!* — о человеке в длинном шарфе и фуражке (пример Д. Б. Гудкова). — *P. B.*), потом следует оценка, которой он наделяется (...). Особенности функционирования прецедентного имени иллюстрируются примерами употребления этих имен в текстах художественной литературы и СМИ» [Гудков 1999: 329–330]. Легко заметить, что в той или иной степени данная схема реализуется при описании коннотативных онимов в рассмотренных выше словарях, наиболее полно — в словаре [Отин 2010]. Неслучайно и сам ее автор полагает, что такой словарь «может помочь в решении не только прикладных, но и теоретических проблем, предлагая модель лексикографического описания прецедентных имен» [Гудков 1999: 328].

Образец лингвокультурологического описания коннотативных онимов (прецедентных имен) представлен в книге «Русское

культурное пространство. Лингвокультурологический словарь» [Захаренко и др. (ред.) 2004]. Прецедентные имена составляют один из четырех разделов словаря наряду с зооморфными образами, прецедентными текстами и прецедентными высказываниями. Описываются только те имена, которые составляют неотъемлемую часть национальной русской когнитивной базы (*Василиса Премудрая / Прекрасная, Илья Муромец, Сивка-Бурка* и др.), поэтому, с одной стороны, в словаре почти нет заимствованных онимов (являющихся тем не менее важнейшим источником русской ономастической метафоры), а с другой стороны, подробное описание получают наименования так называемых «духов» (*водяной, русалка, леший*) и «артефактов» (*меч-кладенец, золотой ключик, живая вода*). Словарная статья строится на принципах, изложенных в [Гудков 1999], и состоит из трех компонентов: 1) энциклопедической информации о персонаже или предмете, 2) стереотипного представления о нем, характерного для русской лингвокультуры (и являющегося основой переносного употребления онима), и 3) особенностей употребления имени в современном дискурсе.

Таким образом, лингвокультурологическая концепция описания отонимных дериватов, безусловно, является вкладом не только в теорию межкультурной коммуникации и практику преподавания русского языка иностранцам, но и в общую теорию лексикографии, поскольку в ней сформулированы принципы, применимые к фундаментальному научному описанию прецедентных имен (коннотативных онимов). Сегодня задача составления комплексного словаря, основанного на этих принципах, по-прежнему остается актуальной.

Следует также отметить, что лингвокультурологическая специфика деонимизации нашла отражение и в ряде двуязычных (и даже трехязычных) словарей (ср., в частности, [Катермина 1999; Рубцова 2009; Какзанова 2015]). Этот особый аспект описания отонимных дериватов лежит за рамками объекта настоящего исследования, хотя и представляет безусловный интерес: по материалам подобных словарей прослеживаются этноязыковые закономерности осмысления действительности через посредство ономастики.

4.3. Словарь деонимизации как жанр фигуративной лексикографии

Принципы лингвокультурологического описания образных единиц языка и речи оказались в том числе востребованы таким направлением, как фигуративная лексикография. Хотя к числу фигуративных можно отнести все известные словари, описывающие образный фонд русского языка, единая теоретическая база данного направления оформилась только в последние годы — в первую очередь, в связи с составлением «Словаря русской пищевой метафоры» [Юрина (ред.) 2015]. Концептуализация мира на базе метафорических моделей обусловлена культурным контекстом, и описание образных средств (метафор) нуждается в лингвокультурологическом комментарии. В названном словаре такой комментарий строится по принципу «изъяснения» культурного фона и сопровождается формулировкой «типовых образных представлений» [Юрина (ред.) 2015: 9].

В программной статье М. В. Грековой [Грекова 2016] рассмотрены существующие в отечественной лексикографии словари образных средств языка и сформулированы общие принципы фигуративной лексикографии. Автор не упоминает ни один из словарей отономастической лексики, хотя вряд ли можно усомниться в образности таких лексических единиц. И семантико-прагматические, и лингвокультурологические свойства коннотативных онимов однозначно подтверждают их «фигуративность». В то же время словари деонимизации действительно не в полной мере соответствуют декларируемым принципам, что, в свою очередь, требует особого комментария. При этом сразу следует оговорить, что речь пойдет только о словарях, описывающих образные отонимные дериваты.

Не вызывает сомнений соответствие словарей коннотонимов таким принципам фигуративной лексикографии, как: словарная презентация вторичных образных значений, экспликация мотивирующего компонента образной единицы, ориентация на функционирование образных средств языка в речи [Грекова 2016: 27–29]. Действительно, целью рассматриваемых словарей является фиксация переносных

коннотативных созначений собственных имен, возникающих на базе ассоциативно-образного мотивирующего комплекса представлений о предмете, и выявляются эти созначения с привлечением текстового иллюстративного материала. В современных словарях деонимизации эти принципы реализуются исключительно последовательно (ср. [Захаренко и др. (ред.) 2004; Отин 2010; Ковшова 2019]).

Менее явно в существующих словарях воплощены принципы разъяснения экспрессивных коннотаций и раскрытия культурного содержания [Грекова 2016: 28–29]. Как и любые другие образные средства языка, коннотативные онимы служат для выражения оценки и экспрессии, что находит свою лексикографическую проекцию в системе словарных помет. Такая система на данный момент последовательно реализована только в словаре [Ковшова 2019] и, безусловно, должна стать предметом внимания лексикографов при дальнейшей разработке вопроса. Что касается культурного фона имени, во всех случаях являющегося источником представлений, мотивирующих образное употребление, то в меньшей или большей степени он раскрывается во всех словарях деонимизации (в описании исходного носителя имени, в этимологической справке, в указании на мотивирующую базу номинации). В то же время подробный лингвокультурологический комментарий представлен эпизодически или не представлен вообще, видимо, в связи с тем, что его включение резко повышает степень энциклопедичности словаря и увеличивает объем.

Не выполняется в словарях деонимизации только шестой принцип фигуративной лексикографии — концептуальная организация макроструктуры словаря, — подразумевающий, что расположение материала должно отражать «структурно-семантические связи единиц и единство метафорического образа». Более того, тенденция к смысловой рубрикации, к тематической подаче материала мыслится как общая тенденция в развитии фигуративной лексикографии [Грекова 2016: 30]. Все рассмотренные словари деонимизации, напротив, строятся по простому алфавитному принципу, за исключением словаря [Мгеладзе, Колесников 1970], хотя и в нем подавляющее большинство образных единиц сведено в одну (крупнейшую)

тематическую группу. Такое положение дел можно объяснить самой природой коннотонима и, прежде всего, ономастической метафоры как его разновидности.

Так, по ряду наблюдений [Wee 2006: 359–365], метафорически переосмысленные собственные имена плохо укладываются в рамки широко известной теории концептуальной метафоры, согласно которой между областью источника и областью цели устанавливаются устойчивые соответствия. Структурирование области цели по аналогии с областью источника как раз и влечет за собой выстраивание структурно-семантических связей между языковыми единицами, отражающими это метафорическое соответствие. Однако для имен собственных более релевантной оказывается модель метафоры как утверждения о включении в класс (class-inclusion model) [Glucksberg, Keysar 1990]. Источник метафоры мыслится как прототипический представитель категории, в которую включается и цель. При этом, поскольку не всегда можно найти конвенциональное языковое обозначение этой категории, имя, обозначающее источник, и становится таким наименованием. Данная категория каждый раз создается заново, и именно этим объясняется способность ономастической метафоры к бесконечному смысловому варьированию: имя *Фальстаф*, например, может означать и толстяка, и хвастуна, и беспринципного человека. Ср. у А. С. Пушкина: «[А. Л. Давыдов] был *второй Фальстаф*: сластолюбив, трус, хвастлив, не глуп, забавен, без всяких правил, слезлив и толст» [Пушкин: 66]. Более того, нечто подобное происходит и при употреблении «невоплощенного» имени собственного в расширительном значении: имя, не имеющее референта, становится обозначением категории на основании пресуппозиций, почерпнутых из социокультурного контекста.

Таким образом, словари, описывающие коннотативные онимы — образные отонимные дериваты, — не в полной мере вписываются в заданные рамки фигуративной лексикографии: как из-за недостаточной проработки некоторых параметров описания (лингвокультурологический комментарий, экспрессивные пометы), так и по фундаментальным причинам (специфика ономастической образности). В то же время взгляд на словарное описание деонимизации с теоретических позиций фигуративной лексикографии позволяет выявить

аспекты описания, которым в дальнейшем необходимо уделить особое внимание.

4.4. Словарь деонимизации как разновидность авторского словаря

К такому свойству имени собственного, как «фигуративность», апеллируют и в рамках парадигмы авторской (писательской) лексикографии. В. М. Калинин подразумевает под ним способность имени «преобразовывать собственные образные свойства и (...) становиться смыслообразующим центром тропов и фигур речи». Благодаря этому свойству в художественной речи представлены имена-индексы, имена-аллегории, имена-метафоры и имена-символы [Калинкин 2017: 90]. Внимание исследователей к литературной (поэтической) ономастике в последние годы привело к становлению поэтономаграфии — «теории и практики создания словарей онимных составляющих языка писателей» [Федотова 2017: 39] (см. также основополагающую работу [Калинкин 1999]).

Одной из характерных черт поэтического ономастикона является диффузность разрядов онимов и апеллятивов, «особая подвижность границ между именами собственными и нарицательными в художественной речи» [Шестакова 2005: 5]. Любое имя, использованное писателем, обогащено семантически, так как оно является частью текста как художественного целого. Имя собственное может участвовать в текстообразовании и выстраивании композиции, оно может выполнять функцию характеристики персонажа, места действия и т. д. Имя, употребленное в составе заголовка, представляющего собой, по словам В. П. Григорьева, «чудовищно уплотненную аббревиатуру текста» [Григорьев 1979: 194], расширяет радиус своего действия на весь текст и определяет возможности его интерпретации. (См. подробнее в работе [Фонякова 1990].)

Такой проприально-апеллятивный синкретизм имеет важное следствие для авторской лексикографии: имена собственные либо исключаются из общего словаря языка писателя и составляют особое

приложение (например, «Словарь автобиографической трилогии М. Горького: Имена собственные» [САТГ-ИС]), либо наоборот — описываются в едином корпусе с именами нарицательными (например, в «Словаре языка русской поэзии XX века» [СЯРП]). В первом случае они получают статус самостоятельного объекта описания, а во втором мыслятся как компонент идиостиля, принципиально неотделимый от апеллятивной лексики [Поцепня 2009]. Сопоставительный анализ ономастического метаязыка трех крупных авторских словарей ([СЯП; САТГ-ИС; СЯРП]) представлен в работе [Шарихина 2020].

В последние десятилетия собственно ономастическая авторская лексикография (поэтонимография) переживает период активного развития. Создаются словари полярных типов: от регистрирующих ономастиконков до монографических толково-энциклопедических словарей, содержащих обширные словарные статьи — комментарии авторского употребления имен собственных. Вообще, усиление исследовательского начала отмечается в качестве характерной черты современной писательской ономастической лексикографии [Шестакова 2016: 713–714]. Подробные обзоры текущего положения дел в данной области представлены в работах Л. Л. Шестаковой [Шестакова 2011, 2016, 2019].

Деонимизацию как одну из разновидностей семантического развития онима можно считать «исконным» объектом авторской лексикографии: в словник большинства писательских словарей (начиная со «Словаря языка Пушкина») включаются имена собственные, употребленные в нарицательном значении. Но в художественной речи крайне сложно дифференцировать «нарицательное» употребление онима от других его образных воплощений, именно поэтому авторские словари совершенно обоснованно не идут по пути строгого отделения имен с семантическими преобразованиями от имен, используемых в «прямом значении». Писательский ономастикон, таким образом, предстает как объемный корпус разнородной онимической лексики, получающей в тексте семантическое и образное развитие.

В то же время нельзя полностью отказывать авторскому словарю деонимизации в праве на существование. Этот (потенциальный) жанр может быть актуален в применении к отдельным авторам

и отдельным разновидностям преобразования имен собственных. В первую очередь, речь должна идти о таких онимических употреблениях, которые а) частотны в текстах данного писателя и б) значимы с точки зрения его художественного метода. Так, например, наши наблюдения за метафоризацией собственных имен в произведениях А. И. Герцена (см. [Воронцов 2017b]) показали, что ономастическая метафора является чрезвычайно важным для идиостиля писателя языковым ресурсом: наряду с герценовской «объясняющей метафорой» (термин Л. Я. Гинзбург), ономастические аллюзии играют весьма заметную роль в текстообразовании и структурировании авторской картины мира. Думается, что не только у Герцена, но и у целого ряда писателей и публицистов середины XIX века ономастическая метафора, переживавшая кульминацию своего развития в данный период, может быть достойна особого внимания лексикографов.

По нашему мнению, авторский словарь деонимизации должен быть максимально информативным, поэтому он должен строиться как толково-энциклопедический — с широким привлечением лингвистической и внеязыковой информации. В таком словаре должно быть представлено, по меньшей мере, следующее: семантическая природа и мотивирующее основание смыслового преобразования имени собственного, функционально-стилистическая характеристика употребления онима, сведения об исходном носителе имени, интерпретация словоупотребления в связи с художественной спецификой произведения и, в целом, идиостилем писателя, в том числе с привлечением биографических и библиографических сведений. При создании такого словаря должен быть учтен весь опыт словарного описания отонимных дериватов, накопленный как авторской лексикографией, так и другими направлениями.

5. Заключение

Словарное описание деонимизации в отечественной лексикографии представлено рядом словарей, большинство из которых базируется на оригинальной авторской концепции и воплощает тот или

иной угол зрения на предмет. Как показывает накопленный лексикографический опыт, комплексное описание всех явлений, относящихся к деонимизации как расподоблению имени собственного, весьма затруднительно, так как в этом случае лексикограф должен искать единые решения для чрезвычайно разнородного в семантическом плане языкового материала. Взаимодействие проприальной и апеллятивной семантики требует рассмотрения таких вопросов, как: употребление онимов в образной речи, в том числе художественной; использование имен в качестве эпонимов для научно-технических терминов, равно как и для многих стилистически нейтральных обиходных слов; функционирование имени в составе кратких фольклорных форм (загадок, пословиц, поговорок) и фразеологизмов и т. д.

Именно в связи с многогранностью процесса деонимизации в последнее время наметились две разнонаправленные лексикографические тенденции: если в одних словарях в центре внимания оказывается образная отономастическая лексика, то другие, напротив, сосредоточивают внимание на нейтральных (метонимических и словообразовательных) дериватах. Вторая тенденция особенно характерна для научно-популярных словарей и обусловлена фактором их адресата — любознательного читателя-неспециалиста. В то же время описание образной лексики представляет значительный интерес для специалистов-гуманитариев и требует выработки концептуальных лексикографических подходов.

Современное научное специализированное описание деонимизации ориентировано, прежде всего, на образные отонимные дериваты — коннотативные собственные имена, сохраняющие живую связь с исходными онимами и служащие для говорящего или пишущего средством выражения оценки и экспрессии. Такие онимы рассматриваются с позиций лингвокультурологии как прецедентные имена, их описанию посвящен особый тип лингвокультурологического словаря. Большой опыт описания имен собственных в текстах художественной литературы (так называемых поэтонимов) накоплен русской авторской лексикографией. В последнее время активно развивается новое направление — фигуративная лексикография, нацеленная на описание образного строя языка. Как представляется, именно

с этими тремя направлениями связаны основные перспективы описания образных отонимных дериватов в отечественной лексикографии.

Литература

- Блох, Семенова 2001 — М. Я. Блох, Т. Н. Семенова. Имена личные в парадигматике, синтагматике и прагматике. М.: Готика, 2001.
- Бурвикова, Костомаров 2006 — Н. Д. Бурвикова, В. Г. Костомаров. Жизнь в милонетных мелочах. СПб.: Златоуст, 2006.
- Верещагин, Костомаров 1977 — Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. Состав семейства учебных лингвострановедческих словарей: ономастический словарь // В. А. Редькин (ред.). Актуальные проблемы учебной лексикографии. М.: Русский язык, 1977. С. 118–135.
- Воронцов 2015 — Р. И. Воронцов. Русская ономастическая метафора в словарях разного типа // В. А. Ефремов (ред.). Слова и словари: Сборник научных статей, посвященный профессору Валентине Даниловне Черняк. СПб.: Свое издательство, 2015. С. 109–116.
- Воронцов 2017a — Р. И. Воронцов. К вопросу о типологии ономастических словарей: современные тенденции // В. Д. Черняк (ред.). Слово. Словарь. Словесность: Традиции и новации в русском языке (К 250-летию со дня рождения Н. М. Карамзина). СПб.: САГА, 2017. С. 78–82.
- Воронцов 2017b — Р. И. Воронцов. Ономастическая метафора в «Былом и думах» А. И. Герцена // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2017. Vol. 62 (2). P. 305–327.
- Воронцов 2019 — Р. И. Воронцов. Представление ономастической метафоры в «Большом академическом словаре русского языка» // О. Н. Крылова (ред.). Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2019. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2019. С. 61–66.
- Грекова 2016 — М. В. Грекова. Фигуративная лексикография и ее место в современной русистике // Вопросы лексикографии. 2016. № 2 (10). С. 18–40.
- Григорьев 1979 — В. П. Григорьев. Поэтика слова. М.: Наука, 1979.
- Гудков 1999 — Д. Б. Гудков. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации: Дисс. ... д-ра филол. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1999.
- Гунтарева 2019 — Е. Е. Гунтарева. «Словарь коннотативных собственных имен» Е. С. Отина как ономастический источник // Поливановские чтения. 2019. № 13. С. 54–59.

- Какзанова 2018 — Е. М. Какзанова. Терминографическая фиксация минералогических эпонимов // О. Н. Крылова, С. А. Мызников, М. Н. Приемшьева, Е. В. Пурицкая (ред.). Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2018. С. 143–151.
- Калинкин 1999 — В. М. Калинкин. Теория и практика лексикографии поэтонимов (на материале творчества А. С. Пушкина). Донецк: Юго-Восток, 1999.
- Калинкин 2017 — В. М. Калинкин. Собственные имена в словарях типа «язык писателя» как проблема теоретической и практической лексикографии // Научный часопис Національного педагогічного університету ім. М. П. Драгоманова. Серія 9: Сучасні тенденції розвитку мов. 2017. Вип. 15. С. 88–96.
- Козырев, Черняк 2015 — В. А. Козырев, В. Д. Черняк. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший. СПб.: Изд-во Российской государственной педагогической университет им. А. И. Герцена, 2015.
- Кронгауз 1987 — М. А. Кронгауз. «Воплощенное» и «невоплощенное» имя собственное: некоторые аспекты референции // Р. М. Фрумкина (ред.). Экспериментальные методы в психолингвистике. М.: Наука, 1987. С. 118–135.
- Мокиенко 2006 — В. М. Мокиенко. Перевоплощенное имя // Е. С. Отин. Словарь коннотативных собственных имен. М.: А Темп, 2006. С. 5–10.
- Отин 1997 — Е. С. Отин. Избранные работы. Донецк: Донеччина, 1997.
- Подольская 1987 — Н. В. Подольская. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978.
- Поцепня 2009 — Д. М. Поцепня. Имя собственное в словаре писателя // Д. М. Поцепня (ред.). Словоупотребление и стиль писателя. Вып. 4. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. С. 162–172.
- Рут 2005 — М. Э. Рут. Рец. на кн.: Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. — Донецк, 2004 // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 179–182.
- Савицкий 2006 — В. М. Савицкий. Основы общей теории идиоматики. М.: Гнозис, 2006.
- Сидоренко 1999 — К. П. Сидоренко. Пушкинское слово в интертекстовой динамике: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 1999.
- Сороколетов (ред.) 2001 — Ф. П. Сороколетов (ред.). История русской лексикографии. СПб.: Наука, 2001.
- Сталтмане 1989 — В. Э. Сталтмане. Ономастическая лексикография. М.: Наука, 1989.
- Федотова 2017 — К. С. Федотова. Поэтонимология как новое направление авторской лексикографии // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 39–53.
- Фонякова 1990 — О. И. Фонякова. Имя собственное в художественном тексте. Л.: ЛГУ, 1990.

- Хуснутдинов 2004 — А. А. Хуснутдинов. Словари М. И. Михельсона и В. И. Даля в истории русской фразеологии // В. М. Мокиенко (ред.). Проблемы фразеологической и лексической семантики. М.: ИТИ Технологии, 2004. С. 130–132.
- Шарихина 2020 — М. Г. Шарихина. Особенности описания литературной ономастики в русской авторской лексикографии (на материале личных имен) // С. С. Волков, Н. В. Карева, Е. М. Матвеев (ред.). Материалы метаязыкового семинара ИЛИ РАН. Вып. 3. 2017–2019 годы. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2020. С. 56–70.
- Шестакова 2005 — Л. Л. Шестакова. Предисловие // В. П. Григорьев, Л. И. Колodяжная, Л. Л. Шестакова. Собственное имя в русской поэзии XX века: Словарь личных имен. М.: ООО «Издательский центр «Азбуковник», 2005. С. 3–6.
- Шестакова 2011 — Л. Л. Шестакова. Русская авторская лексикография: теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011.
- Шестакова 2016 — Л. Л. Шестакова. Новое в русской авторской лексикографии // О. Н. Крылова, С. А. Мызников (ред.). Слово и словарь = *Vocabulum et vocabularum*. Вып. 14. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 708–723.
- Шестакова 2019 — Л. Л. Шестакова. Современное состояние русской авторской лексикографии // Вопросы языкознания. 2019. № 2. С. 126–150.
- Gardiner 1954 — A. H. Gardiner. *The theory of proper names: A controversial essay*. London: Oxford University Press, 1954.
- Glucksberg, Keysar 1990 — S. Glucksberg, B. Keysar. Understanding metaphorical comparisons: beyond similarity // *Psychological Review*. 1990. Vol. 97. P. 3–18.
- Wee 2006 — L. Wee. Proper names and the theory of metaphor // *Journal of Linguistics*. 2006. Vol. 42. P. 355–371.

Источники

- Ашукин, Ашукина 1986 — Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. М.: Правда, 1986.
- БАС-1 — В. И. Чернышев, С. Г. Бархударов, В. В. Виноградов, Ф. П. Филин (ред.). Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.
- БАС-3 — К. С. Горбачевич, А. С. Герд (ред.). Большой академический словарь русского языка. Т. 1–27. М.: СПб.: Наука, 2004–2021 (издание продолжается).
- Берков и др. 2005 — В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. Большой словарь крылатых слов русского языка. М.: АСТ; Астрель; Русские словари, 2005.

- Блау 2010 — М. Г. Блау. Судьба эпонимов: 300 историй происхождения названий: словарь-справочник. М.: ЭНАС, 2010.
- БТС — С. А. Кузнецов (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998.
- Введенская, Колесников 1995 — Л. А. Введенская, Н. П. Колесников. От названий к именам. Ростов-н/Д.: Феникс, 1995.
- Захаренко и др. (ред.) 2004 — И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков (ред.). Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. 1. М.: Гнозис, 2004.
- Какзанова 2015 — Е. М. Какзанова. Англо-русско-немецкий словарь интернациональных эпонимов: название и происхождение. От А до Z. М.: ООО «Галлея-Принт», 2015.
- Катермина 1999 — В. В. Катермина. Опыт коннотативного словаря русских и английских личных имен собственных. Краснодар: Кубанский государственный университет, 1999.
- Ковшова 2019 — М. Л. Ковшова. Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах. М.: ЛЕНАНД, 2019.
- Кондратьева 1983 — Т. Н. Кондратьева. Метаморфозы собственного имени: Опыт словаря. Казань: Изд-во Казанского университета, 1983.
- МАС — А. П. Евгеньева (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1981–1984.
- Мгеладзе, Колесников 1970 — Д. С. Мгеладзе, Н. П. Колесников. От собственных имен к нарицательным. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1970.
- Ожегов, Шведова — С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. 2-е изд. М.: АЗЪ, 1994.
- Отин 2010 — Е. С. Отин. Словарь коннотативных собственных имен. Донецк: Юго-Восток, 2010.
- Пушкин — А. С. Пушкин. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 8. 4-е изд. Л.: Наука, 1978.
- Рубцова 2009 — С. Ю. Рубцова. Толковый англо-русский словарь имен собственных в интертекстуальном аспекте. СПб.: СПбГУ, 2009.
- Рязанцев 1998 — В. Д. Рязанцев. Имена и названия. М.: Современник, 1998.
- САТГ-ИС — А. В. Федоров, О. И. Фоякова (ред.). Словарь автобиографической трилогии М. Горького: Имена собственные. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975.
- СЯРП — В. П. Григорьев, Л. Л. Шестакова (ред.). Словарь языка русской поэзии XX века. Т. 1–8. М.: Языки славянской культуры, 2001–2019.
- СЯП — В. В. Виноградов (ред.). Словарь языка Пушкина: в 4 т. М.: ГИС, 1956–1961.
- Ушаков — Д. Н. Ушаков (ред.). Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: ОГИЗ, 1935–1940.

Юрина (ред.) 2015 — Е. А. Юрина (ред.). Словарь русской пищевой метафоры. Т. 1. Томск: Изд-во Томского университета, 2015.

References

- Blokh, Semenova 2001 — M. Ya. Blokh, T. N. Semenova. *Imena lichnyye v paradigmatiche, sintagmatike i pragmatike* [Proper names in paradigmatics, syntagmatics and pragmatics]. Moscow: Gotika, 2001.
- Burvikova, Kostomarov 2006 — N. D. Burvikova, V. G. Kostomarov. *Zhizn v mimoletnykh melochakh* [Life in fleeting minutiae]. St. Petersburg: Zlatoust, 2006.
- Fedotova 2017 — K. S. Fedotova. Poyetonimografiya kak novoye napravleniye avtorskoj leksikografii [Poetonymography as a new trend in author lexicography]. *Voprosy leksikografii*. 2017. Vol. 11. P. 39–53.
- Fonyakova 1990 — O. I. Fonyakova. *Imya sobstvennoye v khudozhestvennom tekste* [Proper names in fiction texts]. Leningrad: Leningrad State University Press, 1990.
- Gardiner 1954 — A. H. Gardiner. *The theory of proper names: A controversial essay*. London: Oxford University Press, 1954.
- Glucksberg, Keysar 1990 — S. Glucksberg, B. Keysar. Understanding metaphorical comparisons: beyond similarity. *Psychological Review*. 1990. Vol. 97. P. 3–18.
- Grekova 2016 — M. V. Grekova. Figurativnaya leksikografiya i yeye mesto v sovremennoy rusistike [Figurative lexicography and its position in modern Russian studies]. *Voprosy leksikografii*. 2016. Vol. 2 (10). P. 18–40.
- Grigoryev 1979 — V. P. Grigoryev. *Poetika slova* [Poetics of the word]. Moscow: Nauka, 1979.
- Gudkov 1999 — D. B. Gudkov. *Pretsedentnyye fenomeny v yazykovom soznanii i mezhkulturnoy kommunikatsii* [Precedent phenomena in linguistic consciousness and intercultural communication]. Doctoral thesis. Moscow: Moscow State University, 1999.
- Guntareva 2019 — E. E. Guntareva. “Slovar konnotativnykh sobstvennykh imen” E. S. Otina kak onomasticheskiy istochnik [The “Dictionary of connotative proper names” by E. S. Otina as a source of onomastics]. *Polivanovskiy chteniya*. 2019. Vol. 13. P. 54–59.
- Kakzanova 2018 — E. M. Kakzanova. Terminograficheskaya fiksatsiya mineralogicheskikh yepimimov [Terminographic description of mineralogic eponyms]. O. N. Krylova, S. A. Myznikov, M. N. Priyemysheva, E. V. Puritskaya (eds.). *Rossiyskaya akademicheskaya leksikografiya: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya* [The Russian academic lexicography: current situation and

- development prospects]. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, 2018. P. 143–151.
- Kalinkin 1999 — V. M. Kalinkin. *Teoriya i praktika leksikografii poyetonimov (na materiale tvorchestva A. S. Pushkina)* [Theory and practice of describing poetic proper names (based on A. S. Pushkin's works)]. Donetsk: Yugo-Vostok, 1999.
- Kalinkin 2017 — V. M. Kalinkin. *Sobstvennyye imena v slovaryakh tipa «yazyk pisatelya» kak problema teoreticheskoy i prakticheskoy leksikografii* [Proper names in author dictionaries as a problem of theoretic and practical lexicography]. *Naukoviy chasopis Natsionalnogo pedagogichnogo universitetu imeni M. P. Dragomanova. Seriya 9: Suchasni tendentsii rozvitku mov.* 2017. Vol. 15. P. 88–96.
- Khusnutdinov 2004 — A. A. Khusnutdinov. *Slovari M. I. Mikhel'sona i V. I. Dal'ya v istorii russkoy frazeologii* [Dictionaries by M. I. Mikhelson and V. I. Dal in the history of Russian phraseology]. V. M. Mokiyenko (ed.). *Problemy frazeologicheskoy i leksicheskoy semantiki* [Problems of phraseological and lexical semantics]. Moscow: ITI Tekhnologii, 2004. P. 130–132.
- Kozyrev, Chernyak 2015 — V. A. Kozyrev, V. D. Chernyak. *Leksikografiya russkogo yazyka: vek nyneshniy i vek minuvshiy* [The Russian lexicography: at present and in the past]. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University Press, 2015.
- Krongauz 1987 — M. A. Krongauz. “Voploshchennoye” i “nevoploshchennoye” imya sobstvennoye: nekotoryye aspekty referentsii [The “embodied” and “disembodied” proper name: some referential aspects]. R. M. Frumkina (ed.). *Yeksperimentalnyye metody v psikholingvistike* [Experimental methods in psycholinguistics]. Moscow: Nauka, 1987. P. 118–135.
- Mokiyenko 2006 — V. M. Mokiyenko. *Perevoploshchennoye imya* [Name reembodied]. E. S. Otin. *Slovar konnotativnykh sobstvennykh imen* [Dictionary of connotative proper names]. Moscow: A Temp, 2006. P. 5–10.
- Otin 1997 — E. S. Otin. *Izbrannyye raboty* [Selected works]. Donetsk: Donechchina, 1997.
- Podolskaya 1987 — N. V. Podolskaya. *Slovar russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of the Russian onomastic terminology]. Moscow: Nauka, 1978.
- Potsepnyaya 2009 — D. M. Potsepnyaya. *Imya sobstvennoye v slovare pisatelya* [Proper name in author dictionaries]. D. M. Potsepnyaya (ed.). *Slovoupotrebleniye i stil pisatelya*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2009. Iss. 4. P. 162–172.
- Rut 2005 — M. E. Rut. *Rets. na kn.: Otin E. S. Slovar konnotativnykh sobstvennykh imen.* Donetsk, 2004 [Book review: E. S. Otin. Dictionary of connotative proper names. Donetsk, 2004]. *Voprosy onomastiki.* 2005. Vol. 2. P. 179–182.
- Savitskiy 2006 — V. M. Savitskiy. *Osnovy obshchey teorii idiomatiki* [Fundamentals of the general theory of idiomatics]. Moscow: Gnozis, 2006.

- Sharikhina 2020 — M. G. Sharikhina. Osobennosti opisaniya literaturnoy onomastiki v russkoy avtorskoy leksikografii (na materiale lichnykh imen) [Specifics of literary onomastic description in Russian author lexicography (proper name evidence)]. S. S. Volkov, N. V. Kareva, Ye. M. Matveev (eds.). *Materialy metazykovogo seminaru ILI RAN* [Proceedings of the Metalinguistic seminar of the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,]. Vol. 3. 2017–2019. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, 2020. P. 56–70.
- Shestakova 2005 — L. L. Shestakova. Predisloviye [Foreword]. V. P. Grigoryev, L. I. Kolodyazhnaya, L. L. Shestakova. *Sobstvennoye imya v russkoy poyezii XX veka: Slovar lichnykh imen* [Proper name in Russian poetry of the 20th-century. A dictionary of proper names]. Moscow: Azbukovnik, 2005. P. 3–6.
- Shestakova 2011 — L. L. Shestakova. *Russkaya avtorskaya leksikografiya: teoriya, istoriya, sovremennost* [The Russian author lexicography: the theory, history, current trends]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2011.
- Shestakova 2016 — L. L. Shestakova. Novoye v russkoy avtorskoy leksikografii [New features of the Russian author lexicography]. O. N. Krylova, S. A. Myznikov (eds.). *Slovo i slovar = Vocabulum et vocabularum*. Vol. 14. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2016. P. 708–723.
- Shestakova 2019 — L. L. Shestakova. Sovremennoye sostoyaniye russkoy avtorskoy leksikografii [The current state of the Russian author lexicography]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2019. Vol. 2. P. 126–150.
- Sidorenko 1999 — K. P. Sidorenko. *Pushkinskoye slovo v intertekstovoy dinamike* [The Pushkin's word in the intertextual dynamics]. Doctoral thesis. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University, 1999.
- Sorokoletov (ed.) 2001 — F. P. Sorokoletov (ed.). *Istoriya russkoy leksikografii* [A history of the Russian lexicography]. St. Petersburg: Nauka, 2001.
- Staltmane 1989 — V. E. Staltmane. *Onomasticheskaya leksikografiya* [Onomastic lexicography]. Moscow: Nauka, 1989.
- Vereshchagin, Kostomarov 1977 — E. M. Vereshchagin, V. G. Kostomarov. Sostav semeystva uchebnykh lingvostranovedcheskikh slovarey: onomasticheskiy slovar [Composition of the linguocultural dictionary series: the onomastic dictionary]. V. A. Redkin (ed.). *Aktualnyye problemy uchebnoy leksikografii* [Current issues of tutorial lexicography]. Moscow: Russkiy yazyk, 1977. P. 118–135.
- Vorontsov 2015 — R. I. Vorontsov. Russkaya onomasticheskaya metafora v slovaryakh raznogo tipa [Russian onomastic allusive metaphors in dictionaries of various types]. V. A. Yefremov (ed.). *Slova i slovari. Sbornik nauchnykh statey, posvyashchenny professoru Valentine Danilovne Chernyak* [Words and dictionaries: A collection of scientific articles dedicated to Professor Valentina Danilovna Chernyak]. St. Petersburg: Svoye izdatelstvo, 2015. P. 109–116.

- Vorontsov 2017a — R. I. Vorontsov. K voprosu o tipologii onomasticheskikh slovarей: sovremennyye tendentsii [On a typology of onomastic dictionaries: the current trends]. V. D. Chernyak (ed.). *Slovo. Slovar. Slovesnost: Traditsii i novatsii v russkom yazyke (K 250-letiyu so dnya rozhdeniya N. M. Karamzina)* [Word. Dictionary. Literature. Traditions and novelties in the Russian language (To the N. M. Karamzin's 250th anniversary)]. St. Petersburg: SAGA, 2017. P. 78–82.
- Vorontsov 2017b — R. I. Vorontsov. Onomasticheskaya metafora v “Bylom i dumakh” A. I. Gertsena [The onomastic allusive metaphor in “My past and thoughts” by A. Herzen]. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2017. Vol. 62 (2). P. 305–327.
- Vorontsov 2019 — R. I. Vorontsov. Predstavleniye onomasticheskoy metafory v “Bolshom akademicheskom slovare russkogo yazyka” [The onomastic allusive metaphor in “The Great academic dictionary of the Russian language”]. O. N. Krylova (ed.). *Sovremennaya russkaya leksikologiya, leksikografiya i lingvogeografiya. 2019* [Modern Russian lexicology, lexicography, and linguogeography. 2019]. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, 2019. P. 61–66.
- Wee 2006 — L. Wee. Proper names and the theory of metaphor. *Journal of Linguistics*. 2006. Vol. 42. P. 355–371.

Несколько страниц истории «Словаря русского языка XVIII века»

И. А. Малышева

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия);
iamalysheva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена отдельным вопросам подготовительной работы над «Словарем русского языка XVIII века». Представлены некоторые материалы (фрагменты протоколов заседаний группы, фрагменты служебных писем), связанные с историей создания «Словаря русского языка XVIII века». Публикуется доклад Ю. С. Сорокина на заседании Отделения литературы и языка АН СССР. В докладе анализируются проблемы, которые необходимо решить составителям Словаря, чтобы полноценно представить лексику русского языка описываемого периода и в то же время выполнить технические требования к объему Словаря и срокам его издания.

Ключевые слова: русский язык, историческая лексикография, Словарь русского языка XVIII века, Ю. С. Сорокин, проект Словаря, архивные материалы.

Dictionary of XVIII century Russian: A few pages of history

I. A. Malysheva

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); iamalysheva@mail.ru

Abstract. The article describes the various stages of the preparatory work on the Dictionary of the 18th century Russian. It provides archive records such as excerpts from the working group session minutes or from official letters. The documents reflect the process of the Dictionary's creation beginning from the development of its scientific concept and discussions of the scientific and practical problems involved

with the 18th century Russian vocabulary description. The work on the Dictionary began in the 1960s with establishing its sources and developing a card index for the Dictionary of 18th century Russian. The Card Index was intended to present the lexical composition diversity of the 18th century Russian. As the 18th century Russian lexis remained virtually uncharted until the mid-20th century, the development of the Card Index proceeded in parallel with a study of the 18th century vocabulary spawning a number of publications including several monographs and collections of papers. Apart from merely recording the lexical structure of the 18th century Russian, the authors also aimed to show the nation-wide dynamic processes unfolding in the course of the Russian literary language formation. One of the primary goals was to elaborate a new lexicographical description approach proposed by Yu. S. Sorokin and L. L. Kutina.

Various work-related pressures and problems of scientific and practical nature were regularly discussed at meetings of various levels. As an appendix to this article, we publish a report by Yu. S. Sorokin delivered at a meeting of the Department of Literature and Language of the Academy of Sciences of the USSR (1983). The report analyzes the problems to be solved by the compilers to fully present the vocabulary of the Russian language of the period addressed and to meet the technical requirements for the relevant volume of the Dictionary to ensure its timely publication.

Keywords: Russian language, historical lexicography, 18th century Dictionary of the Russian Language, Yu. S. Sorokin, Dictionary project, archival materials.

1. Введение

«Словарь русского языка XVIII века» — один из исторических словарей русского языка («оригинальное, цельное и целесообразно организованное лексикографическое произведение» [Алексеев 1998: 528]), главной особенностью которого является не только фиксация лексического состава языка минувшего времени, но и показ динамических процессов, проходивших в лексике на протяжении одного столетия. В начале работы над Словарем Ю. С. Сорокин писал: «Решение о создании Словаря русского языка XVIII века было принято не случайно. Мы сильно отстали в деле подготовки исторических словарей русского языка, и научное изучение русского языка и его

развития испытывает от этого очень серьезные затруднения. Словарь языка XVIII в. должен явиться важной составной частью в этой серии исторических словарей русского языка. Значение XVIII в. в развитии русской национальной культуры, литературы, науки, языка было очень важным. (...) Подготавливаемый словарь должен быть авторитетным научным изданием, обширным по составу, точным и разносторонним в исследовании слов» [Материалы 2012: 56].

Работа над Словарем началась в Словарном отделе Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР в 1960 г. Первым руководителем нового проекта был Георгий Петрович Блок (группа состояла из двух человек: Г. П. Блок и один младший научный сотрудник). После кончины Г. П. Блока в 1961 г. работу над Словарем возглавили Ю. С. Сорокин (1913–1990) и Л. Л. Кутина (1921–1987). Ю. С. Сорокин был главным редактором Словаря до своей кончины в 1990 г., но до 2003 г. его имя как главного редактора стояло на выпусках Словаря (1–13 выпуски), поскольку продолжали публиковаться словарные материалы, которые Юрий Сергеевич успел отредактировать. С 14-го выпуска по решению Ученого совета Института лингвистических исследований РАН на обороте титула Словаря стоит строка: *Основатели Словаря русского языка XVIII века Л. Л. Кутина и Ю. С. Сорокин.*

2. Начало работы над Словарем

Первый этап работы над Словарем — исследование источников и составление картотеки (об истории картотеки см. [Биржакова, Петрова 1967; Петрова 1991; Петрова 1995; Куканова 2003; Малышева 2012]). Основная задача — язык должен быть представлен во всем лексическом и стилистическом разнообразии. Источниками «Словаря русского языка XVIII века» были определены литературные, исторические, юридические, естественнонаучные, публицистические, мемуарные, военные, филологические и др. произведения разных жанров как переводные, так и оригинальные: письма и бумаги

Петра I, произведения Ф. Прокоповича, А. Кантемира, М. Ломоносова, С. Крашенинникова, И. Лепехина, Екатерины II, А. Суворова, Н. Новикова, Г. Державина, А. Радищева, Н. Карамзина и многих других авторов; многочисленные периодические издания, тексты делового содержания, переписка и др. Первыми источниками для картотеки стали письма и бумаги Петра I, речи М. Ломоносова, «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Радищева и «Письма русского путешественника» Н. Карамзина. О принципах подготовительной работы с источниками, типах выборки цитат для картотеки Ю. С. Сорокин говорил в одном из своих первых докладов — «О картотеке Словаря» [Материалы 2012: 50–52].

Работа над Словарем шла в двух направлениях: сбор материала и большая исследовательская работа по изучению языка русского языка XVIII века в разных аспектах (формирование научных терминологических систем, язык писателей, заимствованная лексика, новообразования, стилистическая картина лексического состава, формирование лексикографических воззрений в XVIII в. и др.) [см.: Мальшева 2017].

3. Материалы по истории Словаря

В архиве группы «Словаря русского языка XVIII века» хранятся материалы (протоколы, докладные, служебные записки, письма и др.), связанные с историей создания Словаря¹.

Несколько лет параллельно со сбором материала шел процесс осмысления теоретических и практических принципов описания лексики русского языка XVIII века — велась разработка концепции Словаря, в которую вносились принципиально новые идеи о задачах и способах показа как лексического состава языка XVIII века, так и его развития в пределах одного столетия (вхождение новых

¹ Некоторые из этих материалов были опубликованы в связи 50-летием Картотеки Словаря, см.: [Материалы 2012].

слов и значений, выход устаревших слов, затухание или нарастание активности употребления слова, смена стилистических характеристик, изменения в лексической и грамматической сочетаемости и др.). Из протоколов заседаний первых лет хорошо видно, насколько сложно было начать работу, понять основные задачи, осмыслить материал, принять то или иное решение. Это касалось и общих взглядов на словарный состав русского языка XVIII века, и понимания принципов его исследования, и, естественно, способов его лексикографического описания. Так, на заседании 15 ноября 1963 г. обсуждался вопрос о принципах исторической лексикологии (предполагалось написание монографии по исторической лексикологии XVIII века). Из выступлений следует, что было поставлено 8 вопросов, но, к сожалению, в протоколе они не названы. Из ответов можно понять, что обсуждались вопросы о характере построения исторической лексикологии (по тематическому или хронологическому принципу, статически или динамически), о расположении материала (по словам или стилистическим категориям), о синонимии, словообразовании, об индивидуальных употреблениях и др. Подводя итоги обсуждения, Ю. С. Соколин резюмировал: «Задавая вопросы, я преследовал цель указать на трудности, которые нас подстерегают. Наша работа должна быть закончена в 1967 году. Следующий год идет обзор материалов и изучение источников. Перед нами очень большие трудности. Но не надо их преувеличивать. Основная трудность — ясное понимание задачи. Наша работа охватывает XVIII век, но придется зайти и в последнее десятилетие XVII века. Все остальное ясно лишь в общем виде. Исходить надо из слов, отграничив задачу исследования от смежных областей, — и это адски трудное дело, т. к. без знания смежных областей многое трудно понять. (...) Мы должны дать историческую лексикологию, т. е. дать материал в развитии, а не статически. Можно было бы показать материал в сравнении с XVII в. Было то-то, вновь появилось это. Но самым правильным было бы для сравнения иметь современную систему. Главное — решить, что является опорным для сравнения. И тут правильнее — сравнивать с тем, что стало в дальнейшем, с конечным результатом. Каковы основные темы нашей работы. I. Осветить вопрос о появлении новых слов, а) определить

процесс вовлечения в русский язык готовых новых материалов — иноязычной лексики (на основе литературных материалов: жанр деловой и литературно-художественный, с привлечением материалов разговорных и областных). II. Об изменении значений слов, об изменении границ употребления. Здесь и встанут вопросы о стилистике и сочетаемости слов. Построение книги должно быть тематическим. (...) Нам важно не поддаться установившимся точкам зрения (например, с вопросом о практическом применении 3-х стилей Ломоносова)² [см. также: Сорокин 1966]. В дальнейшем, видимо, отказались от написания общей монографии по истории лексики русского языка XVIII века, и в течение нескольких лет были опубликованы монографии по исследованию разных пластов лексики [Кутина 1964; Кутина 1966; Биржакова и др. 1972; Мальцева и др. 1975; Князькова 1974; Замкова 1975], выходили тематические сборники и отдельные статьи [см.: Петрова 1999].

В 1972 г. был завершен и только в 1977 г. опубликован Проект «Словаря русского языка XVIII века» под редакцией Ю. С. Сорокина [Сорокин (ред.) 1977а]. Авторы Проекта — Ю. С. Сорокин, З. М. Петрова, Л. Л. Кутина, Е. Э. Биржакова, И. М. Мальцева, А. И. Молотков, Л. А. Войнова. Обсуждение Проекта состоялось 1 февраля 1972 г. на заседании Словарного сектора ЛОИИ АН СССР. В обсуждении принимали участие Л. С. Ковтун, О. Г. Порохова, Е. Г. Ковалевская, И. Н. Шмелева, В. И. Кодухов, Е. А. Иванникова, А. М. Бабкин, Ф. П. Сороколетов и др. В частности, А. М. Бабкин высказал следующее соображение: «Главное новшество Проекта — соединение задач исторической лексикологии и исторической лексикографии. Теоретически такое соединение не вызывает никаких недоумений, а практически — это очень трудно осуществить в Словаре. В данном случае можно надеяться, что замысел этот осуществится, поскольку за его выполнение берется энергичная и квалифицированная группа».

Проект по своей сути является монографическим трудом, посвященным лексикографическим проблемам описания слова в истори-

² При цитировании раскрыты слова, написанные в протоколе сокращенно.

ческом словаре. Он получил высокую оценку ученых как вклад в развитие современной теории исторической лексикографии [см.: Grannes 1977, Гельгардт 1978].

Непосредственное составление Словаря началось весной 1972 г.

О том, как трудно шла работа по подготовке Словаря (трудности не только научные, но в значительной степени и административные, и финансовые), свидетельствует письмо Ю. С. Сорокина академику В. В. Виноградову (1962 г.). Так, Ю. С. Сорокин пишет: «Можно, конечно, ставить вопрос и о сокращении сроков подготовки словаря путем сокращения его объема. Я, однако, не думаю, что это является действительным выходом из создавшихся трудностей. (...) Ясно, во всяком случае, что исторический словарь, охватывающий целое столетие интенсивного развития русского языка, не может быть произвольно ограничен и уложен, например, в четыре тома. (...) Если ставить перед собою задачу создания действительно научного исторического словаря, то определить его объем можно только исходя из серьезного и полного изучения движения и развития словарного состава языка указанного времени. Иначе можно будет дать очень искаженное, неполное и случайное представление о языке этого времени» [Материалы 2012: 39–40]³.

Письмо В. В. Виноградову с подробным обоснованием важности создания «Словаря русского языка XVIII века» и в связи с этим изучения огромного массива разнообразных источников было написано с определенной целью: убедить в необходимости включения в план работы группы подготовку монографии по исторической лексикологии XVIII века и преобразования группы Словаря русского языка XVIII века в группу по изучению русского языка XVIII века.

Проблемам работы над Словарем, возникающим в связи с несоответствием сложности лексического материала и задач его описания с выдвигаемыми внешними требованиями к объему и срокам издания Словаря, посвящены неоднократные выступления Ю. С. Сорокина на заседаниях разного уровня.

³ Черновик письма хранится в архиве группы «Словаря русского языка XVIII века».

4. Ю. С. Сорокин о состоянии работы над Словарем

Сохранилась машинопись доклада Ю. С. Сорокина «О состоянии работы над “Словарем русского языка XVIII века” и перспективах его издания» (рукопись, к сожалению, не обнаружена), который был прочитан на заседании бюро Отделения литературы и языка АН СССР. Доклад не датирован, из его содержания можно предполагать, что он был прочитан в начале 1982 года. Этот доклад интересен не только описанием проделанной коллективом Словаря работы, не только изложением трудностей, стоящих перед авторами и редакторами (в частности, связанных с необходимостью сокращать изначально уже определенный объем Словаря), но и, главное, тем, как оценивает Ю. С. Сорокин важность исследования лексики XVIII столетия, как обосновывает научную необходимость более полного, обстоятельного ее описания⁴.

«Исторический словарь русского языка XVIII века имеет уже свою историю. Вопрос о его подготовке ставится на бюро Отделения третий раз — впервые в 1970 г., еще до начала составления, второй раз в 1977 г. после выхода из печати его подробного проекта. Кратко я напомним здесь основные моменты этой истории. Тема XVIII века впервые была включена в план работ Института русского языка в 1960 г. Тогда время составления Словаря было ограничено 1960–1970 гг., объем его определен в 1000 а. л. (10 томов). Общий замысел нового исторического словаря предварительно еще не был разработан, но уже тогда предполагалось, что это будет большой академический словарь. Была очевидна, — и затем неоднократно подчеркивалась, — особая актуальность темы, необходимость создания именно по возможности полного словаря XVIII в. Словарь должен был составить необходимое

⁴ При публикации устранены колебания в написании со строчной или прописной буквой слов *Институт*, *Словарь*, в обозначении арабскими или римскими цифрами веков, исправлены некоторые опечатки.

звено в цепи академических словарей русского языка, непосредственно связав “Словарь русского языка XI–XVII вв.” со “Словарем современного русского литературного языка” в 17 томах. Особое значение этого промежуточного звена определялось особым местом XVIII века в истории русского языка. Это переломный период в истории, время формирования литературного языка нового типа на национальной основе. Сложный процесс складывания национальной языковой нормы был в этот период стимулирован бурным, хотя и не всегда прямолинейным, развитием литературы, науки, техники, промышленности и торговли, государственности, военного дела, национальной культуры в различных ее социальных, классовых проявлениях. Интерес к изучению богатого, внутренне противоречивого и вместе с тем, — это неоднократно подчеркивалось специалистами, — очень мало изученного культурного наследия данного века в последние годы оставался неизменно высоким и продолжает возрастать. Поэтому известие о включении в план работы академического института данной темы было встречено научной и писательской общественностью с самым живым вниманием и пониманием. Покойный акад. М. П. Алексеев, ознакомившись позднее с проектом нашего Словаря, писал об исключительном его не только лингвистическом, филологическом, но и общекультурном значении.

К моменту появления темы в планах Института еще не было картотеки словарно-фразеологических материалов для составления Словаря, не был определен и состав его источников. В этом смысле история подготовки нашего Словаря существенно отличается от подготовки других больших академических словарей. 17-томный современный словарь, “Словарь русского языка” в 4 томах, “Словарь русского языка XI–XVII вв.” начинались, когда картотечная база для них в основном уже существовала (хотя, конечно, и пополнялась в ходе их составления). Мы начинали в 1960 г. буквально с нуля, базу нужно было еще составлять. Поэтому на несколько первых лет работы группы исторической лексикологии в Словарном секторе Института было поставлено в качестве основной задачи создание достаточно

обширной и надежной картотеки цитатных и справочных материалов, а в связи с этим углубленного лексикологического изучения широкого круга источников самых различных жанров литературы и письменности, произведений многих авторов различных литературных и научных школ и направлений, многочисленных документов и др. материалов. Эти трудоемкие задачи были выполнены за относительно небольшой период времени напряженной работы сравнительно небольшого коллектива сотрудников.

Рост картотеки за прошедшие годы определялся следующими цифрами: с 1960 по 1967 г. составил первый миллион карточек (выборка из 1000 источников), с 1968 по 1980 гг. — второй миллион (выборка примерно еще из 1000 источников). К настоящему времени в картотеке содержится более 2 150 тысяч карточек-цитат. По своему составу и разнообразию отраженных в ней материалов картотека представляется уникальной. В ней сосредоточены материалы, представляющие употребление более чем 100 тысяч отдельных слов (напомню, что в составе 17-томного словаря было описано 120 тыс. слов, в МАС — 80 тыс.). Наши материалы — действительно материалы для полного, большого словаря языка этого периода.

За те же годы была проведена и большая историко-лексикологическая работа: в 1961–1980 гг. было издано 6 монографий, посвященных анализу различных лексических пластов русского языка в их движении на протяжении века (терминология науки, новообразования, столь обильные в этот период, просторечие, славянизмы, лексические заимствования из других языков) и 5 тематических сборников статей⁵ (+2 сборника утверждены к печати и находятся в процессе редподготовки⁶). Эти издания, по общему признанию, и в фактическом, и в теоретическом плане, существенным образом обогатили специальную литературу по русской исторической лексикологии. Они служат также надежной

⁵ [Сорокин (ред.) 1965; Сорокин (ред.) 1966; Сорокин (ред.) 1977б; Кутина, Биржакова (ред.) 1980; Сорокин (ред.) 1981].

⁶ Имеются в виду сборники [Сорокин (ред.) 1982; Замкова (ред.) 1984].

опорой для создания достаточно полного и авторитетного лексикографического описания состава нашего языка на протяжении целого столетия его бурного развития.

В 1969–1971 гг. в соответствии с утвержденным планом была завершена работа по составлению детального проекта Словаря с образцами словарных статей. Этот проект (правда, во второй, сокращенной редакции, — первоначальный объем около 20 а. л., затем — 12 л.) вышел в свет в начале 1977 г. Проект получил очень высокую оценку и при обсуждениях его в Институте, и в ряде печатных рецензий со стороны авторитетных лингвистических органов, как советских, так и зарубежных (в «Вопросах языкознания», в сб. группы по изучению русского языка XVIII века в Восточно-Английском университете в Нордвиге, в изданиях ФРГ, Австрии и др.)⁷. В отзывах отмечалась оригинальность и основательность общего замысла Словаря; указывалось, что Словарь во многих отношениях представляет новый тип исторического словаря, в частности потому, что он характеризует существование слова в течение определенного времени в его динамике, в исторической перспективе, дает не только содержательное толкование слов, но и многостороннюю характеристику слова со стороны его грамматических и словообразовательных, а также стилистических особенностей, показывает типовые формы лексической сочетаемости, акцентологические, орфоэпические и орфографические колебания, свободную для того времени вариативность форм слова, дает надежные уточненные сведения по этимологии многих заимствованных в то время слов иноязычного источника.

Весной 1972 г. началось непосредственно составление Словаря по намеченной в проекте программе. Первоначально срок составления в планах Института был ограничен 1980 г. Тогда же был поставлен вопрос и о предельном объеме Словаря.

⁷ См.: [Гельгардт 1978; Grannes 1980]. См. также рец. на выпуски: [Hüttl-Folter 1984; Горобец 1985; Еськова 1985; Фелицына 1995] и на коллективные монографии: [Хютль-Ворт 1974; Георгиева 1977].

Предлагавшаяся ранее цифра в 1000 л. была признана нереальной в условиях существующих напряженных издательских планов. Первоначально дирекцией было предложено сократить объем до 200–300 л., что вообще не отвечало общему замыслу издания, составу его материалов, и превратило бы его в краткий справочник школьного характера. Затем по согласованию с академиком-секретарем М. Б. Храпченко был установлен предельный объем Словаря в 500 а. л. Решением бюро Отделения в начале 1977 г. после выхода в свет проекта Словаря этот объем был несколько увеличен — до 600 л. с разделением на 5 томов по 120 л. каждый; срок окончания был отодвинут на 1982 г.⁸

Составление Словаря, начатое в 1972 г. по разработанной в проекте программе, проходило следующим образом. В 1975 г. был представлен в ученый совет Института первый том (А–Во), в 1977 г. — второй (Во–До), в 1979 г. — третий (До–Л). Сейчас заканчивается составлением и редактированием следующий том (М–По)⁹.

Утверждение к печати I тома проходило уже тогда, когда был установлен предельный объем Словаря в 500 л. При утверждении I тома нам было указано на необходимость значительного сокращения объема, примерно в половину. Приходилось искать новые формы описания, которые, сохраняя обширный словник Словаря (на желательность включения в Словарь максимального числа

⁸ В частности, при упомянутом уже обсуждении проекта Словаря Ф. П. Соколовых высказал следующее замечание: «Большие трудности пока представляет задача изыскания необходимых объемов для издания Словаря. Пока можно рассчитывать лишь на три тома по 100 листов. Между тем выполнить Проект во всем объеме, как кажется, и невозможно. По подсчетам (положив в основу расчетов объем опубликованных образцовых статей и примерное число в 60 тыс. слов) Проект предполагает работу в 4 тыс. листов. Осуществление такой работы невозможно. Оптимальным следует считать объем 700–800 листов. Поэтому необходимо выработать принципы сокращения объема Словаря, более плотной подачи материала».

⁹ В процессе работы и по мере накопления нового материала количество выпусков Словаря и их границы постоянно менялись.

известных лексических единиц нам неоднократно указывалось и при обсуждениях материалов Словаря. В рецензиях на проект Словаря также с сожалением отмечались некоторые изъятия слов, предусмотренные уже в проекте), вместе с тем не выходили бы за рамки установленного для него предельного объема. Так определилось очевидное противоречие между общим замыслом Словаря (академический и достаточно полный словарь целого важного периода истории нашего языка), — замыслом, который всеми в целом безусловно одобрялся, и заданным ограничением объема, более соответствующим малым формам словарного описания (ср. объем Малого академического современного словаря — в 700 л.; это при 80 тысячах отдельных слов, представленных в нем, причем слова здесь нередко вообще не иллюстрируются цитатами или сопровождаются лишь кратчайшими словосочетаниями, — что, конечно, исключено для словаря исторического, где все должно быть документировано материалами из источников того времени).

Поиски предельно лаконичных форм описания и иных способов сокращения объема без существенного урона для самих материалов представили дополнительную трудность и для составителей, и для редакторов Словаря и требовали времени. В рамках этой сокращенной программы состава и описания словарных материалов (доклад об этих сокращениях был нами в свое время сделан на ученом совете Института и получил одобрение) и велась в последние годы подготовка Словаря к изданию.

В конце 1980 г. на заседании Президиума РИСО было принято решение о публикации Словаря в установленных ранее объемах (600 а. л., 5 тт.). При предварительных переговорах с директором издательства “Наука” было получено согласие на печатание Словаря в Л. О. Причем наиболее приемлемым издательство считает издание Словаря выпусками в 30–40 а. л. (по 4 выпуска в томе). По плану мы должны сдать в редподготовку в январе 1982 г. первый выпуск объемом в 30 л. (А–Беспошлинный) и отдельную книжку объемом около 10 а. л., заключающую в себе индуктивные сведения о составе и построении Словаря, правила

пользования им и список источников издания с условными их шифрами¹⁰. Нами подготовлены эти две книги, и ученый совет утвердил их только что к изданию тиражом в 30 тыс. экз.

Кратко скажу о тех сокращениях и изъятиях, которые мы должны были сделать, чтобы уложить богатые материалы Словаря в узкие для него рамки установленного объема. Очень сильно сокращено число цитат, иллюстрирующих употребление слова, его вариантов, специфических форм и т. п., предельно сжаты нередко и сами цитаты; пришлось во многих случаях отказаться от показа специфических для века особенностей лексической сочетаемости; исключить из Словаря некоторые разряды слов (так, значительному усечению подверглась специальная терминология и особенно номенклатура, например, ботаническая, столь богато представленная в лексикографических справочниках XVIII в., в частности — и в “Словаре Академии Российской”; вообще в окончательной “сжатой” редакции Словаря не представлены многие частные термины, так сказать, “нижних этажей”, например, наименования некоторых частей оснащения парусных судов и нек. др.); исключены многие слова-экзотизмы и ксенизмы, отнесенные к чужой действительности; не берутся так наз. “словарные слова”, т. е. представленные только в отдельных словарях XVIII века (так, например, не попадает в наш Словарь слово *абажур*, единично представленное только в “Новом словотолкователе” иностранных слов Н. Яновского, вышедшем в 1803 г.; ограничены имена представителей различных мифологических пантеонов, не говоря уже о ряде географических названий и производных от них, ряде этнонимов, патронимов и т. д.). Пришлось ввести представление многих слов отдельных разрядов сложных и производных слов “списком”, т. е. фиксировать в статье на первую часть сложного слова или на префикс производного слова только само слово с краткими сигнатурами при нем, указывающими на источник, где оно встречается (без цитат). Так “скопом”

¹⁰ В 1984 г. одновременно с 1-м выпуском был изданы правила пользования Словарем и указатель источников [Сорокин (ред.) 1984].

перечисляется ряд производных слов с префиксом *без-*, с первыми частями *много-*, *ново-*. Рецензенты отмечали высокое качество подготовки первого выпуска Словаря, очень большую степень информативности его материалов и вместе с тем предельный лаконизм описания и представленных в нем характеристик слов — семантических, грамматических, стилистических и т. д. Должен здесь со всей ответственностью заявить, что необходимость перехода на новую предельно сжатую форму описания при сохранении принятых ранее принципов историко-лексикографической характеристики слова XVIII в. по всем основным направлениям потребовала весьма сложной дополнительной редакторской работы и времени. Особенно сложной такая компрессия материалов была для I и отчасти II тома (буквы А–В), составлявшихся, как сказано, еще по первоначальной расширенной программе. Необходимо было сократить том более чем на 90 л., чтобы он пропорционально отвечал общему заданному предельному объему. Некоторые, хотя и меньшие превышения этого объема наблюдались и при подготовке следующих томов. Компрессию материала вообще трудно проводить на уровне составления отдельных отрезков Словаря с новым для составителей материалом. Необходимые пропорции, как правило, находятся уже на следующем этапе фронтального просмотра материала тома его редакторами и главным редактором Словаря. Недовыполнения планов подготовки томов в установленном предельном листаже объясняются отнюдь не недовыполнением планов составления. В течение всего прошедшего времени планы составительской работы отвечали принятым нормам и выполнялись в установленном для составителей объеме.

Следует, однако, заметить (и на это мы не раз обращали внимание руководства сектора и дирекции Института), что и по числу составителей мы не могли дать тот объем составления, который следовало бы давать по намеченным срокам исполнения. Состав группы (включая глав. редактора и завед. группы) не превышал 14 человек (первоначально при создании группы намечалось 20 человек). В настоящее время нас 13 человек (4 ст. научн. сотр. — доктора, 3 ст. научн. сотр. — кандидата, 2 мл. научн.

сотр. — кандидата, 2 мл. сотр. без степени и всего 2 лаборанта!). В течение этого пятилетия от нас был взят один старший сотр. — доктор на переиздание большого Словаря; два наших аспиранта, которых мы по специальной программе готовили для работы над нашим Словарем, также заняты работой в других секторах и группах. Между тем уже с прошлого года в связи с началом работы по изданию Словаря часть сотрудников (3 чел.) отвлечена на работу с издательством. Особенно остро обстоит дело с лаборантами; часть технической работы приходится брать на себя составителям и редакторам.

Было еще одно очень существенное обстоятельство, осложнявшее подготовку Словаря в заданных объемах и временных рамках. Наша картотека в течение всего прошедшего времени, как уже сказано, интенсивно росла не только по числу примеров-цитат, но и по количеству представленных в ней отдельных слов. Вот один пример. Мы подсчитывали словник картотеки в 1968 г., когда в ней был миллион карточек. На букву *А* тогда числилось всего 800 отдельных слов, часть которых заведомо не попадала в Словарь (собственные имена, географические названия, “словарные слова” и т. п.). Сейчас в подготовленном к печати по новой сильно сокращенной программе первом выпуске на *А* — 1 700 отдельных слов (ср. в Большом семнадцатитомном словаре на букву *А* — 2 080 слов). Сходная картина несомненно будет наблюдаться и по словам на другие буквы алфавита (особенно на такие, как Б, З, И, К, Н, О, П, С, где много производных слов с наиболее активными префиксами).

Таким образом, компрессию текста Словаря приходится производить при значительном возрастании словника, большую часть которого нельзя ни по каким научно-историческим основаниям отбросить и игнорировать. Ведь наш Словарь (и это все признают) должен исходить из основного принципа — отразить живое разнообразие словарного состава русского языка на протяжении столетия его бурного роста и значительных изменений. Период XVIII века был временем активного, но противоречивого по тенденциям складывания единой литературной нормы.

Для таких периодов в истории национальных языков характерна высокая лексическая избыточность, “многоименство”, как говорили филологи XVIII века: обилие лексических вариантов всякого рода, обширнейших рядов синонимов и тождесловов на разных языковых уровнях. Ср., например, не только *анатом* для обозначения специальности, но и *анатомик*, *анатомист*, *анатомильщик*; прил. к *артиллерия* не только *артиллерийский*, но и *артиллерный*, *артиллерский*, *артиллерический*, *артиллерийный*; совпадающие по значению прил. не только на *-чив*, но и на *-лив*: *обидчивый* и *обидливый*, *бранливый* и *бранчивый*; обычные параллельные префиксальные образования с отрицанием наличия того или иного признака — не только с *не-*, но и с *без-* (*непонятный* и *беспонятный*) и т. п. и т. п. Обильны параллельные синонимические сочетания книжно-славянского и русского источника (*отверзтое* и *открытое* море), наряду с заимствованными их смысловыми эквивалентами или, напротив, заимствованные слова с предлагаемыми к ним “своими” русско-славянскими соответствиями: *держава* — *потенция*, *интерес* — *лихва*, *рост*; *теория* — *умозрение*. Ср. характерную синонимию в обозначении разного рода отвлеченных понятий: *твердое* — *крепкое* — *жесткое* тело (в физике), *жидкое* — *влажное* — *мокротное* (тело, вещь); *лучь* — *промень*, *радиус*. Ср. также равнозначные сложные слова-перевёртыши: *честолюбие* и *любочестие* со всеми их производными; *словолюбие*, *любословие* — *филология*; *любомудрие* — *философия* и *философский*, *философический*, *любомудрый*, *любомудрственный*. В этих условиях трудно делать выбор, решать — представлять или игнорировать в Словаре один из таких тождесловов, дублетов. Ведь они либо равно употребительны, либо, если постепенно устаревают и выходят из употребления, то тем более нуждаются, встречаясь в ряде важных текстов того времени, в объяснении для современного читателя. Единой устойчивой литературной нормы как основного регулятора словарного отбора еще во многих случаях — нет. Так, свободно нахлынувшие в петровскую пору иноземные слова, лишь отчасти, но нередко уже в XIX в. семантически отделялись от своих русско-славянских

смысловых “близнецов” или постепенно выходили из употребления. Так “просторечие” XVIII века, с точки зрения позднейшего времени, во многом заходило в сферу областной, диалектной лексики. Однако в XVIII веке оно еще не имело такого узкого распространения и опускать его в сколько-нибудь полном историческом словаре нет оснований.

Все эти годы работа группы составителей и редакторов Словаря проходила между своего рода Сциллой и Харибдой. После заседания бюро в 1977 г. мы всегда помнили о предельном установленном для нас объеме Словаря и искали пути к выполнению принятого обязательства не выходить за его пределы. Это было очень трудно, учитывая значительно расширившийся за это время словарный материал. Это потребовало переделки и отчасти перестройки ранее составленного материала. Это требование мы, в общем, с тем или иным частичным ущербом для материала, выполнили. Об этом можно судить по утвержденному к изданию первому выпуску. Но это потребовало, как я уже сказал, при наличном составе группы, дополнительного времени, и мы не можем к концу 1982 г. закончить подготовку всего издания. В этом году мы завершили работу над томом (третьим — по новому расчету), доводящим описание до *По*. Остается составить два тома (*По–Р*, *С–Я*). При существующих исполнительских возможностях (учитывая, что часть работников отвлечена на работу с издательством), мы можем готовить в год около 50 л. Словаря; для подготовки двух томов, каждый по 120 л. текста, следовательно, необходима передвижка окончания составления до 1988 года. Группа составителей и редакторов, проведшая уже большую и ответственную работу над Словарем, естественно, заинтересована в трех вещах:

- 1) довести начатую работу до ее успешного завершения;
- 2) чтобы эта работа была проведена на необходимом высоком научном уровне;
- 3) чтобы эта работа совершилась в предельно обозримые сроки.

Мы просим бюро Отделения срок завершения составления Словаря продлить до 1988 года».

5. Заключение

Объем и сложность лексического материала (и другие объективные обстоятельства) не позволили составить и издать «Словарь русского языка XVIII века» в изначально предписываемые сроки. Постепенно главные ограничения (объем Словаря и сроки его издания) стали неактуальными. Снятие ограничений в общем объеме Словаря привело и к представлению в необходимом объеме словарной статьи, и к необходимой развернутости цитат, и к снятию ограничений в показе лексической и грамматической сочетаемости слова и др.

Тем не менее сохраняются правила, вошедшие в общую концепцию Словаря и прописанные в проекте: некоторое ограничение словника (например, в выборе терминологических слов, «словарных» слов, этнонимов и др.); частичное гнездование слов и списочная подача сложных слов, имеющих общий первый корень (например, *выше-*, *мало-*, *ниже-*, *перво-* и *под-*), в том случае, если слова не требуют отдельного толкования; ограничение в использовании цитатного материала (по три подтверждающие цитаты на каждое значение, употребление, сочетаемость слова и др.). Хотя и в этом могут быть отступления, обусловленные наличием материала и характером описываемого слова.

Работа над Словарем продолжается. В настоящее время опубликовано 22 выпуска «Словаря русского языка XVIII века» (*А–Потрактовать*)¹¹ объемом 770 а. л. (это примерно половина общего объема). Каждый выпуск традиционно содержит 35 п. л. Опубликованные выпуски содержат 77 310 слов. В последние годы идет активная работа по расширению эмпирической базы Словаря: благодаря новым технологиям значительно увеличилось количество привлекаемых источников, создана электронная база текстов XVIII в. (опубликованных и рукописных), стала возможной быстрая и целенаправленная выборка лексического материала.

¹¹ 22-й выпуск был опубликован в 2019 году.

Литература

- Алексеев 1998 — А. А. Алексеев. Словарь русского языка XVIII века // Ф. П. Сороколетов (ред.). История русской лексикографии. СПб.: Наука, 1998. С. 523–529.
- Биржакова, Петрова 1967 — Е. Э. Биржакова, З. М. Петрова. Картотека «Словаря русского языка XVIII века» // С. И. Котков (ред.). Лингвистические источники. Фонды Института русского языка АН СССР. М.: Наука, 1967. С. 92–100.
- Биржакова и др. 1972 — Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972.
- Гельгардт 1978 — Р. Р. Гельгардт. *Рец.*: Теоретические принципы разработки исторического словаря русского языка (по поводу «Проекта Словаря русского языка XVIII в.») // Вопросы языкознания. 1978. № 6. С. 25–35.
- Георгиева 1977 — В. Л. Георгиева. *Рец.*: И. М. Мальцева, А. И. Молотков, З. М. Петрова. Лексические новообразования в русском языке XVIII века // Вопросы языкознания. 1977. № 1. С. 148–150.
- Горобец 1985 — В. Горобец. *Рец.*: Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1 (А–Безпристрастие) // Мовознавство. 1985. № 4. С. 75–77.
- Еськова 1985 — И. Б. Еськова. Словарь русского языка XVIII века // Русская речь. 1985. № 1. С. 113–115.
- Замкова 1975 — В. В. Замкова. Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в. Л.: Наука, 1975.
- Замкова (ред.) 1984 — В. В. Замкова (ред.). Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка XVIII в. Л.: Наука, 1984.
- Князькова 1974 — Г. П. Князькова. Русское просторечие второй половины XVIII в. Л.: Наука, 1974.
- Куканова 2003 — Н. Н. Куканова. Современное состояние Картотеки «Словаря русского языка XVIII века» // Acta Linguistica Petropolitana. 2003. Т. I. Ч. 3. С. 74–79.
- Кутина 1964 — Л. Л. Кутина. Формирование языка русской науки (Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века). Л.: Наука, 1964.
- Кутина 1966 — Л. Л. Кутина. Формирование терминологии физики в России. Период предломоносовский: первая треть XVIII века. Л.: Наука, 1966.
- Малышева 2012 — И. А. Малышева. Картотека «Словаря русского языка XVIII века» (к 50-летию ее создания) // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии XVII–XIX вв. К 50-летию Картотеки «Словаря русского языка XVIII века» // Acta Linguistica Petropolitana. 2012. Т. VIII. Ч. 3. С. 9–28.

- Мальшева 2017 — И. А. Мальшева. Из истории изучения лексики русского языка XVIII века // М. И. Чернышева (ред.). Лексикология и лексикография славянских языков. М.: ЛЕКСПУС, 2017. С. 556–582.
- Мальцева и др. 1975 — И. М. Мальцева, А. И. Молотков, З. М. Петрова. Лексические новообразования в русском языке XVIII века. Л.: Наука, 1975.
- Материалы 2012 — Материалы по истории Картотеки «Словаря русского языка XVIII века» // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии XVII–XIX вв. К 50-летию Картотеки «Словаря русского языка XVIII века» // Acta Linguistica Petropolitana. 2012. Т. VIII. Ч. 3. С. 29–101.
- Петрова 1991 — З. М. Петрова. Словарь русского языка XVIII века в системе русских исторических словарей // О. Л. Дмитриева, Л. Ю. Иванов, Ю. Н. Караулов, Н. В. Мамина, Б. С. Шварцкопф (ред.). Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Ч. 1. М.: Институт русского языка АН СССР, 1991. С. 319–326.
- Петрова 1995 — З. М. Петрова. Картотека «Словаря русского языка XVIII века» // Ф. П. Сороколетов (ред.). Национальные лексико-фразеологические фонды. СПб.: Наука, 1995. С. 145–149.
- Петрова 1999 — З. М. Петрова. Из истории работы над «Словарем русского языка XVIII века» // З. М. Петрова (ред.). Русский язык конца XVII — начала XIX века (Вопросы изучения и описания). СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 1999. С. 7–17.
- Сорокин (ред.) 1965 — Ю. С. Сорокин (ред.). Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века. М.; Л.: Наука, 1965.
- Сорокин (ред.) 1966 — Ю. С. Сорокин (ред.). Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). М.; Л.: Наука, 1966.
- Сорокин 1966 — Ю. С. Сорокин. О задачах изучения лексики русского языка XVIII в. (Вместо введения) // Ю. С. Сорокин (ред.). Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). М.; Л.: Наука, 1966. С. 7–34.
- Сорокин (ред.) 1977a — Ю. С. Сорокин (ред.). Словарь русского языка XVIII века. Проект. Л.: Наука, 1977.
- Сорокин (ред.) 1977b — Ю. С. Сорокин (ред.). Проблемы исторической лексикографии. Л.: Наука, 1977.
- Сорокин (ред.) 1982 — Ю. С. Сорокин (ред.). Литературный язык XVIII века. Проблемы стилистики. Л.: Наука, 1982.
- Сорокин (ред.) 1984 — Ю. С. Сорокин (ред.). Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем. Указатель источников. Л.: Наука, 1984.
- Фелицына 1995 — В. П. Фелицына. *Рец.*: Заметки об издании Словаря русского языка XVIII века // Историко-культурный аспект лексикографического описания русского языка. М: Институт русского языка РАН, 1995. С. 210–215.

- Хютль-Ворт 1974 — Г. Хютль-Ворт. *Рец.* на: Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования / Отв. ред. Ю. С. Сорокин. Л., 1972 // *Russian Linguistics*. 1974. Vol. I. С. 76.
- Grannes 1980 — А. Grannes. *Рец.*: Словарь русского языка XVIII века. Проект. Отв. ред. Ю. С. Сорокин. Л.: Наука, 1977. 167 с. // *Russian Linguistics*. 1980. Vol. 4. № 4. P. 412–415.
- Hüttl-Folter 1985 — G. Hüttl-Folter. *Рец.*: Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1. А–Безпристрастие. Главный редактор Ю. С. Сорокин. Л.: Наука, 1984. 224 с. // *Russian Linguistics*. 1985. Vol. 9. P. 97–102.

References

- Alekseyev 1998 — A. A. Alekseyev. Slovar russkogo yazyka XVIII veka [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. F. P. Sorokoletov (ed.). *Istoriya russkoy leksikografii* [History of Russian lexicography]. St. Petersburg: Nauka, 1998. P. 523–529.
- Birzhakova, Petrova 1967 — E. E. Birzhakova, Z. M. Petrova. Kartoteka «Slovarya russkogo yazyka XVIII veka» [A card file for the “Dictionary of the Russian language of the 18th century”]. S. I. Kotkov (ed.). *Lingvisticheskiye istochniki. Fondy Instituta russkogo yazyka AN SSSR* [Linguistic sources. Archives of the Russian Language Institute of the Academy of Sciences of the USSR]. Moscow: Nauka, 1967. P. 92–100.
- Birzhakova et al. 1972 — E. E. Birzhakova, L. A. Voynova, L. L. Kutina. *Ocherki po istoricheskoy leksikologii russkogo yazyka XVIII veka. Yazykovyye kontakty i zaимstovaniya* [Essays on the historical lexicology of the Russian language in the 18th century. Language contacts and borrowings]. Leningrad: Nauka, 1972.
- Felitsyna 1995 — V. P. Felitsyna. Rets.: Zametki ob izdanii Slovarya russkogo yazyka XVIII veka [Crit.: Notes on the publication of the Dictionary of the Russian language of the 18th century]. *Istoriko-kulturnyy aspekt leksikograficheskogo opisaniya russkogo yazyka* [Lexicographical description of the Russian language: historical and cultural aspects]. Moscow: V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 1995. P. 210–215.
- Gelgardt 1978 — R. R. Gelgardt. Rets.: Teoreticheskiye printsipy razrabotki istoricheskogo slovarya russkogo yazyka (po povodu «Proyekt slovarya russkogo yazyka XVIII v.») [Review.: Theoretical principles for the development of a historical dictionary of the Russian language (regarding the “Project Dictionary of the Russian language of the 18th century”). *Voprosy yazykoznanija*. 1978. No. 6. P. 25–35.

- Georgiyeva 1977 — V. L. Georgiyeva. Rets.: I. M. Maltseva, A. I. Molotkov, Z. M. Petrova. Leksicheskiye novoobrazovaniya v russkom yazyke XVIII veka [Review: I. M. Maltseva, A. I. Molotkov, Z. M. Petrova. Lexical neologisms in the Russian language of the 18th century]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 1977. No. 1. P. 148–150.
- Gorobets 1985 — V. Gorobets. Rets.: Slovar russkogo yazyka XVIII veka. Vyp. 1 (A–Bezpristrastiye) [Review: Dictionary of the Russian language of the 18th century. Iss. 1 (A–Bezpristrastiye (Impartiality)]. *Movoznavstvo*. 1985. No. 4. P. 75–77.
- Grannes 1980 — A. Grannes. Rets.: Slovar russkogo yazyka XVIII veka. Proyekt. Otv. red. Yu. S. Sorokin. Leningrad: Nauka, 1977. 167 s. [Dictionary of the Russian language of the 18th century: A project. Yu. S. Sorokin (ed.). Leningrad: Nauka, 1977. 167 pp.]. *Russian Linguistics*. 1980. Vol. 4. No. 4. P. 412–415.
- Hüttl-Folter 1985 — G. Hüttl-Folter. Rets.: Slovar russkogo yazyka XVIII veka. Vyp. 1. A–Bezpristrastiye. Glavnyy redaktor Yu. S. Sorokin. Leningrad: Nauka, 1984, 224 s. [Review: Dictionary of the Russian language of the 18th century. Iss. 1. A–Bezpristrastiye (Impartiality). Yu. S. Sorokin (ed.). Leningrad: Nauka, 1984, 224 pp.]. *Russian Linguistics*. 1985. Vol. 9. P. 97–102.
- Khyutl-Vort 1974 — G. Khyutl-Vort. Rets. na: E. E. Birzhakova, L. A. Voynova, L. L. Kutina. Ocherki po istoricheskoy leksikologii russkogo yazyka XVIII veka. Yazykovyye kontakty i zaimstvovaniya. Leningrad: Nauka, 1972 [Review: E. E. Birzhakova, L. A. Voynova, L. L. Kutina. Essays on the historical lexicology of the Russian language in the 18th century. Language contacts and borrowings. Yu. S. Sorokin (ed.). Leningrad: Nauka, 1972]. *Russian Linguistics*. 1974. No. 1. P. 76.
- Knyazkova 1974 — G. P. Knyazkova. *Russkoye prostorechiye vtoroy poloviny XVIII v.* [Russian vernacular of the second half of the 18th century]. Leningrad: Nauka, 1974.
- Kukanova 2003 — N. N. Kukanova. Sovremennoye sostoyaniye Kartoteki «Slovarya russkogo yazyka XVIII veka» [The current state of the Card index for the “Dictionary of the Russian language of the 18th century”]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2003. Vol. I. Pt. 3. P. 74–79.
- Kutina 1964 — L. L. Kutina. *Formirovaniye yazyka russkoy nauki (Terminologiya matematiki, astronomii, geografii v pervoy treti XVIII veka)* [Formation of the language of Russian science (Terminology of mathematics, astronomy, geography in the first three decades of the 18th century)]. Leningrad: Nauka, 1964.
- Kutina 1966 — L. L. Kutina. *Formirovaniye terminologii fiziki v Rossii. Period predlomonosovskiy: pervaya tret XVIII veka* [Formation of physics terminology in Russia. Pre-Lomonosov period: the first three decades of the 18th century]. Leningrad: Nauka, 1966.

- Maltseva et al. 1975 — I. M. Maltseva, A. I. Molotkov, Z. M. Petrova. *Leksicheskiye novoobrazovaniya v russkom yazyke XVIII veka* [Lexical neologisms in the Russian language of the 18th century]. Leningrad: Nauka, 1975.
- Malysheva 2012 — I. A. Malysheva. Kartoteka «Slovarya russkogo yazyka XVIII veka» (k 50-letiyu yeye sozdaniya) [The card file for the “Dictionary of the Russian language of the 18th century” (To the 50th anniversary of its creation)]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2012. Vol. VIII. Pt. 3. P. 9–28.
- Malysheva 2017 — I. A. Malysheva. Iz istorii izucheniya leksiki russkogo yazyka XVIII veka [Excerpts on the history of studies in the vocabulary of the Russian language of the 18th century]. M. I. Chernysheva (ed.). *Leksikologiya i leksikografiya slavyanskikh yazykov* [Lexicology and lexicography of Slavic languages]. Moscow: LEKSRUS, 2017. P. 556–582.
- Materialy 2012 — Materialy po istorii kartoteki «Slovarya russkogo yazyka XVIII veka» [Materials on the history of the card index of the “Dictionary of the Russian language of the 18th century”]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2012. T. VIII. Pt. 3. P. 29–101.
- Petrova 1991 — Z. M. Petrova. Slovar russkogo yazyka XVIII veka v sisteme russkikh istoricheskikh slovarey [The dictionary of the Russian language of the 18th century in the system of Russian historical dictionaries]. O. L. Dmitriyeva, L. Yu. Ivanov, Yu. N. Karaulov, N. V. Mamina, B. S. Shvartskopf (eds.). *Russkiy yazyk i sovremennost. Problemy i perspektivy razvitiya rusistiki* [The Russian language and modernity: problems and prospects of Russian studies]. No. 1. Moscow: Russian Language Institute of the USSR Academy of Sciences, 1991. P. 319–326.
- Petrova 1995 — Z. M. Petrova. Kartoteka «Slovarya russkogo yazyka XVIII veka» [The card file for the “Dictionary of the Russian language of the 18th century”]. F. P. Sorokoletov (ed.). *Natsionalnyye leksiko-frazeologicheskiye fondy* [National Lexicographical archives]. St. Petersburg: Nauka, 1995. P. 145–149.
- Petrova 1999 — Z. M. Petrova. Iz istorii raboty nad «Slovarem russkogo yazyka XVIII veka» [Excerpts on the history of work on the “Dictionary of the Russian language of the 18th century”]. Z. M. Petrova (ed.). *Russkiy yazyk kontsa XVII — nachala XIX veka (Voprosy izucheniya i opisaniya)* [The Russian language of the late 17th — early 19th centuries (Problems of study and description)]. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, 1999. P. 7–17.
- Sorokin (ed.) 1965 — Yu. S. Sorokin (ed.). *Materialy i issledovaniya po leksike russkogo yazyka XVIII veka* [Materials and studies on the vocabulary of the Russian language of the 18th century]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965.
- Sorokin (ed.) 1966 — Yu. S. Sorokin (ed.). *Protsessy formirovaniya leksiki russkogo literaturnogo yazyka (ot Kantemira do Karamzina)* [The processes of forming

- the vocabulary of Literary Russian (from Kantemir to Karamzin)]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1966.
- Sorokin 1966 — Yu. S. Sorokin. O zadachakh izucheniya leksiki russkogo yazyka XVIII v. (Vmesto vvedeniya) [On the goals of studies in the vocabulary of the Russian language in the 18th century. (In lieu of an introduction)]. Yu. S. Sorokin (ed.). *Protsessy formirovaniya leksiki russkogo literaturnogo yazyka (ot Kantemira do Karamzina)* [The processes of forming the vocabulary of Literary Russian (from Kantemir to Karamzin)]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1966. P. 7–34.
- Sorokin (ed.) 1977a — Yu. S. Sorokin (ed.). *Slovar russkogo yazyka XVIII veka. Proyekt* [Dictionary of the Russian language of the 18th century: A project]. Leningrad: Nauka, 1977.
- Sorokin (ed.) 1977b — Yu. S. Sorokin (ed.). *Problemy istoricheskoy leksikografii* [Problems of historical lexicography]. Leningrad: Nauka, 1977.
- Sorokin (ed.) 1982 — Yu. S. Sorokin (ed.). *Literaturnyy yazyk XVIII veka. Problemy stilistiki* [Literary Russian of the 18th century. Problems of style]. Leningrad: Nauka, 1982.
- Sorokin (ed.) 1984 — Yu. S. Sorokin (ed.). *Slovar russkogo yazyka XVIII veka. Pravila polzovaniya slovarem. Ukazatel istochnikov* [Dictionary of the Russian language of the 18th century. User guide. Index of sources]. Leningrad: Nauka, 1984.
- Yeskova 1985 — I. B. Yeskova. Slovar russkogo yazyka XVIII veka [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. *Russkaya rech.* 1985. No. 1. P. 113–115.
- Zamkova 1975 — V. V. Zamkova. *Slavyanizm kak stilisticheskaya kategoriya v russkom literaturnom yazyke XVIII v.* [Slavicisms as a stylistic category in the Russian literary language of the 18th century]. Leningrad: Nauka, 1975.
- Zamkova (ed.) 1984 — V. V. Zamkova (ed.). *Funktsionalnyye i sotsialnyye raznovidnosti russkogo literaturnogo yazyka XVIII v.* [Functional and social varieties of the literary Russian of the 18th century]. Leningrad: Nauka, 1984.

О некоторых особенностях семантической деривации прилагательных в русском языке второй половины XIX в. (на материале писем А. П. Чехова)

Ю. Г. Захарова

Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск, Россия);
009687@pnu.edu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу деривационных процессов в семантической структуре прилагательных русского языка второй половины XIX в. В работе применяются методы сравнительно-сопоставительного, компонентного и контекстуального анализа, представлена возможность использования разработанной в диахронической лингвистике классификации типов деривационных семантических процессов при анализе лексики русского языка XIX в. Письма А. П. Чехова показывают, что семантические изменения в рассматриваемый период были наиболее характерны для относительных прилагательных. Они связаны прежде всего с денотативно-сигнификативным компонентом значения, при этом в новых семемах формировались и коннотативные (отрицательно-оценочные) семы. В значении большинства прилагательных можно наблюдать сдвиг метафорического или образно-ассоциативного характера. Семантическая деривация в ряде случаев опирается на словообразование: стимулом изменения семантики производного слова могло послужить формирование переносного значения в производящем. Сравнительный анализ писем А. П. Чехова с другими источниками позволяет выявить семантические деривационные модели, которые, получив статус узуальных в XIX в., применялись при создании слов (лексико-семантических вариантов), имевших ограниченное или индивидуально-авторское употребление, либо первоначально использовались только в речи, а позднее закрепились в литературном языке.

Ключевые слова: семантическая деривация; денотативно-сигнификативный, коннотативный компонент, лексическое значение, деривационная семантическая модель; семантический потенциал слова.

Some features of the semantic derivation of Russian adjectives in the second half of the XIX century (on the evidence of Chekhov's letters)

Yu. G. Zakharova

Pacific State University (Khabarovsk, Russia); 009687@pnu.edu.ru

Abstract. The article proposes an analysis of derivational processes in the semantic structure of Russian adjectives in the second half of the XIX century. In modern linguistics, *semantic derivation* refers to semantic derivation relations taking place at both the level of synchronous polysemy, and in diachrony at different points of a word's history. *Semantic deviations* represent divergence from the standard semantic development path within a single value. Their significance for historical and lexicological research is that they reveal the real semantic volume of words in the XIX century Russian and thus provide a glimpse of the socio-cultural and linguistic situation of the time. The article uses methods of comparative, component, and contextual analysis which allows using the classification of types of derivational semantic processes, developed in diachronic linguistics for analyses of the vocabulary of the XIX century Russian, to capture transformations of the denotative core of meaning and changes in the pragmatic component. A. P. Chekhov's letters show that semantic changes in the period under review were most characteristic of relative adjectives. They are connected, first of all, with the denotative-significative component of meaning, while connotative (negative-evaluative) semes were also formed within the new semes. One can observe shifts of a metaphorical or figurative-associative nature in the meaning of most adjectives. Semantic derivation in some cases relies on word formation: the stimulus for changing the semantics of a derived word could be the formation of a figurative meaning in the generating word. A comparative analysis of Chekhov's letters vs. other sources allows identifying the semantic derivational models that found their way into Russian in the XIX century as devices for creating new words (lexical-semantic variants); at first they had only limited or author-specific use to later penetrate into the standard (literary) Russian. Thus, *sukonnyy* 'made of woolen cloth' came to mean 'heavy, clumsy, expressionless (about language)'; words meaning 'superficially nice' like *pryanichnyy* 'made of gingerbread' came to mean 'false, sugary, showy'; *teatral'nyy* 'theatrical' got a figurative meaning 'false'; words denoting 'handicraft production or handicraft worker' like *kustarnyy* 'hand-crafted' or *sapozhnik* 'cobbler' came to mean 'shoddy, makeshift, amateurish'.

Many Chekhov's letters contain reflection on the essence of artistic creativity, literary styles, or performance art, which makes his epistolary discourse of special value for analyses of relevant vocabulary segments.

Keywords: semantic derivation; denotative-significative, connotative component, lexical meaning; derivational semantic model; semantic potential of the word.

1. Введение

Термин *семантическая деривация* употребляется в современной лингвистике по отношению как к процессу, так и результату изменений в семантике слова, он применим к синхронии и диахронии.

Анна А. Зализняк понимает под ним «отношения семантической производности, связывающие между собой разные значения одного слова на уровне синхронной полисемии, и отношения между значениями слова в разные моменты его истории» [Зализняк 2001: 15].

Е. В. Падучева полагает, что термин *семантическая деривация* отождествляет в семантическом плане соотношения между значениями слова при полисемии и соотношения между словом и его словообразовательным дериватом. Семантическая деривация «предстает как частный случай обычной лексической деривации — словообразования» [Падучева 2004: 147].

И. М. Некипелова в диахроническом аспекте разграничивает понятия *семантическая деривация* и *семантическое словообразование*. Под семантической деривацией лингвист понимает семантические процессы, приводящие к отклонениям от исходного значения слова, а под семантическим словообразованием — процесс появления нового слова, семантического деривата, т. е. распад полисемии [Некипелова 2011: 36]. Семантическая деривация рассматривается И. М. Некипеловой как процесс расширения семантического объема слова, приводящий сначала к семантическому синкретизму, а затем

к формированию на его основе полисемии. Семантическая деривация — это прежде всего явление речи, а не языка, «поскольку актуализация тех или иных коннотаций оказывается обусловленной контекстом, в котором языковая единица употребляется» [Некипелова 2011: 37].

Рассматривая когнитивный механизм изменения семантической структуры слова, Е. Б. Никифорова приходит к выводу о том, что любые диахронические сдвиги в семантике слова объясняются коммуникативно-прагматическими факторами речемышления, определяющими актуализацию одних сем и нейтрализацию других. Первоначально изменения проявляются на речевом уровне, варьирование происходит в рамках единого значения, что рассматривается автором как проявление динамики в синхронии. Изменение может стать фактом языка (новым лексико-семантическим вариантом слова) в том случае, если оно утвердится в коллективном сознании представителей данной лингвокультуры, преодолет количественный порог словоупотребления [Никифорова 2008: 8].

Е. Б. Никифоровой были проанализированы диахронные процессы в семантике слова на протяжении длительного периода — с XI в. до настоящего времени, разработана классификация типов деривационных процессов в семантике слова.

Первый тип связан с изменением денотативно-сигнификативного компонента значения. Он представлен тремя процессами: девиационным, гиперо-гипонимическим, тропеическим. Девиационные изменения представляют собой модификацию иерархического статуса ядерных и периферийных сем при сохранении архисемы. Семантический сдвиг при этом оказывается очень значительным. Такие изменения приводят к появлению диахронических омонимов. Например, глагол *зававляти* в древнерусский период имел значение ‘затруднять, беспокоить’, позднее сформировалось значение ‘приятно занимать, не давать скучать, увеселять’ [Никифорова 2008: 11].

Гиперо-гипонимия связана с актуализацией или нейтрализацией ядерных или периферийных сем при сохранении архисемы. Возникновение новых или нивелирование исконных дифференциальных сем приводит к тому, что первоначальное значение лексемы начинает

соотноситься с новым как родовое с видовым или, наоборот, как видовое с родовым, иными словами, происходит сужение или расширение денотативного объема слова. Так, лексема *платье* исконно реализовала значение ‘одежда’, новый лексико-семантический вариант — ‘женская цельная одежда, носимая поверх нательного белья’. Тропеические сдвиги выражаются в закреплении первоначально переносного, периферийного значения в семантической структуре слова в качестве основного, ср. *забрало* — ‘подвижная часть шлема, опускаемая на лицо для защиты от ударов’ (первоначально — ‘городское укрепление, стена’) [Никифорова 2008: 12].

Второй тип преобразований касается прагматического компонента значений. Его можно назвать коннотативным. Изменяется полюс оценочности лексемы: из положительной — в отрицательную или наоборот; нейтральное слово приобретает отрицательную оценочность.

Рассмотренные Е. Б. Никифоровой процессы можно наблюдать и на отдельном синхронном срезе — например, во второй половине XIX в., и в диахронии при сравнении семантической структуры слов в первой и второй половине XIX в. Таким образом, классификация типов семантических изменений, разработанная Е. Б. Никифоровой, применима и к материалу русского языка XIX в.

Авторы «Словаря русского языка XIX в.» подчеркивают, что лексикограф в ходе работы над словом выявляет не только устоявшиеся элементы семантической структуры, которые получили статус самостоятельного значения, но и такие компоненты, в которых реализуется семантический потенциал слова. Отклонения от стандартного семантического развития в пределах одного значения В. Н. Калиновская и С. А. Эзериня называют *семантическими девиациями*.

Их значимость для историко-лексикологического исследования обусловлена тем, что они дают возможность судить о реальном семантическом объеме слова в русском языке XIX в., социокультурной и языковой ситуации в обществе «во всем ее разнообразии, в поисках говорящими и пишущими наиболее точных и емких средств мыслевыражения» [Калиновская, Эзериня 2017: 146].

2. Деривационные процессы в семантике прилагательных

Материал писем А. П. Чехова, а также сравнительный анализ их с другими источниками позволяет увидеть некоторые тенденции, характерные для развития лексико-семантической системы русского языка во второй половине XIX в. Наиболее яркая из них — появление у ряда относительных прилагательных переносных качественных значений.

В одном из писем А. П. Чехова в одном контексте употребляются прилагательные *деревянный* и *чиновницкий*:

- (1) *Театры здесь необычайно скучны. Видел я «Бедную невесту» и «Холостяка». Игра чиновницкая, бездушная, деревянная.* (А. И. Сумбатову (Южину), 1890) [Чехов: т. 4: 14].

Для прилагательного *деревянный* в этом контексте характерен метафорический сдвиг значения: ‘сделанный из дерева’ → ‘бездушный, неживой, бесстрастный’. Переносное значение слова фиксируется в словарях с 1895 г.: «Напоминающий дерево: деревянный смех, деревянное лицо» [САН: т. 1, вып. 3: 1011].

Похожую историю имело прилагательное *суконный*. В его семантической структуре к концу века формируется переносное (метафорическое) значение, связанное с языком: «*Суконный язык, суконная речь. О грубом, тяжелом, невыразительном языке*» [БАС: т. 14: 1177]. Ср. у А. П. Чехова:

- (2) *Наши гг. геологи, ихтиологи, зоологи и проч. ужасно необразованные люди. Пишут таким суконным языком, что не только скучно читать, но даже временами приходится фразы переделывать, чтобы понять.* (А. С. Суворину, 1890) [Чехов: т. 4: 27].

Это значение не нашло отражения в толковых словарях XIX в., ср. у В. И. Даля: «*Суконный язык, картавый, шепелявый*» [Даль-2: т. 4: 358].

По наблюдениям лингвистов, в XIX в. «прецедентное употребление, закрепляясь в системе языка, формирует модель для

последующих семантических изменений у аналогичных лексем» [Калиновская, Эзериня 2019: 78]. Материал писем А. П. Чехова подтверждает эту мысль. В семантическую деривационную модель ‘сделанный из плотной ткани’ → ‘тяжелый, неискusstный, невыразительный (о языке)’ в эпистолярном дискурсе А. П. Чехова оказалось вовлечено и прилагательное *драповый*:

- (3) *Кроме Вашего, мне известны еще три перевода <...>; переводы плохие, язык драповый.* (А. Н. Плещееву, 1889) [Чехов: т. 3: 306].

В письмах А. П. Чехова употребляется ряд прилагательных, характеризующих художественное творчество и также имеющих отрицательный оценочный компонент в семантике.

Переносное (метафорическое) качественное значение прилагательного *шаблонный* впервые фиксируется в третьем издании словаря В. И. Даля, куда оно было добавлено И. А. Бодуэном де Куртеном: «Шаблонный чертеж, лекальный, во всю величину вещи [**|| заурядный**]» [Даль-3: т. 4: 1386]. Судя по данным [НКРЯ], такое употребление прилагательного отмечается с 70-х гг. XIX в.: *шаблонный либерализм* (1871), *шаблонный человек* (1885), *шаблонные категории* (1881), *шаблонные оправдательные доводы* (1882), *шаблонные мысли*, *шаблонные представления о женской красоте* (1885).

В письмах А. П. Чехова прилагательное в переносном значении встречается в контекстах, связанных с литературными произведениями:

- (4) *Природа и жизнь построены по тому самому шаблону, который теперь так устарел и бракуется в редакциях: не говоря уж <...> о девицах, жаждущих самой шаблонной любви, недалеко от меня имеется даже такой заезженный шаблон, как водяная мельница <...>.* (А. С. Суворину, 1888) [Чехов: т. 2: 277].

Семантический сдвиг приводит к морфологическим изменениям — адъектив в качественном значении начинает употребляться и в краткой форме:

- (5) *Фигура писаря в пиджачке и с клочками сена в волосах **шаблонна** и к тому же сочинена юморист<ическими> журналами.* (Н. А. Хлопову, 1888) [Чехов: т. 2: 200].

В обоих случаях писатель использует прилагательное для отрицательной характеристики художественного творчества: банальных, повторяющихся у разных авторов сюжетов и образов.

Прилагательное *бонбоньерочный* (производное от *бонбоньерка*) не отражено в словарях русского языка XIX в. Судя по одному из писем А. П. Чехова, в 80-х гг. XIX в. оно стало употребляться в переносном метафорическом значении — ‘слащавый, неестественный, напоминающий изображения на бонбоньерках’:

- (6) *После «Татьяны» моя пьеса представляется мне **бонбоньерочной**, хотя я до сих пор не уяснил себе, хороша Ваша пьеса или же нет.* (А. С. Суворину, 1888) [Чехов: т. 3: 93].

Слово в переносном значении встречается также у С. К. Маковского (7) и О. Н. Ольнем (8):

- (7) *Современный «женский портрет» — у нас еще большая редкость, — «женский портрет», не имеющий, разумеется, ничего общего с **бонбоньерочными** «головками» Общества петербургских художников и с декалькомани.* (1910) [Маковский 1910: 18].
- (8) *Ялта надоедала, казалась искусственной, «**бомбоньерочной**».* (1909) [Епишкин 2010].

Качественное значение позволило И. Е. Репину употребить в письме прилагательное в краткой форме:

- (9) *В картинах хорош верх: Кремль и церковь справа с людьми и духовенством; а центр и низ **бонбоньерочны**.* (М. К. Тенишевой, 1896) [Епишкин 2010].

Метафорическая деривационная модель ‘внешне красивый’ → ‘фальшивый, слащавый’ в речи стала складываться с середины XIX в. Например, в семантической структуре прилагательного *пряничный*

на базе переносного значения «обильно украшенный, как будто сделанный из расписных пряников» возник еще один оттенок: «чрезмерно сентиментальный, слащавый» [БАС: т. 11: 605]. Такое употребление слова встречается в работах В. Г. Белинского (*пряничные фразы*), А. В. Дружинина (*пряничные герои*) [БАС: т. 11: 1605].

Позднее в литературном языке по сходной модели сформировалось переносное значение у прилагательного *сусальный*. Первые случаи самостоятельного (вне словосочетания *сусальное золото*) употребления прилагательного в новом значении датируются в [НКРЯ] XX веком:

- (10) *Совсем недавно, после первой революции нашей, совершилось это чудо: воскрешение русской красоты, не сусальной, славянофильской, провинциальной, а строгой, вселенской и вечной.* [Г. П. Федотов. Лицо России. 1919].
- (11) *По всем сусальным кодексам сделана фигура «гносного соглашателя» Микеладзе. И особенно густо насусален конец — апофеоз героя, скомпонованный по всем оперным правилам, согласно коим, как известно, полагается говорить уже не «рот», а «уста», и не «глаза», а «очи» (...).* [Е. И. Замятин. О сегодняшнем и о современном. 1924] и др.

В приведенных примерах прилагательное *сусальный* используется в значении ‘фальшивый, отвечающий какому-либо шаблону, стереотипу, противоречащий художественной правде’.

Адъектив *пьесочный*, который встречается в письме А. П. Чехова, можно отнести к потенциальным словам в русском языке конца XIX в. По-видимому, он создан по образцу прилагательного *опереточный*, первые примеры употребления которого датируются в [НКРЯ] 80-ми гг. XIX в. В других источниках, у других авторов прилагательное *пьесочный* не встречается. В письме А. П. Чехова оно употреблено в качественном значении, появившемся путем метафоризации, — ‘вычурный, сценический’:

- (12) *Фамилии «Ратищев» и «Муратов» слишком пьесочны, не просты. Дайте Ратищеву малороссийскую фамилию — для разнообразия.* (А. С. Суворину, 1900) [Чехов: т. 9: 23].

А. П. Чехов использовал семантическую деривационную модель ‘относящийся к сценическому искусству’ → ‘ненастоящий, неправдоподобный’, которая начала формироваться в русском языке с первой половины XIX в.: *драматический* — «рассчитанный на определенный эффект; искусственный, театральный, деланный» [БАС: т. 3: 1088]; *сценический* — «такой, как на сцене, в театре; искусственный, театральный, деланный» [БАС: т. 14: 1301]; *театральный* — «характеризующийся театральностью (во 2-м знач.), внешне эффектный, искусственный» [БАС: т. 15: 185]; *опереточный* — «перен. карикатурный, такой, что нельзя принимать всерьез, похожий на представляемого в оперетте (шутл.-ирон.) [Ушаков: т. 2: 816].

Появление качественных значений было свойственно в русском языке XIX в. и для адъективированных причастий [Сорокин 1965: 535].

В письмах А. П. Чехова глагол *зализывать* (*зализать*), краткие причастия *зализано*, *зализан* и адъективированное причастие *зализанный* употребляются в переносных метафорических значениях «подвергнув произведение излишне тщательной отделке, лишить его индивидуальности, сделать банальным» [ТСРРР: т. 1: 607], «о продукте творческой, интеллектуальной, профессиональной и т. п. деятельности: излишне отделанный, лишенный индивидуальности» [ТСРРР: т. 1: 606]. Письма были написаны в 80–90-х гг.:

- (13) *Мой совет: в пьесе старайся быть оригинальным и по возможности умным (...). Не зализывай, не шлифуй, а будь неуклюж и дерзок. Краткость — сестра таланта.* (Ал. П. Чехову, 1889) [Чехов: т. 3: 188].
- (14) *Только пишите именно так, чтоб было наворочено и нагромождено, а не зализано и сплюснуто. Мне надоела зализанная беллетристика, да и читатель от нее скушает.* (А. С. Суворину, 1888) [Чехов: т. 3: 105].
- (15) *Шапиро прислал мне мои карточки, на которых я зализан и похож на святого.* (А. С. Суворину, 1895) [Чехов: т. 6: 59].

В кратких причастных формах доминирует глагольная семантика, а полное причастие *зализанная* уже обладает качественным значением прилагательного.

Переносные значения глагола и адъектива (а также производных от него) впервые фиксируются в Словаре Императорской Академии наук в 1901 г. Судя по примерам, эти лексемы в новых значениях первоначально были свойственны профессиональной речи художников, характеризовали произведения живописи, ср.:

- (16) *Портреты носят на себе отпечаток кисти этого профессора: **зализанность**, рельефность резких черт, отсутствие определенного выражения в лице...* (1861)
- (17) *Освоилась со словом «**зализать**» и «компоновка» (в портретной живописи).* (1882)
- (18) *(На картине) **зализанности**, обсахаривания, мармеладничанья нет и следа.* (1899) [САН: т. 2, вып. 5: 1339–1140].

По письмам А. П. Чехова видно, что к 80-м гг. сфера употребления семантических дериватов слов *зализать* (*зализывать*), *зализанный* стала шире рамок жаргона художников: они применяются по отношению к языку литературного произведения, результату нехудожественной профессиональной деятельности.

Прилагательное *чиновницкий* входило в группу слов, которые были мотивированы названиями профессий (рода занятий) и приобрели во второй половине XIX в. негативно окрашенные образно-ассоциативные переносные значения под влиянием семантики их производящих основ (ср. *ремесленник* — *ремесленничество*, *генерал* — *генеральство*, *кулак* — *кулацкий*, *сапожник* — *сапожницкий*, *чиновник* — *чиновницкий*, *колбасник* — *колбасничество*, *квасер* — *квасерство* и др.) [Захарова 2016: 230].

В семантической структуре слова *чиновник* на протяжении XIX в. путем ассоциативного переноса сформировалось значение «человек, ограничивающийся в каком-нибудь деле формальным выполнением обязанностей» [БАС: т. 17: 1036]. На базе этого значения у производных прилагательных *чиновничий*, *чиновнический*,

чиновницкий (см. пример выше) во второй половине столетия возникает новый лексико-семантический вариант — ‘казенный, пустой, бездушный’:

- (19) *В самом деле, в комиссии собрались все чиновники, но не чиновничьего закала, не с чиновничьей душой.* (И. С. Аксаков. Письма родным. 1849–1856) [НКРЯ].
- (20) *Возбужденная толпа, большею частью обманутая своими вожаками, ничего не понимает из того, что говорит чиновничьим, книжным языком представитель власти <...>.* (Л. Н. Толстой. Царство Божие внутри вас <...>. 1893) [НКРЯ].

Прилагательное *чиновницкий* не встречается в [НКРЯ], в словарях XIX в., единственный пример с ним в [БАС] приведен из цитированного выше письма А. П. Чехова. По-видимому, авторство слова принадлежит писателю.

Существительное *сапожник* в третьем издании словаря В. И. Даля фиксируется только в прямом значении [Даль-3: т. 4: 33], однако материал писем А. П. Чехова свидетельствует о том, что к концу века в значении слова наблюдался сдвиг ассоциативного характера. Слово начинает употребляться в значении ‘неумелый, неискусный в работе человек’ (простореч.) [БАС: т. 13: 177]:

- (21) *Пастухов сапожник, а не редактор: он не смел, каналья он такая, писать Вам, литератору, канцелярским способом, т. е. подписываться под письмом, написанным писарской рукой.* (И. Л. Леонтьеву (Щеглову), 1889) [Чехов: т. 3: 176].
- (22) *В Сумах есть театр. <...> Видел я «Вторую молодость». Сапожники.* (И. Л. Леонтьеву (Щеглову), 1889) [Чехов: т. 3: 206].

В одном из писем встречается метафора, связанная с писательским творчеством:

- (23) *Только, голубчик, пришлите мне корректуру, ибо рассказ написан сапожной щеткой и нуждается в ретуши.* (А. С. Суворину, 1890) [Чехов: т. 4: 36].

Эта метафора (инструмент писателя — перо — сравнивается с сапожной щеткой) помогает понять, какие ассоциации с профессией могли сыграть роль при формировании переносного значения слова *сапожник* в конце XIX в.: грубые, примитивные орудия труда; простая, не требующая большого мастерства работа.

О семах в составе переносных значений слов типа *чиновник*, *сапожник* Д. Н. Шмелев писал: «В известном смысле это не элементы собственно значения слова, а устойчивые ассоциации, связанные с представлением о явлении, которое обозначает слово (...) Эти ассоциации образуют обширные тематические поля, втягивая в сферу своего воздействия целые группы слов и тем самым предопределяя потенциальную направленность их «переносного» употребления (...)» [Шмелев 1973: 193]. Материал писем русских писателей показывает, что во второй половине XIX в. в языке и речи формировалась тематическая парадигма «ремесленные профессии», объединенная ассоциативными семами ‘плохой’, ‘некачественный’: *ремесленник*, *сапожник*, *колбасник* (ср. также *мясник* («ирон. о плохом хирурге» [БАС: т. 6: 1449]), *коновал* («бранно о плохом враче» [САН: т. 4, вып. 6: 1844]).

Под влиянием переносного значения слова *сапожник* в производном *сапожницкий* сформировалась новая семема ‘плохо, неискусно сделанный’:

- (24) *Чтобы написать для театра хорошую пьесу, нужно иметь особый талант (можно быть прекрасным беллетристом и в то же время писать сапожницкие пьесы).* (А. Н. Плещеву, 1889) [Чехов: т. 3: 138].

Семантика некоторых качественных прилагательных в русском языке изучаемого периода также изменялась. В семантической структуре слова *чумазый* в конце XIX в. появились два переносных значения ассоциативного типа.

Первоначально под влиянием публицистических работ М. Е. Салтыкова-Щедрина в субстантивированном прилагательном сформировалось переносное отрицательно окрашенное, социально мотивированное значение «предприниматель, богатей из мужиков» [БАС: т. 17: 1198]:

- (25) *«Чума́зый человек» — в виду у всех (...). Нет нужды, что он еще недостаточно поскоблится, что он не тронут наукой и равнодушен к памятникам искусства, что на знамени его только одна надпись читается явственно: распивочно и навывнос... (...) Ему ни «общество», ни «отечество», ни «правда», ни «свобода» — ничто ему доподлинно не известно! Ему известен только грош — ну, и пускай он наделает из него пятаков! (М. Е. Салтыков-Щедрин. Мюнрепо. 1878–1879 гг.) [Салтыков-Щедрин: 382–383].*
- (26) *Не будь интеллигенции, мы не имели бы ни понятия о чести, ни веры в убеждения, ни даже представления о человеческом образе. Остались бы «чума́зые» с их исконным стремлением расщипать общественный карман до последней нитки. Идет чума́зый, идет! (...) Идет с фальшивою мерою, с фальшивым аршином и с неуголимою алчностью глотать, глотать, глотать... (М. Е. Салтыков-Щедрин. Мелочи жизни. 1886–1887) [НКРЯ].*

Письмо А. П. Чехова свидетельствует о том, что в последнее десятилетие века субстантиват *чума́зый* приобрел еще одно значение — ‘человек из низшего сословия, простолюдин’:

- (27) *Кстати: нет ли у Вас чего-нибудь из старого товара, из давнего, что мог бы попросить у Вас для себя «Посредник»? (...) У них, т. е. у «Посредника», два сорта изданий: один для благородной публики, другой — для чума́зых. Так вот дайте для благородной. (Н. А. Лейкину, 1899) [Чехов: т. 5: 196].*

В том же значении слово *чума́зый* употребляется и в романе П. Д. Боборыкина «Василий Теркин» (1892):

- (28) *В галерее ему пришлось жутко от празднично приодетого «мужичья». Он за этот год, — прошло ровно столько со спуска парохода «Батрак», — стал еще брезгливее по части простого люда, находил, что «чума́зого» слишком распустили, что он всюду «прет» со своим «неумытым рылом». [НКРЯ].*

Отметим, что новые значения лексемы *чумазый* в словарях XIX в. не отражены.

3. Выводы

Письма А. П. Чехова содержат интересный материал для исследования различных процессов в семантике прилагательных русского языка XIX в. Рассмотренные примеры позволяют выявить несколько семантических деривационных моделей, которые нашли отражение как в литературном языке, так и в области окказионального словообразования.

Наиболее высоким потенциалом для формирования семантических дериватов во второй половине XIX в. обладали относительные прилагательные. Это может объясняться характером их семантики: конкретность, осязаемость, «предметность» значения относительного прилагательного, заданная производящим словом (*дерево, сукно, драп, шаблон, бонбоньерка*), при семантической деривации порождает яркую метафору, позволяющую с максимальной точностью обозначить качественный признак.

Развитие переносных значений у ряда прилагательных было связано с особенностями осмысления художественного (писательского, театрального, живописного) творчества в России XIX в.: с 20–30-х гг. XIX в. в русской критике с особой остротой встает вопрос об адекватности отражения в литературе и искусстве явлений действительности [Сорокин 1965: 462], что способствовало формированию семантических деривационных моделей ‘относящийся к сценическому искусству’ → ‘ненастоящий, неправдоподобный’, ‘внешне красивый’ → ‘фальшивый, шаблонный’, ‘внешне красивый’ → ‘неестественный, слащавый’, особенно продуктивных во второй половине столетия.

Появление переносных значений у некоторых относительных прилагательных (*чиновницкий, сапожницкий*) было вызвано формированием в значениях производящих существительных ассоциативных сем, получавших узуальный статус.

Многим письмам свойственна рефлексия по поводу сущности художественного творчества, языка литературных произведений, сценического мастерства, поэтому эпистолярный дискурс А. П. Чехова особенно ценен для анализа соответствующих групп лексики.

Литература

- Зализняк 2001 — Анна А. Зализняк. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 13–25.
- Захарова 2016 — Ю. Г. Захарова. Потенциальные и окказиональные слова в письмах Ф. М. Достоевского // Е. В. Кулеш (ред.). Россия в мировом сообществе: смысловое пространство диалога культур. Материалы Международного форума «Восточный вектор миграционных процессов: диалог с русской культурой», 16–17 ноября 2016 г. Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского государственного университета, 2016. С. 228–232.
- Калиновская, Эзериня 2017 — В. Н. Калиновская, С. А. Эзериня. Семантические девиации русской лексики XIX века: взгляд лексикографа // Е. П. Осипова (отв. ред.). И. И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. Сборник статей Международной научно-практической конференции, 21–23 сентября 2017 г. Рязань: Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, 2017 г. С. 145–151.
- Калиновская, Эзериня 2019 — В. Н. Калиновская, С. А. Эзериня. Семантические деривации в русском языке XIX века: системное и индивидуально-авторское // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Материалы международной научной конференции «Вторые Григорьевские чтения: Неология как проблема лингвистической поэтики». 2019. Вып. 19. С. 77–84.
- Некипелова 2011 — И. М. Некипелова. К вопросу о разграничении понятий *семантическая деривация* и *семантическое словообразование* в диахроническом аспекте // Вестник Томского государственного университета. Серия «Филология». 2011. № 2 (14). С. 33–46.
- Никифорова 2008 — Е. Б. Никифорова. Семантическая эволюция лексической системы русского языка: тенденции, векторы, механизмы. Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Волгоград: Волгоградский государственный педагогический университет, 2008.
- Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.

- Сорокин 1965 — Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-е — 90-е годы XIX в. М.; Л.: Наука, 1965.
- Шмелев 1973 — Д. Н. Шмелев. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973.

Источники

- БАС — Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.; Л.: Наука, 1950–1965.
- Даль-2 — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. 2-е изд. М.: Русский язык, 1998.
- Даль-3 — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. И. А. Бодуэн де Куртенэ (ред.). 3-е изд., испр. и доп. М.: Товарищество М. О. Вольф, 1903–1909.
- Епишкин 2010 — Н. И. Епишкин. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: ЭТС, 2010. URL: <http://galicismes.academic.ru> (дата обращения 02.12.2020).
- Маковский 1910 — С. К. Маковский. Женские портреты современных русских художников // Аполлон. 1910. № 5. С. 18–23.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 02.12.2020).
- Салтыков-Щедрин — М. Е. Салтыков-Щедрин. Убежище Монрепо // Собрание сочинений в 20 т. Т. 13. М.: Художественная литература, 1972. С. 265–407.
- САН — Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. Т. 1–4. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1891–1916.
- ТСРРР — Толковый словарь русской разговорной речи. Т. 1. Л. П. Крысин (ред.). М.: Языки славянской культуры, 2014.
- Ушаков — Д. Н. Ушаков (ред.). Толковый словарь русского языка. В 4 т. М.: Советская энциклопедия; ОГИЗ, 1935–1940.
- Чехов — А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 1–9. М.: Наука, 1974–1980.

References

- Kalinovskaya, Ezerinya 2019 — V. N. Kalinovskaya, S. A. Ezerinya. Semanticheskie derivatsii v russkom yazyke XIX veka: sistemnoe i individualno-avtorskoe

- [Semantic derivations in the Russian language of the XIX century: system and individual-author derivations]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Vtorye Grigorevskie chteniya: Neologiya kak problema lingvisticheskoy poetiki"*. 2019. Iss. 19. P. 77–84.
- Kalinovskaya, Ezerinya 2017 — V. N. Kalinovskaya, S. A. Ezerinya. Semanticheskie devyatsii russkoy leksiki XIX veka: vzglyad leksikografa [Semantic deviations in the Russian vocabulary of the XIX century: a lexicographer's perspective]. E. P. Osipova (resp. ed.). *I. I. Sreznevskiy i russkoe istoricheskoe yazykoznanie: opyt i perspektivy. Sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 21–23 sentyabrya 2017 g.* [I. I. Sreznevsky and Russian historical linguistics: experience and prospects. A collection of papers presented to the international scientific and practical conference, September 21–23, 2017]. Ryazan: Ryazan S. A. Yesenin State University Press, 2017. P. 145–151.
- Nekipelova 2011 — I. M. Nekipelova. K voprosu o razgranichenii ponyatiy *semanticheskaya derivatsiya* i *semanticheskoe slovoob-razovanie* v diakhronicheskom aspekte [On distinctions between the concepts of *semantic derivation* and *semantic word formation* in the diachronic perspective]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filologiya"*. 2011. No. 2 (14). P. 33–46.
- Nikiforova 2008 — Ye. B. Nikiforova. *Semanticheskaya evolyutsiya leksitsheskoy sistemy russkogo yazyka: tendentsii, vektory, mekhanizmy* [Semantic evolution of the Russian lexical system: trends, vectors, mechanisms]. Doctoral thesis. Volgograd: Volgograd State Pedagogical University, 2008.
- Paducheva 2004 — E. V. Paducheva. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in lexical semantics]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury, 2004.
- Shmelev 1973 — D. N. Shmelev. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki* [Vocabulary: problems of semantic analysis]. Moscow: Nauka, 1973.
- Sorokin 1965 — Yu. S. Sorokin. *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka. 30-e — 90-e gody XIX v.* [Russian literary vocabulary development in the 1830s–1890s]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965.
- Zakharova 2016 — Yu. G. Zakharova. Potentsialnye i okkazyonallye slova v pismakh F. M. Dostoevskogo [Potential and occasional words in F. M. Dostoevsky's letters]. E. V. Kulesh (ed.). *Rossiya v mirovom soobshchestve: smyslovoe prostranstvo dialoga kultur. Materialy Mezhdunarodnogo foruma "Vostochnyy vektor migratsionnykh protsessov: dialog s russkoy kulturoy"*, 16–17 noyabrya 2016 g. [Russia in the global society: the semantic space of the dialogue of cultures. Proceedings of the International forum "The Eastern vector

of the migration processes: a dialogue with the Russian culture”, November 16–17, 2016]. Khabarovsk: Pacific State University Publishing House, 2016. P. 228–232.

Zaliznyak 2001 — Anna A. Zaliznyak. Semanticheskaya derivatsiya v sinkhronii i diakhronii: proekt “Kataloga semanticheskikh perekhodov” [Semantic derivation in synchrony and diachrony: “A semantic transitions catalogue project”]. *Voprosy yazykoznanija*. 2001. No. 2. P. 13–25.

Особенности употребления лексики тематической группы ‘фотография’ в российских журналах 1839–1848 гг.

Е. Г. Соколов

Институт лингвистических исследований Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия); pan_liwerij@mail.ru

Аннотация. В статье на материале русских журналов 1839–1848 гг. исследуется формирование лексико-тематической группы ‘фотография’, в особенности — конкуренция синонимичных номинаций для новых понятий. Поднимается вопрос о специфике описания фотографического процесса, и на основе анализа способов лексического выражения предикатов и семантических актантов в соответствующих пропозициональных формах делается вывод о том, что отделение лексико-тематической группы ‘фотография’ от группы ‘изобразительное искусство’ определяется не новым характером семантических связей между элементами, а ограниченным числом новаций в области корней и основ.

Ключевые слова: лексика, лексико-тематическая группа, фотография, пропозициональная форма, дагеротипия, калотипия.

On some peculiarities in the usage of lexical items belonging to the thematic group ‘photography’ (as represented in Russian magazines from 1839 to 1848)

E. G. Sokolov

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); pan_liwerij@mail.ru

Abstract. In this article, using Russian periodicals of the time as the primary source of information, we try to track down the initial formation of the lexical

thematic group ‘photography’ in Russian in 1839–1848, that is, in the first decade following the invention of the daguerreotype. Most Russian magazines and newspapers of the first half of the 19th century contained special sections and columns dedicated to the latest scientific discoveries and technical innovations, which allowed us to obtain plenty of source articles for research. Passing over the question of metaphorical uses already commonplace at the time, we focus on the set of lexemes denoting the process of taking photographic images and its participants. Due to the novelty of the invention, existence of competing technical processes, and absence of uniform and widespread Russian translational equivalents for the newly created French and English terms, the aforementioned set of lexical items is rich in various synonymic as well as hyper- and hyponymic internal relations between its elements. For instance, even such basic notions as camera, photographer, and positive or negative copies of image were expressed in somewhat random and inconsistent manner, not to mention more sophisticated and fine-grained details. Importantly, speaking of processes and participants therein, we do not imply that they must necessarily correspond to particular predicates or their respective arguments/adjuncts. In doing so, we only aim to describe the situation and its language-specific reflections as concisely as possible. Comparing the propositional forms characteristic of both photography and painting, we come to the conclusion that these forms are essentially the same (which is to some extent expectable). Therefore, where it is necessary to single out the lexical thematic group ‘photography’ from the earlier and larger group ‘visual art’, one should concentrate on a relatively limited set of lexical innovations, viz. primarily new stems (with quite a few derivatives) rather than on the structural differences between these closely related groups.

Keywords: lexicon, lexical thematic group, photography, propositional form, daguerreotype, calotype.

1. Введение

Для русского литературного языка 30–70-х годов XIX века характерны интенсивные изменения в области лексики, обусловленные переменами в экономической, научной и промышленной жизни общества [Сорокин 1961: 27–28]. В век промышленной революции лексический фонд русского языка значительно пополняется

наименованиями предметов, явлений и процессов, вызванных к жизни развитием науки и техники:

- (1) *Ум по всем концам Европы
К изобретеньям прилип,
Телеграфы, микроскопы,
Газ, асфальт, дагеротип,
Светописные эстампы,
Переносный сжатый гас,
Гальванические лампы,
Каучуковый атлас,
Паровозы, пароходы <...>* [Некрасов 1840: 106].

Настоящая статья непосредственно связана с одним из упомянутых *изобретений*, а именно — с *дагеротипом* и *светописными эстампами*.

Тема нашего исследования — особенности формирования лексики тематической группы ‘фотография’ на материале русской периодической печати 1839–1848 гг. Этот период выбран нами не случайно: первые сообщения во французских газетах об успехах Луи Дагера в закреплении световых изображений на медных пластинках датируются 6 января 1839 года [Сто лет 1938: 36], 30 января того же года английский изобретатель Генри Фокс Тальбот делает в Лондонском королевском обществе доклад о собственном методе получения снимков на хлорсеребристой бумаге [Сто лет 1938: 58]; следовательно, мы рассматриваем первое десятилетие распространения фотографической технологии. В это десятилетие новая технология успела вызвать восхищение и неприятие [Дагеров секрет 1839], подверглась серьезным усовершенствованиям [Новое изобретение г. Дагера 1844; Новый фотографический способ Пуатвена 1848], была применена для фиксации результатов научных изысканий [Приложение светописи 1846; Цветное фотографическое изображение 1848], копирования дипломатических документов [Литературные новости в Англии 1843] и даже использована для установления истины в суде [Приложение светописной бумаги 1840]. Обсуждалась возможность получения цветных фотоснимков [Цветные светописные изображения 1848]. Все это нашло отражение в русской печати.

Цель нашей работы — описать отношения между основными лексическими единицами указанной тематической группы, представленными в журнальных и газетных заметках, охарактеризовать ее состав с точки зрения происхождения, а также определить роль отдельных лексем в процессе конкуренции между синонимичными обозначениями одних и тех же новых сущностей и явлений.

К сожалению, ограниченный объем статьи вынуждает нас вынести некоторые вопросы за рамки нашего рассмотрения.

Во-первых, в настоящей статье мы не рассматриваем как таковую химическую терминологию, связанную с фотографическим делом. Основная причина этого в том, что вещества и соединения, применяемые в светописном процессе, были известны науке и ранее и не составляли приобретения собственно фотографии.

Во-вторых, мы не сможем в рамках нынешнего исследования уделить должного внимания переносным значениям и художественному употреблению слов лексико-тематической группы ‘фотография’, хотя такое употребление свойственно некоторым лексическим единицам этой группы с первых же лет их появления в языке:

- (2) *Персидский поэт не успевает схватить черт своих героев, подобно дагеротипу, который не воспроизводит движущихся предметов [Le Shah-Nameh 1839: 27].*

В-третьих, нам не удастся рассмотреть релевантную лексику во всех типах источников — от частной переписки до художественной литературы, — поэтому мы сконцентрируемся лишь на примерах, характерных для языка журналистики.

Установив рамки исследования, перейдем к принципу описания лексики, принятому в данной работе.

2. Принцип описания лексических единиц и их отношений

Ю. С. Сорокин указывает на обширность системных связей лексических единиц, основанных на ассоциации представлений

по смежности, приводя такие примеры подобных отношений, как *собака* и *лаять*, *ветер* и *дуть* и т. п. [Сорокин 1961: 26]. Подобные слова часто соседствуют в высказывании. Это закономерно: уже Л. Теньер сравнил высказывание с маленькой драмой, так как в нем, словно на сцене, некие действующие лица в определенных обстоятельствах переживают заданное событие [Теньер 1988 (1959): 117]; естественно, между событием и его участниками должна быть семантическая связь: в лексических значениях синтаксически связанных слов должны присутствовать повторяющиеся компоненты [Апресян 1995: 14].

В рамках статьи для удобного представления подобных системных связей внутри лексико-тематической группы мы исходим из предположения, что связанные по значению лексемы подлежат толкованию не сами по себе, но в составе особого конструкта — пропозициональной формы.

Пропозициональная (ситуационная) форма — это выражение, которое содержит описывающий данную ситуацию *n*-местный предикат¹ и *n* его аргументов (переменных), обозначающих участников этой ситуации и называемых семантическими актантами [Мельчук 1995: 6; Апресян 1995: 42].

Следует подчеркнуть, что пропозициональная форма не тождественна модели управления лексемы, а возглавляющий эту форму предикат мы представляем как абстракцию, не имеющую прямых соответствий среди лексики данного языка. Для нас это всего лишь удобный способ описания некоторой ситуации, но не попытка отразить свойства какой-либо действительно существующей в языке лексической единицы. Поэтому деление аргументов такого абстрактного предиката на актанты и сирконстанты, затруднительное даже для существующих в языке глаголов [Падучева 2004: 73–74], представляется нам неоправданным и в дальнейшем проводиться не будет.

¹ Под *n*-местным предикатом мы понимаем функцию *n* переменных (называемых аргументами предиката) с непустой областью определения и множеством значений, содержащихся во множестве {Истина, Ложь} [Гладкий 2001: 45].

Лексико-тематическая группа ‘фотография’, вероятно, группируется вокруг центрального процесса — собственно фотосъемки. Но фотосъемка — это лишь частный случай более общего действия — изготовления изображений безразлично к способу их получения. Поэтому пропозициональная форма для фотосъемки должна совпадать с таковой для изобразительного искусства вообще. Она представлена в примере (3).

- (3) *Действующее лицо (агнс) X производит изображение Y стимула² Z на носителе W посредством инструмента U.*

Латинскими буквами в примере (3) мы обозначили семантические роли — наиболее общие значения семантических актантов в обозначаемой данным предикатом ситуации, см. [Тестелец 2001: 206–215], полужирным шрифтом выделили предикат. Подставляя в этой общей схеме конкретные лексемы вместо каждого семантического актанта, а семантический предикат ‘производить’ заменяя сходными по значению глаголами *писать*, *снимать*, получаем описание частных ситуаций, сопряженных с созданием изображения — живописи (4) и фотосъемки (5).

- (4) *Художник (< X) **пишет** (< ‘производит’) портрет (< Y) человека (< =Z) на холсте (< W) кистью (< U).*
- (5) *Фотограф (< X) **снимает** (< ‘производит’) вид (< Y) Венеции (< = Z) на фотопленку (< W) фотоаппаратом (< U).*

Необходимость различать в данном случае семантические актанты ‘изображение’ (< Y) и ‘(материальный) носитель’ (< W) подтверждается следующим примером из нашей выборки:

- (6) *Доска (< ‘материальный носитель W’), на которой отраженный солнечный луч пишет свои светописные изображения (< ‘изображение Y’) по «волшебному способу» господина Дагера, должна*

² Стимулом называется семантическая роль участника ситуации, обозначающая «фрагмент действительности, реально воздействующий на органы чувств» [Падучева 2004: 221].

быть медная, покрытая листом серебра и притом низенькою, выдающеюся окраиной [Дагеров секрет 1839: 4].

Нетрудно также заметить, что фотография — это не только фотосъемка, но и обработка полученного изображения на данном (материальном) носителе. Кроме того, детали процесса фотосъемки и обработки изображения, а также вид носителя зависят от конкретной технологии, лежащей в основе данного процесса. Это также должно быть учтено при описании лексико-тематической группы ‘фотография’.

Содержательная часть нашей статьи будет построена так: опираясь на схему, данную в примере (3), мы последовательно рассмотрим общие названия технологий ранней фотографии, потом перейдем к наименованиям семантических актантов ситуации фотосъемки — *материального носителя, изображения и стимула, инструмента и действующего лица* — в журнальных статьях и заметках о фотографии 1839–1848 гг., далее мы опишем *предикаты* со значением ‘получать фотографические изображения’ и подведем итоги исследования. Поскольку, как показано выше, пропозициональные формы ситуаций *фотографии* и *живописи / рисования* весьма схожи, мы также вкратце остановимся на вопросе о соотношении лексики этих двух тематических групп.

3. Лексико-тематическая группа ‘фотография’

3.1. Разновидности и общее название ранних фотографических процессов

3.1.1. Конкуренция двух технологических процессов

Как мы уже упоминали выше, почти одновременно были обнаружены в январе 1839 года два различных способа получения изображений под действием света — французская технология Л. Дагера и английская технология Г. Ф. Тальбота. Обе вскоре стали известны

в России. Впоследствии к ним прибавились новые технологические решения других изобретателей. Проследим развитие обозначающей их лексики³.

3.1.2. Технология Дагера

Для наименования технологии Луи Дагера использовалось множество различных лексических единиц, как однословных (*дагеротип*, *дагеротипирование*), так и составных (*дагеров процесс*, *дагеров способ*, *способ Дагера*, *дагеротипная светопись*). Среди однословных наиболее распространено было первоначальное название — *дагер(р)отип* (от франц. *daguerréotype*); все многословные наименования также в том или ином виде (притяжательное прилагательное *дагеров*, родительный падеж существительного *Дагера*, относительное прилагательное *дагеротипный*) содержали имя изобретателя.

- (7) **Дагеров процесс.** <...> Увеличить как можно более чувствительность серебряных пластинок, которые обыкновенно употребляются в дагеровом процессе [Употребление бромистых соединений в светописи 1844: 42]
- (8) **Дагеров способ.** <...> Светопись, ни по дагерову, ни по тальботову способу никогда не заменит нам ландшафтной живописи <...> [Дагеров секрет 1839: 7]. Говорят еще, что способ дагеров хлопотлив и затруднителен [Тайна дагеротипа 1839: 87].
- (9) **Дагер(р)отип.** Только тот, кто не путешествовал и не имел дела со светописью, может прельститься обетованными чудесами дагеротипа <...> [Дагеров секрет 1839: 4]. (В заглавии) Новые подробности о дагеротипе [Новые подробности о дагеротипе 1839: 63]. Ожидаем дальнейших сведений об этом любопытном опыте, который решительно упрочит дагеротип во всех отношениях [Без названия СО 1839: 50]. Дагеротип сделался даже новою ветвью промышленности: множество

³ В угловых скобках даются пояснения, необходимые при сокращении цитаты.

- шарлатанов ездят с ним по Франции <...> [О Дагере СО 1839: 98]. Так как, может быть, еще не все наши читатели узнали, в чем состоит секрет дагеротипа, то есть как должно готовить для него бумагу, то мы изложим здесь им его вкратце [Смесь ЖМНП 1839: 43]. <...> А господра Gaudin и Lerebours с успехом применили его недавно и к металлическим доскам дагеротипа [Калотип 1841: 3]. Для тех, которые еще забавляются дагеротипом, мы присовокупим одно важное замечание: открыто, что если слой иоду слишком тонок, то солнечный свет или вовсе на него не действует, или действует очень слабо <...> [Светописные картинки с природным колоритом 1841: 52]. Изобретение, подобное дагеротипу, сделано недавно одним адвокатом и книгопродавцем Винтером, в Христианини, с тою только разницею, что внешние предметы в камер-обскуре изображаются не на серебряной дощечке, но просто на веленовой бумаге, как рисунок [Безымянная заметка 1 ОЗ 1842: 71]. Всем памятно то изумление, которое возбуждено было <...> появлением дагеротипа [Безымянная заметка 2 ОЗ 1842: 85]. От геротипа перейдем к дагеротипу, другому потешному изобретению, не принесшему обещанной пользы практике [Парижская академия наук 1843: 13]. Она (светопись на бумаге) составляет изобретение отдельное и современное дагеротипу [Иллюстрация 1847: 172]. Это ведет прямо к объяснению донныне столь темной теории дагеротипа [Фотографические открытия Нипса де Сен-Виктора 1848: 12].*
- (10) **Дагеротипирование.** <...> *При всей его опытности в дагеротипировании он может ошибиться <...> [Дагеротип в серале 1840: 131].*
- (11) **Дагеротипная светопись.** <...> *Таким образом каждый в состоянии у себя дома изготовлять доски для дагеротипной светописи <...> [Промышленность и сельское хозяйство: 52].*
- (12) **Способ Дагера.** *Почему же, в продолжение восьми лет, светопись на бумаге почти нисколько не двинулась в своем развитии,*

тогда как способ Дагера достиг до высшей степени совершенства? [Иллюстрация 1847: 172].

Также заслуживает упоминания сочетание *металлическая светопись*, встреченное нами единожды в журнале «Библиотека для чтения»:

- (13) **Металлическая светопись.** *Изобретение г. Дагера (...) в короткое время испытало столько изменений, что наконец надобно было отменить и самое название «дагеротипа»: ему придумали теперь другое, более общее, имя «металлической светописи», в противоположность светописи «бумажной», которая своими успехами угрожает подвергнуть выдумку Дагера забвению [Светописное искусство 1840: 6–7].*

Как можно видеть, только изначальное заимствованное наименование *дагер(р)отип* стабильно использовалось на протяжении всего исследуемого периода в различных по характеру журнальных заметках и статьях, тогда как другие названия этой технологии производят впечатление придуманных *ad hoc*, ситуативных.

3.1.3. Технология Тальбота

Что касается фотографической технологии Г. Ф. Тальбота, то она, как менее распространенная и сперва менее совершенная (Тальбот был застигнут врасплох открытием Дагера и вынужден был опубликовать результаты незавершенных опытов), приобрела сначала меньшую популярность и не так богато отражена в исследованных нами источниках. Ниже даны найденные нами названия тальботовского метода.

- (14) **Светопись.** *Господин Talbot изобрел, как известно, светопись, photography (...) [Парижская академия наук 1843: 15].*
- (15) **Светопись на бумаге.** *Поэтому несправедливо считают светопись на бумаге одною из ветвей открытия дагерова [Иллюстрация 1847: 171–172].*

- (16) **Светородное рисование.** ⟨...⟩ *Тельботовы аппараты для так названного им photogenic drawing (светородного рисования) ⟨...⟩ [Смесь ЖМНП 1839: 43].*
- (17) **Тальботов способ.** ⟨...⟩ *Светопись, ни по дагерову, ни по тальботову способу, никогда не заменит нам ландшафтной живописи ⟨...⟩ [Дагеров секрет 1839: 7]. ⟨...⟩ Ставили ⟨...⟩ в тяжкий грех тальботову способу то обстоятельство, что самые освещенные части предметов в натуре являются самыми темными в рисунке и наоборот ⟨...⟩ [Дагеров секрет 1839: 7].*

По аналогии с *металлической светописью*, упомянутой выше, можно упомянуть и название *бумажная светопись*, встречающееся в том же отрывке, см. [Светописное искусство 1840: 6–7].

3.1.4. Прочие технологии

Позднее неоднократно появлялись различные усовершенствования фотографического процесса, но наши источники не дают богатого материала по их названиям.

— **Калотип. Усовершенствованный процесс фотографии на бумаге Г. Ф. Тальбота с возможностью размножения изображений**

- (18) **Благонепечать. Светонепечать.** *До сих пор мы имели только светопись; теперь имеем еще и светонепечать, или, как господин Тальбот называет, блонепечать [Калотип 1841: 1].*

— **Сидеротип. Хрисотип. Фотографическая технология Дж. Гершеля**

- (19) **Железонепечать. Золотонепечать. Сидеротип. Хрисотип.** *Этот процесс, или эту бумагу, сэр Джон ⟨Гершель⟩ называет «хрисотипом» или «сидеротипом», то есть золотонепечатью или железонепечатью, ad libitum [Королевское общество ученых в Лондоне 1843: 89].*

— **Энергиатип. Фотографический способ Роберта Гонта с использованием бумажных носителей изображения**

- (20) *Энергиатип. ЭНЕРГИАТИП.* — Роберт Гунт под этим странным названием, которое предлагает он как общее для всех фотографических процессов, представил ⟨...⟩ новый способ приготовления светописной бумаги [Энергиатип 1844: 43]. Процессу своему г. Гонт дал довольно странное название: *энергиятина* [Смесь ЛГ 1844: 549].

— **Гелиотип: якобы существовавшая у древних греков фотографическая технология**

- (21) *Гелиотип.* ⟨...⟩ В Афинах вышла из печати старая греческая рукопись IV столетия после Рождества Христова, в которой... находится также известие об изобретенном тогда снаряде, похожем на наш дагеротип. Он назван в этой рукописи *гелиотипом* [Гелиотип у древних греков 1847: 40].

3.1.5. Родовое название для технологии получения изображений под действием света

Оба главных метода получения фотографических снимков — на металлических пластинках и на бумаге — могли быть объединены под несколькими общими названиями. Дадим их ниже.

- (22) *Светописное искусство. Усовершенствования... этой бумаги придали ей необыкновенную важность в светописном искусстве* [Светописное искусство 1840: 5]. ⟨...⟩ *Значительное число красок и отливов, выражаемых этою новою отраслью светописного искусства* ⟨...⟩ [Светописные картинки с природным колоритом 1841: 52–53]. *Успехи, которые сделало светописное искусство, значительно увеличили трудность снимать изображения* ⟨...⟩ [Безымянная заметка 2 ОЗ 1842: 86]. *Лаборда, профессор физики, представил* ⟨...⟩ *новое улучшение в светописном искусстве, очень важное в этом отношении* [Новое улучшение в светописном искусстве 1844: 52]. *За этот простой и удобный способ светописного искусства должны быть признательны г-ну Бланкару путешественники, артисты и ученые* ⟨...⟩ [Иллюстрация 1847: 173].

- (23) **Светописные действия.** Вероятно, г. Физо этим способом достиг последнего предела светописных действий ⟨...⟩ [Безымянная заметка 2 ОЗ 1842: 86].
- (24) **Светописный процесс.** Сэр Джон Гершель представил описание и образчики нового светописного процесса... [Королевское общество ученых в Лондоне 1843: 88].
- (25) **Светописный способ.** Господин *Vesquiere!* усовершенствовал этот светописный способ ⟨...⟩ [Светописное искусство 1840: 6].
- (26) **Светопись.** В статье о светописи и светописной бумаге изложена была почти полная история опытов, деланных по этой части ⟨...⟩ [Дагеров секрет 1839: 1]. Читатели статьи о светописи помнят, что усилия многих физиков ⟨...⟩ давно уже устремлялись ⟨...⟩ к азотнокислому и к иодистому серебру [Дагеров секрет 1839: 2]. ⟨...⟩ Материал, на котором здесь производится светопись, очень дорог! [Дагеров секрет 1839: 4]. ⟨...⟩ Настоящее изобретение светописи, изобретение полезное, все-таки останется за господином Тальботом ⟨...⟩ [Дагеров секрет 1839: 6]. ⟨...⟩ Открытие так названной автором светописи начато еще бессмертным Деви [Смесь ЖМНП 1839: 42]. ⟨...⟩ От самого точного механического сходства, получаемого посредством светописи ⟨...⟩ [Светописное искусство 1840: 3]. До сих пор мы имели только светопись; теперь имеем еще и светопечать, или, как господин Тальбот называет, благопечатать [Калотип 1841: 1]. Он находит, что малый успех светописи должен быть приписан преимущественно этим фабрикантам, которых доски всегда худо отполированы ⟨...⟩ [Парижская академия наук 1843: 14]. ⟨...⟩ На этом основании первоначально и стали употреблять в светописи бром [Употребление бромистых соединений в светописи 1844: 42]. В светописи совершаются важные перемены [Смесь ЛГ 1844: 549]. ⟨...⟩ Изменением цвета некоторых металлических соединений, на чем основано изобретение Дагера — светописи или фотографии [Вступительные лекции 1845: 89]. (В заглавии)

Приложение светописи к записыванию метеорологических наблюдений [Приложение светописи 1846: 160].

- (27) **Солнечная рисовка.** *Вернет показывал Мегмету-Али дагеротип <...> Паша радовался прекрасному изобретению <...> и каждый день внимательно изучал теорию солнечной рисовки* [Дагеротип в серале 1840: 129].
- (28) **Фотографический процесс.** *Эта двойная операция <покрытие бромом и иодом> значительно замедляет и затрудняет фотографический процесс <...>* [Употребление бромистых соединений в светописи 1844: 42]. *<...> Под этим странным названием, которое предлагает он как общее для всех фотографических процессов <...>* [Энергиатип 1844: 43]. *Еще в 1844 году г. Коллен посредством обыкновенных фотографических процессов, преимущественно камеры-обскуры, успел получить светописное указание изменений электрометра Вольты <...>* [Приложение светописи 1846: 160].
- (29) **Фотографический способ.** *Г. Дагер <...> не принимал никакого участия во всех опытах к усовершенствованию изобретенного им фотографического способа* [Новое изобретение г. Дагерра 1844: 284]. *<В заглавии> Новый фотографический способ Пуатвена* [Новый фотографический способ Пуатвена 1848: 82].
- (30) **Фотография.** *<...> Изменением цвета некоторых металлических соединений, на чем основано изобретение Дагера — светописи, или фотографии* [Вступительные лекции 1845: 89]. *Г. Нипс де Сен-Виктор, племянник г. Нипса, открывшего вместе с Дагером фотографию, нашел новое средство перепечатывать рисунки, гравюры и т. п...* [Фотографические открытия Нипса де Сен-Виктора 1848: 10].

Слово *дагеротип* весьма пространно истолковано Словарем иностранных слов Кирилова в 1845 г.:

- (31) *ДЕГЕРРОТИП*⁴. Изобретение француза Дагера. Помощию сего прибора предметы отпечатываются на серебряных дощечках посредством действия солнечных лучей. Описание дагеротипа можно встретить в любом журнале. Недвижущиеся предметы отпечатываются гораздо вернее [Кирилов I 1845: 46].

Любопытно, что слова *дагеротип*, *светопись* и *фотография* зафиксированы крупнейшим лексикографическим источником интересующего нас времени — «Словарем церковнославянского и русского языков» 1847 года. В нем приводятся следующие определения:

- (32) *ДАГЕРОТИП*, *а, с. м.* Изображение предметов, или рисовка, действием света; *светопись*; *фотография* [Сл. 1847 I: 306].
- (33) *СВÉТОПИСЬ*, *и, с. ж.* Рисовка помощью света; *дагеротипная живопись* [Сл. 1847 IV: 106].
- (34) *ФОТОГРА́ФИЯ*, *и, с. ж.* То же, что *дагеротип*; *светопись* [Сл. 1847 IV: 393].

Из этих определений можно заключить, что составители словаря не делали различия между тремя указанными понятиями. Это позволяет предположить, что в обиходном языке, несмотря на показанную выше разницу в значениях слов *дагеротип*, *светопись* и *фотография*, они были во многом взаимозаменяемы.

Ю. С. Сорокин указывает, что слово *светопись* до конца не было вытеснено из языка словом *фотография* и в последующий период, до сих пор сохраняясь в специальной терминологии [Сорокин 1965: 183].

Любопытно, что в том же Словаре 1847 года всем трем существительным соответствуют производные от них прилагательные:

- (35) *ДАГЕРОТИПНЫЙ*, *-ая, -ое, пр. 1)* Относящийся к дагеротипу. *Дагеротипный снаряд. 2)* Сделанный посредством дагеротипа. *Дагеротипный портрет* [Сл. 1847 I: 306].

⁴ Видимо, ошибка наборщика.

- (36) *СВЕТОПИСНЫЙ*, -ая, -ое, пр. *Нарисованный помощью света. Светописный портрет* [Сл. 1847 IV: 106].
- (37) *ФОТОГРАФИЧЕСКИЙ*, -ая, -ое, пр. *Сделанный посредством фотографии. Фотографический портрет* [Сл. 1847 IV: 393].

Несмотря на то что только первому из этих прилагательных в словаре дано общее значение ‘относящийся к...’, на деле все три, как мы увидим ниже, активно выступали в значении ‘относящийся к дагеротипу, светописи, фотографии’.

3.2. Семантические актанты ситуации фотосъемки

3.2.1. Типы семантических актантов

Рассмотрев общее название процесса, мы переходим теперь к обзору способов выражения семантических актантов, выступающих в ситуации получения изображения с помощью света. Эти актанты, как было указано выше, таковы: *материальный носитель, изображение, стимул, инструмент и действующее лицо*. В этом порядке мы и рассмотрим их ниже.

3.2.2. Материальный носитель

3.2.2.1. Типы материальных носителей

В соответствии с двумя направлениями ранней фотографии, заданными соответственно методом Дагера и методом Тальбота, различалось два основных типа носителей изображения: *металлическая пластинка* в процессе Дагера и *светочувствительная бумага* в процессе Тальбота. Их различие хорошо описывается следующей цитатой:

- (38) *Известно, что в нынешнем положении светописи доски накладного серебра почти оставлены в Англии, где светописная бумага, усовершенствованная господами Тальботом*

и Гершелем, предпочитается металлу во многих отношениях, но особенно в том, что получаемые на ней картинки лишены неприятного металлического мерцания дагеротипных досок [Королевское общество ученых в Лондоне 1843: 88–89].

Ниже мы рассмотрим варианты наименований для обоих типов носителей.

3.2.2.2. Пластинка (доска)

- (39) *Дагерова (дагеровская) доска (дощечка). <...> Некто Gros <...> открыл способ удерживать на дагеровых досках натуральные цвета предметов и, вместо серых рисунков, производит картинку с живописным колоритом [Светописные картинку с природным колоритом 1841: 52]. Раствор этот (бромистого иода) употребляется обыкновенно для приготовления дагеровских дощечек <...> [Употребление бромистых соединений в светописи 1844: 43]*
- (40) *Дагер(р)отипная (дагеротипическая) доска (дощечка). Дагеротипная доска. <...> Гравирова на дагеротипных досках снятые на них же изображения видов [Светописное искусство 1840: 3]. Господин Claudet, который пишет к парижской академии из Лондона, очень жалуется на французских фабрикантов дагеротипных досок [Парижская академия наук 1843: 13–14]. <...> Делать с дагеротипической доски оттиски на бумаге точно так, как обыкновенно печатаются гравюры [Смесь ЛГ 1844: 549]. Все это вставляют в камер-обскуру, поступаая при этом точно так же, как с дагеротипною дощечкою [Иллюстрация 1847: 172].*
- (41) *Дагеротипная пластинка. Г. Коллен употребляет для этого очень чувствительную бумагу, которая <...> гораздо дешевле дагеротипных пластинок [Приложение светописи 1846: 160].*
- (42) *Доска (дощечка). Состав, которым Дагер покрывает свою доску, донныне еще секрет изобретателя <...> [Дагеротип,*

- средство 1839: 48]. *Из камеры-обскуры доска опять передвигается далее, в третий ящик, тоже закрытый и совершенно темный* (...) [Дагеров секрет 1839: 13]. *Весьма полезно нагревать ртуть не выше 8° Реомюра: лучше продержат доску два часа в этом чрезвычайно легком пару, нежели усиливать жар для скорости* [Парижская академия наук 1843: 14]. *Самые искусные фотографы-светописцы редко успевают получать хорошие, точные рисунки, именно когда хотят придать своим дощечкам (серебряным пластинкам) наивысшую степень чувствительности* [Новое улучшение в светописи 1844: 52]. (...) *Смотря по способу приготовления досок, наибольшее действие находится в желтом цвете, там же, где и наибольшая сила лучей, или в крайнем* [Заграничные новости 1848: 76].
- (43) **Доска дагеротипа.** *До сих пор нет еще ни одного достаточного объяснения чудных действий света на доску дагеротипа, покрытую иодом* [Причина образования 1842: 9].
- (44) **Доска накладного серебра.** *Да он (архитекторский ученик) вам сделает это гораздо скорее без дагеротипа: заплатите ему только не более как ту цену, которой вам стоила доска накладного серебра!* [Дагеров секрет 1839: 14].
- (45) **Закопченная доска.** (...) *Лучи, идущие от предмета, ударяются в центр закопченной доски, и в несколько секунд изображение предмета отпечатано ими на иодистом серебре* [Дагеров секрет 1839: 12].
- (46) **Иодистая доска.** (...) *Образ еще не виден на иодистой доске, но оригинал может уже удалиться* (...) [Парижская академия наук 1843: 14].
- (47) **Медная доска (дощечка).** (...) *Вместо бумаги или матового стекла она подкладывает медную доску, покрытую каким-то черноватым составом* (...) [Дагеротип, средство 1839: 48]. *Взяв медную дощечку, плакированную серебром, он предварительно очищает ее от всех, даже самых мелких частиц меди,*

могущих остаться на поверхности, посредством селитряной кислоты [Тайна дагеротипа 1839: 83].

- (48) **Медно-серебряная доска.** *Даже списывание видов во время путешествия на светописной бумаге сопряжено гораздо с меньшим неудобством, нежели работа на медно-серебряных досках господина Дагера* (...) [Дагеров секрет 1839: 6].
- (49) **Металлическая доска (дощечка).** (...) *Слой иодовой копоти на металлической доске, этот слой, на котором солнечный луч отпечатлеивает изображения предметов* (...) [Дагеров секрет 1839: 3]. *Гг. Дагер и Ньепс употребляют вместо бумаги особым образом приготовленную для этого металлическую доску* [Тайна дагеротипа 1839: 80]. *Приготовив таким образом металлическую дощечку, Дагер в особенном снаряде подвергает ее действию паров йода* [Тайна дагеротипа 1839: 84]. *Деятельный и проворный дагеротип схватывал все красоты природы и искусства и быстро гравировал их на металлических досках своих* [Дагеротип в серале 1840: 130]. *Это свойство окрашенных стекол* (...) (проявлять недопроявленное изображение) *открыто* (...) *господином Эдмондом Бекредем, а господа Gaudin и Lerebours с успехом применили его недавно и к металлическим доскам дагеротипа* [Калотип 1841: 3].
- (50) **Пластинка.** *Поэтому-то пластинки, приготовляемые с иодом, по первоначальному способу Дагера, обыкновенно редко хорошо удаются* (...) [Употребление бромистых соединений в светописии 1844: 42]. (...) *Г. Дагер дошел до того, что достаточно менее секунды времени, чтобы пластинку выставить противу света* [Новое изобретение г. Дагера 1844: 284].
- (51) **Светописная доска (дощечка).** (...) *Светописные дощечки, которые* (...) *назначены схватывать моментальные образы, должны непременно изменяться почти мгновенно, чтобы передать их во всей отчетливости и ясности* [Употребление бромистых соединений в светописии 1844: 42]. (...) *Цветной*

- светописный спектр (...) пропадает, не оставаясь на светописной доске (...) [Заграничные новости 1848: 74].*
- (52) **Светописная серебряная пластинка.** *Если светописную серебряную пластинку (...) покрыть еще раз иодом (...) и выставить потом в камера-обскуру (...) [Новое улучшение в светописи 1844: 52].*
- (53) **Серебряная доска (дощечка).** *Изобретение, подобное дагеротипу, сделано недавно одним адвокатом и книгопродавцем Винтером, в Христиании, с тою только разницею, что внешние предметы в камер-обскуре изображаются не на серебряной дощечке, но просто на веленовой бумаге, как рисунок [Безымянная заметка 1 ОЗ 1842: 71]. (...) Серебряная доска, покрытая парами йода, потом представленная влиянию легкого испарения брома, можно сказать, столько же чувствительная к действию света, как сам глаз (...) [Безымянная заметка 2 ОЗ 1842: 86]. Таким образом, он приведен был к выбору серебряных досок, подверженных прямому действию хлора (...) [Заграничные новости 1848: 75].*
- (54) **Серебряная пластинка.** *Внимание всех светописцев обращено теперь преимущественно на то, чтоб увеличить как можно более чувствительность серебряных пластинок, которые обыкновенно употребляются в дагеровом процессе [Употребление бромистых соединений в светописи 1844: 42]. (...) Когда хотят придать своим дощечкам (серебряным пластинкам) наивысшую степень чувствительности [Новое улучшение в светописи 1844: 52].*
- (55) **Черная доска (Дагера).** *(...) Освещенные части черной доски Дагера белеют (...) в течение 8 или 10 минут [Дагеротип, средство 1839: 49].*

Также отдельно стоит упомянуть сочетание *слюдная доска*, употребляемое при описании фотографического способа Нисефора Ньепса, предшественника, сотрудника и учителя Дагера:

- (56) **Слюдная доска.** Он (Ньепс) (...) составил раствор из асфальта (*bitume de Judée*) с лавендуловым маслом, делал из него лак, наводил им слюдную доску, плакированную серебром, и подвергал такую доску действию солнечных лучей [Тайна дагеротипа 1839: 82].

Можно заметить, что доска (или пластинка) характеризуется либо по материалу (*медная, металлическая*), либо по покрытию (*серебряная, закопченная* — то есть ‘покрытая парами йода, иодистая’), либо по цвету (*черная*), либо по автору технологии (*Дагерова*).

3.2.2.3. Лист бумаги

Генри Фокс Тальбот — изобретатель технологии фиксации изображений с помощью света на бумаге. Обнаружив свое открытие в 1839 году, через два года он усовершенствовал его, создав *калотипию* — технологию печати произвольного количества копий с *бумажного негатива* [Сто лет 1938: 58–60]. В дальнейшем появились и другие разновидности бумажной фотографии. Рассмотрим названия соответствующих им бумажных носителей ниже.

— Фотографическая бумага Тальбота (1839)

- (57) **Бумага господина Тальбота.** Бумага господина Тальбота, как мы предсказывали с самого начала, ныне совершенно заменила процесс, придуманный Дагером (...) [Калотип 1841: 1].
- (58) **Светописная бумага господина Тальбота.** Светописная бумага господина Тальбота — по крайней мере бумага, а не накладное серебро (...) [Дагеров секрет 1839: 7].
- (59) **Тальботова бумага.** И к чему прибегать здесь к дагеротипу, когда можно получить точно такой же рисунок на тальботовой бумаге? [Светописное искусство 1840: 5]. (...) О сохранении натурального колорита в картинках, снимаемых посредством солнечного луча на тальботову бумагу [Светописные картинки с природным колоритом 1841: 53].

- (60) **Чувствительная бумага.** Людям мало чувствительных романов: им надобно еще чувствительную бумагу (*papier sensitif*) <...> [Новые подробности о дагеротипе 1839: 63].

— **Калотипная бумага Тальбота (1841)**

Ниже даны встретившиеся нам номинации бумаги, применяемой для тальботовой калотипии.

- (61) **Благопечатная бумага, калотип.** Вот как готовится бумага, которую господин Тальбот называет калотипом, то есть «благопечатною» бумагою [Калотип 1841: 1].
- (62) **Калотипная бумага.** Стоит только на полученную картинку положить другой листок благопечатной, или калотипной, бумаги, прижать его крепко к ней и выставить на свет; еще лучше, вместо благопечатной, взять листок простой светописной бумаги; снятие копии потребует тогда несколько более времени, но зато копия будет красивее [Калотип 1841: 3].
- (63) **Светопечатная бумага.** (В названии) **КАЛОТИП**, или Светопечатная бумага господина Тальбота [Калотип 1841: 1].

Если названия *калотип*, *калотипная бумага* и *благопечатная бумага* напрямую (через заимствование или кальку) восходят к исконному английскому названию, то *светопечатная бумага* — наименование, отражающее суть процесса (возможность печатать копии посредством света), но не восходящее, судя по всему, к иноязычному прототипу.

— **Родовое название для фотографической бумаги**

После появления наследующих тальботову способов производства светописных изображений на бумажном носителе стал актуальным вопрос их общего наименования. Рассмотрим встретившиеся нам варианты ниже.

- (64) **Светописная бумага.** Светописные бумаги Баяра, Веризиона, Понтонна, Бекреля [Светописное искусство 1840: 1]. Мы познакомим наших читателей с его разысканиями касательно действия

цветных стекол на светописные бумаги и растения [Действие солнечных лучей 1840: 62]. Доселе светописные бумаги составлялись из дорогих серебряных солей [Новая светописная бумага 1840: 3]. Светописные бумаги господина Тальбота так чувствительны к свету, что в несколько минут темнеют от дневного луча [Приложение светописной бумаги 1840: 5]. Профессор Тальбот при помощи солнечного луча и светописной бумаги снял математически верную копию (...) трактата между китайским императором и английской королевою [Литературные новости в Англии 1843: 174]⁵. Роберт Гунт (...) представил месяц тому назад Лондонскому королевскому обществу новый способ приготовления светописной бумаги [Энергиатип 1844: 43]. Вещества, употребляемые Гонтом для приготовления светописной бумаги, везде можно доставать без труда [Смесь ЛГ 1844: 549]. (...) Это стекло проводит на светописную бумагу изображение инструмента несколько увеличенное, на котором столб ртути выходит светлым (...) [Приложение светописной бумаги 1846: 160].

- (65) **Фотографическая бумага.** (...) Окрашивание хлористого серебра и фотографической бумаги, приготовленной помощью этой соли, в красных лучах спектра [Цветное фотографическое изображение 1848: 10]. (...) Обмывают фотографическую бумагу сперва водою, а потом серноватистокислым раствором, для устранения серебряной соли (...) [Новый фотографический способ Пуатвена 1848: 82].
- (66) **Фотографический лист.** Господин Роберт Гонт упростил способ приготовления фотографических листов [Смесь ЛГ 1844: 549].

3.2.3. Изображение и стимул

3.2.3.1. Терминологические пояснения

В данном разделе речь пойдет в первую очередь о наименовании изображений, но мы сочли необходимым назвать его «Изображение

⁵ В журнале ошибочно выставлено «184».

и стимул», поскольку иногда тип стимула (живое существо, предмет, ландшафт) имплицитно отражается в наборе семантических компонентов лексемы, обозначающей изображение: *портрет* ‘изображение живого существа’, *пейзаж* ‘изображение ландшафта’ и так далее.

3.2.3.2. Изображение вообще

Лексические единицы, обозначающие фотографическое изображение, можно разделить на несколько групп.

Элементы первой группы не несут никакого указания на способ получения изображения и могут с тем же успехом применяться, скажем, к живописи или литографии. Таковы:

- (67) **Впечатление.** <...> *Приготовление металлической доски или бумаги, которая принимала бы впечатление внешних предметов, отражающихся в камер-обскуре <...>* [Смесь ЛГ 1844: 549].
- (68) **Рисунок.** *Для полной чистоты и ясности рисунка нужно еще избирать предпочтительно такой день, чтобы на небе вовсе не было облак [Дагеров секрет 1839: 12]. Если держать доску над ртутным паром горизонтально, то рисунок по окончании всей работы будет являться глазу только при наклоненном положении доски <...>* [Дагеров секрет 1839: 13]. <...> *Дагер, как скоро рисунок образуется на его доске, покрывает ее от дальнейшего линиянья <...>* [Дагеротип, средство 1839: 49]. *Чем лучи света были ярче в продолжение опыта, тем и рисунок ближе к совершенству [Новые подробности о дагеротипе 1839: 65]. Рисунки, производимые на бумаге посредством хлористого серебра, весьма разнятся от рисунков, производимых составом Дагера <...>* [Новые подробности о дагеротипе 1839: 65]. *Рисунок, на котором медь представляет светлые места, а серебро — тени, переносится <...> на тонкие желатиновые или осетрового клея пластинки <...>* [Новый фотографический способ Пуатвена 1848: 82].
- (69) **Изображение.** <...> *Столько дурных или посредственных изображений, которые дают ложное понятие о настоящем*

состоянии светописного искусства [Безымьянная заметка 2 ОЗ 1842: 86].

- (70) **Картина.** *Если хотите иметь картину, которую можно было повесить на стене, то в снаряде, наполненном паром ртути, должно ставить дощечку под углом 45-ти градусов* [Тайна дагеротипа 1839: 84]. *⟨...⟩ Любопытство ⟨...⟩ возбуждено выставкою различных исполненных посредством дагеротипа картин* [Усовершенствование в дагеротипе 1841: 37]. *Известно, что для произведения картины посредством света до сих пор необходимо было известное число минут ⟨...⟩* [Новое изобретение г. Дагера 1844: 284].
- (71) **Картина-копия.** *Таким образом, без помощи карандаша или кисти рождается картина-копия, верная в высшей степени* [Дагеротип, средство 1839: 48].
- (72) **Картинка.** *Так утвержденная навсегда картинка представляет то важное преимущество, что она остается прозрачною, а это позволяет отпечатывать с нее прекрасные копии, — и вот почему бумага и названа «благопечатною»* [Калотип 1841: 2–3]. *⟨...⟩ Некто Gros ⟨...⟩ открыл способ удерживать на дагеровых досках натуральные цвета предметов и, вместо серых рисунков, производит картинки с живописным колоритом* [Светописные картинки с природным колоритом 1841: 52].
- (73) **Оттиск.** *⟨...⟩ Затем г. Физо нашел средство придавать оттискам большую силу тонов, которые выходили слабыми при первых опытах* [Иллюстрация 1847: 172].
- (74) **Пробный оттиск.** *Первая из этих двух светописных бумаг ⟨...⟩ в камере-обскуре дает превосходные пробные оттиски ⟨...⟩* [Действие солнечных лучей 1840: 62].
- (75) **Снимок.** *Как скоро выйдут темно-светлые части снимка, его поливают водою, чтобы смыть дубильную кислоту ⟨...⟩* [Иллюстрация 1847: 172].

(76) **Цветные изображения.** Полученные Бекерелем цветные изображения разрушаются от влияния света и сохраняются только в темноте (...) [Цветное фотографическое изображение 1848: 10].

Элементы второй группы — словосочетания — указывают на технологию изготовления изображения благодаря наличию в них специфических определений. Таковы:

(77) **Гелиографический очерк.** Довольное количество явилось наставлений, как готовить гелиографические очерки и употреблять дагеротип [Книжная торговля 1839: 74].

(78) **Гелиографический рисунок.** Дагеротип и его гелиографические рисунки распространяются повсюду [Без названия СО 11 1839: 50].

(79) **Дагеров рисунок.** (...) Некто Bayard, чиновник министерства финансов, успел получить на тальботовой бумаге светописные рисунки, нисколько не уступающие красотой дагеровым (...) [Светописное искусство 1840: 5].

(80) **Дагеротипная гравюра.** Когда книги с картинками будут издаваться для мертвецов (...) тогда только дагеротипные гравюры войдут в славу и затмят произведения одаренного жизнью искусства [Светописное искусство 1840: 3].

(81) **Дагеротипная картина.** По мнению г. Робертса, угол, под которым должно смотреть на дагеротипные картины, есть именно угол кристалльных граней иода (...) [Причина образования 1842: 11].

(82) **Дагеротипное изображение.** Дагеротипные бесцветные изображения нимало не портятся (...) от накладывания на них разных красок (...) [Смесь ОЗ 1842: 121]. Дело идет о цветных светописных и дагеротипных изображениях солнечного спектра [Заграничные новости 1848: 74].

(83) **Дагеротипный вид.** Что же касается до красок, которыми должно покрывать дагеротипные виды, то в этом

- отношении еще надо преодолеть несколько трудностей [Смесь ОЗ 1842: 121].
- (84) **Дагеротипный портрет.** (...) Придуманы даже способы списывать дагеротипные портреты в тени, без освещения (...) [Светописное искусство 1840: 2].
- (85) **Дагеротипный рисунок.** Механический дагеротипный рисунок (...) мог бы оказать бóльшую услугу науке, по мнению доктора *Donné* [Светописное искусство 1840: 4].
- (86) **Рисунок дагеротипа.** Донне представил Академии Парижской оттиски, сделанные им с рисунков дагеротипа (...) [Без названия СО 11 1839: 50].
- (87) **Светописная картина (картинка).** Светописные картинки Дагера легко стирались... [Светописное искусство 1840: 6–7]. (В названии) Светописные картинка с природным колоритом [Светописные картинка с природным колоритом 1841: 52]. (...) Достаточно указать на выигрыш в быстроте времени, с которою теперь получают ся светописные изображения [Безымянная заметка 2 ОЗ 1842: 86] (...) На таких только досках светописные картины являются в полном совершенстве [Парижская академия наук 1843: 14]. Картины светописные выходят здесь с розоватым оттенком (...) [Употребление бромистых соединений в светописи 1844: 43]
- (88) **Светописное изображение.** (...) Достаточно указать на выигрыш в быстроте времени, с которою теперь получают ся светописные изображения [Безымянная заметка 2 ОЗ 1842: 86]. (...) Г. Бекерель открыл замечательное явление, что можно посредством цветных лучей света сообщить соответственные цвета и светописному изображению [Цветные светописные изображения 1848: 144].
- (89) **Светописный вид.** Такая же разница во внутреннем достоинстве должна по необходимости существовать между светописным и живописным видами природы, какая существует (...)

- между портретами живого лица, написанными умною кистью и бездушным солнечным лучом [Светописное искусство 1840: 3].
- (90) **Светописный дагеротипный портрет.** ⟨...⟩ Отчего до сих пор никто не достиг до получения светописных дагеротипных портретов прямо цветными ⟨...⟩ [Заграничные новости 1848: 74].
- (91) **Светописный колоритный оттиск.** Позвольте просить вас о благосклонном представлении Обществу светописных колоритных оттисков (числом пятнадцать), снятых с гравюр и меццо-тинто [Светописные картинки с природным колоритом 1841: 52].
- (92) **Светописный отпечаток.** ⟨...⟩ Светописные отпечатки всех цветов ⟨...⟩ [Заграничные новости 1848: 74].
- (93) **Светописный оттиск.** В 1839 г. г. Баяр (Bayard) возбудил всеобщее внимание своими превосходными светописными оттисками; но его способ до сих пор остается непроницаемою тайною [Иллюстрация 1847: 172].
- (94) **Светописный рисунок.** ⟨...⟩ От движения, даже самого легкого и не приметного, светописный рисунок делается неясным ⟨...⟩ [Дагеров секрет 1839: 6]. ⟨...⟩ Она ⟨бумага господина Тальбота⟩ не только дает все те же самые результаты в отношении к красоте светописных рисунков, но еще имеет многие важные преимущества перед металлическими досками Дагера ⟨...⟩ [Калотип 1841: 1]. Светописный рисунок. Светописный рисунок обыкновенно бывает невидим вначале, когда только вынут его из камер-обскуры ⟨...⟩ [Энергиатип 1844: 43].
- (95) **Светописный эстамп.** ⟨...⟩ Газ, асфальт, дагеротип, / Светописные эстампы, / Переносный сжатый газ, / Гальванические лампы ⟨...⟩ [Некрасов 1840: 106].
- (96) **Фотографическая картинка.** Расписанные таким образом фотографические картинки можно очень легко мыть теплою водою ⟨...⟩ [Смесь ОЗ 1842: 121].

- (97) **Фотографическая копия.** *Рисунок получается в обратном виде, и с него, при помощи камер-обскуры, можно снимать сколько угодно фотографических копий в надлежащем виде* [Смесь ЛГ 1844: 549].
- (98) **Фотографический рисунок.** *Процесс фотографических рисунков его представляет много выгод пред обыкновенным* [Смесь ЛГ 1844: 549].
- (99) **Фотографическое изображение.** *⟨...⟩ Превосходное, окрашенное фотографическое изображение спектра ⟨...⟩* [Цветное фотографическое изображение 1848: 9–10].

К третьей группе можно было бы отнести новые специфические однословные наименования, но они в нашем материале практически отсутствуют, за исключением единичного примера:

- (100) **Светопись.** *⟨...⟩ Теперь опыты г. Тальбота дали надежду г. Гонту найти средство делать светописи разноцветные* [Действие солнечных лучей 1840: 62]⁶.

3.2.3.3. Негативное и позитивное изображение

Как известно, в отличие от *дагеротипических изображений*, сразу дававших естественное расположение света и тени, фотографии Тальбота получались *негативными* и требовали особой обработки для получения *позитива*.

- (101) *⟨...⟩ У Тальбота самые светлые части предметов в природе представляются самыми темными в рисунке и наоборот; а по дагерову способу рисунок уподобляется обыкновенной гравюре* [Тайна дагеротипа 1839: 87].

⁶ Здесь слово *светопись*, безусловно, обозначает именно *фотографическую картинку*, а не *процесс* или *технологию*, поскольку употреблено во множественном числе и в позиции прямого дополнения глагола *делать*.

Кроме того, в некоторых случаях и дагеротипная пластинка могла отображать свет и тени в обратном, негативном порядке, см., например, [Безымянная заметка 2 ОЗ 1842].

Рассмотрим, какими лексическими парами выражены в рассмотренных нами текстах понятия *негатив* и *позитив*.

— **Позитив**

- (102) **Естественное изображение.** *Под желтым же стеклом доска, покрытая йодом и постоявшая в камер-обскуре в продолжение времени, достаточного для того, чтоб принять действие паров ртути, представляет сперва естественное изображение с тенями и светлыми частями на их надлежащем месте, но потом вскоре она являет превращенное изображение, в котором порядок цветов нарушен* [Безымянная заметка 2 ОЗ 1842: 87].
- (103) **Надлежащий вид.** *Рисунок получается в обратном виде, и с него, при помощи камер-обскуры, можно снимать сколько угодно фотографических копий в надлежащем виде* [Смесь ЛГ 1844: 549].
- (104) **Натуральное расположение цветов.** *Таким образом, света и тени в снятом рисунке возвращаются к своему натуральному расположению <...>* [Дагеров секрет 1839: 10].
- (105) **Прямое (положительное) изображение.** *По уверению г. Мозера, фиолетовый и синий лучи солнца действуют так, что производят изображения прямые, или, как он их называет, положительные, с тенями и светлыми частями на их надлежащем месте; напротив, другие лучи, как красный и желтый, имеют обратное свойство* [Безымянная заметка 2 ОЗ 1842: 87]. *Чтобы с такого обратного изображения получить прямое, кладут желатиновую пластинку на листок фотографической бумаги тою стороною, где пристала медь <...>* [Новый фотографический способ Пуатвена 1848: 82].
- (106) **Положительный образ.** *На таких листках, поставленных в камеру-обскуру, образы предметов отпечатлеваются*

чрезвычайно быстро, и они всегда положительны, то есть света и тени расположены в них как в природе [Королевское общество ученых в Лондоне 1843: 89].

- (107) **Положительный оттиск.** *Операция разделяется на две части: одна для оттиска отрицательного, где светлые стороны предмета выходят в тени и наоборот, а другая для положительного* [Иллюстрация 1847: 172].
- (108) **Положительный снимок.** *Для положительных снимков готовят бумагу следующим образом (...)* [Иллюстрация 1847: 173].

Итак, позитивное изображение (*вид, рисунок, оттиск, снимок*) называется в различных статьях (а иногда и в пределах одной статьи) *естественным, прямым, положительным, надлежащим*.

— **Негатив**

Наименование негативной противоположности позитивного изображения строится на основе антонимии: оно называется *превращенным* (в противоположность *естественному*), *обратным, отрицательным* (поскольку оно противопоставлено *положительному*), и, наконец, собственно *негативным*.

- (109) **Негативный (обратный) светописный рисунок.** *Для этого покрывают бумагу тотчас смесью одной драхмы насыщенного раствора железного купороса с двумя или тремя драхмами аравийской камеди, и тогда, по прошествии нескольких секунд, получается уже превосходный негативный, то есть обратный, светописный рисунок (...)* [Энергиатип 1844: 43].
- (110) **Обратное изображение.** *Рисунок, на котором медь представляет светлые места, а серебро — тени, переносится (...)* на тонкие желатиновые или осетрового клея пластинки; таким образом получается обратное изображение (...)
- (111) **Обратный вид.** *Рисунок получается в обратном виде, и с него, при помощи камер-обскуры, можно снимать сколько*

угодно фотографических копий в надлежащем виде [Смесь ЛГ 1844: 549].

- (112) **Отрицательный оттиск.** Для отрицательного оттиска берется лучшая писчая бумага [Иллюстрация 1847: 172].
- (113) **Отрицательный отпечаток.** Если хотят воспроизвести гравюру или рисунок, то снимают с нее отрицательный отпечаток на обиденную⁷ дощечку (...) [Новый фотографический способ Пуатвена 1848: 83].
- (114) **Превращенное изображение.** Под желтым же стеклом доска, покрытая йодом (...) вскоре (...) являет превращенное изображение, в котором порядок цветов нарушен [Безымянная заметка 2 ОЗ 1842: 87].

3.2.4. Инструмент

3.2.4.1. Наименования инструмента

В первых русских публикациях о фотографии 1839 года инструмент, используемый для проекции изображения на носитель (дагеровскую пластинку или тальботовскую бумагу) называется камерой-обскурой (каммер-обскурой, камеробскурой).

- (115) **Камера-обкура (публикации 1839 года).** Отверстие камеры-обскуры покамест закрыто стеклянным зеркальцем (...) [Дагеров секрет 1839: 12]. (...) Еще до открытия Дагера было известно искусство оставлять на бумаге изображения, производимые камеробскурою посредством хлористого серебра (...) [Новые подробности о дагеротипе 1839: 63]. Чтобы понять весь ход действия, происходящего в дагеротипе, должно описать камер-обскуру, употребляемую Дагером [Тайна дагеротипа 1839: 80]. Автор статьи (...) старается доказать, что не Дагеру, но английскому физики Тельботу принадлежит честь

⁷ Т. е. обработанную йодом.

открытия тайны важного искусства удерживать на бумаге предметы, являющиеся в камер-обскуре [Смесь ЖМНП 1839: 42].

Это не вызывает удивления, поскольку камера-обскура была известна давно⁸, причем первые фотографические аппараты действительно представляли собой подобие камеры-обскуры.

- (116) *Всем известен оптический снаряд, называемый камер-обскурою, изобретенный Иоанном Баптистом-Порта, где посредством выпуклого стекла и зеркала отражаются на белой бумаге или матовом стекле изображения внешних предметов* [Дагеротип, средство 1839: 47].

Более любопытно, что уже в 1839 году встречается сокращенное название камеры-обскуры — *камера*.

- (117) **Камера (1839)**. *Так как зеркальце положением своим соответствует оптическому стеклу камеры, то оно и наводится на предмет* [Дагеров секрет 1839: 12]. *Когда предмет нарисовался в самом центре зеркальца, оно может быть отодвинуто: тогда свет, отражаемый предметом, вдруг вторгается сквозь оптическое стекло в камеру <...>* [Дагеров секрет 1839: 12]. *Одиннадцатый и третий часы имеют еще одно важное назначение: <...> камера и доска будут обращены к северу, к северной части неба, которая всегда темнее прочих частей его и не так быстро чернит грунт картинки своим отражением* [Дагеров секрет 1839: 13].

Наименование *камера-обскура* не исчезает из обихода и позднее, причем оно равным образом применяется к фотографическим аппаратам как Дагера, так и Тальбота.

- (118) **Камера-обскура (после 1839 года)**. *<...> Г. Тальбот прислал из Лондона господину Био рисунки на своей бумаге, полученные*

⁸ Слово *камера-обскура* в различных вариантах фиксируется в русскоязычных памятниках начиная с 1745 года [Сл. XVIII 9 1997: 224].

в камере-обскуре (...) [Светописное искусство 1840: 5]. *Имея эту «благопечатную бумагу», вам остается только положить ее в камеру-обскуру, не более как на одну минуту, потом вынуть и спрятать в портфель* [Калотип 1841: 1]. (...) *Потому что одна лишняя или опущенная секунда, в действии ли паров брома на доску, или в пребывании ее в камер-обскуре, уничтожает произведенный эффект* [Безымянная заметка 2 ОЗ 1842: 86]. *На таких листках, поставленных в камеру-обскуру, образы предметов отпечатлеваются чрезвычайно быстро* (...) [Королевское общество ученых в Лондоне 1843: 89]. (...) *По своей малой чувствительности они (дагеровские пластинки) подвергаются долгое время в камер-обскуре действию света* [Употребление бромистых соединений в светописи 1844: 42]. *Тальбот в Англии объявил, что ему удалось уловлять на бумагу образы предметов, отражающихся в камер-обскуре* [Иллюстрация 1847: 171]. *Наконец, Нипс заметил действие паров на оптические изображения в камере-обскуре* [Фотографические открытия Нипса де Сен-Виктора 1848: 11]. (...) *Если кто захочет (...) изыскивать способы производить изображения камер-обскуры со всеми их красками, то всегда должно руководствоваться изображением солнечного спектра* (...) [Заграничные новости 1848: 77].

Существовали и другие родовые — не зависящие от используемой технологии — наименования фотографического аппарата. Перечислим их ниже.

- (119) **Оптический снаряд.** *Этими усовершенствованиями дагеротип обязан важным изменениям, введенным в расположение стекол оптического снаряда* (...) [Безымянная заметка 2 1842: 87].
- (120) **Светописный снаряд.** *Но, вероятно, ни один путешественник, какой бы светописный снаряд ни взял он с собой, дагеров или тальботов, не захочет пачкаться и мучиться с ними из удовольствия снимать виды* (...) [Дагеров секрет 1839: 7].

При этом уже в первых публикациях о фотографии наряду с вариантами наименования *камера-обскура* использовались и специфические названия фотографических аппаратов Дагера и Тальбота.

3.2.4.2. Названия фотографического аппарата Дагера

Основное название для фотографического аппарата Дагера — *дагеротип* (*daguerréotype*) — было омонимично именованию самой дагеровской технологии. Ниже приводим контексты, в которых *дагеротипом* называется именно аппарат для фотосъемки, а не ее метод (это подтверждается применением к нему существительных *снаряд*, *орудие*, *игрушка*, использованием в позиции объекта при глаголе перемещения *ставить*, постановкой во множественное число).

- (121) *Дагеротип. К чему и кому может пригодиться дагеротип как рисовальный снаряд?* [Дагеров секрет 1839: 3]. *Он тотчас написал из Лондона все светописные снаряды и в Париже заказал для себя первый дагеротип, какой будет в продаже* [Дагеров секрет 1839: 14–15]. *⟨...⟩ Часть Парижа была снята дагеротипом (так называется сей снаряд) на доске величиною в квадратный полуаршин ⟨...⟩* [Дагеротип, средство 1839: 48]. *Следовательно, дагеротип можно употреблять как самое лучшее орудие для измерения степени силы разных освещений ⟨...⟩* [Тайна дагеротипа 1839: 85]. *⟨...⟩ Дагеротип в том виде, как он куплен французским правительством, есть простая оптическая игрушка ⟨...⟩* [Светописное искусство 1840: 1]. *С осторожностью Паша ставит дагеротип на широкий балюстрад террасы ⟨...⟩* [Дагеротип в серале 1840: 131]. *Господин Claudet советует любителям дагеротипов заказывать нарочно доски с толстым слоем накладного серебра ⟨...⟩* [Парижская академия наук 1843: 14].

Существовали также и менее употребительные альтернативные именованья.

- (122) *Дагеров снаряд*. Воображали, что картины посредством дагерова снаряда можно делать легко, скоро и просто (...) [Тайна дагеротипа 1839: 86].
- (123) *Снаряд Дагера*. Теперь это (измерение силы света) легко, потому что на снаряд Дагера может действовать и свет лунный [Тайна дагеротипа 1839: 85]. (...) Если можно ожидать какой-нибудь пользы от светописи, то должно ожидать ее от светописной бумаги Тальбота, а не от многосложного и крайне неудобного снаряда Дагера [Светописное искусство 1840: 1]. Два внуха несли за ним снаряд Дагера (...) [Дагеротип в серале 1840: 131].

3.2.4.3. Названия фотографических аппаратов Тальбота

В рассмотренных нами текстах специфическое название для фотографического устройства Тальбота встречается всего единожды.

- (124) *Тельботов аппарат*. К тому же полученные здесь тельботовы аппараты для так названного им *photogenic drawing* (светородного рисования) весьма несовершенны и очевидно уступают дагеровым [Смесь ЖМНП 1839: 43].

Видимо, приобрести собственное устойчивое название ему, в отличие от *дагеротипа*, не удалось.

3.2.5. Действующее лицо

Последний рассматриваемый нами сентенциальный актант — действующее лицо. В современном языке — это *фотограф*, в исследуемых же текстах в этой роли конкурирует несколько лексем, причем ни одна из них не преобладает, а само выражение действующего при фотографии лица отдельным словом встречается редко.

Первые обозначения действующего лица — *производитель* и *показыватель*.

- (125) **Производитель.** Тут с поспешностью надобно закрыть снова отверстие камеры зеркальцем: крайнее внимание и большой навык нужны производителю для удачного выбора мгновения этого закрытия (...) [Дагеров секрет 1839: 12]. (...) Мера светлости воздуха и сила солнечных лучей, озаряющих предметы, бывают тогда (в 11 утра и 3 пополудни) более постоянны (...) и (...) продолжение операции легче может быть соображено с ними при помощи некоторого навыка со стороны производителя [Дагеров секрет 1839: 12]. Через отверстие, тоже с желтым стеклом, сделанное в противоположной стенке камеры-обскуры, производитель может наблюдать успех работы лучей и остановить ее в приличное время [Парижская академия наук 1843: 14].
- (126) **Показыватель.** (...) И показывают (...) как солнце рисует картинки. ... Один показыватель (*montreur*) явился даже в Мадриде, другой поплыл в Америку, третий в Царьград! [О Дагере 1839: 98].

Они, что очевидно, связаны с ролью этого лица в процессе: это тот, кто производит изображения, показывает фотографический процесс. Вероятно, оба эти наименования ситуативны и вне контекста *фотографа* обозначать уже не могли бы. Ср. также:

- (127) Помощию им самим изобретенных снарядов он успел (...) **производить портреты** не только в натуральную величину головы человека, но, что весьма было трудно, с открытыми глазами [Усовершенствование в дагеротипе 1841: 37].

Позже в одном и том же тексте мы встречаем уже специфические для лексико-тематической группы 'фотография' синонимичные именованья *фотограф* и *светописец*, причем утвердившееся в дальнейшем *фотограф* используется как основное слово, а *светописец* — как пояснение:

- (128) В Мюнхене известному фотографу (*светописцу*) Изенрингу очень удался опыт в расписывании разными колерами дагеротипных картинок [Смесь ОЗ 1842: 121].

Слово *светописец* повторяется и в дальнейшем.

- (129) **Светописец.** Лондонский *светописец* настаивает также на употреблении желтого стекла в отверстиях камеры-обскуры [Парижская академия наук 1843: 14]. Внимание всех *светописцев* обращено теперь преимущественно на то, чтоб увеличить как можно более чувствительность серебряных пластинок, которые обыкновенно употребляются в дагер-овом процессе. (...) *Светописцы* не употребляют уже более чистого брома (...) [Употребление бромистых соединений в светописи 1844: 42] (...) *Если даже светописец употребит слишком большое количество брома* (...) [Новое улучшение в светописи 1844: 52].

Встречается также вновь и двойное (толковательное) наименование *фотограф-светописец*:

- (130) **Фотограф-светописец.** Самые искусные фотографы-светописцы редко успевают получать хорошие, точные рисунки, именно когда хотят придать своим дощечкам (серебряным пластинкам) наивысшую степень чувствительности [Новое улучшение в светописи 1844: 52].

Наконец, слово *светописец* фиксирует Словарь 1847 года:

- (131) **СВЕТОПИСЕЦ.** (...) *Рисующий помощью света; дагеротипный живописец* [Сл. 1847 IV: 106].

Слова *фотограф* в Словаре 1847 года нет.

4. Лексическое выражение предиката со значением ‘получать фотографические изображения’

В исследованных текстах найдены два основных глагола, соответствующие интересующему нас предикату, — это глаголы *снять* и *списывать*. Ниже приведены примеры их употребления, при этом

некоторые из этих примеров снабжены указанием (в угловых скобках, полужирным шрифтом) семантических актантов пропозициональной формы (3), соответствующих тем или иным (подчеркнутым) синтаксическим группам, возглавляемым данными глаголами.

- (132) **Снимать, снять.** *Можно снимать здания, толкуют вам. Очень хорошо: а потом что сделать из этой мелкой съёмки?* [Дагеров секрет 1839: 14]. *Сэр Гомфри Деви сделал на сем пути также очень незначительные открытия; ему удавалось, посредством солнечного микроскопа, снимать изображения самых маленьких предметов <...>* [Тайна дагеротипа 1839: 81–82]. *Веджвуд напечатал статью, из которой видно, что он таким же образом снимал копии с рисунков на стекле в церквях и с гравюр, однакож без помощи каммер-обскуры* [Тайна дагеротипа 1839: 81]. *После многих опытов дошли, наконец, с дагеротипом до возможности снимать портреты <...>* [Светописное искусство 1840: 2]. <...> *Возьмем с собой твой волшебный ящик, и я попробую сам снять несколько видов* [Дагеротип в серале 1840: 129]. <...> *Он умеет снимать портреты (= изображение Y) с каждого предмета (= стимул Z) <...>* [Усовершенствование в дагеротипе 1841: 36–37]. <...> *Снимать хорошие картинки с таких предметов, которые не более одного мгновения остаются совершенно неподвижными* [Калотип 1841: 3]. *Успехи, которые сделало светописное искусство, значительно увеличили трудность снимать изображения <...>* [Безымянная заметка 2 ОЗ 1842: 86]. *Королева Виктория приказала Кламдету, имеющему дагеротип в Аделаидиной галерее, снять портреты (= изображение Y) со всех своих любимых верховых лошадей (= стимул Z). Художник посредством дагеротипа (= инструмент U) снял весьма удачно эти портреты (= изображение Y) <...>* [Безымянная заметка 3 ОЗ 1842:145]. *Желая снять какой-нибудь вид (= изображение Y) на эту бумагу (= носитель W), наливают на плоское, положенное на какую-нибудь подставку стекло несколько капель раствора <...>* [Иллюстрация 1847: 172].

Наиболее полно (в количестве сразу трех) семантическим актантам предиката схемы (3) соответствуют синтаксически возглавляемые глаголом *снять* элементы в следующем предложении.

- (133) *Он захотел воспользоваться своим открытием и снять на новую бумагу* $\langle =$ носитель **W** \rangle *рисунок* $\langle =$ изображение **Y** \rangle *какой-нибудь гравюры* $\langle =$ стимул **Z** \rangle $\langle \dots \rangle$ [Новая светописная бумага 1840: 3].

Разберем таким же образом глагол *списывать*.

- (134) *Списывать. И тисков нет, и лиц* $\langle =$ изображение **Y** / стимул **Z** \rangle *нельзя списывать при помощи «волшебного» инструмента* $\langle =$ инструмент **U** \rangle [Дагеров секрет 1839: 6]. $\langle \dots \rangle$ *Мы сами найдем со временем средство списывать портреты* $\langle =$ изображение **Y** \rangle *дорогих лиц* $\langle =$ стимул **Z** \rangle *солнечным лучом* $\langle =$ инструмент **U** \rangle $\langle \dots \rangle$ [Дагеров секрет 1839: 6]. $\langle \dots \rangle$ *Придуманы даже способы списывать дагеротипные портреты в тени, без освещения* $\langle \dots \rangle$ [Светописное искусство 1840: 2].

Любопытно, что оба центральных для описания фотографирования глагола не относятся специфически к сфере фотографии. «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 года дает им следующие толкования (мы указываем только самое близкое значение):

- (135) *СНИМАТЬ. $\langle \dots \rangle$ 3) Списывать, срисовывать. Снять список с подлинника $\langle \dots \rangle$ Снять портрет с жены, с отца, с матери* [Слов. 1847: 164].
- (136) *СПИСЫВАТЬ $\langle \dots \rangle$ 2) Снимать красками подобие с чего-либо, срисовывать. Ему поручено списать копию с картины Брюллова* [Слов. 1847: 201].

Таким образом, применение этих глаголов к фотографическому процессу представляет собою только незначительное расширение их значения.

5. Заключение

Как можно видеть, в журнальных статьях первого десятилетия существования фотографии отражена неупорядоченная и находящаяся в процессе становления лексика соответствующей тематической группы. Для нее характерно большое количество частично или полностью дублирующих друг друга элементов, значительно превышающее число описываемых ими сущностей и явлений. При этом, однако, важно, что с семантической точки зрения фотография рассматривается в этот период как разновидность изобразительного искусства (процесс фотографии имеет, как мы показали выше, одинаковую с процессом ручного создания изображений пропозициональную форму), поэтому большинство лексических элементов, вошедших в тематическую группу 'фотография', заимствовано из области живописи и рисования: таковы слова *снимать*, *списывать*, *камера-обскура*, *изображение*, *рисунок*, *картинка*, *копия*, *оттиск*, *отпечаток* и им подобные. Специфику группы создает немногочисленный набор заимствованных и калькированных корней и основ (*дагер-*, *тальбот-*, *-тип-*, *свет-*, *-пис-*, *-печат-*), обозначающих характерные исключительно для светописного искусства особенности; произведенные от них слова выступают как самостоятельно, так и в составе неоднословных номинаций, создавая богатство лексического наполнения группы при достаточно узком наборе доступных в ней значений, то есть образуя множество дублетов.

Литература

- Апресян 1995 — Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995.
- Гладкий 2001 — А. В. Гладкий. Введение в современную логику. М.: Московский центр непрерывного математического образования, 2001.
- Мельчук 1995 — И. А. Мельчук. Русский язык в модели «Смысл↔Текст». М.; Вена: Языки славянской культуры, 1995.

- Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Сорокин 1961 — Ю. С. Сорокин. Об общих закономерностях развития словарного состава русского литературного языка XIX в. // Вопросы языкознания. 1961. № 3. С. 22–36.
- Сорокин 1965 — Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского языка. 30–90-е гг. XIX века. М.; Л.: Наука, 1965.
- Сто лет 1938 — (Без указ. автора). Сто лет фотографии. 1839–1939. Дагер, Ньепс, Тальбот. М.: Госкиноиздат, 1938.
- Теньер 1988 (1959) — Л. Теньер. Основы структурного синтаксиса. М.: Наука, 1988.
- Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.

Источники

- Без названия СО 11 1839 — Без названия. Разные известия и смесь // Сын Отечества. 1839. Т. 11. С. 50.
- Безымянная заметка 1 ОЗ 1842 — Безымянная заметка 1. Смесь // Отечественные записки. 1842. Т. XXIV. С. 71.
- Безымянная заметка 2 ОЗ 1842 — Безымянная заметка 2. Смесь // Отечественные записки. 1842. Т. XXIV. С. 85–88.
- Вступительные лекции в курс прикладной минералогии 1845 — Вступительные лекции в курс прикладной минералогии (Продолжение) // Журнал Министерства народного просвещения. 1845. Ч. XLVI. С. 84–111.
- Гелиотип у древних греков 1847 — Гелиотип у древних греков. Отд. VII. Новости и смесь // Журнал Министерства народного просвещения. 1847. Ч. LIV. С. 40.
- Дагеротип в серале 1840 — Дагеротип в серале. Годится для водевиля. Панорама театров // Пантеон русского и всех европейских театров. 1840. № 1 (январь). С. 128–133.
- Дагерров секрет 1839 — Дагерров секрет. Комедия во многих действиях, разыгранная в Париже. Смесь // Библиотека для чтения. 1839. Т. 36. С. 1–15.
- Дагерротип, средство 1839 — Дагерротип, средство делать видимые в камер-обскуре изображения постоянными. Смесь // Отечественные записки. 1839. Т. II. С. 47–50.
- Заграничные новости 1848 — Заграничные новости. Смесь // Отечественные записки. 1848. Т. LVIII. С. 74–80.

- Действие солнечных лучей 1840 — Действие солнечных лучей, проходящих через стекла и жидкости окрашенные. Смесь // Библиотека для чтения. 1840. Т. XL. С. 62–63.
- Иллюстрация 1847 — Без названия // Иллюстрация. Еженедельное издание всего полезного и изящного. 1847. Т. IV. № 1 (85), суббота 4 января. С. 171–173.
- Калотип 1841 — Калотип. Смесь // Библиотека для чтения. 1841. Т. 47. С. 1–3.
- Кирилов I 1845 — Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кириловым. СПб.: Типография губернского правления, 1845.
- Книжная торговля 1839 — Книжная торговля на Лейпцигской Михайловской ярмарке 1839 г. Разные известия и смесь // Сын Отечества. 1839. Т. 11. С. 69–76.
- Королевское общество ученых в Лондоне 1843 — Королевское общество ученых в Лондоне. Смесь // Библиотека для чтения. 1843. Т. 56. С. 88–89.
- Литературные новости в Англии 1843 — Литературные новости в Англии. Смесь // Библиотека для чтения. 1843. Т. 56. С. 174.
- Некрасов 1840 — Н. А. Некрасов. Наш век. Стихотворения и куплеты // Пантеон русского и всех европейских театров. 1840. № 1 (январь). С. 106.
- Новая светописная бумага, самая дешевая и удобнейшая из всех 1840 — Новая светописная бумага, самая дешевая и удобнейшая из всех. Смесь // Библиотека для чтения. 1840. Т. 38. С. 3–4.
- Новое изобретение г. Дагерра 1844 — Новое изобретение г. Дагерра. Смесь // Москвитянин. 1844. Ч. II. С. 284.
- Новое улучшение в светописи 1844 — Новое улучшение в светописи. Двойное иодирование. Смесь // Отечественные записки. 1844. Т. XXXVI. С. 52.
- Новые подробности о дагерротипе 1839 — Новые подробности о дагерротипе. Смесь // Отечественные записки. 1839. Т. 11. С. 63.
- Новый фотографический способ Пуатвена 1848 — Новый фотографический способ Пуатвена. Отдел VII. Новости и смесь // Журнал Министерства народного просвещения. 1848. Ч. LVIII.
- О Дагерре СО 1839 — Без названия (О Дагерре...). Разные известия и смесь // Сын Отечества. 1839. Т. 11. С. 98.
- Парижская академия наук 1843 — Парижская академия наук. Смесь // Библиотека для чтения. 1843. Т. 56. С. 13–14.
- Приложение светописи 1846 — Приложение светописи к записыванию метеорологических наблюдений. Смесь // Отечественные записки. 1846. Т. 47. С. 160.
- Приложение светописной бумаги 1840 — Приложение светописной бумаги к судебным казусам. Смесь // Библиотека для чтения. 1840. Т. 38. С. 4–6.

- Причина образования 1842 — Причина образования дагерротипных картин. Отд. VII. Новости и смесь // Журнал Министерства народного просвещения. 1842. Ч. XXXIII. С. 9–11.
- Промышленность и сельское хозяйство 1843 — Без названия. Промышленность и сельское хозяйство // Библиотека для чтения. 1843. Т. 56. С. 52.
- Светописное искусство 1840 — Светописное искусство. Смесь // Библиотека для чтения. 1840. Т. 39. С. 1–7.
- Светописные картинки с природным колоритом 1841 — Светописные картинки с природным колоритом. Смесь // Библиотека для чтения. 1841. Т. 48. С. 52–53.
- Сл. 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. Т. I–IV. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1847.
- Сл. XVIII 9 1997 — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 9 (Из-Каста). СПб.: Наука, 1997.
- Смесь ЖМНП 1839 — Без названия. Смесь // Журнал Министерства народного просвещения. 1839. Ч. XXIV. Октябрь. С. 42–43.
- Смесь ЛГ 1844 — Без названия. Смесь // Литературная газета. 1844. № 32 (17 августа). С. 549.
- Смесь ОЗ 1842 — Смесь // Отечественные записки. 1842. Т. XXI. С. 121.
- Тайна дагерротипа 1839 — Тайна дагерротипа. Смесь // Отечественные записки. 1839. Т. IX. С. 79–88.
- Употребление бромистых соединений в светописи 1844 — Употребление бромистых соединений в светописи. Смесь // Отечественные записки. 1844. Т. XXXV. С. 42–43.
- Усовершенствование в дагерротипе 1841 — Усовершенствование в дагерротипе. Отд. VII. Новости и смесь // Журнал Министерства народного просвещения. 1841. Ч. XXIX. С. 36–37.
- Фотографические открытия Нипса де Сен-Виктора 1848 — Фотографические открытия Нипса де Сен-Виктора. Отд. VII. Новости и смесь // Журнал Министерства народного просвещения. 1848. Ч. LVII. С. 10–12.
- Цветное фотографическое изображение 1848 — Цветное фотографическое изображение солнечного спектра. Отдел VII. Новости и смесь // Журнал Министерства народного просвещения. 1848. Ч. LVIII. С. 9–10.
- Цветные светописные изображения 1848 — Цветные светописные изображения. Смесь // Современник. 1848. № III (март). С. 144.
- Энергиатип 1844 — Энергиатип. Смесь // Отечественные записки. 1844. Т. XXXV. С. 42.
- Le Shah-Nameh 1839 — Le Shah-Nameh. (Шах-Наме, или *Книга Царей*. Персидская эпопея. Сочинение Фирдуси... (Статья вторая и последняя). Критика // Сын Отечества. 1839. Т. 11.

References

- Apresyan 1995 — Yu. D. Apresyan. *Izbrannyye trudy. T. I. Leksicheskaya semantika* [Selected works. Vol. 1. Lexical semantics]. Moscow: Izdatelskaya firma “Vostochnaya literatura” RAN, 1995.
- Gladkiy 2001 — A. V. Gladkiy. *Vvedeniye v sovremennuyu logiku* [An introduction to modern logics]. Moscow: Moscow Center for Continuous Mathematical Education Press, 2001.
- Melchuk 1995 — I. A. Melchuk. *Russkiy yazyk v modeli «Smysl↔Tekst»* [The Russian language in the meaning — text perspective]. Moscow; Vienna: Yazyki slavyanskoy kultury, 1995.
- Paducheva 2004 — E. V. Paducheva. *Dinamicheskiye modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in lexical semantics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004.
- Sorokin 1961 — Yu. S. Sorokin. Ob obshchikh zakonomernostyakh razvitiya slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka XIX v. [On general laws of lexical development in the 19th century Standard Russian language]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1961. No. 3. P. 22–36.
- Sorokin 1965 — Yu. S. Sorokin. *Razvitiye slovarnogo sostava russkogo yazyka. 30–90-e gg. XIX veka* [The development of the Russian lexis from 1830-s to 1890-s]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965.
- Sto let 1938 — *Sto let fotografii. 1839–1939. Dager, Nyeps, Talbot* [The centenary of photography. 1839–1939. Daguerre, Niepce, Talbot]. Moscow: Goskinoizdat, 1938.
- Tesniere 1988 (1959) — L. Tesniere. *Osnovy strukturnogo sintaksisa* [The fundamentals of structural syntax]. Moscow: Nauka, 1988.
- Testelets 2001 — Ya. G. Testeleets. *Vvedeniye v obshchiy sintaksis* [An introduction to general syntax]. Moscow: Russian State University for the Humanities Press, 2001.

О первом русском переводе «Архитектуры» Джакомо Бароцци да Виньола

Э. Гербецца

Удинский университет (Удине, Италия); ettore.gherbezza@uniud.it

Аннотация. Статья посвящена первому русскому переводу трактата «Правило пяти ордеров архитектуры» Джакомо Бароцци да Виньола, который увидел свет в 1709 г. («Правило о пяти чинех архитектуры Якова Бароцция де Вигнола»). Исходя из чисто лингвистических соображений, делается вывод о том, что перевод был сделан с итальянского языка. В основной части статьи предлагается подробный анализ целого ряда архитектурных терминов-итальянизмов, которые впервые зафиксированы именно в переводе виньоловского трактата 1709 г. При анализе удалось выявить новые данные для изучения словарного состава русского языка XVIII века: один вариант, не получивший фиксации в словарях (*модиянон* ‘модильон’), более раннюю хронологию некоторых вариантов (формы *абака*, *архитрава*, *басамент* и *колон* вошли в русский язык уже в 1709 г.) и не отмеченное в словарях значение заимствования *балкон*.

Ключевые слова: историческая лексикология, русский язык XVIII века, архитектурная лексика, итальянизмы, Дж. Бароцци да Виньола.

On the first Russian translation of “Architecture” by Giacomo Barozzi da Vignola

E. Gherbezza

University of Udine (Udine, Italy); ettore.gherbezza@uniud.it

Abstract. This paper is devoted to the first Russian (1709) translation of the treatise *Regola delli cinque ordini d’architettura* [Canon of the five orders of architecture] by Giacomo Barozzi da Vignola. Notable for its brevity and simplicity of presentation, this treatise served as a canonical textbook for all European architects of the XVII

to mid-XIX centuries. The first goal of the paper was to prove in a non-arbitrary way, on the basis of strictly linguistic arguments, that the source language for the translation was Italian. Proceeding from this conclusion, the core section of the paper provides a detailed analysis of a number of architectural terms that were used for the first time in Russian in this translation. These terms, still in use in modern Russian, undoubtedly represent direct Italian borrowings regardless of their current phonetic shape. The proposed analysis of the terms, based on the main historical and etymological dictionaries, comes up with new findings regarding the 18th century Russian vocabulary. These include the discovery of one variant of the meaning of *modiyanon* ‘modillion’ that was not recorded in the dictionaries, the updated chronology for some other variants (viz. the forms *abaka*, *arkhitrava*, *basament* and *kolon* appear to have entered the Russian language already as early as in 1709), and the identification of another meaning for *balkon*, not captured in the existing dictionaries. Since, as this paper shows, the Russian translation of the treatise will inevitably become an important focus of studies in the history of the development of Russian architectural terminology, further research is needed in this area on both the formal characteristics and semantics of each terminological unit.

Keywords: historical lexicology, the 18th century Russian, architectural terms, Italianisms, G. Barozzi da Vignola.

1. Введение

«Правило пяти ордеров архитектуры» («Regola delli cinque ordini d’architettura») Джакомо Бароцци да Виньола увидело свет в Риме в 1562 г. Виньоловский трактат, отражающий традицию позднего Возрождения, благодаря краткости и простоте изложения стал настоящей вехой в истории европейской архитектуры, о чем свидетельствуют многочисленные его переводы¹. На русский язык он был переведен в начале XVIII века, точнее в 1709 г., под названием «Правило о пяти чинех архитектуры Якова Бароцция де Вигнола» [Пекарский 1862 II: 212–214].

¹ К первой трети XVII века уже имелись переводы на немецком, голландском, французском, испанском и английском языках [Walcher Casotti 1985: 540–545].

Особого внимания при этом заслуживает тот факт, что перевод на русский был осуществлен в Петровскую эпоху. Это лишний раз подтверждает значение виньоловского трактата и вместе с тем немаловажную роль архитектуры в процессе усвоения мировых культурных ценностей, запущенном царем-реформатором.

Во второй половине XIX века П. П. Пекарский считал, что «русский перевод Виньолы именно сделан с (...) итальянского подлинника» [Пекарский 1862 II: 213], в то время как более века спустя Н. А. Копанев утверждал, что трудно установить, с какого языка был сделан перевод [Копанев 1989: 183]. В этом отношении детальное изучение использованной при переводе архитектурной терминологии² может помочь установить, с какого языка был переведен трактат Виньолы. Настоящая статья ставит целью доказать, исходя из чисто лингвистических соображений, что перевод был выполнен с итальянского языка, и пролить свет на некоторые архитектурные термины итальянского происхождения, которые встречаются в переводе «Архитектуры» Виньолы 1709 г.³

2. Особенности лексики перевода

В переводе виньоловского трактата 1709 г. легко найти лингвистические доказательства того, что перевод был сделан с итальянского. К такому выводу приводит прежде всего использование в «итальянизированной» форме некоторых заимствований, вошедших в русский язык еще до публикации изучаемого перевода. Напр., для слова *арка*⁴

² Здесь мы ограничиваемся анализом некоторых архитектурных терминов по соображениям экономии места.

³ Нами был проанализирован экземпляр, хранящийся в Библиотеке Академии наук (П I 113), поэтому в данной статье ссылки на перевод относятся к этому экземпляру (страницам, проставленным карандашом в нижнем углу).

⁴ *Арка* — ‘дугообразное перекрытие проема в стене или пролета между двумя опорами’ [ТСИС: 86].

в [СРЯ XVIII 1: 91] указана следующая датировка вариантов: *арк* 1705, *арка* 1709, *арка* 1769⁵. Современная форма возникла уже на русской почве, *арк* и *арко* заимствованы из французского *arc* и итальянского *arco* соответственно [РЭС 1: 280]. В переводе трактата встречается только вариант *арко* [Виньола 1709: 34, 62].

Слово *карниз*⁶ пришло в русский через посредство немецкого *Karnies* [Фасмер II: 202] уже во второй половине XVII века: в [СлРЯ XI–XVII 7: 82] приведен пример употребления 1689 г. В переводе трактата, однако, мы встречаем только варианты *корнице* [Виньола 1709: 18, 19] и *корниче* [Виньола 1709: 19, 25, 28, 41, 66, 72], которые пришли непосредственно из итальянского *cornice* [Фасмер II: 202; СРЯ XVIII 9: 261]⁷.

Заимствование *пьедестал*⁸ стали употреблять в Петровскую эпоху: в переводе трактата встречаем варианты *педестал* [Виньола 1709: 10, 20, 25], *педестала* [Виньола 1709: 10] и *педестало* [Виньола 1709: 22, 25, 44, 62]. Форма *педестал* вошла в русский язык уже в 1704 г. [КС XVIII], по всей вероятности через посредство французского *piédestal* [Черных II: 89], в то время как вариант, оканчивающийся на гласный *-о*, заимствован из итальянского *pedistallo*⁹.

⁵ В данной статье датировки взяты в основном из «Словаря русского языка XVIII века» (или из его ценнейшей Картотеки), который является уникальным источником сведений о языке XVIII века. Уже в 1985 г., при выходе в свет первого его выпуска, Герта Хюттль-Фольтер назвала этот Словарь «самым большим достижением исторической лексикографии русского языка в советский период» [Хюттль-Фольтер 1985: 97].

⁶ *Карниз* — ‘верхняя часть антаблемента; выступ в верхней части здания, над окном, дверью’ [ТСИС: 340].

⁷ Скорее всего, вариант *корнице* отражает ошибочную передачу итальянской буквы *c*.

⁸ *Пьедестал* — ‘дугообразное перекрытие проема в стене или пролета между двумя опорами’ [ТСИС: 643].

⁹ В итальянском оригинале виньоловского трактата употребляется вариант *pedestallo* [Vignola 1617: 54], поэтому форма *педестало* является наиболее близкой к прототипу языка-источника.

К тому же решающим доказательством того, что перевод был сделан именно с итальянского языка, служит ряд терминов, которые перечислены в таблицах, сопровождающих гравюры. В большинстве случаев они кажутся скорее транслитерацией соответствующих итальянских лексических единиц, чем их переводом. Достаточно взглянуть на следующие примеры¹⁰.

Таблица 1. Архитектурные термины виньоловского трактата в разных языках
Table 1. Architectural terms in Vignola's treatise in different languages

итал. яз.	рус. яз.	франц. яз.	нем. яз.	голл. яз.
toro	торо	tore	torus	torus
plinto	плинто	plinthe	plinthus	plinthus
listello	листело	listeau	leist	lijstjen
gola roverscia	гола роверсия	gueule reversee	verkerte oder unrechte kehl	aberrechtse keel
tondino	тондино	rondeau	runde	kondeken
regoletto	реголетто	reiglet	regel	regeltjen
colarino	коларино	collier	krage	kraeg
denticoli	дентиколи	dentades	zähn	tanderingen
archetti	аркети	arcquets	bogen	boogskens
fusaroli	фузароли	spondiles	wirbels	wervels

Из таблицы совершенно очевидно, что кириллицей точно воспроизводится буквенный состав итальянских архитектурных терминов.

Наконец, отметим, что в переводе встречается также транслитерация целых словосочетаний, чем нарушаются основные правила русского синтаксиса: напр. в словосочетаниях «вано дели арки»

¹⁰ Примеры на русском взяты из изучаемого перевода [Виньола 1709: 25, 27, 72], а примеры на других языках — из четырехязычного издания (на итальянском, голландском, французском и немецком языках), вышедшего в свет в 1617 г. [Vignola 1617: 20, 22, 58].

[Виньола 1709: 32] (итал.: «vano degli archi»), «импоста дель арко» [Виньола 1709: 34, 62] (итал.: «imposta dell'arco»), «корниче дела импоста» [Виньола 1709: 46] (итал.: «cornice della imposta») обнаруживается транслитерация слитных форм предлогов и артиклей итальянского оригинала вместо использования родительного падежа с определительным значением.

На основании вышесказанного можно уверенно утверждать, что перевод виньоловского трактата 1709 г. был сделан с итальянского языка. Следовательно, заметив при помощи этимологических и исторических словарей, что целый ряд архитектурных терминов впервые зафиксирован в переводе виньоловского трактата 1709 г., следует сделать вывод, что все эти термины надо отнести к итальянизмам¹¹. В следующем разделе приводится краткий обзор интересных нас лексических единиц. Будут рассмотрены только те термины, которые впоследствии закрепились в русском языке, между тем как останутся вне фокуса внимания окказиональные заимствования.

3. Новые заимствования из итальянского языка

3.1. Абак(а)

Значение: 'верхняя часть капители в форме четырехугольной плиты' [ТСИС: 27].

В [СРЯ XVIII 1: 8] зарегистрировано слово *абако* (1709) и варианты *абак* (1789), *абакус* (1803), *абака* (1803).

Сегодня существуют параллельные формы мужского (*абак*) и женского (*абака*) рода [ОАР]. Форма на *-к* пришла из французского языка (*abaque*), а форма на *-а* — скорее всего из французского

¹¹ Подробнее об итальянизмах в русском языке см. [Gherbezza 2019], в котором каждое заимствование сопровождается лингвистическим и историко-культурным комментарием, дающим сведения о географической, временной и семантической траектории слова.

или итальянского (*abaco*), но не исключено и возникновение на русской почве из *абак* [РЭС 1: 65]. В переводе трактата употребляется форма на *-о*, т. е. *абако* [Виньола 1709: 27, 64], которая является явным итальянизмом [РЭС 1: 65]¹². Кроме того, в родительном падеже встречаем формы *абака* и *абаки*¹³:

(1) а. рус.: *за профіль воспріимается вышіна офолиовъ кауликуловъ и абака и шпаргіментъ фолиовъ и кауліколов емлется чрезъ лінію которая пройсходитъ отъ пунта абаки до круга колоны* [Виньола 1709: 64].

б. итал.: *Per il profilo si piglia l'altezza delle sue foglie, caulicoli e abaco: e il sporgimento delle foglie, e caulicoli si piglia per la linea che nasce dalla punta dell'abaco al tondino della colonna* [Vignola 1617: 56].

В [СРЯ XVIII 1: 8] форма *абако* снабжена пометой *нескл.* Несмотря на это, в данном переводе несклоняемая форма *абако* заменяется формами родительного падежа мужского и женского рода, из чего следует, что эти варианты употреблялись и раньше вышеуказанных дат.

3.2. Архитрав

Значение: 'главная балка, нижняя часть антаблемента' [ТСИС: 91].

В [СРЯ XVIII 1: 102] зарегистрировано слово *архитрав* (1709) и варианты *архитраве* (1709), *архидраве* (1709), *архитрава* (1784).

¹² К этому можно добавить, что итальянский термин *abaco*, как и многие другие, ввел в обращение в середине XV века Леон Баттиста Альберти, выдающийся представитель эпохи Возрождения [Folena 2015: 129–130].

¹³ Примеры на русском языке сопровождаются соответствующими отрывками трактата на итальянском. Таким образом, можно легко оценить сходства и различия между текстами. Для удобства читателя анализируемые термины выделены жирным шрифтом.

Несмотря на неотчетливые существующие этимологические сведения¹⁴, можно с уверенностью сказать, что этот термин входит в группу итальянизмов. В переводе трактата, в самом деле, чаще всего употребляется форма *архитраве* [Виньола 1709: 18, 19, 25, 27, 28, 41, 66], которая точно копирует итальянский прототип *architrave*¹⁵. Еще раз обращает на себя внимание использование заимствования в родительном падеже:

(2) а. рус.: *Н: листело архитравы; I: архитраве; К: листело абаки или цымація; L: абако*¹⁶ [Виньола 1709: 27].

б. итал.: *Н Lista dell'Architrave, I Architrave, K Listello dell'abaco overo cimatio, L Abaco* [Vignola 1617: 22].

Аналогично тому, что было сказано при анализе термина *абак*, в этом случае несклоняемая форма *архитраве* заменяется формой родительного падежа женского рода *архитравы*, поэтому надо заключить, что вариант женского рода *архитрава* вошел в обращение гораздо раньше, чем это указано в [СРЯ XVIII 1: 102].

3.3. Базамент

Значение: 'более широкая нижняя часть пьедестала, примерно в четверть его высоты' [Плужников 1995: 21].

В [СРЯ XVIII 1: 127] зарегистрировано слово *базамент* (1777) и варианты *баземент* (1709), *басамент* (1712), *базаменто* (1709), *басаменто* (1709).

Слово вошло прямо из итальянского языка [СРЯ XVIII 1: 127]. В переводе трактата встречаем формы *базаменто* [Виньола 1709: 10]

¹⁴ Только в [РЭС 1: 307] правильно утверждается, что слово пришло «из зап.-евр. яз., ср. нем. *Architrav* < франц. *architrave* < итал. *architrave*».

¹⁵ В одном случае встречаем орфографический вариант *архидраве* [Виньола 1709: 28].

¹⁶ В данном примере буквы латинского алфавита являются ссылками на гравюру, находящуюся на предыдущей странице.

и *басаменто* [Виньола 1709: 62], которые являются соответственно практической транскрипцией и транслитерацией итальянского современного слова *basamento*¹⁷. Нельзя не заметить, что в родительном падеже употребляется форма *басаменту*:

(3) а. рус.: *и понеже что педестала безъ цымасы и басаменту происходитъ отъ двухъ квадровъ* [Виньола 1709: 62].

б. итал.: *e anco perché il netto del piedestallo senza la cimasa e bassamento riesca di duoi quadri* [Vignola 1617: 54].

Из этого следует вывод, что и вариант мужского рода *басамент* можно отнести к 1709 г.

3.4. Балкон

Значение: ‘огражденная всякая или подпираемая столбами площадка, выступающая из стены здания и связанная проходом с интерьером’ [Плужников 1995: 22].

В [СРЯ XVIII 1: 132] зарегистрирована одна форма *балкон* (1709).

В русском зодчестве балконы до начала XVIII века не были известны; в словарях объясняется, что анализируемый термин был заимствован «из франц. и/или непосредственно из итал.» [РЭС 2: 146–147]. По правде говоря, на первый взгляд форма заимствования выглядит ближе к французскому *balcon*, чем к итальянскому *balcone*. Тем не менее, поскольку слово впервые зафиксировано именно в переводе «Архитектуры» Виньолы, оно может быть включено в группу прямых итальянизмов. В переводе данный термин встречается только один раз, в родительном падеже:

(4) а. рус.: *Украшение Оконъ Неподобие Балкона* [Виньола 1709: 104].

¹⁷ Относительно формы *басаменто* точности ради скажем, что соответствующий итальянский термин в оригинале написан с удвоенной согласной [s] (*basamento*) [Vignola 1617: 54], которая произносится как глухой звук.

б. итал.: *Ornamento di finestra in forma di balcone*¹⁸ [Виньола 1709: 103].

В этом объяснении привлекает внимание значение анализируемого заимствования, которое явно не совпадает со значением, зарегистрированным как в современных, так и в исторических словарях. Напр., в [СРЯ XVIII 1: 132] слово глоссируется как «площадка с перилами снаружи здания (над крыльцом, у окна и пр.) или внутри его», а в данном контексте заимствование воспроизводит значение итальянского прототипа, т. е. «вытянутый по вертикали проем, который доходит до пола и не имеет собственной балконной площадки; ограждение устанавливается непосредственно в проеме, перед дверью с наружной стороны» (см. [GDLI II: 1]). Подтверждение этому можно легко найти в «выправленном» издании 1712 г., где пример (4) переводится иначе и слово *балкон* уже не употребляется: «Украшение окна образомъ периль наружіе» [Виньола 1712: рисунок 44]¹⁹.

3.5. Волюта

Значение: «скульптурное украшение в виде завитка, спирали» [ТСИС: 170].

В [СРЯ XVIII 4: 55] зарегистрировано слово *волюта* (1789) и вариант *волута* (1709)²⁰.

В литературе просматривается, что слово пришло «из итал. *voluta*, франц. *volute* < лат. *volūta*» [РЭС 8: 206], но вполне очевидно, что фонетический облик формы первого вхождения *волюта* [Виньола 1709: 53,

¹⁸ Настоящая ссылка относится к объяснению на итальянском языке, которое находится на предыдущей странице.

¹⁹ В издании 1712 г. все остальные анализируемые термины не отличаются от издания 1709 г.

²⁰ В издании Марка Витрувия Поллиона «Об архитектуре» (с фр. на рос. яз. (...) перев. В. Баженова. СПб., 1790. Кн. 1. С. 127) встречается также вариант мужского рода *волютъ*.

54, 69] связан со звуковой формой итальянского слова. В переводе трактата термин *волута* используется в качестве глоссы после слова *шныркаль* [Виньола 1709: 49], пришедшего в свою очередь из немецкого языка в Петровскую эпоху [Фасмер IV: 462 — под словом *шныркуль*], а потом тот же самый термин сопровождается внутритекстовой глоссой:

- (5) а. рус.: *Ежели да пожелается волуту или улѣточную лінею начертить подобиемъ ніжняя волуты S<...>* [Виньола 1709: 54].
 б. итал.: *Volendo fare la voluta nel modo qui sotto disegnato <...>* [Vignola 1617: 56].

Здесь глосса, несомненно, не только объясняет неосвоенное заимствование, но и позволяет ему «выполнить его семиотическую функцию символа новой “европейской” культуры» [Живов 2009: 14–15].

3.6. Импост

Значение: ‘завершение столба, колонны или торца стены, служащее опорой для арки’ [ТСИС: 298].

В [СРЯ XVIII 9: 86] зарегистрировано слово *импоста* (1709) и вариант *импост* (1795).

Слово вошло прямо из итальянского языка [СРЯ XVIII 9: 86]. В изучаемом переводе итальянский термин *imposta* при первом появлении переводится русским эквивалентом *подушка*²¹:

- (6) а. рус.: *и то для того что верхней спускъ подушки не пройсходитъ средины колоны* [Виньола 1709: 31].
 б. итал.: *e questo si fa perché le proiettture delle imposte non passino il mezzo delle colonne* [Vignola 1617: 26].

В самом деле, именно словом *подушка* глоссирован термин *импоста* в [Сл. Архит.: 188]: «Импоста <...> называется подушкою и есть самая верхняя часть у стойки или у притолоки под самым сводом

²¹ Термин *подушка* зарегистрирован в [СРЯ XVIII 21: 58].

(...)». Далее в переводе употребляется три раза заимствование в форме *импоста* [Виньола 1709: 34, 46, 62].

3.7. Модильон

Значение: ‘вид консоли, обычно в форме буквы «S», поддерживающей выносную часть карниза’ [ТСИС: 497].

В [СРЯ XVIII 12: 242] зарегистрировано слово *модильон* (1773) и варианты *модельон* (1709), *моделлион* (1709), *модель* (1709), *модилионе* (1709), *модело* (1709), *модильон* (1789).

Слово пришло в русский непосредственно из итальянского *modiglione* и через посредство французского *modillon* [СРЯ XVIII 12: 242]. Все формы, которые встречаются в переводе трактата, проникли в русский напрямую из итальянского языка: *модилионе*, или *модело* [Виньола 1709: 38] и *моделлионы*, или *кракитейны* [Виньола 1709: 91]. Представляется небесполезным уточнить, что словосочетание *модилионе* или *модело* является не внутритекстовой глоссой, а переводом соответствующего итальянского оригинала (итал.: «Modiglione overo modello» [Vignola 1617: 34]), между тем как форма *моделионы* глоссируется заимствованием немецкого происхождения *кракитейны*²². К тому же в переводе имеется другой (неточный) вариант (*модиянон*), не отмеченный в [СРЯ XVIII 12: 242]:

- (7) а. рус.: *И собравъ знатнѣйшія ей части состройлъ оная регулу которая приведена въ такую пропорцію что оди́нь модияно́нь придетъ въ средину колонны* [Виньола 1709: 72].
- б. итал.: *E raffrontati li suoi principali membri vi ho posta la sua regola, non mi scostando punto dalle antiche, e redottola in tal proportione che venghi un **modiglione** al mezzo delle colonne* [Vignola 1617: 58].

²² Слово *кракитейн* (основная форма: *кракитейн*) тоже встречается впервые в «Архитектуре» Виньолы [СРЯ XVIII 10: 218–219].

По всей вероятности, этот вариант объясняется возможностью передавать различным образом одну и ту же иноязычную фонему средствами русского языка, хотя нельзя исключить, что он является результатом вторичного влияния третьего языка.

3.8. Пилястр(а)

Значение: ‘четырёхгранная колонна, наполовину вделанная в стену’ [ТСИС: 590]; ‘плоский, каннелированный или филенчатый вертикальный выступ на фоне стены, имеющей базу и капитель’ [Плужников 1995: 100].

В [СРЯ XVIII 19: 206] зарегистрировано слово *пилястр* (1709) и варианты *пиластр* (1741), *пилистр* (1709), *пилястер* (1798), *пилястра* (1755).

Сегодня существуют параллельные формы женского (*пилястра*) и мужского (*пилястр*) рода [ОАР]. Слово пришло в русский непосредственно из итальянского *pilastro* и через посредство французского *rilastre* [СРЯ XVIII 19: 206]. В переводе трактата встречаем формы *пиластр* [Виньола 1709: 32] и *пилястр* [Виньола 1709: 44]. Напр.:

(8) а. рус.: *и учредитъ ширину отъ одного **пиластра** къ другому 10 модуловъ* [Виньола 1709: 32].

б. итал.: *e terminare la larghezza da un **pilastro** all'altro di moduli 10* [Vignola 1617: 28].

Можно добавить, что одно и то же итальянское слово подлинника (*pilastro*) переводится в русском эквивалентом *столб* [Виньола 1709: 31].

3.9. Порттик

Значение: ‘перекрытие, поддерживаемое колоннадой или аркадой, образующее выступающую часть здания’ [ТСИС: 614].

В [СРЯ XVIII 22: 113] зарегистрирована одна форма *порттик*.

По этимологическим данным, это слово пришло из французского *portique*, которое, в свою очередь, восходит к латинскому *porticus* [СРЯ XVIII 22: 113]. На самом деле, учитывая, что дата вхождения указана как 1709 г., т. е. слово впервые употребляется именно в «Архитектуре», и что перевод был выполнен с итальянского языка, надо заключить, что оно пришло в русский напрямую из итальянского *portico*. В переводе трактата мы встречаем заимствование в форме множественного числа *портйки* [Виньола 1709: 32, 42, 44, 57, 59]; только в двух случаях используется, в единственном числе, русский эквивалент *гульбище* [Виньола 1709: 31, 130]²³:

- (9) а. рус.: *Лицо Гулбища или входа начального общаго монастыря и коллегіи Святаго Лаврентія в Эскуриале* [Виньола 1709: 130].
- б. итал.: *Faciata del Portico e intrata principale comuna al Conventa e Coll. di San Lorenzo in Escurialo* [Виньола 1709: 129].

3.10. Ротонда

Значение: ‘круглая постройка, перекрытая куполом, часто с колоннами’ [ТСИС: 684].

В [КС XVIII] зарегистрированы как основной вариант *ротонда*, так и варианты *родонда* (1709) и *ротунда*.

Слово вошло в русский прямо из итальянского языка [ТСИС: 684]. В переводе трактата встречаем только форму *родонда*:

- (10) а. рус.: *Сія корніче корінтій взята изъ розныхъ мѣсть въ римѣ особливо отъ родонды и трехъ колоновъ которые суть на рынку въ римѣ* [Виньола 1709: 72].
- б. итал.: *Questa cornice corintia è cavata da diversi luoghi di Roma, ma principalmente dalla Rotonda e dalle tre colonne che sono nel foro Romano* [Vignola 1617: 58].

²³ В [СРЯ XVIII 6: 11] это слово (в третьем, архитектурном значении) глоссировано как «крытый переход, галерея; терраса, балкон».

Трудно объяснить присутствие первого звонкого альвеолярного взрывного согласного [d] в этой форме, поскольку в итальянском прототипе имеется соответствующий глухой согласный [t]²⁴.

3.11. Фасад

Значение: ‘передняя сторона здания, сооружения’ [ТСИС: 816].

В [КС XVIII] зарегистрировано слово *fasad* (1737) и варианты *fasada*, *фацят*, *фацата*, *фачада*, *фатчата*.

Современная форма (как и вариант *fasada*) пришла в русский через посредство французского *façade* [Фасмер IV: 187], о чем свидетельствует ее (их) фонетический облик. Но форма других вариантов ближе к итальянскому оригиналу (*facciata*), и все они пришли прямо из итальянского языка. В переводе трактата итальянский термин *facciata* чаще всего переводится русским эквивалентом *лицо* [Виньола 1709: 90, 94, 96, 102, 128, 130, 136], но употребляются и глоссированные варианты *фацата*, или *лицо*, *фацята*, или *лицо*:

(11) а. рус.: *пропорция онаго **сфацатю** или лицом есть тая что раздѣляется вся вышина въ 11 части одна остается вкорниче протчие 10 **вфацате** или лицѣ досталные* [Виньола 1709: 81].

б. итал.: *La sua proportione con la **facciata** è, che divisa tutta l'altezza in parti undici, una resta alla cornice, l'altre dieci alla **facciata*** [Vignola 1617: 70].

Последний вариант перевода находится в предложном падеже («в фаяте»), поэтому сложно определить род заимствования. Несмотря на то, что в [КС XVIII] зарегистрирован вариант мужского рода *фацят*, форма, использованная в переводе на несколько строк ниже варианта *фацата*, скорее всего, относится к женскому роду (*фацята*).

²⁴ Отмечается то же самое несоответствие при использовании варианта *архидраве* (итальянский прототип: *architrave*; см. выше, Раздел 3.2).

3.12. Фриз

Значение: ‘средняя часть антаблемента, расположенная между архитравом и карнизом’ [ТСИС: 847].

В [КС XVIII] зарегистрировано слово *фриз* (1709) и варианты *фрис* (1709), *фредзио* (1709).

Не подлежит сомнению, что вариант *фредзио* пришел прямо из итальянского *fregio*, однако следует отметить неточную передачу звонкой постальвеолярной аффрикаты итальянского прототипа [dz] посредством звонкой зубной аффрикаты [dz]. Современная форма пришла в русский через немецкое *Fries* или из французского *frise* [Фасмер IV: 207], которое восходит к региональному, северному варианту итальянского языка (*friso*)²⁵. В переводе трактата чаще всего употребляется вариант *фредзио* [Виньола 1709: 18, 19, 25, 27, 28, 41, 66]:

(12) а. рус.: ⟨...⟩ *вся красота верхняя сирѣчь архитраве фредзио и корниче имѣеть быть четвертая доля* [Виньола 1709: 25].

б. итал.: ⟨...⟩ *tutto l'ornamento di sopra cioè architrave fregio e cornice ha da essere la quarta parte* [Vignola 1617: 20].

Только в одном случае встречаем форму опосредованного заимствования *фрис* [Виньола 1709: 10].

3.13. Цоколь

Значение: ‘нижняя, несколько выступающая часть стены здания (или сооружения), лежащая на фундаменте; постамент, подножие скульптуры, колонны’ [ССРЛЯ 17: 717–718].

В [КС XVIII] зарегистрировано слово *цоколь* и варианты *цоколо* (1709), *цокуль*, *цоккел*.

²⁵ См. [TLFi, под словом *frise*].

Слово вошло в русский язык прямо из итальянского *zoccolo* [Фасмер IV: 304]. В переводе трактата встречаем только форму *цоколо* [Виньола 1709: 25].

3.14. Шкала

Значение: ‘линейное или круговое расположение делений на чем-либо, служащих для какого-либо измерения; линейка, рейка, круг и т. п.’ [ССРЛЯ 17: 1437].

В [КС XVIII] зарегистрированы как слово *шкала*, которое пришло в русский язык во второй половине XVIII века из немецкого *Skala*, восходящего к итальянскому *scala*, так и вариант *скала* (1709), заимствованный прямо из итальянского языка. В переводе трактата встречаем только вариант *скала* [Виньола 1709: 18, 20 и т. д.].

4. Заключение

При помощи лингвистических аргументов, которые приведены выше, можно доказать, что перевод виньоловского трактата 1709 г. был сделан с итальянского языка. Это позволяет заключить, что целый ряд архитектурных терминов, до сих пор употребляющихся в современном русском языке, впервые пришли в русский напрямую из итальянского языка. Вывод этот лишний раз свидетельствует о том, что история языковых контактов и изучение отдельных переводов играют важнейшую роль в истории слов, особенно когда этимологический анализ показывает, что иноязычное слово могло заимствоваться из нескольких языков-источников (в качестве примеров этого типа выше были упомянуты заимствования *балкон* и *порттик*).

Известно, что при исследовании словарного состава русского языка XVIII века самое пристальное внимание необходимо уделять вариантам, и «показ вариантов особенно важен для новых заимствований, тем более что далеко не всегда слово в XVIII веке

употреблялось в привычном для современного языка фонетическом и грамматическом облике» [Мальшева 2012: 23]. Варианты первого вхождения, использованные в «Архитектуре» Виньолы, как правило, исчезли, что нисколько не удивляет, если учесть многоконтактность, характеризовавшую русский язык XVIII века [Биржакова и др. 1972: 12]. В любом случае все вышеупомянутые термины надо отнести к итальянизмам, независимо от их современного фонетического облика; они входят в группу итальянских слов, которые перешли в языки европейской культуры, и нередко пришли в русский язык также через посредство третьего языка [Гербецца 2018: 36].

Небезынтересно отметить, что при анализе перевода виньоловского трактата удалось выявить новые данные для изучения лексики русского языка XVIII века: один вариант, не получивший фиксации в словарях (*модиянон* ‘модильон’), более раннюю хронологию некоторых вариантов (формы *абака*, *архитрава*, *басамент* и *колон* вошли в русский язык уже в 1709 г., благодаря «Архитектуре» Виньолы)²⁶ и не отмеченное в словарях значение заимствования *балкон*.

Вне всякого сомнения, в обозримом будущем «первая книга по архитектуре на русском языке» будет снова в центре внимания исследователей. Прежде всего, потому, что в ней можно проследить путь развития архитектурной терминологии русского языка, и в этой области необходимо провести дальнейшее исследование как формальных характеристик, так и семантики каждой использованной терминологической единицы.

Литература

Биржакова и др. 1972 — Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в.: Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972.

²⁶ Раньше вхождение данных форм относилось, соответственно, к 1803 г. [СРЯ XVIII 1: 8], 1784 г. [СРЯ XVIII 1: 102], 1712 г. [СРЯ XVIII 1: 127] и 1737 г. [СРЯ XVIII 10: 103]. По отношению к вариативности можно добавить, к примеру, что в переводе виньоловского трактата слово *колонна* встречается в пяти вариантах:

- Гербецца 2018 — Э. Гербецца. Опосредованные итальянизмы в русском языке. Проблемы и перспективы исследования // Е. В. Генералова, В. Н. Калиновская, И. А. Малышева, М. Н. Приемышева (ред.). Славянская историческая лексикология и лексикография: Сб. научных трудов. Вып. 1. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2018. С. 34–45.
- Живов 2009 — В. М. Живов. История понятий, история культуры, история общества // В. М. Живов (ред.). Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 5–26.
- Копанев 1989 — Н. А. Копанев. Петр I — переводчик // А. М. Панченко (отв. ред.). XVIII век: Сб. 16. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1989. С. 180–183.
- Малышева 2012 — И. А. Малышева. Картоoteca «Словаря русского языка XVIII века» (к 50-летию ее создания) // Acta Linguistica Petropolitana. 2012. Т. VIII. Ч. 3. С. 9–28.
- Пекарский 1862 — П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб.: Изд. Тов. «Общественная польза», 1862.
- Хюттль-Фольтер 1985 — Г. Хюттль-Фольтер. Рецензия на книгу: «Словарь русского языка XVIII века» // Russian Linguistics. 1985. Vol. 9. № 1. P. 97–102.
- Folena 2015 — G. Folena. Lingua nostra. A cura di I. Paccagnella. Roma: Carocci, 2015.
- Walcher Casotti 1985 — M. Walcher Casotti. Giacomo Barozzi da Vignola: Le edizioni della Regola // P. Cataneo, G. Barozzi da Vignola. Trattati: Con l'aggiunta degli scritti di architettura di A. Cornaro, F. Giorgi, C. Tolomei, G. Trissino, G. Vasari. A cura di E. Bassi, S. Benedetti, R. Bonelli, L. Magagnato, P. Marini, T. Scallesse, C. Semenzato, M. Walcher Casotti. Milano: Il Polifilo, 1985. P. 527–577.

Источники

- Виньола 1709 — Правило о пяти чинех архитектуры Якова Бароция де Вигнола (Экз. БАН). М.: Б. и., 1709.
- Виньола 1712 — Правило о пяти чинах архитектуры. М.: Б. и., 1712.
- КС XVIII — Картоoteca «Словаря русского языка XVIII века». СПб.: Институт лингвистических исследований РАН.
- ОАР — Орфографический академический ресурс «АКАДЕМОС» Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. URL: <http://orfo.ruslang.ru/> (дата обращения 21.10.2020).

колон [Виньола 1709: 17, 72], *колона* [Виньола 1709: 25, 28], *колонна* [Виньола 1709: 18, 19, 25, 72], *колуна* [Виньола 1709: 22], *колумна* [Виньола 1709: 25, 27, 76].

- Плужников 1995 — В. И. Плужников. Термины российского архитектурного наследия. Словарь-гlossарий. М.: Искусство, 1995.
- РЭС — А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. Вып. 1–13. М.: Рукописные памятники Древней Руси; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2007–2019– (изд. продолжается).
- Сл. Archit. — [Ф. В. Каржавин]. Словарь, в котором, по возможности моей, изъяснены иноязычные обретающиеся в архитектонических сочинениях речи, из которых многие переняты нашими зодчими без нужды от иноземных мастеров // Сокращенный Витрувий, или Совершенный архитектор. Перевод с французского и комментарии Ф. В. Каржавина. М.: Университетская типография, 1789. С. 171–228.
- СЛРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31. М.; СПб.: Наука; Нестор-История, 1975–2019– (изд. продолжается).
- СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–22. Л.; СПб.: Наука, 1984–2019– (изд. продолжается).
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л.: Наука, 1948–1965.
- ТСИС — Л. П. Крысин. Толковый словарь иноязычных слов. 3-е изд. М.: Эксмо, 2007.
- Фасмер — М. Фасмер. Этимологический словарь современного русского языка. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986–1987.
- Черных — П. Я. Черных. Историко-этимологический словарь современного русского языка. 4-е изд. М.: Русский язык, 2001.
- GDLI — S. Battaglia. Grande dizionario della lingua italiana. Vol. 1–21. Direttore scientifico G. Barberi Squarotti. Torino: Utet, 1961–2002.
- Gherbezza 2019 — E. Gherbezza. Dizionario di italianismi in russo. Milano: Biblioteca Ambrosiana; Centro Ambrosiano, 2019.
- TLFi — Le Trésor de la Langue Française informatisé. URL: <http://atilf.atilf.fr> (дата обращения 29.10.2020).
- Vignola 1617 — Regola delli cinque Ordini d'architettura di M. Giacomo Barozzio da Vignola. Edizione quadrilingue in italiano, olandese, francese e tedesco. Amsterdam: Willem Jansz, 1617.

References

- Birzhakova et al. 1972 — E. E. Birzhakova, L. A. Voynova, L. L. Kutina. *Ocherki po istoricheskoy leksikologii russkogo yazyka XVIII v.: Yazykovyye kontakty i zaimstvovaniya* [Essays on historical lexicology of the Russian language of the 18th century. Language contacts and borrowings]. Leningrad: Nauka, 1972.

- Folena 2015 — G. Folena. *Lingua nostra*. I. Paccagnella (ed.). Roma: Carocci, 2015.
- Gherbezca 2018 — E. Gherbezca. Oposredovannye italyanizmy v russkom yazyke. Problemy i perspektivy issledovaniya. E. V. Generalova, V. N. Kalinovskaya, I. A. Malysheva, M. N. Priyemysheva (eds.). *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Slavic historical lexicology and lexicography]. Iss. 1. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, 2018. P. 34–45.
- Hüttl-Folter 1985 — G. Hüttl-Folter. Retsenziya na knigu: ‘Slovar russkogo yazyka XVIII veka’ [Review of: Dictionary of the Russian language of the 18th century]. *Russian Linguistics*. 1985. Vol. 9. No 1. P. 97–102.
- Kopanev 1989 — N. A. Kopanev. Petr I — perevodchik [Peter I as a translator]. A. M. Panchenko (ed.). *XVIII vek* [XVIII century]. Vol. 16. Leningrad: Nauka (Leningradskoye otdeleniye), 1989. P. 180–183.
- Malysheva 2012 — I. A. Malysheva. Kartoteka «Slovara russkogo yazyka XVIII veka» (k 50-letiyu yeye sozdaniya) [On the occasion of the 50th anniversary of the Card index for the Dictionary of the Russian language of the 18th century]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2012. Vol. VIII. Pt. 3. P. 9–28.
- Pekarskiy 1862 — P. P. Pekarskiy. *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom* [Science and literature in Russia under Peter the Great]. St. Petersburg: Obshchestvennaya polza, 1862.
- Walcher Casotti 1985 — M. Walcher Casotti. Giacomo Barozzi da Vignola: Le edizioni della Regola. P. Cataneo, G. Barozzi da Vignola. *Trattati: Con l’aggiunta degli scritti di architettura di A. Cornaro, F. Giorgi, C. Tolomei, G. Trissino, G. Vasari*. E. Bassi, S. Benedetti, R. Bonelli, L. Magagnato, P. Marini, T. Scalesse, C. Semenzato, M. Walcher Casotti (eds.). Milano: Il Polifilo, 1985. P. 527–577.
- Zhivov 2009 — V. M. Zhivov. Istoriya ponyatiy, istoriya kultury, istoriya obshchestva [History of concepts, history of culture, history of society]. V. M. Zhivov (ed.). *Ocherki istoricheskoy semantiki russkogo yazyka rannego Novogo vremeni* [Essays on historical semantics of the Russian language of Early Modern times]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2009. P. 5–26.

Инхоативная деривация в болгарском языке: предикаты состояний и их производные

Е. Ю. Иванова

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); e.y.ivanova@spbu.ru

М. Г. Джонова

Софийский университет им. св. Климента Охридского (София, Болгария); djonova@slav.uni-sofia.bg

С. И. Лесева

Институт болгарского языка им. проф. Л. Андрейчина Болгарской академии наук (София, Болгария); zarka@dcl.bas.bg

Аннотация. В статье рассматриваются возможности инхоативной деривации в болгарском языке. Показана продуктивность начинательных приставок, очевидная на фоне русского языка, имеющего более значительные ограничения при образовании приставочных глаголов. В то же время, несмотря на широкую представленность начинательной деривации в болгарском языке, ограничения, порождаемые семантической (аспектологической) характеристикой предиката, оказывают сдерживающее влияние на возможность образовать приставочный коррелят. Наглядным примером этого являются предикаты состояний.

Специфика образования инхоативов — дериватов от стативных предикатов — показана на фоне глаголов других семантических типов. Основное внимание в статье уделяется предикатам временного состояния, включенным в структуры безличного типа, и соотносимым с ними глагольным инхоативам, которые наследуют набор обязательных структурных компонентов безличной модели. На материале словарной выборки и с привлечением актуальных языковых данных исследуются их словообразовательные характеристики, устанавливается соотносимость аргументной структуры исходного предиката и его инхоатива. Проанализирована и возможность образования финитивных приставочных дериватов, допустимых лишь для одной из рассматриваемых групп предикатов состояний.

Ключевые слова: инхоативность, начинательность, приставочная деривация, актанты, экспериенцер, падежное маркирование, семантический тип предиката, предикаты состояния, болгарский язык.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-512-18005 «Онтология состояний в лингвистических моделях: сопоставительное исследование болгарского и русского языков») и Национального научного фонда Болгарии (проект «Онтология на ситуациите за състояние — Съпоставително изследване за български и руски», Фонд «Научни изследвания», Проекти по програма за двустранно сътрудничество — България — Русия 2019–2020 г., № КП-06-П РУСИЯ-78, 2020 г.).

Мы также выражаем благодарность анонимному рецензенту за ценные рекомендации.

Inchoative derivation in Bulgarian: State predicates and their derivatives

E. Yu. Ivanova

St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); e.y.ivanova@spbu.ru

M. G. Dzhonova

St. Kliment Ohridski Sofia University (Sofia, Bulgaria); djonova@slav.uni-sofia.bg

S. I. Leseva

Prof. Lyubomir Andreychin Institute for Bulgarian Language at the Bulgarian Academy of Sciences (Sofia, Bulgaria); zarka@dcl.bas.bg

Abstract. This paper studies the potential of inchoative verb derivation in Bulgarian. The authors illustrate the productivity of Bulgarian ingressive prefixes in contrast with Russian where prefixed verb formation is subject to greater restrictions. At the same time, despite the productivity of ingressive derivation in Bulgarian, restrictions stemming from the semantic (aspectual) features of source predicates limit the capacity for forming the respective prefixed counterparts. Predicates of state may be one good example.

The paper demonstrates the peculiarities of the formation of inchoatives derived from stative predicates by comparing these with verbs from other semantic types. Its main focus is on temporary-state predicates embedded in impersonal constructions and on corresponding inchoative verbs inheriting a number of obligatory structural

elements of the impersonal model. The paper considers verbs of physiological, mental state or emotions; substantive emotional, mental or physiological predicates; and inchoative desiderative predicates. Finally, the authors look into the potential for forming terminative prefixed derivatives only available for stative desiderative verbs.

Some important differences of inchoative verbs vs. their stative counterparts are the possibility of expanding the argument structure, the syntactic means of expression and the semantic content of the arguments. While stative verbs denoting physiological, emotional or mental states are more likely to only express the dative experiencer, their inchoative correspondences usually can take additional arguments. Verbs of physiological states take arguments with the stimulus and locative (the part of the body affected by the state) roles; emotional verbs may express a stimulus and the object of emotion; and mental verbs take an argument denoting the cognitive content and, possibly, an additional argument denoting the object of the cognitive content. Syntactically, inchoative verbs allow both phrasal and sentential expression of some arguments, while only one means of expression is available for their stative counterparts. In addition, the semantic content of some arguments is broadened to include generalised situations and hidden predications. Unlike the previous three groups, inchoative desiderative verbs have the same argument structure as their stative counterparts and usually do not take arguments other than the dative experiencer.

The restricted productivity of the inchoative model is predetermined by semantic and derivational factors, as well as by the competition with ‘phase verb + stative verb’ constructions.

Keywords: inchoativity, ingressivity, prefixal derivation, arguments, experiencers, case marking, predicate semantic types, stative predicates, Bulgarian language.

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR (project number 20-512-18005) and Bulgarian National Science Fund; (Programme for Bilateral Cooperation, Bulgaria — Russia 2019–2020, under the project “The Ontology of the Stative Situations in the Models of Language: a Contrastive Analysis of Bulgarian and Russian Languages”, № КП-06-П РУСИЯ-78).

1. Введение

Известно, что в болгарском языке начинательная приставочная деривация представлена в значительно большей степени, чем в русском и других славянских языках, см. об этом, напр., [Маслов

1981a: 111; Недялков 1987: 184–185; Dickey 1999: 33–37]. Наибольшее внимание в лингвистических работах уделялось начинательной деривации при динамических глаголах (см. 2.2.1), в то время как ее особенности для предикатов состояний не были специально исследованы. Насколько распространяется на предикаты состояний высокая продуктивность начинательной деривации в болгарском языке? Чем определяются ограничения, которые, как можно предполагать, должны существовать для этого семантического типа предикатов?

В данной работе будут показаны возможности фазисной (прежде всего начинательной) деривации в болгарском языке для разных семантических типов предикатов, с наибольшим вниманием к тем группам, которые в русском языке имеют значительные ограничения на присоединение начинательных приставок, а именно — к предикатам состояния. Сопоставление с русским языком позволяет наглядно продемонстрировать словообразовательный потенциал инхоативной деривации для предикатов устойчивых и временных состояний болгарского языка.

В центре нашего исследования, на фоне других начинательных глаголов состояния, будут находиться инхоативные безличные предикаты, приписывающие косвенный (реже — прямой) падеж своему внутреннему аргументу [Радева 1993; Влахова 2004; Джонова 2005], при этом данный аргумент в роли экспериенцера задан словарно и «наследуется» от соотносительного статического предикатива состояния, напр. *Страх ме_{ACC} е* ‘Мне страшно’ → *Достраша ме_{ACC}* ‘Мне стало страшно’; *Мъчно ми_{DAT} е* ‘Мне грустно’ → *Домъчна ми_{DAT}}* ‘Мне стало грустно’.

Хотя такие глаголы (обычно с конфиксами *до-/ -е* и *при-/ -е*) отмечаются во всех болгаристических работах, посвященных приставочной начинательности, вопросы о степени их представленности в болгарском языке и правилах их порождения остаются недостаточно изученными. Не всегда однозначны и их деривационные связи с соотносительными статическими моделями. При этом далеко не все неглагольные предикативы могут выстраивать параллели с инхоативными дериватами, этот факт тоже нуждается в объяснении. Такие же проблемы встают и при анализе инхоативов от глагольных

моделей состояния, что будет показано на примере т. н. желательных конструкций.

В статье будут рассмотрены также (в качестве дополнительного материала) и финитивные образования, если они допускаются для той или иной исследуемой группы.

Теоретическая и терминологическая концепция начинательных значений, применяемых в данном исследовании, основана прежде всего на работах [Недялков 1987; Храковский 1987; Стойнова 2020] с учетом описания начинательных способов действия и префиксальной деривации в болгаристике [Маслов 1959; Иванчев 1961; Маслов 1965/2004; Маслов 1981a; Иванова 1974; Galton 1976; Деянова 1976; Соколов 1978; Радева 1993; Влахова 2004, 2005; Куртева 2007; Атанасова 2011; Dickey 2012].

Начинательные дериваты от предикатов состояний входят в группу инхоативов, ср. [Недялков 1987: 189], где инхоативами называются начинательные глаголы, семантически (и в большинстве случаев словообразовательно) соотносимые со стативами (непредельными предикатами, обозначающими качества, состояния, положения в пространстве). Таким образом, в концепции В. П. Недялкова соотношенность между дериватом и исходным предикатом определяется в первую очередь по семантическому фактору (корреляция между начинательным глаголом и соотносительным семантически исходным предикатом, не выражающим начинательное значение [Недялков 1987: 180]) и не обязательно основана на прямых деривационных отношениях. Аналогично и в наше рассмотрение включен ряд фазисных дериватов, статус которых как производных непосредственно от конструкций состояния является дискуссионным, см., напр., *подраздел 3.3*, где представлены разные взгляды на деривацию инхоативов типа *допуши му се* ‘ему захотелось курить’: либо от соотносительной предикации состояния *пуши му се* ‘ему хочется курить’, либо напрямую от исходного глагола *пуша*. Неоднозначным является и вопрос о мотивирующих основах некоторых инхоативов из *подразделов 3.1–3.2*.

В работе [Недялков 1987: 189] наиболее типичным для инхоативов называется эволютивное начинательное значение (они

«предполагают начальную переходную фазу, или период, в течение которого происходит накопление определенных свойств, ведущих к изменению, к появлению ситуации, обозначаемой КН [коррелятом начинательного глагола]» [Недялков 1987: 189], ср. цепочку *Яблоня зацветает — Яблоня зацвела — Яблоня цветет*, в которой статив *цвете-сти* обозначает состояние, наступившее после (чаще всего спонтанного) завершения инхоативного действия и совпадает денотативно с последней фазой этого действия [Там же].

Однако среди инхоативов автор отмечает и отдельную группу глаголов, «обозначающих эмоции и восприятия», которые характеризуются не эволютивным, а контактным способом действия (*оби-деться, рассердиться, полюбить*): начинательное значение просто указывает на момент появления, возникновения ситуации, до этого не имевшей места [Недялков 1987: 189]. В работе Н. М. Стойновой [2020] последние называются имediataльными инхоативными глаголами (точечное вхождение в состояние: *заблестеть*). По выражению К. Ивановой, такие глаголы показывают изменение интенсивности действия «от нуля к наличию» действия [Иванова 1974: 94].

В *подразделах 3.1–3.3* в качестве начинательных будут рассматриваться только инхоативы, которые предполагают точечное вхождение в состояние. «Исходным», или коррелятивным, предикатом для такого инхоативного деривата мы будем называть семантически (но необязательно формально, хотя в большинстве случаев словообразовательная пара имеет место) исходный глагол или неглагольный предикатив, с которым рассматриваемый начинательный глагол находится в семантическом отношении ‘быть в состоянии — войти в состояние’.

Работа строится следующим образом. В *Разделе 2* будет дана краткая характеристика фазисных приставок в болгарском языке. Раздел начинается с обзора концепций и терминологии, применяемой при описании начинательных значений в болгарском языке. Как известно, в славистике, а особенно в русистике применение терминов «инхоативный», «ингрессивный», «инцептивный» характеризуется крайней неоднозначностью в рамках разных концепций. Так, инхоатив может использоваться как общий термин для

начинательности [Зализняк 2006], как наименование начинательных глаголов, семантически производных от стативов [Недялков 1987: 189], как обозначение группы глаголов, обозначающих постепенное нарастание признака, постепенный переход в состояние [Маслов 1965/2004: 366, 390], см. также обзор в [Петрухина 2000: 194–197] и [Стойнова 2020]. В болгарской лингвистике разные виды начинательности чаще объединяются общим понятием ингрессивности (реже — инхоативности). Ниже будет представлен основной набор болгарских начинательных приставок и их значений. Особое внимание уделяется вопросу о том, насколько распространяется положение о широкой активности начинательных приставок на те группы глаголов, которые обозначают временные и устойчивые состояния. В конце раздела кратко представлены и финитивные приставки болгарского языка.

Раздел 3 представляет более подробный анализ нескольких групп предикатов состояния, допускающих (в той или иной мере) инхоативную пару. Для рассмотрения отобраны мотивирующие предикаты (временных) состояний, включающие: а) наречный (в иных концепциях — адъективный), б) субстантивный, в) глагольный предикатный элемент. Отобранные группы представляют особый интерес по нескольким причинам. Во-первых, анализируемые инхоативы наследуют от исходного предиката его структурно обязательный элемент — дативный или аккузативный местоименный компонент в роли экспериенцера, при этом исходный предикат и его начинательное соответствие находятся в строгом семантическом соотношении ‘быть в состоянии — войти в состояние’. Таким образом, деривационная соотнесенность для них, как правило, прозрачна. Во-вторых, при начинательной деривации у этих групп предикатов используется в качестве основной инхоативной приставки (или конфикса) не распространенная приставка *за-*, а ограниченный круг слабопродуктивных инхоативных приставок, что свидетельствует о словообразовательной специфичности и однородности группы предикатов состояний безличного типа. В-третьих, для сопоставительного аспекта анализа важно, что в русском языке подобная деривация у соотносительных предикатов состояния практически не реализуется.

Представлены наблюдения над аргументной структурой инхоативных глаголов в сопоставлении с исходными предикатами состояния с точки зрения того, какие валентности сохраняются или меняются при образовании инхоативного глагола от предикатов разного морфологического типа — наречного, субстантивного или глагольного — и разных семантических разновидностей (при их наличии).

В *Разделе 4* обобщаются полученные результаты и подводятся итоги исследования.

Материалом для исследования служат примеры из Болгарского национального корпуса (далее БНК), а также данные поисковой системы Google (G). Привлекаются и сконструированные нами примеры (даются без пометы источника). Все примеры проверены носителями языка.

В *подразделах 3.1* и *3.2* в качестве тестируемого на инхоативность набора исходных дативно- и аккузативно-предикативных структур использованы данные сплошной выборки из БНК. Список инхоативных образований для всех типов моделей, рассматриваемых в *подразделах 3.1–3.3*, базируется на сплошной словарной выборке из списка глаголов болгарского языка [Мурдаров (ред.) 2016]. Эта выборка произведена М. Джоновой для целей данной статьи.

2. Фазисная приставочная деривация в болгарском языке

2.1. Фазисные способы действия в болгаристической литературе

Фазисные значения в болгаристической литературе рассматриваются, как и в славистике в целом (см. [Петрухина 2000: 194–197]), в связи со способами глагольного действия и/или в аспекте словообразования и видообразования.

Начинательные приставочные образования, указывающие на появление состояния или начало действия, в болгаристике чаще всего

объединяются под термином *ингрессивный способ действия, ингрессивное значение* [Иванчев 1961; Деянова 1976; Пернишка 1979; Радева 1991; Куртева 2007; Атанасова 2011]. Эта традиция основана на классической монографии К. Ивановой, посвященной способам действия приставочных глаголов, где ингрессивный способ связывается с общей идеей перехода от нуля к наличию действия [Иванова 1974: 55, 94], со значением ‘положить начало действию’.

Несмотря на то, что способы действия, выражаемые болгарскими глаголами, были предметом рассмотрения и в предшествующей литературе [Андрейчин 1942; Маслов 1959; Иванчев 1970; Иванчев 1971], именно в работе К. Ивановой дана целостная картина их представленности в болгарском языке, причем отдельно для каждой приставки. Это исследование имеет и солидную базу: оно было выполнено на материале сплошной словарной выборки, произведенной из трехтомного толкового словаря болгарского языка [Романски (ред.) 1954–1958] и дополненной некоторыми включениями архивных данных [Иванова 1974: 37].

Ингрессивный способ действия, в концепции К. Ивановой, представлен у глаголов с приставками *за-*, *до-*, *при-* / *пре-*, *про-* (в ряде случаев — в составе конфиксов, см. далее). Все начинательные болгарские приставки являются неоднозначными. В то же время для приставки *за-* начинательное значение выступает как основное.

Далее, в 2.2, мы рассмотрим эти группы приставочных глаголов и представляемые ими семантические типы предикатов, с особым вниманием к возможным дериватам от класса временных состояний, которые подробнее и на современном материале будут анализироваться в *Разделе 3*.

2.2. Фазисные приставки в болгарском языке

2.2.1. Приставка *за-*

Основной приставкой с чисто начинательным значением (начало действия или состояния) в болгарском языке является приставка *за-*.

Согласно результатам сплошной выборки, произведенной К. Ивановой на материале трехтомного словаря [Романски (ред.) 1954–1958], «ингрессивный» способ действия выражается глаголами с приставкой *за-* наибольшим числом лексем — 725, в то время как с *до-* — 28, *про-* — 24, *при-* — 20, см. списки глаголов в [Иванова 1974: 55, 94–97, 110–111].

Начинательное значение *за-* является для болгарского языка наиболее распространенным изо всех значений данной приставки. Согласно спискам К. Ивановой, если *за-* для начинательного способа действия представлено в 725 лексемах, то иные значения *за-* в совокупности содержат лишь 423 лексемы [Иванова 1974: 94–97]. Количественные данные и аргументация, приводимые С. Дики в статье, посвященной ингрессивности в славянских языках [Dickey 1999: 33–37], также подтверждают активность именно этой приставки в начинательном значении в русском и особенно болгарском языках на фоне других славянских языков; о начинательном *за-* в русском языке наиболее подробно изложение и статистическое подтверждение см. в [Стойнова 2020].

Известно, что в болгарском языке отсутствуют многие ограничения в употреблении приставки *за-*, которые отмечены для русского языка [Храковский 1987: 162; Зализняк 2006: 315–335; Стойнова 2020 и др.], таким образом, болгарской приставке приписывается «почти безграничная» (при сочетании с основами несовершенного вида) продуктивность в начинательном значении [Маслов 1981а: 111].

Действительно, продуктивность *за-* для болгарского языка несомненно выше, чем для русского (и для других славянских языков), однако:

- во-первых, для разных семантических классов предикатов возможности образования глаголов с *за-* различны, как будет показано и далее в этом разделе;
- во-вторых, для многих случаев высока конкуренция конструкций с фазовым глаголом, которые являются почти универсальным средством выражения начинательности. Хотя условия

этой конкуренции не были предметом специального рассмотрения, но они отмечаются в некоторых работах. Так, Е. Пернишка [1979: 304], говоря о высокой словообразовательной активности приставки *за-* в ингрессивном значении, подчеркивает, что часть приставочных глаголов лексикализованы и предпочтительны для выражения начинательности (*запуша* ‘начать курить’, *затреперя* ‘задрожать’), но другие имеют окказиональный характер (*заблагодаря* ‘начать благодарить’, *закланям се* ‘начать кланяться’) и вместо них обычно употребляется сочетание с фазовым глаголом (*започна да благодаря*, *започна да се кланям*).

Приведенное выше утверждение Ю. С. Маслова о почти безграничной продуктивности *за-* в начинательном значении более всего применимо к динамическим глаголам НСВ, в особенности к неопредельным и предельным процессам. Так, **непредельные процессы** (это и в русском языке, как известно, наиболее податливая для ингрессивной деривации группа глаголов) в болгарском языке показывают бóльшую продуктивность, ср. лексемы с *за-*, имеющие лишь одно, ингрессивное значение: *запълзя* ‘начать ползти’, *закрача* ‘начать шагать’, *закреция* ‘начать кричать’, ‘начать ругаться’, *замечтая* ‘начать мечтать’, *заподсмърчам* ‘начать шмыгать носом’, *зарося* ‘начать моросить’, *зачакам* ‘начать ждать’.

В литературе не раз отмечалось, что данная приставка легко присоединяется к глаголам, связанным с перцептивной сферой, с глаголами восприятия (звуки, запахи, цветовые и световые ощущения) [Шелякин 1969: 31; Зализняк 2006: 332; Dickey 1999: 32]. Это верно и для болгарского языка, см. *замъждукам* ‘начать мерцать’, *замънкам* ‘начать мямлить’, *засъскам* ‘зашипеть, начать шипеть’, *затръбя* ‘затрубить’, ‘начать трубить’, *захълцам* ‘начать икать’, ‘начать всхлипывать’.

Предельные процессы тоже, на фоне русского языка (см., напр., [Стойнова 2020]), показывают значительно бóльшие деривационные возможности: *застроя (къща)* ‘начать строить (дом)’, *заплета (пуловер)* ‘начать вязать (пуловер)’, *запреда (паяжина)* ‘начать ткать

(паутину)’, *загриза (ябълка)* ‘начать грызть (яблоко)’, *засвирия (соната)* ‘начать играть (сонату)’, *зачертая (диаграма)* ‘начать чертить (диаграмму)’.

Многие дериваты от предельных глаголов неоднозначны: *заплета*: (1) ‘начать вязать’, (2) ‘вплетать, заплетать’; *заготвя* (1) ‘начать готовить’, (2) ‘заготовить’. Эта «широко распространенная омонимия начинательных глаголов и других глаголов с приставкой *за-*», не препятствующая продуктивности *за-* в начинательном значении, была отмечена и Ю. С. Масловым [1981а: 111].

Тем не менее семантические ограничения на деривацию с начинательным *за-* в болгарском языке, конечно, имеются.

Во-первых, существуют семантические ограничения на образование начинательных дериватов от **моментальных глаголов** (achievements). Так, невозможно присоединение ингрессивных приставок к глаголам однократного, одноактного действия СВ: **за-чукна* (при *чукна* ‘стукнуть’), **за-бодна* (при *бодна* ‘кольнуть, воткнуть’), см. [Пернишка 1979: 305–306]¹.

Во-вторых, далеко не все предикаты **устойчивых и временных состояний** способны присоединять начинательную приставку, хотя на фоне русского языка эта возможность значительно шире. Об инхоативной деривации для временных состояний мы будем говорить в связи с другими приставками далее и особенно подробно — в Разделе 3. Здесь обратим внимание лишь на некоторые подгруппы, в основном устойчивые признаки (свойства). Приставка *за-* при них малопродуктивна; имеется ряд образований (с разной степенью употребительности) с начинательным значением от глаголов эмоционального отношения (*заобичам* ‘начать любить’, *запрезирам* ‘начать презирать’, *зажалея* ‘начать жалеть’, *заскърбя* ‘начать скорбеть’), ментального состояния (*заподозирам* ‘начать подозревать’); компаративных предикаций (*заприличам* ‘начать походить (на кого-л.)’), в то же

¹ На основании этого такие глаголы, как *замигвам* ‘начинать мигать’, *закапвам* ‘начинать капать’, рассматриваются как вторичные имперфективы от *замигам* ‘начать мигать’, *закапя* ‘начать капать’, а не образованные с помощью *за-* от однократных НСВ *мигвам* ‘мигать один раз’, *капвам* ‘капать один раз’.

время невозможны *засъжлявам, *заогорчавам, *засъчувствам, *запредполагам, *засмятам (в знач. ‘начать предполагать’, ср. омоним ‘начать считать’ (до десяти)) и многие другие.

Атемпоральные предикаты (постоянные, вневременные признаки и отношения [Падучева 1996: 130]) вообще не допускают начинательной префиксации: *запредназначавам, *засъдържам, *засъстоя се, *запреобладавам, *занамирам се. Более того, они не допускают даже присоединения фазовых глаголов: *започна да се намирам *‘начать находиться’, *започна да се състоя *‘начать состоять’.

В то же время в болгарском языке значителен потенциал начинательной деривации для глаголов **обобщенных деятельности** («занятий», по [Падучева 1996: 149]) — напр., рус. *торговать, руководить, заведовать, преподавать, нищенствовать, царствовать*). В русском языке, как известно, такая деривация («константное начинательное значение» [Недялков 187: 186]) ограничена, ср. примеры из [БАС 1948–1965], приводимые Е. В. Петрухиной [2000: 198–199]: *заторговать, захозяйничать, забатрачить, застранствовать, запьянствовать*.

В болгарском языке подобные начинательные дериваты допускаются для большего круга лексем класса обобщенных деятельности, хотя с разной степенью активности. Ср. начинательные дериваты от глаголов, в русском языке не допускающих фазисной деривации (1), некоторые лексемы представлены и словарными статьями в [РБЕ 1977–2015] (*зачленувам* ‘начать состоять членом (организации)’, *затъргувам* ‘начать торговать’, *задобрувам* ‘начать благоденствовать, жить обеспеченно’), см. также и *зацарувам* ‘начать царствовать’ в [Иванова 1974: 95, 97] и нек. др.

(1) а. *От малък зачленува* (INCH.PFV.AOR) *в разни организации*.
‘С раннего возраста он (букв.) начал состоять членом разных организаций’ [РБЕ 1977–2015].

б. *След време заработих* (INCH.PFV.AOR) *като научен сътрудник в ИМ — БАН*.
‘Через какое-то время я стал работать научным сотрудником в ИМ — БАН’ (G).

- в. *Занимава се с преподавателска дейност, запреподава* (INCH.IPFV.PRS) *на всички желаещи английски.*
'...занимается преподавательской деятельностью, начинает преподавать всем желающим английский'.
- г. *...се замислих дали да не си заотглеждам* (INCH.IPFV.PRS) *лимони и да развия бизнеса.*
'Я задумался о том, не начать ли мне выращивать лимоны и развить этот бизнес' (G).

В то же время не обнаруживаются начинательные дериваты от многих других глаголов обобщенных деятельности, напр., *адвокатствам* 'заниматься адвокатской деятельностью', *попувам* 'быть попом', *ловувам* 'заниматься охотой', *рибарствам* 'заниматься рыболовством', *учителствам* 'учительствовать', *мизерувам* 'нищенствовать', *предводителствам* 'предводительствовать', *шефствам* 'шефствовать', *хайдутувам* 'разбойничать', *секретарствам* 'работать секретарем'.

Инхоативная деривация (но с иной приставкой) применима и к предикатам умений и способностей, см. подробнее в *подразделе 2.2.2* о приставке *про-*.

Закljučая наш краткий обзор начинательной префиксации с помощью основной приставки *за-*, отметим несколько важных моментов в связи с видовыми характеристиками исходной основы и деривата и возможностями вторичной имперфективации.

Приставочные глаголы с *за-* являются глаголами СВ с некоторыми исключениями [Пернишка 1979: 306], но эти исключения, когда при префиксации глагол с *за-* остается в несовершенном виде, не затрагивают, как заметила А. Атанасова [Атанасова 2016: 295], случаев с ингрессивной приставкой *за-*. Таким образом, начинательность, выражаемая приставкой *за-*, всегда переводит глагол НСВ в СВ.

Что касается видовых характеристик исходного предиката, доминирует мнение о том, что приставка *за-* в ингрессивном значении связывается с глаголами НСВ — как бесприставочными, т. е. первичными имперфективами (*за-блъскам* 'начать бить, толкать', *за-жъсна* 'начать жать'), так и производными (*за-препускам* 'начать мчаться',

за-подскачам ‘начать подсказывать’) [Пернишка 1979: 304–305; Маслов 1981а: 111; Ницолова 2008; Пернишка 1979: 305; Атанасова 2016]. В качестве семантического объяснения здесь выступает идея о том, что начинательное значение предполагает незаконченность, развитие, характерные для имперфективности; соответственно СВ несовместим с начинательным значением [Пернишка 1979: 305]. Наличие редких исключений (напр. глагол *за-здрависам се* ‘начать здороваться’, где *здрависам се* ‘поздороваться’ — глагол СВ) не меняет общей картины [Маслов 1981а: 111].

Данное положение действительно и для полипрефиксации: *за-*присоединяется к приставочным глаголам НСВ (вторичным имперфективам), напр. *за-разглеждам* ‘начать рассматривать’ [Пернишка 1979: 306; Ницолова 2008: 252; Атанасова 2016: 299].

Эта же закономерность наблюдается и при выражении ингрессивности фазовым глаголом (*започна / започвам* ‘начать / начинать’), после которого всегда следует глагол НСВ, см. об этом и [Маслов 1959: 218].

Вторичные имперфективы от глаголов с приставкой *за-*образуются в болгарском языке свободно и широко употребляются в самых разнообразных контекстах неактуального настоящего, для обозначения многократности и узуальности, как и другие вторичные имперфективы [Маслов 1959: 240–248]. В то же время среди них отмечены случаи видовой дефективности, см. [Стоянов 1966; Иванчев 1970; Пернишка 1979; Маслов 1965/2004] и др. Ю. С. Маслов выделяет две основные группы перфективов, от которых невозможно образование НСВ по морфологическим причинам: а) «если основа СВ уже содержит тот или иной суффикс (любой семантики), оканчивающийся на *-ва-*» (*запаковам* ‘начать упаковывать’) и б) «если она содержит присоединенный ранее (на одном из предыдущих этапов деривации) имперфективирующий суффикс *-а*, вызвавший чередование в предшествующем согласном или стоящий после мягкого согласного» (*заоглеждам* ‘начать осматривать’) [Маслов 1965/2004: 126], см. также [Пернишка 1979: 307–308].

Что касается функционирования этих глаголов, дефективных по виду, ряд исследователей склонны считать, что, хотя значительная

часть таких начинательных глаголов не имеют закрепленной формы вторичного имперфектива, они дефективны только формально и в сущности функционируют как двувидовые глаголы: «...в перфективной ВО [видовой основе] появляется и имперфективное значение, т. е. она фактически становится биаспектной. <...> [В] порядке преодоления дефектности видовой парадигмы возникает биаспектность, приобретающая у некоторых основ устойчивый характер» [Маслов 1981а: 202, 211]. Охват таких глаголов, впрочем, колеблется в разных работах [Маслов 1981а: 201–211; Пернишка 1979: 308–309; Иванчев 1970; Лазарова 1999; Чакърова 2003].

2.2.2. Приставка *про-*

Приставка *про-*, среди прочих своих значений, способна выразить и начинательность. В словаре [Романски (ред.) 1954–1958], по данным К. Ивановой, таких глаголов зафиксировано 24. В ее список включены единичные образования от разнородных семантических групп, но основной состав — это семантически цельная группа дериватов, обозначающих «первое проявление способности, становящейся постоянным качеством данного лица» [Маслов 1981а: 111] или же пристрастия — приобретенные склонности человека: *прогледна* ‘начать видеть’, *прочуя* ‘начать слышать’, *пропуша* ‘начать курить’, *проходя* ‘начать ходить’, *пропиша* ‘начать писать’ и нек. др. Заметим также, что исходные глаголы способны образовать инхотивы и с приставкой *за-*, но лишь со значением начала динамического действия, напр., *загледам* ‘начать смотреть, вглядываться’, *запуша* ‘закурить’.

Для русского языка, как известно, приставочная деривация от глаголов со значением первого проявления способности имеет лишь единичное выражение, при этом используется приставка *за-*, ср.: «Относительно редко начинательные глаголы СВ с приставкой *за-* означают первое проявление, начало некоторой способности, которая, раз возникнув, либо становится постоянной, либо может в дальнейшем утратиться. Такая интерпретация возникает лишь тогда, когда в предложении есть рематическое обстоятельство, обозначающее

момент возникновения способности: *Мой младший сын заговорил только в два года. Я заинтересовался моделированием еще в школе*» [Храковский 1997: 159].

Для болгарского языка не только наличие обстоятельств подобного типа не является обязательным, но и охват глаголов способностей, позволяющих создать такой дериват, значительно шире. Помимо предикатов, обозначающих первое проявление способности, умения (*ходить, читать*), такие же деривационные возможности характерны и для глаголов «пристрастий», описывающих приобретенные склонности человека: *пить, курить, есть* (определенную пищу) и др. «Пристрастия» формируются на базе многократного повторения действий, ставших в силу своей регулярности постоянным признаком объекта: «они истинны для любой точки того отрезка времени, с которым соотносятся, но в то же время не имеют места ни в одной из них. Вследствие этого говорящий может сказать, что он курит в тот момент, когда он не курит, и его утверждение будет истинным» [Селиверстова 1982: 91–92]. Ср. *Х пропуши* ‘Х начал курить’ / *пропи* ‘начал пить’ / *прояде (месо)* ‘начал есть (мясо)’.

Активность таких предикатов «пристрастий» поддерживается варьированием объектного актанта: *пропия вода* ‘начать пить воду (в достаточном количестве)’, *пропия кафе / бира* ‘начать пить кофе / пиво’, *проям каша / зеленчуци* ‘начать есть каши / овощи’ и т. п.

Точно такие же процессы поддерживают и активность *про*-образований от глаголов умений: ср. варьирование актанта (объекта приложения способностей): *Х просвири на китара / цигулка* ‘Х начал играть на гитаре / скрипке’, или субъекта: *Манекенката пропя* ‘Манекенщица запела’ [Иванова 2012].

Обратим внимание на то, что для ядерных глаголов группы умений и пристрастий (т. е. вообще невозможных в актуальном употреблении, как *злоупотребявам* ‘злоупотреблять’) приставочная начинательная деривация не допускается, она возможна лишь для тех предикатов склонностей, которые представляют собой производные способы формирования семантического класса, как указанные выше (о первичных и производных таксономических категориях см. [Падучева 1996: 108–109]).

2.2.3. Приставка *до-* (конфикс *до- / -еe*²)

Для начинательных и, в частности, инхоативных образований используются и другие приставки, хотя на фоне масштабной деривации с помощью *за-* они представлены незначительными группами. Все глаголы с *до-* (28 лексем из списка К. Ивановой, причем часть из них малоупотребительные) — это образования, соотносимые с тем или иным предикатом состояния: *досмешава ме* ‘(мне) становится смешно’³, *досвидява ми* ‘становится жалко’, *доскучава ми* ‘становится скучно’, в том числе с т. н. желательными конструкциями: *дояжда ми се* ‘начинает хотеться есть’, *доплаква ми се* ‘начинает хотеться плакать’. Такие образования будут рассмотрены далее в подразделах 3.1–3.3.

2.2.4. Приставка *при-* (и конфикс *при- / -еe*)

Начинательные дериваты с приставкой *при-* составляют такую же небольшую часть глагольной лексики болгарского языка (20 лексем в списке К. Ивановой): *призлява ми* ‘становится плохо’, *прилютява ми* ‘начинает щипать, жечь (во рту, глазах)’, *примъчнява ми* ‘становится грустно’, *припарва ми* ‘начинает жечь’, *припива ми се* ‘начинает хотеться пить’, *приревава ми се* ‘начинает хотеться плакать’. И этот список включает, в основном, дериваты состояний, в том числе несколько лексем, соотносимых, как и при *до-*, с желательными конструкциями, см. подраздел 3.3.

² В современной болгарской дериватологии доказано, что в образовании «деминальных» глаголов участвует не только приставка, но и финальный компонент, т. е. речь идет о конфиксе в целом [Радева 1991; Радева 2006; Влахова 2005].

³ Глаголы из списков К. Ивановой даны ею в форме НСВ, тот же вид сохраняем в русских переводах. В последующих разделах при анализе конкретных лексем будет приводиться видовая пара полностью.

При переводе безличных инхоативных предикатов состояний далее указание на экспериенцера, обязательное для болгарского языка, в русском толковании приводится не будет: *досмешава ме* ‘(мне) становится смешно’ → ‘становится смешно’.

2.2.5. Финитивные приставки

Поскольку в нашей работе приводятся наблюдения и над возможностями финитивной деривации, кратко охарактеризуем приставки с финитивным значением. Они служат для образования глаголов, указывающих на прекращение действия, названного мотивирующей основой.

Приставка *от-*. По словарным данным К. Ивановой [1974: 107], активность этой приставки в качестве финитивного способа действия невысока (17 лексем), причем в этот список включены не только дериваты от глаголов состояний, как *отщява ми се* ‘перестает хотеться’, *отяжда ми се* ‘перестает хотеться есть’ (см. 3.3), но и от других семантических типов предикатов: *отехтявам* ‘переставать греметь, звучать’, *отжживявам* ‘отживать, устаревать’, *отзвучавам* ‘переставать звучать’. Данная приставка является ограниченно продуктивной в современном разговорном языке.

Приставка *пре-*. Приставка *пре-*, среди многих своих значений, иногда может выражать и финитивный способ действия. По спискам К. Ивановой [1974: 51–52], имеется 19 лексем с финитивным *пре-*, включая предикаты состояний, см. примеры с толкованиями автора (перевод наш): *преболява ме (вече не ме боли* ‘уже не болит’), *предрямва ми се (не ми се дреме вече* ‘уже не хочется подремать’), *превява (за вятър — вече не вее* ‘о ветре — уже не веет’).

Все приставочные дериваты, рассмотренные в 2.2.2–2.2.5, способны образовывать вторичные имперфективы за некоторыми общими исключениями (2.1.1). В последующих разделах, где часть представленных выше инхоативов анализируется подробнее, их способность к вторичной имперфективации будет проиллюстрирована.

В заключение еще раз подчеркнем, что в статье рассматриваются инхоативы (дериваты от стативов [Недялков 1987: 189]), где реализуется только чистое значение начинательности, причем моментального вхождения в состояние, т. е. ‘от нуля — к наличию’ [Иванова 1974: 94]). Между тем известно, что идея начинательности может быть не единственным значением приставочного глагола, как при анализируемых инхоативах, а лишь одним из семантических

компонентов. Более того, «в семантике “типичного” глагола СВ присутствует именно это простейшее начинательное значение ‘раньше не было Р, теперь Р’», но, в отличие от начинательных глаголов, оно выступает в качестве строевого компонента [Падучева 2004: 181]. Так что и в болгарском, и в русском языках, конечно, имеются и другие разнообразные приставочные глаголы, предполагающие (в качестве одного из значений) идею начала действия или состояния. Таковыми являются глаголы самых разных способов действия (называем далее по [Шелякин 1987: 71–76]): глаголы «результативной инхоативности» *заболеть, загнить*, «усилительно-интенсивный тип» *развеселиться, разгруститься*, «результативно-непроцессный» *осточертеть, оробеть*, «результативно-пантивный» *замерзнуть / замерзнуть* и др.

Такие глаголы, где инхоативное значение в приставке совмещено с каким-л. другим, не являются объектом нашего исследования.

3. Предикаты состояния и возможности их инхоативной деривации

Далее мы рассмотрим возможности инхоативной деривации для предикатов временного состояния болгарского языка. Наше внимание будет ограничено несколькими группами предикатов состояния, а именно теми, которые обязательно употребляются с краткой формой личных местоимений в роли экспериенцера, а потому рассматриваются как единая лексема, или, иначе, как глаголы аккумулятива тантум, датива тантум и рефлексива датива тантум [Коева 2005: 113]. Часть лексем этих групп, как мы убедимся, образуют приставочные инхоативы, для чего используются конфиксы *до- / -ee* и *при- / -ee* (в единичных случаях иные). Для одной из анализируемых групп возможно также образование финитивов (3.3).

В болгаристике уже отмечалось (см. и выше), что глаголы с указанными приставками сосредоточены в ингрессивном и финитивном способе действия [Иванова 1974; Радева 1993] и показывают очевидную корреляцию со стативными предикатами. Тем не менее, как мы покажем

далее, семантические ограничения, налагаемые стативным характером исходного предиката, а также ряд других факторов препятствуют универсальной начинательной префиксации для предикатов данных групп.

3.1. Предикативы на *-o/-e* и их инхоативы

Неглагольный предикатив на *-o/-e* с дативным местоимением (*Тъжно ми е* ‘Мне грустно’; *Обидно ми е* ‘Мне обидно’; *Зле ми е* ‘Мне плохо’) представляет собой продуктивную в славянских языках, в том числе русском и болгарском, синтаксическую модель, которая служит для выражения значений состояния, оценки и модальности.

Болгарская модель состоит из трех обязательных компонентов: предикатива на *-o/-e* (реже — иного типа), связочного глагола в 3 л. ед. ч. и местоименной клитики в форме дательного падежа в семантической роли экспериенцера. Далее такую модель будем называть дативно-предикативной структурой (ДПС), вслед за рядом недавних работ, в которых она подвергалась масштабному анализу, включая сопоставление с русским языком [Градинарова 2018; Иванова 2018; Петрова 2018, 2020; Циммерлинг 2018a; Ivanova, Zimmerling 2019] и др. См. также предшествующие исследования предикативов на *-o/-e* в болгарском языке или в сравнении с русским [Рожновская 1959; Маслов 1981b; Георгиев 1990; Джонова 2004; Градинарова 2010; Коритковска 2011; Атанасов 2015]. Вопрос деривационной базы моделей ДПС для болгарского языка мы здесь не затрагиваем, отметим лишь, что она, видимо, шире, чем для русского языка, хотя морфологически менее разнородна [Градинарова 2018; Ivanova, Zimmerling 2019].

Семантическим инвариантом ДПС как в русском, так и в болгарском языках является значение внутреннего состояния, т. е. значение актуализованного признака, соотнесенного с конкретным одушевленным субъектом в течение отрезка времени [Зализняк 1992; Циммерлинг 2017, 2018b]. ДПС покрывает определенный спектр лексических значений, сгруппированных в тематические классы [Циммерлинг 2017].

В этом подразделе нам предстоит проверить инхоативные деривационные возможности разных тематических классов ДПС. Для

отбора исходных ДПС использованы данные сплошной выборки из Национального корпуса болгарского языка (БНК). Из 320 болгарских предикативов, способных включаться в данную модель (их список, вообще говоря, открыт благодаря высокой продуктивности модели в болгарском языке) [Иванова 2018], предикативы на *-o* (единично на *-e*) составляют подавляющую часть (280 лексем). Из них для анализа инхоативных возможностей мы отобрали 100 первых по частотности лексем. Эти 100 предикативов представляют онтологически разные классы состояний: физиологические и перцептивные, напр., *добре / задушно / зле / топло ми е* (ср. рус. *мне хорошо / душно / плохо / тепло*), эмоциональные: *тъжно / весело / неприятно ми е* (рус. *мне грустно / весело / неприятно*), ментальные состояния и интеллектуальные реакции: *известно / ясно / интересно / безразлично / чудно ми е* (рус. *мне известно / ясно / интересно / безразлично / удивительно*), модальные оценки *необходимо / невъзможно ми е* (рус. *мне необходимо / невозможно*) и др.

Некоторые предикативы могут обозначать разные виды состояний благодаря переносным употреблением. В основном, это характерное для экспериенциальной лексики направление семантического «повышения», т. е. продвижения «вверх» по уровням иерархии внутренних систем человека — от физиологических ощущений к эмоционально-психическим и далее к ментальным состояниям [Кустова 2002: 17]: *гнусно ми е* ‘мне противно, мерзко’, *тежко ми е* ‘мне тяжело’, *лошо ми е* ‘мне плохо (физически или эмоционально)’. Такую двузначность мы также учитываем при работе с материалом.

Инхоативность дативно-предикативных конструкций состояния в болгарском языке можно выразить двумя способами: использованием вместо связки *съм* начинательного глагола в 3 л. ед. ч. *стане / става* ‘станет / становится’, обозначающего переход в новое состояние, или приставочного глагола с семантикой ‘войти / входить в состояние’ (как правило, с конфиксом *до- / -ee* и *при- / -ee*), мотивированного предикативным наречием (в иных концепциях — формой среднего рода прилагательного), ср. *мъчно ми е* ‘грустно’, *стане / става ми мъчно* ‘станет / становится грустно’, как и *домъчнее / домъчпява ми* ‘станет / становится грустно’. В целом эти способы выражения

начинательности являются синонимичными, но, как мы покажем далее, префиксальный способ возможен лишь для части предикативов.

Список инхоативных дериватов составлялся на основе сплошной выборки из словаря [Мурдаров (ред.) 2016], при необходимости использовались данные многотомного толкового словаря [РБЕ 1977–2015] и примеры из личной картотеки авторов, проверенные носителями языка.

Анализ инхоативного деривационного потенциала рассмотренных 100 предикативов показывает, что возможность образовывать инхоативы реализуется прежде всего у предикативов со значением физиологического состояния и перцептивных ощущений, включая использование тех же лексем в качестве предикатов эмоционального состояния, см. *Таблицу 1*. Как видим, все инхоативы заимствуют от исходных предикативов падежную маркировку обязательного дополнения в семантической роли экспериенцера.

Знаком [?] отмечены инхоативы, для которых корреляция с ДПС (а не с глаголами проявления признака) является сомнительной, см. об этом далее. Более того, в словарях предлагается для некоторых из таких инхоативов и приставка *за-* без финали *-еe* (*залюти / залютява ми* ‘мне начнет / начинает жечь, щипать’, *загорчи / загорчава ми* ‘мне начнет / начинает горчить’) [РБЕ 1977–2015], что доказывает их словообразовательную связь с глаголами проявления признака (*люти ми* ‘мне жжет, щиплет’, *горчи ми* ‘мне горчит’), а не с предикативами на *-о* (*люто ми е* ‘мне едко, жжет’, *горчиво ми е* ‘мне горько’).

В таблице представлены и единичные образования с другими приставками, не являющимися чисто инхоативными (*о-* и *из-*, см. анализ ниже).

Таблица 1. Предикативы на *-о/-е* и их инхоативные соответствия

Table 1. Predicatives ending in *-о/-е* and their inchoative counterparts

Статический предикатив на <i>-о/-е</i> с дат. клиткой	Инхоативный предикат с дат. клиткой (ср. рус. ‘мне станет / становится...’)
лошо ми е ‘мне плохо’	прилошес / прилошава ми

Статически предикатив на -о/-е с дат. клитикой	Инхоативный предикат с дат. клитикой (ср. рус. 'мне станет / становится...')
зле ми е 'мне плохо, нездоровится'	призлее / призлява ми
леко ми е 'мне легко'	олекне / олеква ми
студено ми е 'мне холодно'	застудее / застудява ми, достудее / достудява ми
хладно ми е 'мне прохладно, холодновато'	захладнее / захладнява ми
мъчно ми е 'мне мучительно / тяжело / больно'	домъчнее / домъчнява ми, примъчнее / примъчнява ми
тъжно ми е 'мне грустно, тоскливо'	дотъжее / дотъжава ми
жал / жално ми е 'мне жаль, жалко, печально'	дожалее / дожаява ми
мило ми е 'мне приятно, умиленно'	домилее / домилява ми
скучно ми е 'мне скучно'	доскучае / доскучава ми
криво ми е 'мне плохо, не по себе'	докривее / докривява ми
люто ми е 'мне едко, жжет'	? долютее ми / долютява ми, прилутее / прилутява ми
кисело ми е 'мне кисло'	? докиселее / докиселява ми
горчиво ми е 'мне горько'	? пригорчее / пригорчава ми, догорчее / догорчава ми
мокро ми е 'мне мокро'	? примокрее / примокрява ми
ясно ми е 'мне ясно'	изясни / изяснява ми се

Физиологические состояния и ощущения. Инхоативные параллели имеются у предикативов *студено* ‘холодно’, *хладно* ‘прохладно’, *лошо* ‘нехорошо’, ‘плохо’, *зле* ‘плохо’, *леко* ‘легко’ (*ми е*), при этом используются три вида приставок: типичные для инхоативов приставки *до-* и *при-* (конфикс *до-(при-)/-е*), а также единично иные: *за-/ -е* и *о-/ -е* (*захладнее / захладнява ми*, *олекне / олеква ми*).

Использование единичных, нехарактерных для инхоативов внутренних состояний приставок *за-* и *о-* (в составе конфикса) имеет свои объяснения. Приставка *за-* фиксируется у предикатов *захладнее / захладнява ми*, *застудее / застудява ми* ‘мне становится холодно’, которые обычно употребляются по отношению к состоянию окружающей среды и входят в ряд однотипных образований: *Захладня* ‘Похолодало’; *Застудя* ‘Похолодало / Стало холодно’; *Заваля* ‘Пошел дождь’; *Загърмя* ‘Загремел гром’; *Затопли се* ‘Потеплело’. Включение экспериенциального участника позволяет им (впрочем, редко) служить и для выражения состояния человека: (*Професорът по-мръдна с раменете си, сякаш изведнъж му застудя* ‘Профессор передернул плечами, будто ему вдруг стало холодно’ (А. Гуляшки)). Словообразовательно дериваты *застудее / застудява ми*, *достудее / достудява ми* соотносятся с существительным *студ*, но семантически могут быть соотнесены со статическим предикатом состояния *студено ми е*.

Инхоатив *олекне / олеква* ‘стать / становится легким, полегчать’ словообразовательно связан с прилагательным *лек* [Радева 1993: 37] и оформляется конфиксом *о-/ -не*⁴, как и некоторые другие глаголы от адъективных основ со значением приобретения мотивирующего признака, ср. *лек* — *олекне*, *мек* — *омекне* [Радева 1993: 37, 101–102]. Однако активное переносное употребление с закрепленной дативной клитикой *олекне / олеква ми* ‘мне станет / становится легко’ позволяет

⁴ Это вариант распространенного конфикса *о-/ -е*, который наиболее активен именно для отадъективных образований со значением приобретения мотивирующего признака (*пуст* — *опустее*, *глух* — *оглушее*). Однако если производящая основа заканчивается на велярный согласный, конфикс приобретает вид *о-/ -не* (*лек* — *олекне*, *мек* — *омекне*) [Радева 1993: 37].

предполагать и мотивированность наречием и соотнесенность, таким образом, с ДПС *леко ми е* ‘мне легко’ [Радева 1993: 104].

Для других дериватов этой группы используются типичные для состояний инхоативные конфиксы *до-(при-)/-е*, см. примеры (2)–(5).

Реализация возможных семантических ролей [Динева 1999; Pesetsky 1987] (помимо обязательно выражаемого экспериенцера в виде местоименной клитики) при инхоативах несколько отличается от статических предикатов.

Предикаты физиологических состояний, такие как *лошо ми е* ‘нехорошо’, *зле ми е* ‘плохо’, могут употребляться без других актантов, в то время как их инхоативные дериваты обычно присоединяют актант-стимул (2) или локатив — место сосредоточения неприятных ощущений (3):

- (2) а. *Прилоша* (INCH.PFV.AOR) *ми от тази риба*.
‘Мне стало нехорошо от этой рыбы’.
- б. *Ще* (FUT) *ти прилошее* (INCH.PFV) *от толкова ядене*.
‘Тебе плохо станет от такого количества еды’.
- в. *Призлява* (INCH.IPFV.PRS) *ми от глад*.
‘Мне становится плохо от голода’ (БНК).
- (3) *Усети, че му прилошава* (INCH.IPFV.PRS) *на стомаха*.
букв. ‘Он почувствовал, что ему становится плохо в желудке’ (БНК).

Ситуация, вызвавшая данное физиологическое состояние, при инхоативах может быть введена и другими способами, недоступными для исходных ДПС. Таковы, например, обороты *при вида на*, *при мисълта за*, являющиеся свернутой предикацией (4а), они допускают замену пропозитивной именной группой с предлогом *от* для обозначения стимула (4б). Наконец, пример (4в) показывает еще один способ введения ситуации (*при* + отглагольное имя). Этими способами могут быть введены как многократные, так и однократные ситуации.

Если же ситуация регулярно вызывает соответствующее состояние, в таком случае она может быть представлена

недетерминированной группой с предложом *в*, называющей лишь формально место этой ситуации, но подразумевающей ситуативный стимул в целом, ср. *в кола* ‘в машине’ = *от возенето в кола* ‘от езды в машине’, см. пример (4г). Если такая предложная группа является детерминированной, ср. *в колата* (4д), она трактуется как локатив для однократной ситуации.

- (4) а. *Може да ви прилошее* (INCH.PFV.PRS) *при вида на кръв*.
‘Вам может стать плохо при виде крови’.
- б. *Призява* (INCH.IPFV.PRS) *им от самата мисъл за храна*.
‘Им становится плохо от самой мысли о еде’ (БНК).
- в. *Би могло да ти прилошее* (INCH.PFV.PRS) *при директно излагане на слънце*.
‘Тебе могло бы стать плохо при непосредственном нахождении на солнце’ (Г).
- г. *Прилошава* (INCH.IPFV.PRS) *ми в кола*.
‘В машине мне становится плохо’.
- д. *Прилоша* (INCH.PFV.AOR) *ми в колата от миризмата на цигари*.
‘Мне стало плохо в машине от запаха сигарет’.

Предикаты физиологического состояния могут, как известно, переосмысляться как эмоциональные. Это употребление у предикатов эмоционального состояния *прилошава ми*, *призява ми* и *олеква ми* открывает возможность присоединять не только предложную группу стимула (5а), но и придаточное предложение с союзом *да* (5б):

- (5) а. *Призява* (INCH.IPFV.PRS) *ми от теб*.
букв. ‘Мне становится плохо от тебя’ (БНК).
- б. *Призява* (INCH.IPFV.PRS) *ми вече да те гледам!*
‘Мне уже становится тошно на тебя смотреть’ (БНК).

Ограниченной актантной структурой характеризуются предикаты *застудее ми*, *достудее ми*, *захладнее ми*. Выше мы уже отметили их

специфическую предназначенность к обозначению состояния окружающей среды, что влечет не только их редкое употребление с дативом, но и ограничение на валентностный состав. В отличие от предыдущих инхоативов (2)–(5), эти производные, как и ДПС *студено ми е* ‘мне холодно’, *хладно ми е* ‘мне холодно, мне прохладно’, способны присоединять дополнение с предлогом *на* в семантической роли локатива, означающее часть тела, где сосредоточено данное ощущение, напр. *студено ми е на ръцете*, букв. ‘мне рукам холодно’ — *застудя ми на ръцете*, букв. ‘мне рукам стало холодно’. Обычно в последнем случае употребляется конструкция с фазовым глаголом: *стане / става ми студено на ръцете*. Сентенциальные актанты не присоединяются.

В *Таблице 1* представлено еще несколько инхоативных образований, имеющих неустановленную мотивацию: *пригорчее / пригорчава ми*, *загорчее / загорчава ми*, *догорчее / догорчава ми*, *докиселее / докиселява ми*, *долютее ми / долютява ми*, *прилютее / прилютява ми*, которые обозначают вкусовые ощущения ‘станет / становится горько / кисло / остро’, см. примеры (6). Они рассматриваются либо как мотивированные бесприставочными глаголами со значением проявления признака [Радева 1991: 189, Радева 1993: 123–124]: *пригорчее ми* ‘мне станет горчить, станет горько’ > *горчи ми* ‘мне горчит’, *докиселее ми* ‘мне станет кислить, станет кисло’ > *киселее ми* ‘мне кислит’, *прилютее ми* ‘мне станет едко’ > *люти ми* ‘мне едко’, либо как мотивированные наречиями [Радева 1993: 105], т. е. ДПС, указанными в *Таблице 1*.

- (6) а. *Чак ми залютя* (INCH.PFV.AOR) *от тази миризма*.
 ‘Даже мне стало щипать (букв. стало едко) от этого запаха’.
- б. *Не бери грижа, ако отпърво ти загорчи* (INCH.PFV.PRS) *в устата, защото колкото повече пиеш, толкова по-вкусно ще ти става*.
 ‘Не беспокойся, если сначала тебе станет горько во рту, потому что чем больше пьешь, тем вкуснее становится’ (БНК).

Эмоциональные состояния. Как показано в *Таблице 1*, среди ДПС, обозначающих эмоциональное состояние, инхоативные

префиксальные глаголы имеются для предикативов *скучно*, *мъчно*, *тъжно*, *жал* (*жално*), *криво*, *мило ми е* (ср. рус. *мне скучно / тяжело / грустно / жаль / неприятно / приятно, умиленно*).

Глаголы *доскучае / доскучава ми* ‘станет / становится скучно’ и *дотъжее / дотъжава ми* ‘станет / становится грустно’, будучи инхоативными соответствиями для предикативов *скучно ми е* и *тъжно ми е* и равными конструкциям с фазовыми глаголами (*стана / става ми скучно / тъжно*), в словообразовательном отношении связываются с существительными *скупа* и *тъга* ‘печаль, грусть’ [Радева 1993: 106]. Комбинированная мотивация может быть усмотрена и для лексемы *дожалее / дожалява* ‘станет / становится жаль / жалко’: от субстантивного предикатива *жал* или наречия *жално*.

Сравнение валентностных возможностей исходного ДПС эмоционального состояния и инхоативного предиката показывает следующее.

В исходной ДПС и его инхоативном деривате, помимо обязательно выражаемого экспериенциального участника в виде датива (7а) (или его удвоением предложной группой с *на* [Коева 2019: 62], как в примере (7в)), может присутствовать объект эмоции, выражаемый косвенным дополнением с предлогом *за* (7б–в).

(7) а. *Понякога им доскучава* (INCH.IPFV.PRS) *и започват да настаиват за провеждане на промени.*

‘Иногда им становится скучно, и они начинают настаивать на проведении изменений’ (БНК).

б. *Докривя* (INCH.PFV.AOR) *ми за Митака, направо ми се прирева.*

‘Мне стало жалко Митака, прямо-таки захотелось разреваться’(G).

в. *...толкова бе изкорубено, че на Хък чак му дожаля* (INCH.PFV.AOR) *за него.*

‘Оно было так изкоружено [дерево], что Хыку даже стало жаль его’ (БНК).

Актант в семантической роли стимула может быть выражен при ДПС только придаточным предложением (8а–б), но не предложной

группой с предлогом *от*, как это возможно для инхоативов, допускающих оба способа (8в–е). При этом при глаголах *домилее ми*, *доскучае ми* придаточное вводится союзом *да* (8д), при *докривее ми*, *дожалее ми* — союзом *че* (8е), а при *домъчнее ми* допустимы оба союза.

- (8) а. *Мъчно ми е, че се разделяме.*
'Мне грустно / очень жаль, что мы расстанемся' (БНК).
- б. *Криво ми беше, че на сутринта пак аз ще изляза виновен.*
'Неприятно было то, что утром опять я окажусь виноватым' (БНК).
- в. *И толкова ти докривява (INCH.IPFV.PRS) от това.*
'И так становится неприятно от этого' (БНК).
- г. *После му домъчня (INCH.PFV.AOR) от тази грубост, макар наум да я бе казал.*
'Потом ему стало мучительно от этой грубости, хотя он прознес ее про себя' (БНК).
- д. *Красиви истории. Да ти домилее (INCH.PFV.PRS) да ги слушаиш.*
'Красивые истории. Прямо можно умилиться, слушая их', букв. 'тебе станет умиленно их слушать' (БНК).
- е. *Като се научих, че починало, тъй ми дожаля (INCH.PFV.AOR), че с нищо не се погрижих за него.*
'Когда я узнал, что он [ребенок] умер, мне так стало жаль, что я никак не позаботился о нем' (БНК).

Ментальные состояния. Из всех предикативов ментальных состояний в нашей выборке обнаружена лишь одна инхоативная пара — это ДПС *ясно ми е* 'мне ясно, понятно' и инхоатив *изясни ми се / изяснява ми се* 'станет / становится понятно'. В словарях фиксируется только форма без дательного экспериенцера *изясни се / изяснява се* 'выясниться / выясняться', но употребление в сочетании с дательной клитикой, не отмеченное в словарях, полностью соответствует начинательному инхоативному значению: *ясно ми е* — *изясни*

ми се ‘мне ясно — мне стало ясно’. *Ясно ми е*, как и ментальные предикативы типа *интересно ми е*, *скучно ми е* и др., чаще всего включает, помимо обязательного актанта — дательного местоимения с семантической ролью экспериенцера, еще и содержание знания, выраженное придаточным предложением [Коева 2019: 64].

Предикат *изясни ми се* может иметь три актанта (подобно личному ментальному предикату *зная* [Ницолова 2001: 175; Коева 2019: 64]). Помимо экспериенциального участника («эпистемического субъекта, в концепции Р. Ницоловой), обычно представлена валентность содержания знания об объекте (9), выражаемая придаточным предложением с союзом *че*, вопросительными словами и частицами. Иногда из валентности содержания вычленяется и сам объект («эпистемический объект»), см. пример (9в). Ср. соответствующие валентности для рус. *знать* по [Апресян 1995: 422–423]: субъект знания, содержание знания и его тема.

- (9) а. *Дълго време се мъчех да вникна в съдържанието на словесните му потоци, докато ми се изясни* (INCH.PFV.PRS), *че Анди говори за техническите си фантазии.*

‘Я долго пытался вникнуть в смысл его словесного потока, пока мне не стало ясно, что Анди рассказывает о своих технических фантазиях’ (БНК).

- б. *Изясни* (INCH.PFV.AOR) *ми се също така, защо ни се случват някои явления, дали ние сме ги провокирали чрез личния избор или някой друг.*

‘Также мне стало ясно, почему с нами случаются некоторые вещи, мы ли их спровоцировали своим личным выбором или кто-то другой’ (G).

- в. *Прочетох блога, изясни* (INCH.PFV.AOR) *ми се за х. Леденика.*
‘Я прочитал блог, мне стало ясно про турбазу «Леденика»’ (G).

Все остальные ДПС не образуют чисто инхоативных дериватов. Значительная их часть может выражать инхоативное значение **в сочетании с начинательным глаголом** *стане / става* ‘станет / становится’: *стана ми топло / болно / съвестно / удобно* ‘мне стало

тепло / больно / совестно / удобно'⁵. Такие конструкции составляют конкуренцию рассмотренным инхоативным образованиям, ср. *домъчня ми — стана ми мъчно* 'мне стало грустно', *докривя ми — стана ми криво* 'мне стало неприятно'. Они могут употребляться как синонимы, что дает возможность разнообразить текст [Радева 1993: 105].

Но в целом образование инхоативов с конфиксом *до -(при) / -ее* не является продуктивной словообразовательной моделью в современном болгарском языке. По этой модели не создаются новые глаголы, а список имеющихся лексем ограничен. В то же время они достаточно активны: употребляются и в разговорной речи, и в художественной литературе, и в интернет-общении, придавая, на фоне конструкций с начинательным глаголом *ставам / стана*, большую эмоциональность и выразительность речи.

3.2. Субстантивные предикативы и их инхоативные соответствия

Субстантивные предикативы, формирующие, в сочетании с обязательной падежной клитикой и вспомогательным глаголом, безличные конструкции состояния, являются непродуктивной и лексически ограниченной группой. В разных лингвистических источниках называются (в том или ином наборе) следующие субстантивы: *страх* 'страх', *срам* 'стыд', *яд* 'злость', *гнус* 'отвращение', *грижа* 'забота', *еня* 'забота', *жал* 'жалость', 'печаль', *мъка* 'страдание', *мерак* 'страстное желание', *мързел* 'лень', *гъдел* 'щекотка', *грях* 'вина', *гняв* 'гнев', *смях* 'смех', *зор* 'усилие, мучение', *студ* 'холод'.

⁵ Впрочем, начинательный глагол тоже не является полностью универсальным средством и имеет определенные ограничения на сочетаемость с предикативами состояния. Некоторые интересные наблюдения в этом направлении сделаны Г. Петровой, указавшей на грань между семантическими типами предикативов на *-о*, когда присоединение фазисного глагола *стане / става* становится невозможным [Петрова 2018: 31–34].

Не все из них в современном языке способны входить в конструкцию состояния: так, сплошная выборка из БНК показала нулевые или единичные результаты для ДПС с *грях, мързел, студ, смях, гняв* [Иванова 2018: 16], хотя, например, предикатив *страх ме е* ‘мне страшно’ является одним из самых частотных ДПС среди наречных и субстантивных моделей в целом.

У большинства из этих предикативов маркирование экспериментального участника осуществляется в форме **винительного падежа** личного местоимения (10). Если требуется обозначить экспериментера именованным выражением, то в предложение дополнительно вводится кореферентное существительное (именная беспредложная группа) (10в).

- (10) а. *Срам го е.*
‘Ему стыдно’.
- б. *Страх я беше.*
‘Ей было страшно’.
- в. *Момчето го е страх от тъмнината.*
‘Мальчик боится темноты’.
- г. *Винаги нося ръкавици. Ръцете ми се потят и лепнат по дръжките на рейсовете. Гнус ме е.*
‘Я всегда надеваю перчатки. Руки у меня потеют и прилипают к поручням в автобусе. Мне противно’ (БНК).

У существительных *жал, мъка, зор, мерак* для маркирования лица используется местоимение в **дательном падеже** (11). У двух первых лексем датив объясняют соотносительностью с управлением при предикативах, мотивированных прилагательными (*Жално ми е; Мъчно ми е*) [Георгиев 1990: 71].

- (11) а. *Хич не ми е зор.*
‘Меня это совершенно не волнует’.
- б. *Мъка ми е, че го забравяш.*
‘Меня печалит, что ты его забываешь’ (БНК).

Инхоативные корреляты для субстантивных предикативов оформляются с помощью конфикса *до- / -ее*: *срам ме е* → *досрамее ме*, *яд ме е* → *доядее ме* [Радева 1993: 104–106; Радева 2006: 221; Джонова 2005], см. также *Раздел 2*.

Как показывает *Таблица 2*, некоторые инхоативные дериваты в современном языке не имеют активно употребляющихся мотивирующих субстантивов. В таком случае их предлагается деривационно соотносить с существительными (*гняв*, *смях*).

Таблица 2. Субстантивные предикативы с винит. клитикой и их инхоативы
Table 2. Substantive predicatives with an accusative pronominal clitic and their inchoative counterparts

Статический предикатив с винит. клитикой	Инхоативный предикат с винит. клитикой (ср. рус. 'мне станет / становится...')
гнус ме е 'мне противно'	догнусее / догнусява ме
грях ме е 'мне стыдно, совестно' (обычно с отриц.: не ме е грях)	догрешее / догрешава ме
срам ме е 'мне стыдно'	досрамее / досрамява ме
страх ме е 'мне страшно'	дострашее / дострашава ме
яд ме е 'меня зло / злость берет'	доядее / доядява ме
(*гняв ме е) 'я разгневан, зол'	догневее / догневява ме
(*смях ме е) 'мне смешно'	досмешее / досмешава ме

Ряд субстантивных предикатов (такие как *грижа ме е / еня ме е* 'меня заботит', *зор ми е* 'меня волнует, беспокоит') не образуют приставочных инхоативов. У предикатива *мъка ми е* 'мне мучительно,

горько' есть соотносительный глагол *домъчнее / домъчнява ми*, но его прямые деривационные связи устанавливают с предикативом *мъчно ми е* 'мучительно' (см. *подраздел 3.1*). Двойная деривационная соотношенность, как мы указывали выше, наблюдается у глагола *дожалее / дожалява ми* 'станет / становится жаль' (ср. *жал ми е / жално ми е* 'жаль, жалко'). Эти субстантивы с дательной клиткой, в связи с их двойной соотношенностью, рассмотрены выше, см. *Таблицу 1*.

Аргументная структура инхоативных предикаций в целом соответствует таковой у статических коррелятов.

Предикаты *страх ме е* 'страшно', *срам ме е* 'стыдно' легко обходятся без выражения других участников ситуации, как это свойственно предикатам, обозначающим низшие психические и психофизиологические ощущения и реакции [Кустова 2002: 28], см. примеры (10а–б, г). Для других статических предикатов, как и для инхоативов этой группы, свойственно включать участника с ролью стимула, выражаемого предложными группами с предлогом *от* либо сентенциальными актантами с союзами *че* и/или *да*⁶. Ср. примеры выше со стативами в сравнении с инхоативами (12).

(12) а. *Достраша* (INCH.PFV.AOR) *ме от тази мисъл*.
'Мне стало страшно от этой мысли' (БНК).

б. *Момчетата ги достраша* (INCH.PFV.AOR) *да отворят шкафа*.
'Мальчики побоялись открыть шкаф' (БНК).

в. *Досрамя* (INCH.PFV.AOR) *ме от моята бърбировост*.
'Мне стало стыдно своей болтливости' (БНК).

г. *Ще* (FUT) *те досрамее* (INCH.PFV) *от казаните думи*.
'Тебе станет стыдно сказанных слов'.

⁶ Предложное маркирование, как и выбор союза при сентенциальном актанте, соответствует типам управления, которые свойственны однокоренным глаголам состояния: *страх ме е от... / че / да* — *страхувам се от... / че / да*; *яд ме е на... / че* — *ядосвам се на... / че*.

Актант, обозначающий объект эмоционального отношения, обычно маркируется группой с предлогом *за*. Ср. и пример (13) с расщеплением, когда объект отношения вычленен из структуры синтаксического актанта в отдельную именную группу:

- (13) *Достраша* (INCH.PFV.AOR) *го за колата да не я откраднат*.
 ‘Ему стало страшно, как бы не украли машину’, букв. ‘Ему стало страшно за машину, как бы ее не украли’.

У предиката *яд ме е* ‘зло (злость) берет’ и его инхоатива *доядее / доядява ме* аргументная структура включает дополнение с предлогом *на*, означающее объект эмоции (обычно лицо). Основание (причина) эмоции, связанной с объектом эмоции, может быть выражено предложной группой с предлогом *за* или придаточным предложением, введенным союзом *че* или *да*. Ср. исходный предикатив (14а–б) с такими же возможностями, как и у инхоатива (15а–б). В то же время статический предикат имеет валентность и на придаточное с союзом *да* (14в):

- (14) а. *Яд го е, че целият град знае отдавна за случката*.
 ‘Его злость берет, что весь город знает об этой истории’ (БНК).
 б. *Беше ме яд на него за проявената немарливост*.
 ‘Я был зол на него за проявленную небрежность’.
 в. *Яд ме е да плащам за това*.
 ‘Зло берет платить за это’.
- (15) а. *Като го видях за първи път, сериозно ме доядя* (INCH.PFV.AOR) *на него за това, че може да е с теб*.
 ‘Когда я увидел это впервые, я не на шутку разозлился на него, что он может быть с тобой’ (G).
 б. *Доядя* (INCH.PFV.AOR) *я на Киро, че я принуждава да му напомня, макар и по заобиколен път, онова, което всички знаеха*.
 ‘Ее зло взяло на Киро, что он заставляет его напоминать, хоть и косвенным путем, то, что все уже знают’ (G).

Ситуация, вызывающая эмоцию, при инхоативах может быть введена свертками предикаций (16а), присоединяться бессоюзно (16б) или выводиться из контекста (16в). У стативных предикатов тоже есть эти возможности, кроме способности выражения стимула фразой *при мисълта* ‘при мысли’, ср. недопустимость **Смях го е при мисълта...* ‘Ему смешно при мысли...’ при правильности (16а) с инхоативом:

(16) а. *Досмешава* (INCH.IPFV.PRS) *го само при мисълта, че някой мухлясал старец от «Макстънс» може да отвлече дете, достатъчно голямо да кара велосипед.*

‘Ему становится смешно только от одной мысли о том, что какой-то замшелый старик из «Макстнс» может похитить ребенка, который уже даже ездит на велосипеде’ (БНК).

б. *Често ме досмешава* (INCH.IPFV.PRS) *от какви неща продължават да се вълнуват хората.*

‘Мне часто становится смешно, какие вещи продолжают волновать людей’.

в. *Отворих очите — котка! Пречукана котка във водата. Догнуся* (INCH.PFV.AOR) *ме и бързо-бързо се измъкнах от вира.*

‘Открыл глаза — кошка! Убитая кошка в воде. Мне стало противно, и я поспешно выбрался из пруда’ (БНК).

Рассмотренные субстантивные модели не могут выражать начинательное значение с помощью конструкций со *стана / ставам* ‘стать / становиться’, ср. 3.1. Эти начинательные глаголы требуют выражения экспериенцера дательным падежом, поэтому не образуют инхоативные конструкции от субстантивных моделей ДПС с винительным падежом.

3.3. Безличные глаголы состояния и их фазовые корреляты. Желательные конструкции

Безличные глаголы состояния в болгарском языке представлены несколькими семантико-структурными моделями. Среди них есть

модели, включающие обязательный местоименный компонент. Таковы, например, предикаты боли и недомогания. Все они имеют инхоативные дериваты с приставкой *за-*, сохраняющие падежное маркирование мотивирующего глагола:

боли ме_{ACC} / заболи ме_{ACC} ‘(у меня) болит / заболит’

щрака ме_{ACC} / защрака ме_{ACC} ‘держит / задержит’

сърби ме_{ACC} / засърби ме_{ACC} ‘чешется / зачешется’

Другая модель — конструкции тактильных и вкусовых ощущений с дативом комбинированной семантики: экспериенцера и субъекта мнения: *Киселее ми_{DAT}* ‘Мне кажется кислым / кисловатым’, букв. ‘Мне кислотит’; *Не обичам тази бира, горчи ми.* ‘Я не люблю это пиво, оно мне кажется горьким / от него у меня горечь’. Основная часть предикатов, способных вводить такой датив, представляет собой отыменные глаголы на *-е* и *-и* (в безличной форме) со значением ‘проявлять признак, заданный мотивирующим именем’, но представляя его не как объективный, а как субъективно воспринимаемый [Радева 1993: 111, 124–125]. Это специфическое употребление датива требует, однако, отдельного описания на фоне многообразных функций краткой дативной клитики в болгарском языке. См. некоторые наблюдения, в частности, в [Иванова 2016: 353–357], там же и литература. На фоне русских эпистемических операторов это значение болгарского датива рассмотрено в [Циммерлинг 2018с: 61–63].

Здесь заметим лишь, что некоторые из этих предикатов соотносимы с инхоативами с конфиксами *до-(при-)/-е*, рассмотренными в подразделе 3.1, напр. *докиселее ми* ‘станет кисло’, *догорчее ми / пригорчее ми* ‘станет горько’. Важная особенность таких инхоативов заключается в устранении при инхоативной деривации комбинаторности в семантике датива: местоименная клитика при начальном глаголе маркирует только экспериенциального участника.

Далее мы остановимся на возможностях фазисной деривации у предикатов, формирующих особую структуру со значением внутреннего состояния — т. н. желательных конструкциях.

«Желательные», «оптативные» конструкции [Пенчев 2001: 89; Коева 2005: 119–126; Петрова 2006: 135–141, 154–156; Димитрова 2015; Джонова 2008; Rivero 2003; Rivero, Arregui 2012], ср. и термин «аффективный имперсонал», применяемый к этим построениям в [Градинарова 2007: 48], образуются с участием клитики *се* и обязательной местоименной дативной клитики, указывающей на носителя состояния. Эта конструкция обозначает неконтролируемую расположенность субъекта к действию или состоянию, но, в отличие от подобных построений восточно- и западнославянских языков, служит для выражения желания субъекта и ориентирована проспективно, что соответствующим образом отражено в переводах примеров ниже.

(17) а. *Пътува ми се.*

‘Меня тянет путешествовать / Мне хочется путешествовать’,
букв. ‘Мне путешествуется’.

б. *Снима ми се, важно е за мен да работя пред камера, със съвсем различни хора от тези в театъра.*

‘Мне хочется сниматься, для меня важно работать на камеру, с людьми совсем иными, чем в театре’,
букв. ‘Мне снимается’ (G).

в. *Строят му се космически кораби, лети му се в космоса.*

‘Ему хочется строить космические корабли, хочется летать в космос’,
букв. ‘Ему строятся космические корабли, ему летится в космос’ (G).

Основные отличия (как грамматические, так и семантические) болгарской желательной конструкции от русской модели *Мне не работается; Мне не спится; Здесь хорошо дышится* описаны в ряде работ, напр., [Норман 1972: 77–80; Георгиев 1990: 82], правила порождения болгарской модели обсуждаются в [Димитрова 2015; Иванова 2014; Иванова 2016: 358–367 и др.]. Здесь отметим лишь основное смысловое отличие, состоящее в том, что в толкование русской модели в качестве пресуппозиции включен компонент *X де-лает P* [Апресян 2005: 10], т. е. в русском языке состояние субъекта,

описываемое данной конструкцией, связано с (не)успешностью уже протекающего процесса (иное реже), а в болгарском языке такого ограничения нет и состояние *X*, как правило, определяется настроенностью именно на предстоящее действие, см. о них в сопоставительном аспекте [Ivanova 2014].

Желательные конструкции рассматриваются в болгаристике либо как результат диатезной трансформации исходного глагола [Пенчев 2001: 86–89]: *Ям* ‘Я ем’ → *Яде ми се* / *Яде ми се нещо* ‘Мне хочется есть’ / ‘Мне хочется что-нибудь поесть’, букв. ‘Мне естся’ / ‘Мне естся что-нибудь’), либо выводятся из предикатно-аргументной структуры с глаголом желания и эксплицированным объектом желания, как в [Петрова 2006], где выстраивается цепочка трансформаций с преобразованием личного глагола желания *искам* в безличный и последующим его опущением: *Аз искам да ям шоколад* ‘Я хочу есть шоколад’ → *Иска ми се да ям шоколад* ‘Мне хочется есть шоколад’ → *Яде ми се шоколад* ‘Мне хочется шоколада’, букв. ‘Мне естся шоколад’. Бесподлежащие конструкции трактуются как конструкции с невыраженным объектом желания: *Яде ми се (нещо)* ‘Мне хочется поесть (что-нибудь)’, букв. ‘Мне естся (что-нибудь)’; *Не ми се яде (нищо)* ‘Мне не хочется есть (ничего)’, см. и [Димитрова 2015].

В современной болгаристике вычленяются две основные формальные подгруппы в рамках «оптативных» предикатов [Коева 2005: 119–126; Атанасов 2006], а именно: постоянно безличные предикаты (*спи ми се*) и третьеличные предикаты с неодушевленным объектом в позиции подлежащего (*яде ми се ябълка* / *ядат ми се ябълки*, букв. ‘мне естся яблоко / мне едятся яблоки’). Наличие соответствующего личного глагола дает возможность рассматривать желательные структуры и как пассивные конструкции, как это представлено, напр., в концепции Р. Ницоловой [Ницолова 2008: 234–235]. Третьеличные глаголы изменяются по числу, контролируясь подлежащим, см. и примеры (20)–(21) с инхоативными соответствиями, сохраняющими эти характеристики.

Далее мы представим возможности болгарского языка в образовании приставочных инхоативов от желательных конструкций со значением ‘испытывать неконтролируемое желание действия / состояния’:

Спи ми се ‘Мне хочется спать’ — *Доспа ми се* ‘Мне захотелось спать’. Об этой деривации имеются лишь отдельные наблюдения в ряде работ, включая указанные выше.

Наиболее полный список фазисных дериватов от желательных конструкций дан в работе [Димитрова 2013] и особенно [Димитрова 2015], где представлена выборка из БНК. Наши данные (выборка из словаря [Мурдаров (ред.) 2016]), а также примеры, найденные через поисковые системы, дополняют имеющиеся списки новыми лексемами, поскольку специфика БНК состоит в малой доле устных текстов (менее 1%), в то время как образование инхоативов, а еще более — финитивов от желательных конструкций, представляет собой продуктивный процесс именно в разговорной речи, что находит отражение в интернет-коммуникации. Далее мы дадим также краткий анализ актантной структуры этих глаголов, не получившей рассмотрения в указанных работах.

Глагол, от которого образуется желательная конструкция, представляет собой переходный или непереходный глагол НСВ, обозначающий действие или состояние [Георгиев 1990: 76–82; Пенчев 2001: 87–89; Коева 2005: 120–124; Димитрова 2015]. Соответствующий предикат желательной конструкции, означающий неконтролируемое желание осуществления действия или вхождения в состояние, — также НСВ (*ям — яде ми се* ‘я ем — мне хочется есть’, *спя — спи ми се* ‘я сплю — мне хочется спать’).

Инхоативный предикат от этой формы, образуемый приставками *при-*, *до-*, сохраняет возвратную и дативную клитику исходного предиката и имеет видовую пару: *при-яде / при-яжда ми се* ‘захочется / начинает хотеться есть’; *до-спи / до-спива ми се* ‘захочется / начинает хотеться спать’. Исключения представляют глаголы, от которых по формальным причинам вторичные имперфективы не образуются: *при-пътува ми се* ‘захочется путешествовать’, *при-танцува ми се* ‘захочется танцевать’, *до-рисува ми се* ‘захочется рисовать’, см. об этих морфофонологических ограничениях в 2.2.1.

В *Таблице 3* ниже, в столбце 1 дан исходный глагол, в столбцах 2 и 3 показаны коррелятивные пары: желательная конструкция и ее инхоативное соответствие. В столбце 2 отражены также синтаксические

возможности конструкций: употребление в безличной форме или в «третьеличной», т. е. с включением объекта желаемого действия в позиции подлежащего, см. примеры (20)–(21) далее. Инхоативы из столбца 3 сохраняют эти возможности коррелятивных пар, но в таблице мы показываем лишь сам глагольный инхоатив.

Список составлен на основе выборки из [Мурдаров (ред.) 2016] и расширен данными разговорной речи и материалами интернет-коммуникации. Данный список не является закрытым, желательные конструкции могут образовываться в живой речи и от других первичных глаголов.

Таблица 3. Желательные конструкции и их инхоативные соответствия

Table 3. Dispositional constructions and their inchoative counterparts

Глагол, образующий желательную конструкцию	Желательная конструкция (ср. рус. ‘мне хочется +INF’)	Инхоатив (ср. рус. ‘мне захочется, мне начнет / начинает хотеться + INF’)
кашлям ‘кашлять’	кашля ми се	докашля ми се прикашля ми се
кихам ‘чихать’	киха ми се	докиха / докихва ми се прикиха / прикихва ми се
рева ‘реветь, плакать’	реве ми се	дореве / доревава ми се приреве / приревава ми се
плача ‘плакать’	плаче ми се	доплаче / доплаква ми се приплаче / приплаква ми се
викам ‘кричать’	вика ми се	привика / привиква ми се довика / довиква ми се
жена се ‘жениться’, ‘выходить замуж’	жени ми се	дожени / доженва ми се прижени / приженва ми се
кпя се ‘купаться’, ‘мыться’	кпье ми се	докпье / докпьева ми се прикпье / прикпьева ми се
пътувам ‘путешествовать’, ‘ездить’	пътува ми се	припътува ми се допътува ми се

Глагол, образующий желательную конструкцию	Желательная конструкция (ср. рус. ‘мне хочется +INF’)	Инхоатив (ср. рус. ‘мне захочется, мне начнет / начинает хотеться + INF’)
тичам ‘бегать’	тича ми се	дотича / дотичва ми се
скачам ‘скакать, прыгать’	скача ми се	доскача ми се прискача ми се
ходя ‘ходить’	ходи ми се	доходи / дохожда ми се приходи / прихожда ми се
лежа ‘лежать’	лежи ми се	долежи / долежава ми се прилежи / прилежава ми се
седя ‘сидеть’	седи ми се	доседи / досеद्या ми се приседи / присеद्या ми се
спя ‘спать’	спи ми се	доспи / доспива ми се приспи / приспива ми се
гледам ‘смотреть’	гледа ми се (филм)	догледа / доглежда ми се пригледа / приглежда ми се
играя ‘играть’	играе ми се (шах)	доиграе / доиграва ми се прииграе / прииграва ми се
карам ‘водить’, ‘кататься на’	кара ми се (кола)	докара / докарва ми се прикара / прикарва ми се
пея ‘петь’	пее ми се (романс)	допее / допява ми се припее / припява ми се
пиша ‘писать’	пише ми се (книга)	допише / дописва ми се припише / приписва ми се
пия ‘пить’	пие ми се (кафе)	припие / припива ми се допие / допива ми се
пуша ‘курить’	пуши ми се (цигара)	допуши / допушва ми се припуши / припушва ми се
работя ‘работать’, ‘заниматься (чем-н.)’	работи ми се (нещо)	дороботи / дороботва ми се приработи / приработва ми се

Глагол, образующий желательную конструкцию	Желательная конструкция (ср. рус. 'мне хочется +INF')	Инхоатив (ср. рус. 'мне захочется, мне начнет / начинает хотеться + INF')
рисувам 'рисовать'	рисува ми се (пейзаж)	дорисува ми се пририсува ми се
свирия 'играть (муз.)'	свири ми се (джаз)	досвири / досвирва ми се присвири / присвирва ми се
слушам 'слушать'	слуша ми се (класическа музика)	дослуша / дослушва ми се прислуша / прислушва ми се
танцувам 'танцевать'	танцува ми се (танго)	дотанцува ми се пританцува ми се
уча 'заниматься, учить'	учи ми се (математика)	доучи / доучва ми се приучи / приучва ми се
чета 'читать'	чете ми се (фантастика)	дочете / дочита ми се причете / причита ми се
ям 'есть'	яде ми се (шоколад)	дояде / дояжда ми се прияде / прияжда ми се

В цепочках, отраженных в *Таблице 3*, типа *ям — яде ми се — дояде ми се / дояжда ми се* в двух последних формах происходит изменение семантической роли агенса или пациенса (*ям, чета, гледам, спя, кихам*) в экспериенциальную, а именно субъекта неконтролируемого желания.

Аргументная структура инхоативных предикатов в целом повторяет структуру исходного предиката состояния. Большинство инхоативов способны употребляться без других актантов (помимо обязательного актанта, маркированного дательным падежом).

- (18) а. *Важното било да се виждат наименованията на латински. Много са красиви, чак на мен ми се доучи (INCH.PFV.AOR). 'Оказывается, важно, чтобы были видны названия [частей тела] по-латински. Такие красивые [картинки], что мне сразу захотелось учиться' (G).*

- б. *Не е като в собствения ѝ дом, да си легне на дивана в хола и да си почива, когато ѝ се долежи* (INCH.PFV.PRS).
‘Здесь не как в ее собственном доме, чтобы лечь на диван и отдыхать, когда захочется полежать’ (G).
- в. *Можете да подобрите настроението на кучето си и да го накарате да му се прииграе* (INCH.PFV.PRS) *за секунди*.
‘Вы можете улучшить настроение своей собаки и в считанные секунды сделать так, чтобы она захотела играть’ (G).
- г. *А онзи ден така ми се дочете* (INCH.PFV.AOR)!
‘А позавчера мне так захотелось читать!’ (G).
- д. *Няма да ви показваме сватбените им торти, че току-виж ви се прижени* (INCH.PFV.PRS).
‘Мы не будем вам показывать их свадебные торты, а то вам вдруг захочется жениться’ (G).

Семантически среди предикатов данного типа выделяются две группы: обозначающие физиологическое ощущение или желание совершения действия. Предикаты физиологических ощущений могут присоединять стимул, вводимый предлогом *от*, ср. исходный предикат (19а) и инхоативы (19б–в). Как и у предикатов, рассмотренных в предыдущих разделах, стимул может быть введен в свернутом виде (19г). У глагола *дорева ми се*, когда он употреблен в качестве предиката эмоционального состояния, обнаруживаются примеры со вторым актантом — объектом эмоции, выражаемым предлогом *за* (19д):

- (19) а. *Плаче ми се от щастие*.
‘Мне хочется плакать от счастья’ (G).
- б. *Доплака му се* (INCH.PFV.AOR) *от щастие*.
‘Ему захотелось плакать от счастья’.
- в. *От миризмата на тамян винаги ми се докихва* (INCH.IPFV.PRS), *но този път успявам да се сдържа*.
‘От запаха ладана мне всегда начинает хотеться чихать, но в этот раз удалось сдержаться’ (G).

- г. ...му се доревало (INCH.PFV.AOR.INFER) при мисълта за неоправимата загуба.
‘Ему захотелось плакать при мысли о непоправимой потере’ (БНК).
- д. Направо ми се доревава (INCH.IPFV.PRS) за тия момчета в парламента!
‘Мне прямо становится до слез жаль этих ребят в парламенте’, букв. ‘начинает хотеться плакать (о них)’ (БНК).

Инхоативные предикаты, выражающие наступление желания совершить действие, как было показано выше, часто употребляются без введения объекта желаемого действия или даже не предполагают его, как в примерах (18). Однако несколько лексем (напр., *догледа ми се* ‘захочется посмотреть’, *дослуша / прислуша ми се* ‘захочется послушать’, *докара ми се* ‘захочется поводить’) требуют обязательного присутствия такого объекта. Объект желания находится в позиции подлежащего и контролирует число предиката, ср. (20а) и (20б):

- (20) а. *С кличетата, които ще видите сега, ще се забавлявате искрено, а и със сигурност ще (FUT) ви се докара (INCH.PFV.3SG) кола.*
‘Эти клипы вас развлекут в полной мере, и наверняка вам захочется покататься на машине’, букв. ‘вам поведется машина’ (G).
- б. *Много ми се догледаха (INCH.PFV.AOR.3PL) коледни филмчета.*
‘Мне очень захотелось посмотреть рождественские фильмы’ (G).

Способность глаголов к абсолютивному употреблению (*ям* ‘есть’, *пия* ‘пить’, *пуша* ‘курить’, *уча* ‘учить’ и др.) сохраняется и при исходной желательной конструкции, и при инхоативной деривации. Таким образом, они могут употребляться и с указанием, и без указания на объект желания, ср. пары в следующих примерах:

- (21) а. *Човек колкото и да не е гладен, направо му се дояжда* (INCH.PFV.PRS)!
 ‘Даже если человек не голоден, ему начинает хотеться есть’ (БНК).
- б. *След сноцната обилна вечеря никога няма да (FUT) ѝ се прияде* (INCH.PFV) *отново телешка пържоло*.
 ‘После вчерашнего обильного ужина ей никогда больше не захочется есть снова телячью отбивную’ (БНК).
- в. *Не мисля, че като ви направят стаите по-уютни, ще (FUT) ви се доучи* (INCH.PFV).
 ‘Не думаю, что, если ваши комнаты сделают уютнее, вам захочется учиться’ (G).
- г. *Внимание: възможно е да ви се приучи* (INCH.PFV.PRS) *рязко математика!*
 ‘Внимание: вам, возможно, резко захочется выучить математику!’ (G).

При инхоативах, образуемых от *яде ми се* ‘хочется есть’, *пие ми се* ‘хочется пить’, в основе которых лежит глагол потребления *ям, пия*, объект желания может быть выражен предложной группой с предлогом *от* со значением частичности ‘захотеть съесть / выпить часть, немного чего-л.’:

- (22) а. *На котката много скоро пак ѝ се дояло* (INCH.PFV.AOR.INFER) *от вкусното лакомство*.
 ‘Кошке очень быстро снова захотелось поесть немного вкусного лакомства’ (БНК).
- б. *Все пак ако ти се прияде* (INCH.PFV.PRS) *от него — недей да ядеш*.
 ‘Все же если тебе захочется еще этого — не надо есть’ (G).

Составные названия действий (в основном, с семантикой игры (на чем-то, во что-то)) сохраняют свои компоненты (в виде подлежащего или дополнения) и при инхоативной деривации:

- (23) а. *А когато (евентуално) ти се доиграе (INCH.PFV.PRS) шах — зная един прекрасен сайт.*
 ‘А когда (возможно) тебе захочется поиграть в шахматы — я знаю один прекрасный сайт’ (G).
- б. *Толкова ли не можа да направи две футболни игрища и едни тенис корт край църквата Света Неделя? Когато му се дорита (INCH.PFV.PRS) футбол или му се доиграе (INCH.PFV.PRS) тенис, щяха да са му наблизко?*
 ‘Что ж он не сделал две футбольных площадки и один теннисный корт около церкви «Св. Неделя»? Когда ему захотелось бы погонять мячик или поиграть в теннис, они бы были у него под рукой’ (G).

Инхоативные глаголы с семантикой наступления желания совершить действие (как и «физиологические» предикаты, см. примеры (19б–в)) могут вводить дополнение с предлогом *от* с семантической ролью стимула:

- (24) а. *От гледката ни се дотанцува (INCH.PFV.AOR).*
 ‘От этого вида нам захотелось танцевать’ (G).
- б. *Поисках първото си обезболяващо, а когато акушерката ми го постави, направо ми се привика (INCH.PFV.AOR) от болка.*
 ‘Я попросила первое обезболивающее, а когда акушерка мне его вколола, мне просто захотелось кричать от боли’ (G).
- в. *11 уникални подводни снимки, от които ще (FUT) ви се допътува (INCH.PFV).*
 ‘11 уникальных подводных фотографий, от которых вам захочется путешествовать’ (G).

Если исходный глагол является глаголом движения или позиции, у инхоативных предикатов возможно присоединение локативных актантов:

- (25) а. *Като работиши физически, ще (FUT) ти се доседи (INCH.PFV) на бюро.*

‘Когда поработаешь физически, тебе захочется сесть за письменный стол’ (G).

б. *Тази вечер им се е досеждало пред камината* (INCH.PFV.PRF).
‘Вечером им захотелось посидеть перед камином’ (G).

в. *След следващите снимки няма как да не ви се допътува* (INCH.PFV.PRS) *до далечна Бразилия, при това не само заради карнавала и плажове.*

‘После следующих фотографий вам обязательно захочется поехать в далекую Бразилию, причем не только ради карнавала и пляжей’ (G).

Сентенциальные актанты к инхоативам от желательных конструкций не присоединяются.

Желательные конструкции могут выражать начинательное значение с помощью связывания с глаголом *започвам / започна*: *Идва вечерта, и започва да ми се яде* ‘Наступает вечер, и мне начинает хотеться есть’. Но эти конструкции не могут быть признаны синонимичными приставочным инхоативам, как это происходит для модели 3.1, где различие между инхоативами и конструкциями с начинательным глаголом *ставам / стана* незначительно. Для модели 3.3 дистрибуция приставочных инхоативов и «аналитических» средств выражения начинательности требует отдельного описания.

Для ряда желательных конструкций возможно также образование **финитивов** с приставкой *от-*:

(26) а. *Идеята е дотам да ти втръсне от хамбургера и грейпфрута, че изобщо да ти се отяде* (FIN.PFV.PRS).

‘Идея в том, чтобы тебе настолько опротивели гамбургеры и грейпфруты, что ты расхотела бы есть вообще’ (БНК).

б. *...ако искате да ви се отходи* (FIN.PFV.PRS) *на хотел, да ви разкажа още.*

‘...если хотите, чтобы вам расхотелось останавливаться в гостинице, давайте еще расскажу’ (G).

- в. *Откъпа ми се* (FIN.PFV.AOR) *за поне месец напред*.
 ‘Мне расхотелось купаться по крайней мере на месяц вперед’ (G).
- г. *От тази гледка направо ми се отяде* (FIN.PFV.AOR).
 ‘От этого вида мне просто расхотелось есть’ (БНК).

Финитивы представлены в болгарском языке в гораздо меньшем количестве, чем инхоативы. Далее предлагаем список глаголов, для которых обнаруживаются реальные, хотя в некоторых случаях единичные употребления. Все эти образования имеют инхоативную пару из *Таблицы 3*.

Отгледа / отглежда ми се, отслуша / отслушва ми се, откара / откарва ми се, отжени ми се / отженва ми се, откъпе / откъпва ми се, отпътува ми се, отходи / отхожда ми се, отпее / отпява ми се, отпише / отписва ми се, отпие / отпива ми се, отпуши / отпушва ми се, отработи / отработва ми се, отсвири / отсвирва ми се, отиграе / отиграва ми се, оттанцува ми се, отучи / отучва ми се, отчете / отчита ми се, отяде / отяжда ми се. Ср. рус. (мне) *расхочется, перестанет / перестает хотеться: смотреть, слушать, водить, жениться, купаться, путешествовать, ходить, петь, писать, пить, курить, работать, играть (муз.), играть (танцевать), танцевать, учить(ся), читать, есть.*

Финитивное значение для желательных конструкций может быть выражено и синтаксически: сочетанием с наречием *вече* ‘уже’: *отспа ми се, отяде ми се* ‘мне расхотелось спать / есть’ — *вече не ми се спи, вече не ми се яде* ‘меня уже не тянет спать / есть’, букв. ‘мне уже не спится / не естся’ или с финитивным глаголом: *престава да ми се спи* ‘мне перестает хотеться спать’. Финитивы с приставкой *от-* при этом всегда эмоционально маркированы в сравнении с синтаксическим способом выражения финитивности. Их синтаксической особенностью является то, что они допускают эксплицитное выражение причины прекращения желания, как в (26г), в отличие от указанных синонимичных способов.

В болгаристике принято включать в группу желательных конструкций и соответствующую форму от глагола желания *искам*

‘хотеть’ — *иска ми се* ‘хочется’ и его разговорного синонима *ща — ще ми се* и их инхоативы: *доиска / доисква ми се*; *прииска / приискава ми се*; *доще / дощява ми се*; *прище / прищява ми се* ‘мне захочется / начинает хотеться’ (27а), ср. и финитивные *отище / отищява ми се*, *отиска / отисква ми се* ‘мне расхочется / перестает хотеться’ (27б).

(27) а. *Прииска ми се* (INCH.PFV.AOR) *да ти купя нещо*.

‘Мне захотелось купить тебе что-нибудь’.

б. *Отища ми се* (FIN.PFV.AOR) *да готвя*.

‘Мне расхотелось готовить’.

Синтаксически, однако, эта конструкция отличается от желательных конструкций, рассмотренных выше, иной является и ее предикатно-аргументная структура (она совпадает с возможностями рус. *хочется / захочется / расхочется*).

4. Заключение

Болгарский язык характеризуется широкими возможностями для присоединения начинательных приставок. Приставка *за-* выступает как основная и наиболее частотная приставка для образования глаголов ингрессивного (начинательного) способа действия. С ее помощью образуются дериваты от большинства глаголов действия. В то же время, несмотря на широкую представленность начинательной деривации в болгарском языке, ограничения, порождаемые семантической (аспектологической) характеристикой предиката, оказывают сдерживающее влияние на возможность образовать приставочный коррелят. Так, семантические ограничения могут сужать продуктивность начинательных приставок, как, например, у предикатов устойчивых признаков, где начинательная деривация ограничена (хотя реализуется все равно более активно, чем в русском языке), либо вообще ее блокировать (как при глаголах одноактного действия).

Как показано в работе, в болгарском языке возможно образование приставочных инхоативы и от многих глаголов врёменных состояний, в том числе и тех разновидностей, для которых в русском языке присоединение начинательных приставок не допускается.

Инхоативы от предикатов трех групп врёменных состояний, подробно рассмотренные в данной статье, специфичны на фоне других начинательных глаголов болгарского языка. Они образуются не с помощью наиболее частотной начинательной приставки *за-*, а ограниченным набором менее продуктивных инхоативных приставок и конфи́ксов (а именно конфи́ксов *до-* / *-е*, *при-* / *-е* от предикативов неглагольного типа и приставок *до-* и *при-* от глагольных предикатов). При этом они последовательно заимствуют состав и падежное маркирование обязательных элементов безличной модели, в рамках которой функционирует исходный предикат.

Создаваемые в процессе такой деривации пары очевидным образом являются коррелятивными структурами, находящимися в семантическом отношении 'быть в состоянии — войти в состояние'. Эти пары характеризуются и близостью предикатно-аргументной структуры. Зафиксированы немногочисленные расхождения в валентностных возможностях между исходным предикатом и приставочным образованием, прежде всего в первой группе (с наречным предикатом в составе дативно-предикативной конструкции состояния). Эти различия связаны с расширением состава, способа выражения актантов или их семантического объема у инхоативных образований по сравнению со стативным коррелятом. Так, приставочный инхоатив, в отличие от коррелятивного статического предиката на *-о/-е*, может вводить в качестве стимула, вызывающего соответствующее состояние экспериенцера, обобщенную ситуацию в виде недетерминированной именной группы с предлогом *в* или свернутых предикаций с выражениями *при вида на*, *при мисълта за*.

Расширение валентностных возможностей у инхоативных производных варьируется в зависимости от семантики исходных предикатов на *-о/-е* в рамках дативно-предикативной модели — физиологических, эмоциональных, ментальных. Так, стативные предикаты физиологических состояний могут употребляться без

других актантов, в то время как их инхоативные дериваты обычно присоединяют актант-стимул или локатив — место сосредоточения неприятных ощущений. Переносное употребление предикатов физиологического состояния (*прилошее ми*, *призлее ми*) в качестве предикатов эмоций открывает возможность присоединения стимула в виде *да*-предложений. Инхоативы от предикатов эмоционального состояния на *-o/-e* также расширяют возможности выражения стимула (не только придаточными предложениями, но и предложными группами) по сравнению со своими коррелятами.

Наименьшие различия аргументной структуры отмечаются в группе желательных конструкций и их производных: инхоатив наследует от исходного глагольного предиката не только экспериенциальный компонент, но и другие валентности. Впрочем, большинство рассмотренных желательных конструкций и их коррелятов часто функционирует без каких-либо других составляющих (помимо обязательного актанта, маркированного дательным падежом).

На основе словарной выборки и с привлечением актуальных языковых данных были составлены списки инхоативных образований для трех исследованных групп. Исследование подтвердило наше ожидание ограничений инхоативной деривации во всех трех группах. Ограничение их продуктивности связано, однако, не только с семантическими сдерживающими факторами. Во-первых, словообразовательные средства, с помощью которых образуются инхоативы (начинательные корреляты к предикатам состояния), в принципе в болгарском языке значительно менее продуктивны, чем начинательная приставка *за-* (см. списки К. Ивановой в *Разделе 2*, где представлено количественное сравнение разных начинательных приставочных образований).

Во-вторых, инхоативные дериваты испытывают действие высокой конкуренции, порождаемой сочетаниями с начинательными глаголами. В данной работе мы лишь затронули вопрос соотносительности «синтетических» и «аналитических» средств выражения начинательности, который требует специального исследования, с привлечением разных фазисных глаголов и отдельного рассмотрения сопоставляемых форм в тех или иных временных значениях. Тем не менее

очевидно, что начинательные глаголы обладают более широким охватом присоединяемых предикатов. Насколько при этой конкуренции будут жизнеспособны приставочные дериваты в системе языка, может показать только диахроническое наблюдение. Для части списка (инхоативы от субстантивных моделей и частично от предикативов на *-o/-e*) наблюдается лексикализация инхоативного деривата (связанные употребления), другая часть образований, рассмотренных в *подразделах 3.1 и 3.2*, используется в стилистических целях.

Однако образование инхоативов от желательных конструкций (3.3) представляет собой живой процесс⁷, особенно активный в слабо регулируемых стилях общения. То же касается и финитивных образований, которые возможны только от желательных конструкций, но не от других рассмотренных групп.

Практически все выявленные дериваты способны ко вторичной имперфективации, ограничения на нее обусловлены только немногими общезыковыми правилами (см. *подраздел 2.2.1*). Этот фактор повышает жизнеспособность инхоативных дериватов в болгарском языке.

Список условных сокращений

AOR — аорист; FIN — финитив; FUT — будущее время; IMPRF — имперфект; INCH — инхоатив; INF — инфинитив; INFER — инферентив; IMPFV — имперфектив; PFV — перфектив; PL — множественное число; PRF — перфект; PRS — настоящее время; SG — единственное число; ДПС — дативно-предикативная структура; НСВ — несовершенный вид; СВ — совершенный вид.

Литература

Андрейчин 1942 — Л. Андрейчин. Основна българска граматика. София: Хемус, 1942.

⁷ При этом и данная группа испытывает конкуренцию со стороны аналитических конструкций как универсального средства выражения начинательности, напр.: *прияжда ми се* или *започва да ми се яде* ‘мне начинает хотеться есть’. Возникающие ограничения на взаимозамену этих конструкций требуют отдельного анализа.

- Апресян 1995 — Ю. Д. Апресян. Избранные труды: в 2 т. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995.
- Апресян 2005 — Ю. Д. Апресян. О Московской семантической школе // Вопросы языкознания. 2005. № 1. С. 3–28.
- Атанасов 2006 — А. Атанасов. Залогова характеристика на безличните глаголни сказуеми в СБЕ // Български език. 2006. № 1. С. 52–61.
- Атанасов 2015 — А. Атанасов. Класификация на безличните предикати в съвременния български език // Български език. 2015. № 3. С. 38–53.
- Атанасова 2011 — А. Атанасова. Полипрефигирани глаголи в съвременния български книжовен език. Дисертация за присъждане на образователната и научна степен «доктор». София: Институт за български език «Проф. Любомир Андрейчин» към Българската академия на науките, 2011.
- Атанасова 2016 — А. Атанасова. Словообразователни особености на ингресивните глаголи с префикс за- // Д. Благоева, С. Колковска (ред.). За словото — нови търсения и подходи. Юбилеен сборник в чест на чл.-кор. проф. д. ф. н. Емилия Пернишка. София: Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 2016. С. 294–300.
- БАС 1948–1965 — В. И. Чернышева (ред.). Словарь современного русского языка. В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.
- Влахова 2004 — Р. Влахова. Към структурно-семантичната характеристика на префигираните глаголи в съвременния български език // Годишник на СУ «Св. Климент Охридски», Факултет по славянски филологии. 2004. Т. 89. Кн. 1. С. 5–28.
- Влахова 2005 — Р. Влахова. «Винителни» и «дателни» префигирани глаголи в съвременния български език // С. Коева (съст.). Аргументна структура. Проблеми на простото и сложното изречение. София: Сема РИШ, 2005. С. 80–105.
- Георгиев 1990 — И. Георгиев. Безличные предложения в русском и болгарском языках. София: Народна просвета, 1990.
- Градинарова 2007 — А. А. Градинарова. Болгарский субъектный имперсонал и его русские функциональные соответствия // Acta Linguistica (Eurasia Academic Publishers). 2007. Т. I. № 1. С. 41–54.
- Градинарова 2010 — А. А. Градинарова. Безличные конструкции с дательным субъекта и предикативом на -о в русском и болгарском языках // Болгарская русистика. 2010. № 3–4. С. 34–55.
- Градинарова 2018 — А. А. Градинарова. Дативная модель с предикативом на -о в русском и болгарском языках на фоне ее парадигматических связей // Русский язык за рубежом. 2018. № 5. С. 18–23.
- Деянова 1976 — М. Деянова. Из сърбохърватско-българската съпоставителна аспектология // Български език. 1976. № 6. С. 459–467.

- Джонова 2004 — М. Джонова. Семантичната роля експериенцер в изречени-
ята с предикативно наречие // В. Панайотов (ред.). Славистиката в на-
чалото на XXI век — традиции и очаквания. София: Сема РШ, 2004.
С. 199–205.
- Джонова 2005 — М. Джонова. Предикати със задължителен аргумент експери-
енцер от типа «дострашее ме», «домъчнее ми» // Ю. Стоянова, Г. Дачева,
Н. Павлова, Н. Михайлова, Вл. Миланов (съст.). *Littera scripta manet*: сбор-
ник в чест на 65-годишнината на проф. д. ф. н. Василка Радева. София: Уни-
верситетско издателство «Св. Климент Охридски», 2005. С. 568–577.
- Джонова 2008 — М. Джонова. Аргументна структура на изреченията, съдържащи
предикат с непряко допълнение експериенцер от типа «спи ми се» // S. Co-
mati (ed.). *Bulgarica — studia et argumenta. Festschrift für Ruselina Nitsolova*
zum 65. Geburtstag. München: Otto Sagner, 2008. С. 231–240.
- Димитрова 2013 — М. Димитрова. Граматиката в речника — представяне на оп-
тативни конструкции в българските речници // Л. Крумова-Цветкова, Д. Бла-
гоева, С. Колковска (ред.). 70 години българска академична лексикография.
София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2013. С. 211–224.
- Димитрова 2015 — М. Димитрова. Оптативните конструкции в съвременния бъл-
гарски език: свобода и ограничения в образуването им // Български език.
2015. № 3. С. 25–37.
- Динева 1999/2000 — А. Динева. Валентности и семантични роли при изразява-
нето на емоции // Български език. 1999/2000. № 2. С. 1–25.
- Зализняк 1992 — Анна А. Зализняк. Исследования по семантике предикатов вну-
треннего состояния. München: Sagner, 1992.
- Зализняк 2006 — Анна А. Зализняк. Многозначность в языке и способы ее пред-
ставления. М.: Языки русской культуры, 2006.
- Иванова 1974 — К. Иванова. Начини на глаголното действие в съвременния бъл-
гарски език. София: Издателство на Българската академия на науките, 1974.
- Иванова 2012 — Е. Ю. Иванова. Славянские языки в аспекте типологии предик-
атов (класс «устойчивых признаков») // Филология и человек. 2012. № 3.
С. 72–86.
- Иванова 2016 — Е. Ю. Иванова. Безличные предложения с обязательным место-
именным выражением экспериенцера в болгарском языке // А. В. Циммер-
линг, Е. А. Лютикова (ред.). Архитектура клаузы в параметрических моделях:
синтаксис, информационная структура, порядок слов. (*Studia Philologica*).
М.: Языки славянской культуры, 2016. С. 332–368.
- Иванова 2018 — Е. Ю. Иванова. Дативно-предикативные структуры в болгар-
ском языке: статистика эксперимента // Русский язык за рубежом. 2018.
№ 5. С. 11–17.

- Иванчев 1961 — С. Иванчев. Контекстово обусловена ингресивна употреба на глаголите от несвършен вид в чешкия език // Годишник на Софийския университет. Филологически факултет. 1961. Т. 52. № 3. С. 1–152.
- Иванчев 1970 — С. Иванчев. Българските дистрибутивни глаголи във видово отношение // Известия на Института за български език. 1970. Т. XIX. С. 105–112.
- Иванчев 1971 — С. Иванчев. Проблеми на аспектуалността в славянските езици. София: Издателство на Българската академия на науките, 1971.
- Коева 2005 — С. Коева. Синтактични трансформации // С. Коева (съст.). Аргументна структура. Проблеми на простото и сложното изречение. София: СЕМА РИШ, 2005. С. 106–138.
- Коева 2019 — С. Коева. Комплементите в български // В. Мичева, Д. Благоева, С. Колковска, Т. Александрова, Х. Дейкова (отг. ред.). Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език «Проф. Любомир Андрейчин» (София, 14–15 май 2019 г.). София: Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 2019. С. 57–68.
- Куртева 2007 — Т. Куртева. Синтагматика и семантична функция на глаголните представки в съвременния български книжовен език. Велико Търново: Астарта, 2007.
- Кустова 2002 — Г. И. Кустова. О типах производных значений слов с экспериенциальной семантикой // Вопросы языкознания. 2002. № 2. С. 16–34.
- Лазарова 1999 — М. Лазарова. Морфемното равнище — динамичният консерватор на езиковата система. В. Търново: Слово, 1999.
- Маслов 1959 — Ю. С. Маслов. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) // С. Б. Бернштейн (отв. ред.). Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М.: Изд-во АН СС-СР, 1959. С. 157–312.
- Маслов 1965/2004 — Ю. С. Маслов. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Маслов 1981a — Ю. С. Маслов. Грамматика болгарского языка. М.: Высшая школа, 1981.
- Маслов 1981b — Ю. С. Маслов. Категория состояния в болгарском языке // Р. И. Аванесов (отв. ред.). Теория языка, методы его исследования и преподавания. Л.: Наука, 1981. С. 172–177.
- Недялков 1987 — В. П. Недялков. Начинателность и средства ее выражения в языках разных типов // А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 180–195.
- Ницолова 2001 — Р. Ницолова. Значение и граматични особености на сложните изречения с предикати за знание в българския език // С. Коева. (съст.).

- Съвременни лингвистични теории. Помагало по синтаксис. Пловдив: Пловдивско университетско издателство, 2001. С. 174–192.
- Ницолова 2008 — Р. Ницолова. Българска граматика. Морфология. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2005.
- Норман 1988 — Б. Ю. Норман. За някои типове безлични конструкции в съвременния български език // Език и литература. 1988. № 6. С. 3–11.
- Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантическите изследвания: Семантика времени и вида в руском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Динамическите модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Пенчев 2001 — Й. Пенчев. Едносъставни изречения // С. Коева (съст.). Съвременни лингвистични теории: Помагало по синтаксис. Пловдив: Пловдивско университетско издателство, 2001. С. 86–93.
- Пернишка 1979 — Е. Пернишка. Някои прояви на граматична и словообразователна дефективност при глаголи, образувани с представка *за-* // Български език. 1979. № 4. С. 304–312.
- Петрова 2006 — Г. Петрова. Семантични роли на кратките дателни местоимения. Бургас: Димант, 2006.
- Петрова 2018 — Г. Петрова. Именните предикативи, присоединяющие дательный экспериенцер в болгарском языке: семантика и синтаксис // Русский язык за рубежом. 2018. № 5. С. 30–35.
- Петрова 2020 — Г. Петрова. Безлични предикативно-дателни конструкции в българския език // В. Мичева, Д. Благоева, М. Витанова, М. Цибранска, С. Колковска, Т. Александрова (отг. ред.). Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език «Проф. Любомир Андрейчин» (София, 2020). Т. 1. София: Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов». С. 100–106.
- Петрухина 2000 — Е. В. Петрухина. Аспектуалните категории глагола в руском языке. М.: Изд-во Московского университета, 2000.
- Радева 1991 — В. Радева. Българското словообразуване. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1991.
- Радева 1993 — В. Радева. Словообразователна и семантична структура на деноминалните глаголи в съвременния български книжовен език. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1993.
- Радева 2006 — В. Радева. Функция сложных формантов при деноминальных глаголах // А. А. Лукашанец (ред.). Функциональные аспекты слова́тварення. Доклады IX Міжнародной науковай конференції Камісії па славянскаму слова́тваренню пры Міжнародным камітэце славістаў. Мінск: Права і эканоміка, 2006. С. 213–224.

- Рожновская 1959 — М. Г. Рожновская. Безличные предложения в современном болгарском литературном языке // С. Б. Бернштейн (отв. ред.). Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 379–432.
- Романски (ред.) 1954–1958 — С. Романски. Речник на съвременния български книжовен език. Т. 1–3. София: Издателство на Българската академия на науките, 1954–1958.
- Селиверстова 1982 — О. Н. Селиверстова. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // О. Н. Селиверстова (отв. ред.). Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 86–158.
- Соколов 1978 — О. М. Соколов. К характеристике способов глагольного действия (на материале русского и болгарского языков) // Ю. С. Маслов (отв. ред.). Вопросы сопоставительной аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. С. 56–75.
- Стойнова 2020 — Н. М. Стойнова. Начинателный префикс *за-*. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>) (электронный ресурс). URL: http://rusgram.ru/Инхоативный_префикс_за- (дата обращения 26.04.2021).
- Стоянов 1966 — С. Стоянов. Отглаголни съществителни с наставка *-не* от свършени глаголи? // Език и литература. 1966. № 2. С. 39–48.
- Храковский 1987 — В. С. Храковский. Фазовость // А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 153–180.
- Циммерлинг 2017 — А. В. Циммерлинг. Русские предикативы в зеркале эксперимента и корпусной грамматики // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. № 16 (23). М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2017. Т. 2. С. 466–482.
- Циммерлинг 2018a — А. В. Циммерлинг. Имперсональные конструкции и дативно-предикативные структуры в русском языке // Вопросы языкознания. 2018. № 5. С. 7–33.
- Циммерлинг 2018b — А. В. Циммерлинг. Параметрическое описание предикативов: синтаксис и семантика // Русский язык за рубежом. 2018. № 5. С. 6–10.
- Циммерлинг 2018c — А. В. Циммерлинг. Эпистемические предикаты и ментальные состояния // Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова (отв. ред.). Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах. М.: Гнозис, 2019. С. 45–70.
- Чакърова 2003 — К. Чакърова. Граматичната итеративност — една екзотична грамама в съвременния български език // О. Сапарев, И. Куцаров, Б. Ганчева,

- К. Протохристова, П. Пенев, И. Чобанов (ред.). Славистика. II (сборник, посветен на Международния славистичен конгрес в Люблина). Пловдив: Пловдивско университетско издателство «Паисий Хилендарски», 2003. С. 125–134.
- Шелякин 1969 — М. А. Шелякин. Функции и словообразовательные связи начинательных приставок в русском языке (к проблеме семантической мотивированности в синтагматике слов и морфем) // М. А. Шелякин (отв. ред.). Лексико-грамматические проблемы русского глагола. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1969. С. 3–33.
- Шелякин 1987 — М. А. Шелякин. Способы действия в поле лимитативности // А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 63–84.
- Dickey 1999 — S. M. Dickey. Expressing Ingressivity in Slavic: The Contextually-Conditioned Imperfective Past vs. the Phase Verb stat' and Procedural *za-* // *Journal of Slavic Linguistics*. 1999. Vol. 7. № 1. P. 11–44.
- Dickey 2012 — S. M. Dickey. Orphan prefixes and the grammaticalization of aspect in South Slavic // *Jezikoslovlje*. 2012. Vol. 13. № 1. P. 71–105.
- Galton 1976 — H. Galton. The main functions of the Slavic verbal aspect. Skopje: Macedonian Academy of Sciences and Arts, 1976.
- Ivanova 2014 — E. Yu. Ivanova. Reflexive-with-Dative construction in Russian and Bulgarian // D. Howard, T. Volodina, Y. Zhang and R. Green (eds.). *ICELAIC 2014: Proceedings of the International Conference on Education, Language, Art and Intercultural Communication*, Zhengzhou, China. S. l.: Atlantis Press, 2014. P. 427–431.
- Ivanova, Zimmerling 2019 — E. Yu. Ivanova, A. V. Zimmerling. Shared by all speakers? Dative predicatives in Bulgarian and Russian // *Български език и литература*. 2019. № 4. С. 353–362.
- Korytkowska 1992 — M. Korytkowska. Gramatyka konfrontatywna bułgarsko-polska. T. 5. Cz. 1: Typy pozycji predykatowo-argumentowych. Warszawa: S. n., 1992.
- Pesetsky 1987 — D. Pesetsky. Binding problems with experiencer verbs // *Linguistic Inquiry*. Winter 1987. Vol. 18. № 1. P. 126–140.
- Rivero 2003 — M. L. Rivero. Reflexive clitic constructions with datives: syntax and semantics // W. Browne, J.-Y. Kim, B. Partee, R. Rothstein (eds.). *Formal approaches to Slavic linguistics 11. The Amherst Meeting*. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, 2003. P. 469–494.
- Rivero, Arregui 2012 — M. L. Rivero, A. Arregui. Building Involuntary States in Slavic // V. Demonte, L. McNally (eds.). *Telicity, change, and state: A cross-categorical view of event structure*. New York: Oxford University Press, 2012. P. 300–332.

Источники

- БНК — Български национален корпус (електронный ресурс). URL: <http://search.dcl.bas.bg/> (дата обращения 26.04.2021).
- Мурдаров (ред.) 2016 — В. Мурдаров. Официален правописен речник на българския език. Глаголи. София: Просвета, 2016.
- РБЕ 1977–2015 — Речник на българския език. София: Институт за български език, 1977 — 2015 (електронный ресурс). URL: <http://ibl.bas.bg/rbe/> (дата обращения 26.04.2021)

References

- Andreychin 1942 — L. Andreychin. *Osnovna balgarska gramatika* [A Basic Bulgarian Grammar]. Sofia: Hemus, 1942.
- Apresyan 1995 — Yu. D. Apresyan. *Izbrannye trudy v 2 t. T. II: Integralnoye opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected works in 2 volumes. An integral description of language and systemic lexicography]. Vol. II. Moscow: Shkola Yazyki russkoy kultury, 1995. P. 242–305.
- Apresyan 2005 — Yu. D. Apresyan. O Moskovskoy semanticheskoy shkole [On the Moscow semantic school]. *Voprosy yazykoznaninya*. 2005. No. 1. P. 3–28.
- Atanasov 2006 — A. Atanasov. Zalogova kharakteristika na bezlichnite glagolni skazuemi v SBE [Voice characterisation of impersonal verbal predicates in contemporary Bulgarian]. *Balgarski ezik*. 2006. No. 1. P. 52–61.
- Atanasov 2015 — A. Atanasov. Klasifikatsiya na bezlichnite predikati v savremenniya balgarski ezik [A classification of impersonal predicates in contemporary Bulgarian]. *Balgarski ezik*. 2015. No. 3. P. 38–53.
- Atanasova 2011 — A. Atanasova. *Poliprefigirani glagoli v savremenniya balgarski knizhoven ezik* [Polyprefixed verbs in contemporary Standard Bulgarian]. PhD dissertation. Sofia: Institute for Bulgarian Language at the Bulgarian Academy of Sciences, 2011.
- Atanasova 2016 — A. Atanasova. Slovoobrazovatelni osobenosti na ingresivnite glagoli s prefix *za-* [Derivational characteristics of ingressive verbs with the prefix *-za-*]. *Za slovoto — novi tarseniya i podhodi*. D. Blagoeva, S. Kolkovska (eds.). *Yubileen sbornik v chest na chl.-kor. prof. d. f. n. Emilia Pernishka* [On language — new quests and approaches. An anniversary collection of papers in honour of Corresponding Member Prof. Dr. Sc. Emilia Pernishka]. Sofia: Prof. Marin Drinov Publishing House of the Bulgarian Academy of Sciences, 2016. P. 294–300.

- BAS 1948–1965 — V. I. Chernysheva (ed.). *Slovar sovremennogo russkogo yazyka. V 17 t.* [A Dictionary of the Contemporary Russian Language in 17 volumes]. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the Soviet Union, 1948–1965.
- Chakarova 2003 — K. Chakarova. Gramatichnata iterativnost — edna ekzotichna gramema v savremenniya balgarski ezik [Grammatical iterativity — an exotic grammeme in Modern Bulgarian]. O. Saparev, I. Kucarov, B. Gancheva, K. Protopristova, P. Penev, I. Chobanov (eds.). *Slavistika. II (Sbornik, posveten na Mezhdunarodniya slavistichen kongres v Ljubljana* [Slavic studies. II (Proceedings of the International congress on Slavic studies in Ljubljana)]. Plovdiv: University Press «Paisiy Hilendarski», 2003. P. 125–134.
- Deyanova 1976 — M. Deyanova. Iz sarboharvatsko-balgarskata sapostavitelna aspektologiya [On Serbo-Croatian-Bulgarian contrastive aspectology]. *Balgarski ezik*. 1976. No. 6. P. 459–467.
- Dickey 1999 — S. M. Dickey. Expressing Ingressivity in Slavic: The Contextually-Conditioned Imperfective Past vs. the Phase Verb *stat'* and Procedural *za-*. *Journal of Slavic Linguistics*. 1999. Vol. 7. No. 1. P. 11–44.
- Dickey 2012 — S. M. Dickey. Orphan prefixes and the grammaticalization of aspect in South Slavic. *Jezikoslovlje*. 2012. Vol. 13. No. 1. P. 71–105.
- Dimitrova 2013 — M. Dimitrova. Gramatikata v rechnika — predstaviane na optativni konstruksii v balgarskite rechnitsi [Grammar in the lexicon — representation of dispositional constructions in Bulgarian dictionaries]. L. Krumova-Tzvetkova, D. Blagoeva, S. Kolkovska (eds.). *70 godini balgarska akademichna leksikografiya* [70 years of Bulgarian academic lexicography]. Sofia: Marin Drinov Academic Publishing House, 2013. P. 211–224.
- Dimitrova 2015 — M. Dimitrova. Optativnite konstruksii v savremenniya balgarski ezik: svoboda i ogranicheniya v obrazuvaneto im [Dispositional constructions in contemporary Bulgarian: freedom and restrictions on their formation]. *Balgarski ezik*. 2015. No. 3. P. 25–37.
- Dineva 1999/2000 — A. Dineva. Valentnosti i semantichni roli pri izrazyavaneto na emotsii [Valences and semantic roles with verbs of emotions]. *Balgarski ezik*. 1999/2000. No. 2. P. 1–25.
- Dzhonova 2004 — M. Dzhonova. Semantichata rolya eksperientser v izrecheniyata s predikativno narechie [The semantic role of experiencer in sentences with a predicative adverb]. V. Panayotov (ed.). *Slavistikata v nachaloto na XXI vek — traditsii i ochakvaniya* [Slavic studies at the beginning of the 21st century — traditions and expectations]. Sofia: Sema RSH, 2004. P. 199–205.
- Dzhonova 2005 — M. Dzhonova. Predikati sas zadalzhitelen argument eksperientser ot tipa “dostrashee me”, “domachnee mi” [Predicates with an obligatory

- experiencer argument of the type “dostrashee me”, “domachnee mi”]. Yu. Stoyanova, G. Dacheva, N. Pavlova, N. Mihaylova, Vl. Milanov (comps.). *Littera scripta manet: Sbornik v chest na 65-godishninata na prof. d. f. n. Vasilka Radeva* [Littera scripta manet: a collection of papers on the occasion of the 65th anniversary of Prof. Dr. Sc. Vasilka Radeva]. Sofia: Sofia University Press, 2005. P. 568–577.
- Dzhonova 2008 — M. Dzhonova. Argumentna struktura na izrecheniyata, sadar-zhashti predikat s nepryako dopalnenie eksperientser ot tipa “spi mi se” [Argument structure of sentences with an Experiencer indirect object of the type “spi mi se”]. S. Comati (ed.). *Bulgaria — studia et argumenta. Festschrift für Ruse-lina Nitsolova zum 65. Geburtstag* [Bulgaria — studia et argumenta. A collection of papers on the occasion of the 65th anniversary of Prof. Ruse-lina Nitsolova]. München: Otto Saggner, 2008. P. 231–240.
- Galton 1976 — H. Galton. *The main functions of the Slavic verbal aspect*. Skopje: Macedonian Academy of Sciences and Arts, 1976.
- Georgiev 1990 — I. Georgiev. *Bezlichnye predlozheniya v russkom i bolgarskom yazykakh* [Impersonal sentences in Russian and Bulgarian]. Sofia: Narodna prosveta, 1990.
- Gradinarova 2007 — A. A. Gradinarova. Bolgarskiy subektnyy impersonal i ego russkie funktsionalnye sootvetstviya [Bulgarian impersonal subject and its Russian functional correspondences]. *Acta Linguistica*. 2007. Vol. I. No. 1. P. 41–54.
- Gradinarova 2010 — A. A. Gradinarova. Bezlichnye konstruksii s datelnym subek-ta i predikativom na -o v russkom i bolgarskom yazykakh [Impersonal constructions with a dative subject and a predicative ending in -o in Russian and Bulgarian]. *Bolgarskaya rusistika*. 2010. No. 3–4. P. 34–55.
- Gradinarova 2018 — A. A. Gradinarova. Dativnaya model s predikativom na -o v russkom i bolgarskom yazykakh na fone eye paradigmaticeskikh svyazey [Dative constructions with an -o-predicative in Russian and Bulgarian against the background of their paradigmatic ties]. *Russkiy yazyk za rubezhom*. 2018. No. 5. P. 18–23.
- Ivanchev 1961 — S. Ivanchev. Kontekstovo obuslovena ingresivna upotreba na glagolite ot nesvarshen vid v cheshkiya ezik [Contextually-conditioned ingressive use of imperfective aspect verbs in the Czech language]. *Godishnik na Sofijskiya universitet. Filologicheski fakultet*. 1961. Vol. 52. No. 3. P. 1–152.
- Ivanchev 1970 — S. Ivanchev. Balgarskite distributivni glagoli vav vidovo odnoshe-nie [Bulgarian distributive verbs in terms of their aspect]. *Izvestiya na Institut za balgarski ezik*. 1970. Vol. XIX. P. 105–112.
- Ivanchev 1971 — S. Ivanchev. *Problemi na aspektualnostta v slavyanskite ezitsi* [Issues in the aspectuality of Slavic languages]. Sofia: Publishing House of the Bulgarian Academy of Sciences, 1971.

- Ivanova 1974 — K. Ivanova. *Nachini na glagolnoto deystvie v savremenniya balgarski ezik* [Aktionsarten in Modern Bulgarian]. Sofia: Publishing House of the Bulgarian Academy of Sciences, 1974.
- Ivanova 2012 — E. Yu. Ivanova. Slavyanskiye yazyki v aspekte tipologii predikatov (klass «ustoychivyykh priznakov») [Slavic languages in the perspective of a typology of predicates (the class of permanent properties)]. *Filologiya i chelovek*. 2012. No. 3. P. 72–86.
- Ivanova 2014 — E. Yu. Ivanova. Reflexive-with-dative construction in Russian and Bulgarian. D. Howard, T. Volodina, Y. Zhang and R. Green (eds.). *ICELAIC 2014: Proceedings of the International Conference on Education, Language, Art and Intercultural Communication, Zhengzhou, China*. S. 1.: Atlantis Press, 2014. P. 427–431.
- Ivanova 2016 — E. Yu. Ivanova. Bezlichnye predlozheniya s obyazatelnyim mestoimennym vyrazheniem eksperientsera v bolgarskom yazyke [Impersonal sentences with an obligatory pronominal experiencer in Bulgarian]. A. V. Zimmerling, E. A. Lyutikova (eds.). *Arkhitektura klauzy v parametricheskikh modelyakh* [Clause architecture in parametric models]. (Studia Philologica). Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2016. P. 332–368.
- Ivanova 2018 — E. Yu. Ivanova. Dativno-predikativnye struktury v bolgarskom yazyke: statistika eksperimenta [Dative-predicative structures in Bulgarian: statistics of the experiment]. *Russkiy yazyk za rubezhom*. 2018. No. 5. P. 11–17.
- Ivanova, Zimmerling 2019 — E. Yu. Ivanova, A. V. Zimmerling. Shared by all speakers? Dative predicatives in Bulgarian and Russian. *Balgarski ezik i literatura*. 2019. No. 4. P. 353–362.
- Koeva 2005 — S. Koeva. Sintaktichni transformatsii [Syntactic Alternations]. S. Koeva (comp.). *Argumentna struktura. Problemi na prostoto i slozhnoto izrechenie* [Argument structure. Issues in the domain of simple and complex sentences]. Sofia: SEMA RSH, 2005. P. 106–138.
- Koeva 2019 — S. Koeva. Komplementite v balgarski [Complements in Bulgarian]. V. Micheva, D. Blagoeva, S. Kolkovska, T. Aleksandrova, H. Deykova (eds.). *Dokladi ot Mezhdunarodnata godishna konferentsiya na Institutata za balgarski ezik "Prof. L. Andreychin"* [Proceedings of the Annual International conference of the Institute for Bulgarian Language]. Sofia: Prof. Marin Drinov Publishing House of the Bulgarian Academy of Sciences. P. 57–68.
- Korytkowska 1992 — M. Korytkowska. *Gramatyka konfrontatywna bulgarsko-polska. T. 5. Cz. I: Typy pozycji predykato-argumentowych*. Warszawa: S. n., 1992.
- Kurteva 2007 — T. Kurteva. *Sintagmatika i semantichna funktsiya na glagolnite predstavki v savremenniya balgarski knizhoven ezik* [Syntagmatics and semantic function of preverbs in contemporary Standard Bulgarian]. Veliko Tarnovo: Astarta, 2007.

- Kustova 2002 — G. I. Kustova. O tipakh proizvodnykh znacheniy slov s eksperiencialnoy semantikoy [On the types of derived meanings of words with experiential semantics]. *Voprosy yazykoznaneya*. 2002. No. 2. P. 16–34.
- Lazarova 1999 — M. Lazarova. *Morfemnoto ravnishte — dinamichniyat konservator na ezikovata sistema* [The morphemic level — a dynamic conservative of the language system]. Veliko Tarnovo: Slovo, 1999.
- Maslov 1959 — Yu. S. Maslov. Glagolnyy vid v sovremennom bolgarskom literaturnom yazyke (znachenie i upotreblenie) [Verb aspect in Modern Standard Bulgarian (meaning and use)]. S. B. Bernshteyn (ed.). *Voprosy grammatiki bolgarskogo literaturnogo yazyka* [Issues in the grammar of Modern Standard Bulgarian]. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the Soviet Union, 1959. P. 157–312.
- Maslov 1965/2004 — Yu. S. Maslov. *Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshchee yazykoznaneye* [Selected works. Aspectology. General linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004.
- Maslov 1981a — Yu. S. Maslov. *Grammatika bolgarskogo yazyka* [A grammar of the Bulgarian language]. Moscow: Vysshaya shkola, 1981.
- Maslov 1981b — Yu. S. Maslov. Kategoriya sostoyaniya v bolgarskom yazyke [The category of state in Bulgarian]. R. I. Avanesov (ed.). *Teoriya yazyka, metody issledovaniya i prepodavaniya* [Theory of language, research and teaching methods]. Leningrad: Nauka, 1981. P. 172–177.
- Nedyalkov 1987 — V. P. Nedyalkov. Nachinatelnost i sredstva eye vyrazheniya v yazykakh raznykh tipov [Ingressivity and its expression across languages of different types]. A. V. Bondarko (ed.). *Teoriya funktsionalnoy grammatiki. Vvedeniye. Aspektualnost. Vremennaya lokalizovannost. Taksis* [Functional Grammar theory. An introduction. Temporal localisation. Taxis]. Leningrad: Nauka, 1987. P. 180–195.
- Nitsolova 2001 — R. Nitsolova. Znachenie i gramatichni osobenosti na slozhnite izrecheniya s predikati za znanie v balgarskiya ezik [Meaning and grammatical features of complex sentences with cognition predicates in Bulgarian]. S. Koeva (comp.). *Savremenni lingvistichni teorii. Pomagalo po sintaksis* [Contemporary linguistic theories. A handbook of syntax]. Plovdiv: Plovdiv University Press, 2001. P. 174–192.
- Nitsolova 2008 — R. Nitsolova. *Balgarska gramatika. Morfologiya* [A Bulgarian grammar. Morphology]. Sofia: Sofia University Press, 2008.
- Norman 1988 — B. Yu. Norman. Za nyakoi tipove bezlichni konstruktсии v savremeniya balgarski ezik [On some types of impersonal constructions in contemporary Bulgarian]. *Ezik i literatura*. 1988. No. 6. P. 3–11.
- Paducheva 1996 — E. V. Paducheva. *Semanticheskiye issledovaniya: semantika vremeni i vida v ruskom yazyke. Semantika narrativa* [Semantic studies: the semantics

- of tense and aspect in Russian. Semantics of the narrative]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 1996.
- Paducheva 2004 — E. V. Paducheva. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in lexical semantics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004.
- Penchev 2001 — Y. Penchev. Ednosastavni izrecheniya [Subjectless and predicateless sentences]. S. Koeva (comp.). *Savremenni lingvistichni teorii. Pomagalo po sintaksis* [Contemporary linguistic theories. A handbook of syntax]. Plovdiv: Plovdiv University Press, 2001. P. 86–93.
- Pernishka 1979 — E. Pernishka. Nyakoi proyavi na gramatichna i slovoobrazovatelna defektivnost pri glagoloi, obrazuvani s predstavka za- [Some manifestations of grammatical and derivational defectivity with verbs formed with the prefix za-]. *Balgarski ezik*. 1979. No. 4. P. 304–312.
- Pesetsky 1987 — D. Pesetsky. Binding problems with experiencer verbs. *Linguistic Inquiry*. 1987. Vol. 18. No. 1. P. 126–140.
- Petrova 2006 — G. Petrova. *Semantichni roli na kratkite datelni mestoimeniya* [Semantic roles of dative clitics]. Burgas: Diamant, 2006.
- Petrova 2018 — G. Petrova. Imennye predikativy, prisoedinyayushchie datelnyy eksperimentser v bolgarskom yazyke: semantika i sintaksis [Nominal predicatives selecting a dative experiencer in Bulgarian: semantics and syntax]. *Russkiy yazyk za rubezhom*. 2018. No. 5. P. 30–35.
- Petrova 2020 — G. Petrova. Bezlichni predikativno-dativni konstruksii v balgarskiya ezik [Impersonal predicative-dative constructions in Bulgarian]. V. Micheva, D. Blagoeva, M. Vitanova, M. Tsibranska, S. Kolkovska, T. Aleksandrova (eds.). *Dokladi ot Mezhdunarodnata godishna konferentsiya na Institutata za balgarski ezik "Prof. L. Andreychin" (Sofia, 2020)* [Proceedings of the Annual international conference of the Institute for Bulgarian language (Sofia, 2020)]. Sofia: Prof. Marin Drinov Publishing House of the Bulgarian Academy of Sciences, 2020. P. 100–106.
- Petrukhina 2000 — E. V. Petrukhina. *Aspektualnye kategorii glagola v ruskom yazyke* [Aspectual categories of verbs in Russian]. Moscow: Moscow University Press, 2000.
- Radeva 1991 — V. Radeva. *Balgarskoto slovoobrazuvane* [Bulgarian word-formation]. Sofia: Sofia University Press, 1987.
- Radeva 1993 — V. Radeva. *Slovoobrazovatelna i semantichna struktura na denominalnite glagoli v savremenniya balgarski knizhoven ezik* [Word-formation and semantic structure of denominal verbs in Modern Standard Bulgarian]. Sofia: Sofia University Press, 1993.
- Radeva 2006 — V. Radeva. Funktsiya slozhnykh formantov pri denominalnykh glagolakh [Function of complex formants in denominative verbs]. A. A. Lukashanets (ed.).

- Funktsyanalnaya aspekty slovytvarenniya. Daklady IX Mizhnarodnay navukovay kanferentsiy Kamisii pa slavyanskamu slovyautvarenniyu pry Mizhnarodnym kamititse slavistav* [Functional aspects of word-formation. Proceedings of the 9th International scientific conference of the Committee on Slavic Word-formation at the International Committee of Slavists]. Minsk: Prava i ekanomika, 2006. P. 213–224.
- Rivero 2003 — M. L. Rivero. Reflexive clitic constructions with datives: syntax and semantics. W. Browne, J.-Y. Kim, B. Partee, R. Rothstein (eds.). *Formal approaches to Slavic linguistics 11. The Amherst Meeting*. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, 2003. P. 469–494.
- Rivero, Arregui 2012 — M. L. Rivero, A. Arregui. Building involuntary states in Slavic. V. Demonte, L. McNally (eds.). *Telicity, change, and state: A cross-categorical view of event structure*. New York: Oxford University Press, 2012. P. 300–332.
- Romanski (ed.) 1954–1958 — S. Romanski (ed.). *Rechnik na savremenniya bulgarski knizhoven ezik. T. 1–3* [A dictionary of Modern Standard Bulgarian. Vol. 1–3]. Sofia: Publishing House of the Bulgarian Academy of Sciences, 1954–1958.
- Rozhnovskaya 1959 — M. G. Rozhnovskaya. *Bezlichnye predlozheniya v sovremenom bolgarskom yazyke* [Impersonal sentences in Modern Bulgarian]. S. B. Bernshteyn (ed.). *Voprosy grammatiki bolgarskogo literaturnogo yazyka* [Issues in the grammar of Modern Standard Bulgarian]. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the Soviet Union, 1959. P. 379–432.
- Seliverstova 1982 — O. N. Seliverstova. Vtoroy variant klassifikatsionnoy setki i opisanie nekotorykh predikatnikh tipov russkogo yazyka [A second version of a classification lattice and description of some types of Russian predicates]. O. N. Seliverstova (ed.). *Semanticheskiye tipy predikatov*. Moscow: Nauka, 1982. P. 86–157].
- Sokolov 1978 — O. M. Sokolov. K kharakteristike sposobov glagolnogo deystviya (na materiale russkogo i bolgarskogo yazykov) [To the characterisation of Aktionsarten (on material from Russian and Bulgarian)]. Yu. S. Maslov (ed.). *Voprosy sopostavitel'noy aspektologii*. Leningrad: Leningrad State University Press, 1978. P. 56–75.
- Stoynova 2020 — N. M. Stoynova. *Nachinatel'nyy prefix za-*. *Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya ruskoy grammatiki* [Inchoative prefix *za-*. Material for the project for corpus description of Russian grammar (<http://rusgram.ru>)]. Available at: http://rusgram.ru/Инхоативный_префикс_за- (accessed on 26.04.2021).
- Stoyanov 1966 — S. Stoyanov. Otglagolni sashtestvitelni s nastavka *-ne* ot svarshe-ni glagoli? [Deverbal nouns ending in *-ne* formed from perfective verbs?]. *Ezik i literatura*. 1966. No. 2. P. 39–48.

- Shelyakin 1969 — М. А. Shelyakin. Funktsii i slovoobrazovatelnye svyazi nachinatelnykh prstavok v russkom yazyke (k probleme semanticheskoy motivirovannosti v sintagmatike slov i morfem) [Functions and derivational relations of Russian inchoative prefixes]. М. А. Shelyakin (ed.). *Leksiko-grammaticheskie problemy russkogo glagola* [Issues in the lexico-grammar of Russian verbs]. Novosibirsk: West-Siberian Publishing House, 1969. P. 3–33.
- Shelyakin 1987 — М. А. Shelyakin. Sposoby deystviya v pole limitativnosti [Aktionsarten in the domain of telicity]. А. V. Bondarko (ed.). *Teoriya funktsionalnoy grammatiki. Vvedeniye. Aspektualnost. Vremennaya lokalizovannost. Taksis* [Functional Grammar theory. An introduction. Temporal localisation. Taxis]. Leningrad: Nauka, 1987. P. 63–84.
- Khrakovskiy 1987 — V. S. Khrakovskiy. Fazovost [The category of phase]. А. V. Bondarko (ed.). *Teoriya funktsionalnoy grammatiki. Vvedeniye. Aspektualnost. Vremennaya lokalizovannost. Taksis* [Functional grammar theory. An introduction. Temporal localisation. Taxis]. Leningrad: Nauka, 1987. P. 153–180.
- Vlahova 2004 — R. Vlahova. Kam strukturno-semantichnata harakteristika na prefigiranite glagoli v savremenniya balgarski ezik [Towards the structural and semantic characterisation of prefixed verbs in contemporary Bulgarian]. *Godishnik na Sofiyskiya universitet. Fakultet po slavyanski filologii*. 2004. Vol. 89. No. 1. P. 5–28.
- Vlahova 2005 — R. Vlahova. Vinitelni i datelni prefigirani glagoli v savremenniya balgarski ezik [“Accusative” and “dative” prefixed verbs in contemporary Bulgarian]. S. Koeva (comp.). *Argumentna struktura. Problemi na prostoto i slozhnoto izrechenie* [Argument structure. Issues in the domain of simple and complex sentences]. Sofia: SEMA RSH, 2005. P. 80–105.
- Zaliznyak 1992 — Anna A. Zaliznyak. *Issledovaniya po semantike predikatov vnutrennego sostoyaniya* [A study into the semantics of predicates of internal state]. München: Sagner, 1992.
- Zaliznyak 2006 — Anna A. Zaliznyak. *Mnogoznachnost v yazyke i sposoby eye predstavleniya* [Linguistic ambiguity and the means of its representation]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2006.
- Zimmerling 2017 — А. V. Zimmerling. Russkie predikativy v zerkale eksperimenta i korpusnoy grammatiki [Russian predicatives in the perspective of experimentation and corpus grammar]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tehnologii*. No. 16 (23). Moscow: Russian State University for the Humanities Press, 2017. Vol. 2. P. 466–482.
- Zimmerling 2018a — А. V. Zimmerling. Impersonalnye konstruksii i dativno-predikativnye struktury v russkom yazyke [Impersonal constructions and

- dativ-predicative structures in Russian]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2018. No. 5. P. 7–33.
- Zimmerling 2018b — A. V. Zimmerling. Parametricheskoe opisanie predikativov: sintaksis i semantika [Parametric description of Slavic predicatives: syntax and semantics]. *Russkiy yazyk za rubezhom*. 2018. No. 5. P. 6–10.
- Zimmerling 2018c — A. V. Zimmerling. Epistemicheskie predikaty i mentalnye sostoyaniya [Epistemic predicates and mental states]. N. D. Arutyunova, M. L. Kovshova (eds.). *Logicheskiy analiz yazyka. Ponyatie very v raznyh yazykah i kulturah*. Moscow: Gnozis, 2019. P. 45–70.

Использование глагольных форм для структурирования нарратива и маркирования текстов различных жанров в диалектах хантыйского

А. Ю. Урманчиева

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия);
urmanna@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются нарративные стратегии самого восточного, ваховского диалекта хантыйского языка в сопоставлении с нарративными стратегиями других хантыйских диалектов.

Под дискурсивными функциями глагольных форм в нарративе понимается такое использование аспектуальных, темпоральных или эвиденциальных форм, которое предопределяется не их грамматической семантикой, а необходимостью маркировать определенное положение того или иного текстового фрагмента в общей структуре нарратива. Для целей настоящего исследования важны следующие дискурсивные функции:

- секвентная: в хронологической последовательности описываются следующие друг за другом ситуации, относящиеся к основной линии повествования;
- интродуктивная функция: как правило, в тексте особым образом маркируются глагольные формы в начальном, вводном фрагменте, где вводятся основные персонажи, приводятся их «анкетные данные», также может излагаться краткая предыстория.

Однако у глагольных форм в нарративе может быть и другая функция, а именно — противопоставление текстов разных жанров (в фольклорных и персональных нарративах используются разные глагольные формы).

Хорошим примером языков, где глагольные формы используются, с одной стороны, для структурирования нарратива, с другой стороны, для противопоставления текстов разных жанров, являются самодийские языки. В них достаточно четко выделяется интродуктивный фрагмент и представлено бинарное разделение на фольклорные и персональные нарративы. При этом для обско-угорских языков, в том числе для основного массива хантыйских диалектов,

такое использование глагольных форм не характерно. Это показало рассмотрение текстов на обдорском диалекте (представляющем северную диалектную общность) и сургутском диалекте (представляющем западную часть восточной диалектной зоны). На этом фоне выделяются говоры ваховского диалекта, в которых глагольные формы используются как для структурирования нарратива (особое маркирование интродуктивного фрагмента), так и для типологически редкого противопоставления трех жанров: исторического предания, сказки и персонального нарратива. Такое троичное противопоставление маркируется также в самом северном, среднетазовском диалекте селькупского. Примечательно, что это троичное противопоставление было зафиксировано именно в материалах из с. Корлики: они представляют ту часть ваховского диалектного ареала, которая ближе всего расположена к территориям, освоенным северными селькупками (пути миграций которых на север пролегли в том числе и через бассейн Ваха).

Ключевые слова: восточный хантыйский, нарратив, дискурс.

Благодарности. Исследование поддержано грантом РФФИ 17-04-00570-ОГН «Нарративные стратегии в селькупских и хантыйских диалектах».

Verbal forms as means for structuring narratives and text genre marking in Khanty dialects

A. Yu. Urmanchieva

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); urmanna@yandex.ru

Abstract. The article compares the narrative strategies of the easternmost Vakh dialect of the Khanty language against those in other Khanty dialects. The use of temporal, modal, aspectual and evidential verbal forms in a given text is known to be motivated by not only their grammatical meaning in the strict sense, but also by a set of specific discursive functions they have developed.

On the one hand, such verbal forms can have certain impact on the narrative discourse structure. Important for the purposes of this study is the opposition between the main storyline and the introduction, as many languages use special verbal forms in the initial fragment of a story which introduces the main characters, provides their “personal data” and, sometimes, their brief background.

On the other hand, verbal forms in a narrative can have yet another function, namely, differentiation between texts of different genres where verb forms used

in folklore texts are not the same as those found in personal narratives (life stories). This function of verb forms is much less studied compared to various verb form uses for narrative structuring.

Samoyedic languages are a good example of languages where verb forms are used on the one hand, for structuring a narrative, and on the other hand, for contrasting texts of different genres. They can both clearly differentiate an introductory fragment from the main storyline, and demonstrate the binary opposition of folklore vs. personal narratives. This specific use of verbal forms in discourse, however, is untypical for the Ob-Ugric languages, including for most Khanty dialects. Thus, both the Obdorsk (a northern Khanty) dialect and the Surgut (a westernmost of the eastern varieties) dialect lack these distinctions. The easternmost Vakh dialects show a different picture. In this local variety of Khanty, verbal forms are used both for structuring the narrative (special marking of the introductory fragment) and for typologically rare contrasting of the three genres: historical tradition, fairy tales, and personal narrative. The same threefold opposition is also found in the northernmost Middle Taz dialect of Selkup. It is noteworthy that this ternary contrast is observed precisely in materials from Korliki village, a part of the Vakh dialect area directly bordering the territories inhabited by northern Selkups (their migration routes also included the Vakh basin).

Keywords: Eastern Khanty, narrative, discourse.

1. Введение

Ваховский диалект хантыйского языка (как представитель восточной диалектной зоны) демонстрирует значительное своеобразие нарративных стратегий на фоне нарративных стратегий других хантыйских диалектов. С одной стороны, именно восточная диалектная зона отличается наибольшим разнообразием временных форм глагола, ср. сопоставительную *Таблицу 1* [Honti 1984: 51], дающую представление о репертуаре темпоральных глагольных форм, представленных в различных хантыйских диалектах¹; таким образом,

¹ Диалекты обозначаются в соответствии с цитируемым источником, расшифровку сокращений см. в конце статьи. Сохранены также наименования

именно эти диалекты обладают наиболее богатым набором форм, которые могут использоваться для маркирования текстовых фрагментов, имеющих в нарративе ту или иную особую дискурсивную функцию. С другой стороны, именно говоры ваховского диалекта демонстрируют поразительное разнообразие стратегий использования одних и тех же глагольных форм в нарративе.

Таблица 1. Темпоральные системы хантыйских диалектов по [Honti 1984: 51]

Table 1. Temporal systems of Khanty dialects according to [Honti 1984: 51]

	Ós-ostják	VVj.	Sur.	Sal.	Dél.	Ni.	Šer.	Kaz.	Ber.	O.
Praesens	*l	l	л	t	t	t	t	л	l	l
Perfectum	∅	∅	∅	∅	∅	∅	—	—	—	—
Imperfectum	*s	s	(s)	(s)	—	—	s	s	s	s
Perfectum historicum	—	γäl	—	—	—	—	—	—	—	—
Imperfectum historicum	—	γäs	—	—	—	—	—	—	—	—

Статья имеет следующую структуру: в *Разделе 2* обсуждается понятие дискурсивных функций глагольных форм и дается обзор нарративных стратегий, использующихся в диалектах хантыйского языка. В следующих трех разделах последовательно анализируются нарративные стратегии, использующиеся в текстах на ваховском диалекте, записанных Н. И. Терешкиным в трех поселках в бассейне Ваха: Лабаз-Ёгане (*Раздел 3*), Большом Ларьяке (*Раздел 4*) и Корликах (*Раздел 5*). В *Разделе 6* изложены основные выводы исследования.

глагольных форм, предложенные в оригинале, хотя их следует считать скорее условными ярлыками.

2. Понятие дискурсивных функций глагольных форм и обзор нарративных стратегий, использующихся в диалектах хантыйского языка

Под дискурсивными функциями глагольных форм в нарративе традиционно понимается такое использование аспектуальных, темпоральных или эвиденциальных форм, которое предопределяется не их грамматической семантикой, но необходимостью маркировать определенное положение того или иного текстового фрагмента в общей структуре нарратива, см. работы, в которых это явление анализируется на материале различных языков, в [Гусев и др. (ред.) 2008]. Так, можно выделить следующие дискурсивные функции глагольных форм:

- секвентная: в хронологической последовательности описываются следующие друг за другом ситуации, относящиеся к основной линии повествования;
- фоновая: описываются ситуации «второго плана», сопутствующие развитию основной линии повествования, но не относящиеся к ней;
- интродуктивная функция: как правило, в тексте особым образом маркируются глагольные формы в начальном, вводном фрагменте, где вводятся основные персонажи, даются их «анкетные данные» (в фольклорных нарративах нередко сообщается состав семьи героя, а также то, богат он или беден, может общаться, за счет чего он живет); в интродуктивном фрагменте также может излагаться краткая предыстория того основного сюжета, которому посвящен нарратив. Помимо основной интродукции, в тексте могут присутствовать фрагменты, имеющие функцию «промежуточной интродукции»: по ходу развития сюжета могут появляться новые персонажи, и грамматически клаузы, их представляющие, могут оформляться особым образом.

Дискурсивные функции глагольных форм не исчерпываются тремя перечисленными; читателя, желающего получить более полную картину, можно отослать к [Гусев и др. (ред.) 2008]. Однако для

целей данной работы достаточно ограничиться двумя основными дискурсивными функциями: секвентной и интродуктивной. При изучении фольклорных нарративов оказывается, что именно эти два типа фрагментов представлены практически в любом фольклорном тексте. Именно поэтому удобно сконцентрироваться на способах грамматического маркирования этих двух типов нарративных фрагментов и на этом основании выстраивать типологию структурирования нарратива в родственных языках / диалектах одного языка / языках одного ареала и т. п.

Однако у глагольных форм в нарративе может быть и другая функция, а именно — противопоставление текстов разных жанров. Бинарное разделение на фольклорные нарративы и персональные нарративы хорошо прослеживается на материале различных самодийских языков. Например, в энецком основной формой, использующейся в секвентной функции, в нарративе любого типа будет форма так называемого аориста, однако в интродуктивном фрагменте фольклорного нарратива будет использоваться инферентивная форма, ср. (1), а в интродуктивном фрагменте персонального нарратива — форма претерита, ср. (2). В обоих примерах полужирным шрифтом выделены формы интродуктивного фрагмента, курсивом — аористные формы, использующиеся в секвентной функции для описания ситуаций основной сюжетной линии:

- (1) *Кудаханей, кудаханей **дири-би** энчу.*
 давно давно жить-INFER[-S3PL]² человек.PL
- Бу-ду **дири-би** жукун. Добкутун сизи*
 он-3 жить-INFER[-S3PL] вместе однажды два
- каса энчи-ги мога-д кань-би-хи.*
 мужчина человек-DU лес-LAT уйти-INFER-S3DU

² Квадратные скобки означают отсутствие в записи материально выделяющегося показателя: ряд показателей в энецком реализуется как финальный гортанный смычный, который систематически отсутствует в цитируемом источнике. Дефис внутри квадратных скобок (не принятый в «Лейпцигских правилах глоссирования») отмечает то, что морфемную границу можно было бы провести, если бы гортанный смычный в аудите был зафиксирован.

Нэ кай-би. До каса
 женщина[PL] остаться-INFER[-S3PL] один мужчина

энчи и-би-ць ту,
 человек NEG-INFER.S3PL-PRAET прийти[-CN]

а ъо-та то-би-Ф.
 а один-3 прийти-INFER-S3

Не-за манив: «Куна бусы-й?»
 жена-3 сказать.EMPH.AOR.S3 где муж-1

Каса манив: «Бусэ-р
 мужчина сказать.EMPH.AOR.S3 муж-2

каиць» <...> Точкузда то - Ф,
 остаться.S3.PRAET потом прийти.AOR-S3

аган аган лэу-ѣа - Ф
 сильно сильно кричать-AOR-S3

‘Давно, давно **жили** люди. Они **жили** вместе. Однажды двое мужчин в лес **пошли**. Женщины **остались**. Один мужчина **не вернулся**, а один **пришел**. Жена спрашивает: «Где муж мой?» Мужчина отвечает: «Твой муж остался». <...> Потом (второй мужчина) **пришел**, **сильно**, **сильно** **кричит**’ [Сорокина, Болина 2005: 54].

(2) *Модь кери-нь дёхара, сен пу-й*
 я сам-1 не.знать.AOR.O1 сколько год-1

э-са-Ф татби-ць кань-бу-ни. Энчу
 быть-PRAET-S3 замуж.выйти-INF идти-CVB-1 человек.PL

мана, кудахай би-куз собрик по
 сказать.AOR[-S3PL] давно десять-EL пять год

э-би. Тоную кудахан дирибачь нуь
 быть-INFER.S3 летом далеко жить.S1PL.PRAET остров[-GEN]

баро-хуз. Нуь баро-хун соборик мэ’
 берег-?EL³ остров[-GEN] берег-LOC пять чум

мокачить. Модь э-бь эсы-й
 торчать.S3PL.PRAET я мать-1 отец-1

³ По семантике здесь ожидалась бы форма локатива, а не элатива.

дягусь. *Модь дйрезучь ага*
 не.иметься.S3.PRAET я жить-S1.PRAET большой
нэ каса нэнь. Модь соуазучь
 женщина брат[-GEN] с я прыгать.S1.PRAET
моган, боду дян одыз подугозучь.
 лес.PROL тундра[-GEN] по цветок собирать.S1.PRAET
Добкутун си маидичь т о.
 однажды я.ACC сватать-INF прийти.AOR[-S3PL]

‘Я сама не знаю, сколько лет мне **было**, когда я замуж вышла. Люди говорят, давно было, мне было 15 лет. Летом мы далеко **жили** на берегу острова. На берегу острова пять чумов **стояло**. Матери, отца у меня **не было**. Я **жила** у моей старшей сестры. Я **прыгала** по лесу, по тундре, цветы **собирала**. Однажды меня сватать п р и ш л и’ [Сорокина, Болина 2005: 243].

Для хантыйских диалектов нехарактерно маркирование текстов разных жанров при помощи использования различных глагольных форм. Начнем с северной диалектной зоны. В северных диалектах хантыйского, помимо темпоральных форм, определенные дискурсивные функции могли бы иметь две эвиденциальные формы: инферентив, восходящий к перфективному причастию, и латентив, восходящий к имперфективному причастию (об эвиденциальной системе северных хантыйских диалектов см. [Nikolaeva 1999]), однако, судя по текстам, их употребление ограничено собственно грамматической семантикой. Приведу начальные предложения фольклорного нарратива (3) и фрагменты из этого же нарратива, описывающие события основной сюжетной линии (3'), а также начальные предложения персонального нарратива (4) и фрагменты из этого же нарратива, описывающие события основной сюжетной линии (4') на обдорском диалекте хантыйского. При том, что обдорский диалект находится в сильном контакте с ненецким, теоретически можно было бы ожидать заимствования ненецких нарративных стратегий и проникновения в интродуктивные фрагменты фольклорных нарративов эвиденциальных форм хотя бы под ненецким влиянием, однако этого не происходит:

- (3) *χoləm jājsaŋ os-ət Serotetto Okotetto i Jadni*
 три брат жить.PRAET-S3PL PN PN и PN
 ‘Жили три брата — Сэротэтто, Окотэтто и Ядни’ [Nikolaeva 1995: 232].
- (3') *šikəńsa mōla lăχiti¹ końari² mǎńə-s, jōχi*
 значит несчастный бедняга^{1,2} уйти-PRAET.S3 домой
mǎńə-s.
 уйти-PRAET.S3
 ‘Значит, бедолага несчастный пошёл, домой пошёл’ [Nikolaeva 1995: 232].
- (4) *ōχ χoti ma χūnti wuś-s-əm. mūr*
 деньги я когда найти-PRAET-S1 люди
lawə-l mūŋ kontora ewəlt
 сказать-PRAES.S3PL мы контора от
pār-s-aj-uw pa man-s-uw
 послать-PRAET-PASS-S1PL и пойти-PRAET-S1PL
 ‘Как я-деньги **нашла**. Люди говорят: «Нас от конторы послали», и мы **пошли**’ [Nikolaeva 1995: 240].
- (4') *tām-sək mǎń-sə-m pa šikəńsa ätti tǎmsək*
 дальше уйти-PRAET-S1 и значит вот дальше
mǎń-sə-m pa šikəńsa mūr χōsa nōχ
 уйти-PRAET-S1 и значит земля COLL вверх
χir-se-m χir-se-m nōχ tal-s-əm
 копать-PRAET-S1 копать-PRAET-S1 вверх тащить-PRAET-S1
 ‘Подальше **отошла**, подальше **отошла**, значит, землю **копала**, **копала**, вверх **тащила**’ [Nikolaeva 1995: 240].

Далее приведу примеры из текстов на сургутском диалекте, представляющем западную часть восточной диалектной зоны (цитируются, включая глоссинг и перевод с электронного ресурса «Ob-Ugric languages» с сайта <http://www.babel.gwi.uni-muenchen.de>⁴). В примере (5)

⁴ Лексические значения в глоссинге и перевод примеров даются в статье по-русски (а не по-английски, как в корпусе «Ob-Ugric languages»), глоссы для грамматических значений даются по цитируемому корпусу.

приведено начало фольклорного нарратива, в примере (6) — начало персонального нарратива (сказки). Как и в примерах (1) и (2), глагольные формы в интродуктивном фрагменте выделены полужирным шрифтом, глагольные формы в основной части повествования — разрядкой. Примеры (5) и (6) показывают, что в интродукции обоих текстов используется претерит, претерит же используется и в основной части нарратива:

- (5) *əj¹ lʷ:tnə² mu:flinʲki pʷ:nə pi:vəŋkəli nʷi:l=*
 однажды^{1,2} мышка и птичка друг.с.другом=
βɛləytək-kən *pʷ:nə ʋʷ:vəksə-tʷyə jəy-ət.*
 решить+[PST]-3DU и воевать-INF начать+[PST]-3PL
tʷi: torəm toyləŋ βʷ:jy-ət pʷ:n ju:γ ont βʷ:jy-ət
 этот небо птица-PL и лес зверь-PL
ʋʷ:v-ɲəm mən-tʷyə jəy-ət pʷ:nə tʷi βont
 война-APP идти-INF начать+[PST]-3PL и этот лес
βʷ:jy-ət jəβt-ət te:mi ju:γ-nə
 зверь-PL прийти+[PST]-3PL этот дерево-LOC
v:məs-l kʷ:rəs i:ki. ləy βəβ-ləl əntə
 сидеть-PRS[3SG] карес.старик 3PL сила-PL<3PL NEG
jəβət-l-ət. <...> pʷ:nə mu:f toβəŋəm ki:t-i.
 прийти-PRS-3PL и [мышь] туда послать+[PST]-PASS.3SG
 ‘Однажды мышка и лесная птичка **подрались**. И воевать **стали**.
 Небесные с перьями птицы и в лесу живущие звери войной **пошли**
 друг на друга. И вот эти лесные звери **пришли**, оказывается, на де-
 реве сидит Карэс ики — орёл. Их сил на него не хватает. <...> И *но-
 слали* туда мышь’ [[http://www.babel.gwi.uni-muenchen.de/index.
 php?abfrage=view_glossed_corpus&id_text=1345&no_navi=true](http://www.babel.gwi.uni-muenchen.de/index.php?abfrage=view_glossed_corpus&id_text=1345&no_navi=true)].

- (6) *je:γli-t βot-ət ju:s ju:s-nə tu:t-ən*
 холод-PL быть+[PST]-3PL старый старый-LOC тот-LOC
tʷ:t-ən βat-əm lʷ:tnə məŋ ɛnəm-əβ
 время-LOC жить-PTCP.PST когда 1PL расти+[PTCP.PST]-1PL
lʷ:tnə. i:t te:m nɔpət-nə je:γli əntem
 пока теперь этот время-LOC холод NEG.EXIST
tʷu: lʷ:t-nə lʷβ tʷu:kim je:γli-t βot-ət,
 тот время-LOC 3SG так холод-PL быть+[PST]-3PL

te:m tʉlyin ʈv:r jɛŋk-ət mo:ri-t-ət. <...>

этот зимой озеро лед-PL треснуть-PRS-3PL

ʈv:kim je:ɣli-t ʃol-ət mɛ: paq-qə

так холод-PL быть+[PST]-3PL 1SG мальчик-TRNS

ʃal-m-əm-nə je:ŋ ʉrəkka qo:ləm v:t mʃβ

быть-PTCP.PST-1SG-LOC тринадцать год или

je:ŋ ʉrəkka n'ələ v:t-nə ʃal-m-əm-ə

четырнадцать год-LOC быть-PTCP.PST-1SG-DLAT

tʉ:tʉtʉ:tʉ-m ʃu:tʃi qv:nʉi-min jəmɛt

дед.по.отцу-SG<1SG давно болеть-CVВ очень

v:təm-ɣə jəɣ ʈv: taβin

плохой-TRNS стать+[PST.3SG] этот весной

əntemɣə pi:t-tɛɣə jəɣ,

умереть-INF стать+[PST.3SG]

ʈv: ʈv:t-nə. otə pɛ:tɛləŋ ʈv:ɣət ʈv:r-nə

этот время-LOC хм круглый кедровый озеро-LOC

jəŋk-ə su:t-əjəm tɛ:rəm

вода-DLAT скользнуть+[PST]-PASS.1SG правда

je:ɣli-t ʈv:pke-nəm mən-t-əm sv:ɣət

холод-PL магазин-APP идти-PTCP.PRS-1SG пока

əj matʃə pə su:t-əjəm jəŋk-ə

прочь EMPH скользнуть+[PST]-PASS.1SG вода-DLAT

pi:t-əm pɛ:n jɛŋk tom pɛlk-ə əntə

упасть+[PST]-1SG и лед этот сторона-DLAT NEG

pi:t-əm, mo:ri-jəm ʈv:yi-nə. tʉ

упасть+[PST]-1SG треснуть-PTCP.PST место-LOC так

su:tə-m-əm-ə ʉlək nʉ:r

скользнуть-PTCP.PST-1SG-DLAT оленья.упряжь привязь

mɛ:n kətʃəɣ-nɛt ɛβətəm-i mɛ:nə

1SG.LOC нож-СОМ резать+[PST]-PASS.3SG 1SG.LOC

ʃv:ləɣ qoβit u:tɛm qu:ɣt-əm

хорей вдоль к.берегу.от.воды бежать+[PST]-1SG

‘Холода **были** давным-давно, когда там, тут жили, когда мы росли. Сейчас в наше время холодов нет, тогда такие морозы **были**, зимой озера трескались от холода. <...> Такие вот

морозы **были**. Когда я еще мальчиком был, тринадцать лет мне было или четырнадцать лет было, мой дедушка покойный **болел** очень сильно, той весной и **умер**, тогда на озере Круглый кедр я **попал** на открытую воду (и сразу начал замерзать), холодно тогда было, когда я в поселок ехал. Сразу (начал замерзать, когда) **попал** в воду, и я **не смог попасть** на ту сторону озера, с места, где была открытая вода. Тогда я **обрезал** ножом вожжи и **побежал** по хорею (= шесту для управления упряжкой) на берег' [http://www.babel.gwi.uni-muenchen.de/index.php?abfrage=view_glossed_corpus&id_text=730&no_navi=true].

В качестве альтернативы в интродуктивном фрагменте фольклорного нарратива на сургутском хантыйском может использоваться презенс, однако его использование ограничено глаголом 'жить, быть', как в (7):

- (7) *əj mətə ʔv:tnə tu:ʃəŋ v:ɣən pʁ:v:nə βv:v' kɨŋ βejuən pʁ:v:n*
 как.то PN и PN и
o:ɣ ʔoləŋkən βal-l-ət əj ʔv:tnə ʔv:v'-nə
 PN БЫТЬ-PRS-3PL однажды войско-LOC

joʃt-ət.

прийти+[PST]-PASS.3PL

'Однажды Бородатый подбородок и Тоненкие ножки и Головные виски **живут**. Однажды война **пришла** к ним' [http://www.babel.gwi.uni-muenchen.de/index.php?abfrage=view_glossed_corpus&id_text=1346&no_navi=true].

Тем самым тексты северной диалектной зоны демонстрируют: а) отсутствие дифференциации жанров с использованием различных глагольных форм; б) отсутствие структурирования нарратива на интродуктивный фрагмент и основную часть повествования с использованием различных глагольных форм. Сургутский диалект хантыйского также не использует различные глагольные формы для противопоставления текстов разных жанров, структурирование нарратива ограничено использованием презенса с глаголом 'жить'

в интродуктивном фрагменте фольклорных нарративов. Во всех прочих случаях и в северном, и в сургутском диалекте используются претериты.

На этом фоне ярко отличаются тексты на ваховском диалекте хантыйского языка. Н. И. Терешкин записал ряд текстов в трех поселках: Лабаз-Ёган, Большой Ларьяк и Корлики. Среди этих текстов представлены как фольклорные, так и личные нарративы. Рассмотрим последовательно использование глагольных форм в нарративах, записанных в каждом из поселков⁵.

3. Лабаз-Ёган

В интродуктивном фрагменте фольклорных нарративов, как и в сургутском диалекте, используется глагол ‘жить’ в форме презенса, в качестве основной нарративной формы может использоваться претерит с показателем *-yäl*. Так, в тексте, приведенном в (8), во втором предложении в интродуктивном фрагменте используется презенс глагола ‘жить’, его функция — представление персонажей этого нарратива. Далее в тексте для описания событий основной сюжетной линии последовательно используются претериты с показателем *-yäl*. Эту форму имеют все глаголы, кроме глаголов речи (типологически нередким является использование в нарративе особых грамматических форм глаголов речи — таких форм, которые отличаются от используемой в данном языке формы с секвентной дискурсивной функцией) и глаголов ‘раздувает,

⁵ Поскольку ниже будут комментироваться фольклорные нарративы, приводимые целиком, сплошное глоссирование сделало бы примеры слишком громоздкими и затруднило бы для читателя соотнесение комментариев с конкретными частями нарратива. Точно так же мне представляется не вполне удачным давать сначала целиком хантыйский нарратив, а затем его перевод. Поэтому ниже тексты даны в формате таблицы, где в первом столбце приводится хантыйский текст (по одному предложению в строке), а во втором столбце — перевод. В квадратных скобках после глагольных форм дается глоссинг.

раздувает' в предложении 6 и 'смеялась, смеялась' в предложении 7, описывающих длительное действие (их аспектуальная характеристика также выводит их за рамки основной линии повествования):

(8) Фольклорный текст «Пучок травы и ягодка», Лабаз-Ёган

1. <i>памә сәү пәни улсәм</i>	1. Пучок травы и ягодка
2. <i>памә сәү пәни улсәм т'и вәл-лә-рән</i> [жить- <small>PRAES-S3DU</small>].	2. Пучок травы и ягодка (вдвоем) живут.
3. <i>әләнә вәртә улсәм нуқ кўл-үйл</i> [встать- <small>PRAET-γal-S3</small>], <i>тәүә нуқ өлкәтә-үйл</i> [разжигать- <small>PRAET-γal-S3</small>].	3. Однажды красная ягодка встала, стала разводить огонь.
4. <i>улсәм памә сәүә т'у көл ат-вәл</i> [сказать- <small>PRAES.S3</small>]:	4. Ягодка пучку травы говорит:
5. <i>«нуқ кўлә, мә лудым н'әрәккә жәс, мә кәчәң әләң тәүә пәүәлләм».</i>	5. «Встань, у меня во рту все облезло, я каждое утро огонь раздуваю».
6. <i>памә сәү нуқ кўл-үйл</i> [встать- <small>PRAET-γal-S3</small>], <i>көрә ник выүәл-үал</i> [встать- <small>PRAET-γal-S3</small>], <i>тәүә т'и пәү-лә-ты</i> [раздувать- <small>PRAES-O3</small>], <i>т'и пәү-лә-ты</i> [раздувать- <small>PRAES-O3</small>], <i>әләнә тәүә вәт'имтә-үйл</i> [загореться- <small>PRAET-γal-S3</small>] <i>пәни памә сәү пә вәт'үәл-үйл-и</i> [зажечь- <small>PRAET-γal-S3.PASS</small>].	6. Пучок травы встал, к печке подошел, раздувал, раздувал огонь, наконец огонь вспыхнул, и пучок травы тоже вспыхнул.
7. <i>вәртә улсәм т'и дысқа</i> [смеяться- <small>PRAETØ.S3</small>], <i>т'и дысқа</i> [смеяться- <small>PRAETØ.S3</small>], <i>әләнә лопәкынтә-үал</i> [лопнуть- <small>PRAET-γal-S3</small>].	7. Красная ягодка смеялась, смеялась, наконец лопнула.

Однако в фольклорных текстах, записанных в Лабаз-Ёгане, нарратив может быть структурирован и более сложным образом.

Рассмотрим текст «Альвали с сестрой», приведенный в (9). В этом тексте различное грамматическое оформление имеют:

- глагол ‘жить’ в первом предложении интродукции, который представляет двух персонажей данного нарратива: Альвали и его сестру, оформлен *презенсом*;
- глаголы в интродуктивном фрагменте, рассказывающем предысторию, оформлены *претеритом с показателем -γäl*;
- в качестве глагольных форм, описывающих события основной линии повествования (иными словами, имеющих секвентную функцию), используются формы *претерита с показателем -S⁶*:

(9) Фольклорный текст «Альвали с сестрой», Лабаз-Ёган

1. <i>älväli änisäγän</i>	1. Альвали с сестрой
2. <i>älväli änisäγän t'ü väl-lä-γän</i> [жить- <i>PRAES-S3DU</i>], <i>t'ü väl-lä-γän</i> [жить- <i>PRAES-S3DU</i>].	2. Альвали с сестрой живут-поживают.
3. <i>äjlänä äñ'ünil löγä at-väl</i> [сказать- <i>PRAES.S3</i>]:	3. Однажды сестрица ему говорит:
4. « <i>älväli jänkä nik vaγlyγa!</i> »	4. «Альвали, по воду сходи!»
5. <i>älväli viträγän vë-γäl</i> [уйти- <i>PRAET_{γäl}.S3</i>] <i>näni jänkä män-γäl</i> [уйти- <i>PRAET_{γäl}.S3</i>].	5. Альвали ведра взял и по воду пошел.
6. <i>jänkä ämräγtë-γäl</i> [зачерпнуть- <i>PRAET_{γäl}.S3</i>], <i>sart nuq vë-γäl</i> [взять- <i>PRAET_{γäl}.S3</i>].	6. Воду почерпнул, заодно шуку вытащил.
7. <i>älväli äñ'ünilä t'äp-väl</i> [крикнуть- <i>PRAES.S3</i>]:	7. Альвали сестре кричит:

⁶ Исключения из этого те же, что обсуждались применительно к примеру (8): это презенсы глаголов речи, а также презенс глагола в предложении 18 ‘едва не разваливается’, где описывается стативная ситуация — плачевное состояние нарты (аспектуальная характеристика также выводит глагол этого предложения основной линии повествования).

8. « <i>ән 'и-и, јуу ликрим ник вауэлты!</i> »	8. «Сестра-а, деревянную нарту на берег притащи!»
9. <i>ән 'ипилнә јуу ликәр ниу вауэлтә-с-ы</i> [притащить- PRAET _s -S3.PASS].	9. Сестра деревянную нарту на берег притащила.
10. <i>әлвәлинә суртәл ликрә пән-сә-ты</i> [положить-PRAET _s -O3] <i>пәни ән 'ипилә т 'у көл ат-вәл</i> [сказать-PRAES.S3].	10. Альвали свою шуку в нарту положил и сестре говорит:
11. « <i>ликәр тууы јоуна!</i> »	11. «Нарту утащи домой!»
12. <i>ән 'ипиланә ликәр көч илә н 'өүэтә-с-тә</i> [сдвинуть- PRAET _s -O3], <i>ликәр төуы сәүдикинтә-с</i> [развалиться-PRAET _s -O3].	12. Сестра сдвинула было нарту, а нарта рассыпалась.
13. <i>әлвәли ән 'ипилә ат-вәл</i> [сказать-PRAES.S3]:	13. Альвали сестре говорит:
14. « <i>мәнә, вәу ликрим ниу тууы!</i> »	14. «Иди, железную нарту притащи!»
15. <i>ән 'ил јоуна јәлә-с</i> [сходить- PRAET _s -S3] <i>пәни вәу ликәр ту-с-тә</i> [привезти-PRAET _s -O3].	15. Сестра домой сходила и железную нарту притащила.
16. <i>әлвәлинә суртәл төу нуқ пән-сә-тә</i> [положить-PRAET _s -O3] <i>пәни ән 'ипилә атвәл:</i>	16. Альвали шуку свою туда положил и сестре говорит:
17. « <i>тулымән ликәр јоуна!</i> »	17. «Поташим нарту домой!»
18. <i>чыв оутыја тумынаы, ликәр этн-эти әрәу сәүдикинтә-вәл</i> [развалиться-PRAES.S3].	18. Когда дотащили до пригорка, нарта чуть-чуть не развалилась (досл.: разваливается).
19. <i>јоу јә-с-кәи</i> [положить-PRAET _s -S3DU], <i>әлвәлинә сарт јоу вә-с-и</i> [взять-PRAET _s -S3.PASS].	19. Домой пришли, Альвали шуку в избу внес.

20. <i>ălvăli ăn 'ипилă ат-вэл</i> [сказать- <small>PRAES.S3</small>]:	20. Альвали сестре говорит:
21. <i>«нѳ суртăн тѳу сўлцăн, мурлăу мăнă пăны».</i>	21. «Если ты шуку очистишь, максу (печень) мне оставь».
22. <i>ălvăli лѳутил элынтэ-с</i> [лечь.спать- <small>PRAET.S3</small>].	22. Сам Альвали лег спать.
23. <i>ăn 'ипилнѳ жѳм тѳуыл нуу ли-с- тѳ [съесть-<small>PRAET.S-O3</small>], лѳжѳл лѳуă қаж-сэ-тѳ [оставить- <small>PRAET.S-O3</small>].</i>	23. Сестра его хорошие места [у шуки] съела, желчь ему оставила.
24. <i>ălvăli нуқ қўлѳ-с [встать- <small>PRAET.S3</small>], ăn 'ипилă ат-вэл</i> [сказать- <small>PRAES.S3</small>]:	24. Альвали встал, сестре говорит:
25. <i>«вулѳ, т 'ăт, мăн литотѳ мăжă!»</i>	25. «Ну, теперь дай мне поесть (досл.: меня едой дай)!»
26. <i>ăn 'илнѳ литотѳ амэс-с-ы</i> [положить.еды- <small>PRAET.S-S3</small> . <small>PASS</small>].	26. Сестра еду ему поставила (досл.: сестра едой его поставила).
27. <i>лѳу кѳч лăуимѳ-с</i> [попробовать- <small>PRAET.S3</small>], <i>т 'укўм т 'ути лѳј.</i>	27. Он отведал было: оказывается, такая желчь!
28. <i>т 'утѳт илѳ рăкѳтѳ-с- тѳ [швырнуть-<small>PRAET.S-O3</small>] пăни ытăнвѳсѳу қўм порулѳ-с [вылететь- <small>PRAET.S3</small>].</i>	28. Это (досл.: эти) он прочь швырнул и [сам] из окна вылетел на улицу.

Таким образом, в отличие от нарративов на других диалектах хантыйского, фольклорные нарративы на ваховском диалекте, записанные в Лабаз-Ёгане, могут быть структурированы достаточно сложным образом; в частности, в них четко выделяется интродуктивный фрагмент, в котором не только вводятся основные персонажи, но и рассказывается их предыстория. Что касается персональных нарративов, записанных в пос. Лабаз-Ёган, они имеют ту же структуру, что и фольклорный текст, представленный в примере (9). Ниже

в примере (10) приводится такой текст. Первые три предложения составляют интродукцию. В первом из них употребляется претерит (при обозначении героев, времени и места действия) употребляется претерит с показателем *-γās*. Глагольные формы в следующих двух предложениях интродукции, описывающих предысторию нарратива, как и в фольклорном нарративе в (9), оформлены показателем претерита *-γäl*. Эта форма появляется в тексте еще несколько раз. Интересно употребление этой формы глагола ‘жить’ в предложениях 19 и 21, где она составляет контраст с формой презенса, употребленной в предложении 20. Так, презентная форма в предложении 20, (как и, например, в предложениях 18 и 22) описывают многократные, регулярно повторяющиеся ситуации в прошлом. Напротив, претерит с показателем *-γäl* в 19 и 21 никакой конкретной ситуации не описывает: это фактически внешний по отношению к повествованию комментарий рассказчика, где он кратко обобщает для слушателя то, что подробно описывается в нарративе. Полностью аналогично описанному и употребление претерита на *-γäl* от глагола ‘жить’ в предложении 41, и употребление этой грамматической формы от глагола ‘начать бояться’ в предложении 31, где эта глагольная форма фактически представляет в сжатом виде то, что описывается далее в предложениях 32–36.

Основной секвентной формой в персональном нарративе также служит претерит на *-s*, что нетрудно проследить по приводимому в (10) тексту. Изредка эта форма чередуется в секвентной функции с претеритом с нулевым показателем; как правило, она появляется для описания неначальной ситуации в цепочке тесно связанных событий, составляющих одну макроситуацию, ср. чередование этих двух претеритов в предложениях 12, 35 и 40.

(10) Персональный нарратив, Лабаз-Ёган

1. <i>t'у алнэ мин эпыманаты лэвасэу юээн нуэглнэ вэл-γас-мэн</i> [жить-PRAET _{γās} -s1DU].	1. В тот год мы с отцом в деревне Лабаз-Ёган жили.
2. <i>t'у ал чэкэ лёгёр вэл-γал</i> [жить-PRAET _{γäl} -s3].	2. Тот год очень тяжелым был.

3. <i>мин апымэнаты литота чэкэ јэрэмин вэл-уал-мэн</i> [жить- PRAET _{уал} -S1DU].	3. Мы с отцом жили, сильно голодая.
4. <i>јау минә т'у көл ат-вал-т</i> [сказать-PRAES-S3PL]:	4. Люди так нам говорили:
5. <i>«јоунапа мәнитн».</i>	5. «Поезжайте на речку».
6. <i>апымнә т'у тәуы төүәм-ты</i> [знать.PRAET _ө -O3] <i>пәни т'у көл</i> <i>ат-вал</i> [сказать-PRAES.S3]:	6. Отец эти места знал и говорит так:
7. <i>«Бөты јәүүән, мәнләмән; јоүәннә бул әркијәки, мәтә</i> <i>сәуы вәлләмән».</i>	7. «Что может статься, поедем; в речке рыбы много, как- нибудь проживем».
8. <i>т'а мин мән-с-әмән</i> [уйти- PRAET _с -S1DU] <i>јоүәнна тәләу</i> <i>јорнә.</i>	8. И вот мы поехали на речку в середине зимы.
9. <i>тоу, уте, јөмәмәнәти, апым</i> <i>быләс вэрәкәтә-с</i> [сделать. INCH-PRAET _с .S3].	9. Туда, в глушь приехав, отец начал шалаш строить.
10. <i>әдлә чоуты пәј кәсмин,</i> <i>әрә, кә пәдәкәлбү быдә-</i> <i>с-тә</i> [разгрести-PRAET _с -O3] <i>пәни ујлоу әдлә пүлт вэрә-с</i> [сделать-PRAET _с .S3].	10. Отыскав большой снежный сугроб, разгрел его с двух сторон и по его низу проделал большой проход.
11. <i>мәүәлуәл әрәү быды-мән</i> [разгрести.PRAET _ө -S1DU].	11. Вокруг [этого прохода] мы разгрели [снег].
12. <i>әј пәдкәл, — ләвсә морытә-</i> <i>мән</i> [наломать.PRAET _ө - S1DU], — <i>тоүәр-сә-тә</i> [заложить-PRAET _с -O3], <i>әпнәнәл</i> <i>чоунаты ыл јоуы-мән</i> [заложить.PRAET _ө -S1DU], <i>онтәл</i> <i>бул јуу ләвсә лэрәмтә-с-тә</i> [постелить-PRAET _с -O3] <i>н'әмәкә</i> <i>әлата.</i>	12. Одну сторону, — мы наломали веток, — отец заложил [ветками], верх снегом забили, внутри [отец] настелил еловых веток, [чтобы] мягче было лежать.

13. <i>ос әј нүлт җәј-сә-тә</i> [оставить- <small>PRAET_s-O3</small>] <i>лауәтлтаты.</i>	13. Еще одну дыру оставил для выхода.
14. <i>т'әнә җыләс тәтәү җәс</i> [быть- <small>PRAET_s-S3</small>].	14. И вот шалаш готов.
15. <i>лауәтлтә ним пәдәкнә тәүә</i> <i>вэрәнтилтә тәүы җәј-сә-мән</i> [устроить- <small>PRAET_s-S1DU</small>].	15. Около выхода устроили место для разведения огня.
16. <i>т'ә әнымнати вәләҗтә-с-мән</i> [жить- <small>INCH-PRAET_s-S1DU</small>] т'у јоүәннә.	16. И вот с отцом стали (мы) жить на этой речке.
17. <i>јау минә мәрәм ик онтәрнә</i> <i>әјнә-кипнә җәлил-вәл-т</i> [приехать- <small>PRAES-S3PL</small>] <i>вәләм</i> <i>бул тотҗәлтәлаты.</i>	17. Люди к нам только два раза в месяц приезжают для вывоза добытой рыбы.
18. <i>т'у јоүәннә бул әркијәки,</i> <i>мәрәм лоүәннаты эмәр-л-ил</i> [черпать- <small>PRAES-O3PL</small>].	18. В этой речке рыбы много, просто сачком черпают.
19. <i>мин әнымәнаты әтимән төт,</i> <i>утән, вәл-үәл-мән</i> [жить- <small>PRAET_{үәл}-S1DU</small>].	19. Мы с отцом одни там в глуши живем.
20. <i>мәрәм булнә вәл-мән</i> [жить- <small>PRAET_ө-S1DU</small>], <i>пәләнә јәүнә</i> <i>минт рәкә тотҗәл-вәл-т</i> [привезти- <small>PRAES-S3PL</small>].	20. Только на рыбе живем, иногда народ нам мукү привозит.
21. <i>т'уты вәл-үәл-мән</i> [жить- <small>PRAET_{үәл}-S1DU</small>], <i>литәм әнтә</i> <i>мән т'ауәлтамәнаты.</i>	21. Таким образом жили, чтобы избежать голода.
22. <i>әным бул эмәртә җәлил-вәл</i> [ходить- <small>PRAES.S3</small>] <i>литәмәнә,</i> <i>вајуа җәлил-вәл</i> [ходить- <small>PRAES.S3</small>] <i>пәләнә.</i>	22. Отец рыбу черпать ходит для еды, на охоту ходит иногда.

<p>23. <i>әйләнә әһым вајуа</i> үәүәсәкәтә-с [собираться. INCH-PRAET_s.S3] <i>пәни мәнә т'у</i> <i>кәл ат-вәл</i> [сказать-PRAES.S3]:</p>	<p>23. Однажды отец на охоту (досл.: на зверя) начал собираться и мне так говорит:</p>
<p>24. <i>«нөү т'ә быләснә ымса, мә сарәү јәлилләм.</i></p>	<p>24. «Ты в шалаше сиди, я недолго прохожу.</p>
<p>25. <i>нөү, — т'ә литот вәлвәл, — литә јәнән, лугә.</i></p>	<p>25. Ты, — тут еда имеется, — если есть захочешь, поешь.</p>
<p>26. <i>мә Һоу лимәүләһнам, итнә Һул кәүәртә.</i></p>	<p>26. Если я надолго задержусь, вечером рыбу сварю.</p>
<p>27. <i>нөү әл пәлмә, тәләү јорнә нөүә Һојә-пә әнтә јөвәл.</i></p>	<p>27. Ты не бойся, среди зимы к тебе никто не придет».</p>
<p>28. <i>т'ә мәнә-с</i> [уйти-PRAET_s.S3].</p>	<p>28. И вот ушел (он).</p>
<p>29. <i>мә Һыләс пөүәлнә јәһуҗа-л-әм</i> [играть-PRAES-S1] <i>әтимнәм мәтәлиүдүпә әнтә пәлтәмәмин. итнәү питәкәләтәмә, ләүләсәкәтә-сә-м</i> [ждать.INCH-PRAET_s.S1].</p>	<p>29. Я возле шалаша играю один (досл.: с собой), ничего не боюсь. Когда стало вечереть, стал (я) поджидать [отца].</p>
<p>30. <i>әһым кәч ләүәл-л-им</i> [ждать-PRAES-S1] — <i>әнтимәки.</i></p>	<p>30. Жду, жду отца — а его все нет.</p>
<p>31. <i>итнәү јәмәүә, пәлмәкәтә-үәл-әм</i> [бояться.INCH-PRAET_{үәл}-S1]. <i>т'уты номәүсә-лә-м</i> [думать-PRAES-S1]: <i>«мәтә тәүҗа әл питәл».</i></p>	<p>31. Когда наступил вечер, начал (я) бояться. Так думаю: «Не попал бы куда-нибудь».</p>
<p>32. <i>пәләнә, дүкәлөү шлә кәсмин масҺоҗа тәүҗы, Һәт'-Һав јис-л-әм</i> [плакать-PRAES-S1].</p>	<p>32. Иногда, по его следу некоторое небольшое расстояние вперед пробежав, чуть не плачу.</p>
<p>33. <i>үәкә римәкәлләм пырнә, т'уты номәүсыл-л-әм</i> [думать-PRAES-S1]: <i>«әһым тәүҗанә тәвәс, кәңчә мәнләм».</i></p>	<p>33. После, когда сильно стемнело, так думаю: «Отец, видимо, заблудился, искать пойду».</p>
<p>34. <i>т'ә мә-с-әм</i> [уйти-PRAET_s.S1].</p>	<p>34. И вот пошел.</p>

35. <i>цөкин масцога тэуы илэ кэс-с-эм [пробежать-PRAET_s-s1], сёүмэ цасэнэ эным кэлт-эүэн [показаться-PRAET₀-s3].</i>	35. Едва некоторое расстояние пробежал, за березой отец показался.
36. <i>мэ јисмин лёуа илтэһэ јө-л-эм [идти-PRAES-s1].</i>	36. Я с плачем ему навстречу иду.
37. <i>эным мэһэ јёмал пырнэ т'у көл ат-вэл [сказать-PRAES.s3]:</i>	37. Когда отец ко мне подошел, так говорит:
38. <i>«вулэ, мёүэ ворэу јисвэн, лёү-энтэ мэ мөрэү вэсэм.</i>	38. «Да зачем же напрасно пришел, ведь я цел-невредим.
39. <i>т'а пэртэү мэһлэмэн».</i>	39. Давай обратно пойдём».
40. <i>пэртэү, кылсымэна јө-с-мэн [прийти-PRAET_s-s1DU], ләүки н'оуы көүэртэ-мэн [сварить-PRAET₀-s1DU], јэмэ лисмэнцэв-сэ-мэн [поесть-PRAET_s-s1DU].</i>	40. Обратно в шалаш свой пришли, беличьего мяса наварили; как следует поели-покушали.
41. <i>т'итэ чоүэ лэлэтэ мочэ вэл-үл-мэн [жить-PRAET_{γal}-s1DU].</i>	41. Так до снеготаяния жили.
42. <i>эһлэнэ эным эт' т'итэ бул эмэртэ јоүэнана мэһэ-с [уйти-PRAET_s-s3].</i>	42. Однажды отец также рыбу черпать на речку пошел.
43. <i>мэһэ т'у көл ат-вэл [сказать-PRAES.s3]:</i>	43. Мне так говорит:
44. <i>«нёу ымса, мэ цотл јорнэ јөлэм».</i>	44. «Ты посиди, я в полдень приду».
45. <i>т'а мэһэ-с [уйти-PRAET_s-s3].</i>	45. Ушел.
46. <i>цотл јора јоүтэс, мэһэ т'у ләүлэүсэ, т'у ләүлэүсэ, лёү энтимэки.</i>	46. Наступил полдень, я ждал, ждал его, а его все нет.
47. <i>т'уты номэусыл-л-эм [думать-PRAES-s1]: «төүанэ эным јэүкэ цэлэс, лёү-энтэ пэ тэүынэ јоүэн т'эдэүэки».</i>	47. Так раздумываю: «Видимо, отец утонул (досл.: в воду пропал), ведь в некоторых местах речка полая».

48. <i>ёмәли вәсәм, мөүөли тэүәттә-м</i> [понимать- PRAET ₀ -S1], <i>лөү мәнмәл лөк сәүи мән-с-әм</i> [уйти- PRAET _s -S1].	48. Маленький был, что (я) понимал, — пошел по дороге, по которой он ушел.
49. <i>бул вэлтәл тәүиҗа вән тәүи җыт'ә-с</i> [остаться-PRAET _s .S3].	49. До того места, где он рыбу ловил, осталось недалеко.
50. <i>чымәл вәләм пырнә, мәнә илтәүә җө-вәл</i> [идти-PRAES.S3] <i>пәни т'у көл ат-вәл</i> [сказать- PRAES.S3]:	50. Спустия немного [времени] мне навстречу [отец] идет и так говорит:
51. <i>«мә җәүка җәт' җәләсәм».</i>	51. «Я чуть не утонул».
52. <i>вулым, әҗнәм морәүәм.</i>	52. Вижу, (он) весь мокрый
53. <i>пәткәүләмин җылсәмәна җө- с-мән</i> [прийти-PRAET _s -S1DU] <i>пәни төүә вәр-мән</i> [сделать- PRAET ₀ -S1DU].	53. Торопясь, в шалаш пришли и огонь развели.
54. <i>әным җоууәмәлтәүлә-с</i> [обогреться-PRAET _s .S3] <i>пәни отл пәнәлтә-с</i> [подсушить- PRAET _s .S3].	54. Отец обогрелся и одежду подсушил.
55. <i>итн әным т'у көл ат-вәл</i> [сказать-PRAES.S3]:	55. Вечером отец так говорит:
56. <i>«т'ә, вәлә, ниүпә выүәлләмән».</i>	56. «Ну, сынок, вниз (по реке) спустимся».
57. <i>пыр җотл җоүна мән-сә-мән</i> [уйти-PRAET _s -S1DU].	57. На следующий день домой ушли (мы).

Другие персональные нарративы, записанные в Лабаз-Ёгане, подтверждают это распределение различных глагольных форм для структурирования нарратива. Так, в (11) приводится интродуктивный фрагмент еще одного персонального нарратива. Он показывает, что претерит с показателем *-үәл* может выделять достаточно значительный интродуктивный фрагмент, в котором излагается предыстория:

претериты с показателем *-γäl* употребляются на протяжении первых девяти предложений, и секвентная форма — претерит с показателем *-s* — появляется только в десятом предложении:

(11) Интродукция в персональном нарративе, Лабаз-Ёган

1. <i>t' u al il pädäknä mäḡ äsä-jäy sä oḡtəḡ uḡy nūm pädäk uḡy nā wäl-γäl-əḡ</i> [жить-PRAET _{γäl} -S1PL].	1. Перед нынешним (досл.: этим) годом мы с матерью и отцом в верхнем урии ⁷ Охтеурии жили.
2. <i>uḡyja utə mäḡ patḡtə jəlnə kḡl-γäl-əḡ</i> [подняться-PRAET _{γäl} -S1PL] <i>pāni əḡym äḡkimnäti nōḡər ɓat wər-γäl-γän</i> [сделать-PRAET _{γäl} -S3DU].	2. В урий мы осенью поднялись, и отец с матерью бревенчатый дом построили.
3. <i>mäḡ n' älä ɓəsə to wäl-γäl-əḡ</i> [жить-PRAET _{γäl} -S1PL]: <i>əḡym, äḡkim ət' ɓm pāni mā.</i>	3. Мы четыре человека там жили: мать, отец, старший брат и я.
4. <i>a ləḡ təḡy nā patḡtə jəlnə jəm wäl-γäl-əḡ</i> [жить-PRAET _{γäl} -S1PL]: <i>naḡər tātḡḡḡ wər-γäl-əḡ</i> [сделать-PRAET _{γäl} -S1PL], <i>ɓul tātḡḡḡ wər-γäl-əḡ</i> [сделать-PRAET _{γäl} -S1PL].	4. Вначале с осени хорошо жили: шишки заготавливали, рыбу запасали.
5. <i>tä läkkä jəm äḡä, əḡym pälänä läḡkijä jälkäḡtə-γäl</i> [ходить-INCH-PRAET _{γäl} -S3].	5. Когда наступила зима, отец начал белковать.
6. <i>mäḡ kə jəm äm təja-γäl-əḡ</i> [иметь-PRAET _{γäl} -S1PL]: <i>ɓəḡčyḡni pāni siḡkäli.</i>	6. Мы две хороших собаки имели: Каншани и Синкали.
7. <i>mäḡ äḡkimänäti ula jəllil-l-əḡ</i> [ходить-PRAES-S1PL].	7. Мы с матерью за ягодами ходили.
8. <i>tälä jor močə jəm wäl-γäl-əḡ</i> [жить-PRAET _{γäl} -S1PL].	8. До середины зимы хорошо жили.

⁷ Урий — старлица. Слово также используется в названиях населенных пунктов.

9. <i>tälä jor pyrñä läñki žyt 'läy jöüäkäñtä-үйл</i> [уменьшиться. INCH-PRAET _{yal} .S3] <i>päni änym päläñä mäñäm äj-kä läñki jöy tu-väl</i> [принести-PRAES.S3].	9. С середины зимы белки мало стало, и отец иногда только одну-две белки домой принесет.
10. <i>mätäy vэрäm литотлөү-пә җолаҗәтә-с-әт</i> [кончиться. INCH-PRAET _s -S3PL].	10. Стала кончаться и еда, которую запасли.

4. Большой Ларьяк

В текстах, записанных в Большом Ларьяке, глагольные формы употребляются несколько иначе. Начнем с фольклорного нарратива, идентичного тому, что представлен в (8). В (12) приведена эта же небольшая сказка про пучок травы и ягоду. В этом тексте, записанном в Большом Ларьяке, интродуктивный фрагмент никак не отделяется от основной части нарратива: и там и там используется форма претерита с нулевым показателем:

(12) Фольклорный текст «Пучок травы и ягодка», Большой Ларьяк

1. <i>улсәм пәни намә сөү</i>	1. Ягодка и пучок травы
2. <i>улсәм пәни намә сөү әҗқа вәл-үән</i> [жить-PRAET ₀ -S3DU].	2. Ягодка и пучок травы жили вместе.
3. <i>әҗләңә әлынта-үән</i> [лечь.спать-PRAET ₀ -S3DU].	3. Однажды легли спать.
4. <i>әләң нуқ күл-үән</i> [встать-PRAET ₀ -S3DU], <i>улсәм намә сөүә т 'у көл ат-вәл</i> [сказать-PRAES.S3]:	4. Утром встали, ягодка так говорит пучку травы:
5. «нөң, т 'әт, намә сөү төүә вәра!»	5. «Ты, пучок травы, разведи-ка огонь!»
6. <i>намә сөү т 'әт төүә вэрәкәт-йүән</i> [делать.INCH-PRAET ₀ .S3].	6. И пучок травы стал разводить огонь.

7. <i>töüäsэм вѣт 'әмт-йүән</i> [зажечься-PRAET ₀ .S3], <i>pāни</i> <i>памә сөү вѣт 'әмт-йүән</i> [зажечься-PRAET ₀ .S3].	7. Огонек вспыхнул, вспыхнул и пучок травы.
8. <i>улсэм ок қат пәтәнә</i> <i>дысқамын ваққынт-ауән</i> [кататься-PRAET ₀ .S3].	8. А ягодка стала от смеху по полу кататься.
9. <i>t'уқоуа дысқ-ауән</i> [смеяться- PRAET ₀ .S3], <i>әләнә пуун-ауән</i> [лопнуть-PRAET ₀ .S3].	9. До того смеялась, что наконец лопнула.
10. <i>қутәнән төүәнә нуу лиу-и</i> [сгореть.PRAET ₀ -S3.PASS].	10. Дом их сгорел в огне.

Существенно, что по этой же модели используются глагольные формы не только в этом небольшом фольклорном нарративе, но и в более развернутых фольклорных текстах, записанных в Большом Ларьяке, см., например, тексты 10–13 в [Терешкин 1961: 11–118]. Однако в личных нарративах используется другая глагольная форма, ср. (13), где нарратив выдержан с использованием претеритов с показателем *-үйәл*:

(13) Персональный нарратив, Большой Ларьяк

1. <i>әдлә сарт</i>	1. Большая щука
2. <i>әләнә мә өкәм вәлмамнә</i> <i>кәскән тәлилтә мән-үйәл-әм</i> [уйти-PRAET _{үйәл} -S1] <i>pāни әдлә</i> <i>сарт вәл-үйәл-әм</i> [добыть- PRAET _{үйәл} -S1].	2. Однажды, когда я был маленький, поехал я блесну закидывать (досл.: таскать) и добыл большую щуку.
3. <i>t'у сарнә мән қат 'ыл</i> <i>қәмдаутә-үәл</i> [перевернуть- PRAET _{үйәл} -S3].	3. Эта щука меня чуть не перевернула.
4. <i>t'у пырнә мәннә јоу тумы</i> <i>тәуынә әјнәм јәу и 'әдләқал-т</i> [обрадоваться-PRAET ₀ -S3PL].	4. После, когда я ее привез домой, все обрадовались.

5. <i>мӓн пырӓ-вэл-т</i> [спросить- PRAES-S3PL]:	5. Меня спрашивают:
6. « <i>мӓӓӓ сӓӓӓт нӓӓӓн нуу вӓӓӓли?</i> »	6. «Как тебе удалось ее вытащить?»
7. <i>мӓ лӓӓӓ т 'у кӓл ат-л-ӓм</i> [сказать-PRAES-S1]:	7. Я им так отвечаю:
8. « <i>мӓӓӓнӓ пӓчкӓӓнӓ уӓӓлтоқӓ</i> <i>ӓӓӓӓӓӓси</i> ».	8. «Я в голову ей из ружья выстрелил».
9. <i>т 'у сарт мӓӓӓн кипӓ</i> <i>кӓӓӓртил-ӓӓл-и</i> [варить- PRAET _{ӓӓл} -S3.PASS].	9. Эту щуку мы два раза варили.

Таким образом, в текстах, записанных в Большом Ларьяке, при помощи различных глагольных форм не противопоставляются фрагменты с различной дискурсивной функцией, но противопоставляются тексты разных жанров: персональный и фольклорный нарратив. Эта ситуация обратна тому, что мы наблюдали применительно к текстам, записанным в Лабаз-Ёгане.

5. Корлики

Нам осталось рассмотреть тексты, записанные в Корликах. Начнем с фольклорного нарратива. В (14) ниже приводится начальный фрагмент сказки из архивных материалов Н. И. Терешкина (Института лингвистических исследований РАН), по сюжету близкой той, что представлена в примере (9). В этом тексте глагольные формы используются следующим образом:

- в первых двух предложениях текста (в первом представлены герои данного нарратива, во втором в повествование вводится важный для развития объект, сделанный протагонистом, — рыболовный запор) используются презентные формы;
- в продолжении обширного интродуктивного фрагмента, где излагается предыстория, состоящая в поимке братом большой

щуки (отмечу, что границы интродуктивного фрагмента, маркированные сменой глагольных форм, совпадают в текстах (9) и (14)), глаголы имеют форму претерита с нулевым показателем; — в секвентной функции выступает претерит с показателем *-s*, иногда чередующийся с претеритом с показателем *-yas*.

(14) Фольклорный нарратив, Корлики

1. <i>пүт'кäl'икән ән'әсәхән т'уҗа вәл-лә-хән</i> [жить-PRAES-S3DU].	1. Птичка с сестрой долго живет.
2. <i>әйл'әнә пүт'кäl'и вәр вэртә мән-вәл'</i> [уйти-PRAES.S3].	2. Однажды птичка запор рыболовный устанавливать пошел.
3. <i>вәр вэр-ихән</i> [сделать-PRAET ₀ .S3] <i>пәни йоҗ йү-хән</i> [прийти-PRAET ₀ .S3].	3. Запор установил и домой вернулся.
4. <i>ән'әл ләүхә т'у көл ат-вәл</i> [сказать-PRAES.S3]:	4. Сестра ему так говорит:
5. — <i>вәрнә йәл'ә.</i>	5. — К забору сходи.
6. <i>пүт'кäl'и мән-ихән</i> [уйти-PRAET ₀ .S3] <i>вәрнә, әл'л'ә сарт лут'ә-хән</i> [добыть-PRAET ₀ .S3] <i>пәни пүт'кäl'и номәхсәл-вәл</i> [думать-PRAES.S3], — <i>мухи сәхәт сарт йохна туләм?</i>	6. Птичка пошел к забору, большую щуку добыл и думает, — каким образом щуку домой отнесу?
7. <i>пүт'кäl'и т'у җөл' толәх-вәл</i> [сказать-PRAES.S3]:	7. Птичка так говорит:
8. — <i>йохна мәнләм л'ихрәти.</i>	8. — Пойду домой за нартой.
9. <i>йоҗ йүмäl'әти, ән'әл'а т'у көл' толәх-вәл</i> [сказать-PRAES.S3]:	9. Когда пришел домой, сестре так говорит:
10. <i>тә вәрнә әл'л'ә сарт в'әл'хәсәм пани л'ихрәти йүхасәм йохна.</i>	10. — В заборе большую щуку добыл и за нарточкой пришел домой.

11. <i>пүт'кäl'и л'ихәр вә-хäc</i> [взять- <small>PRAET_{γäs}</small> ,S3] <i>пäни</i> <i>л'ихринäти мән-хäc</i> [уйти- <small>PRAET_{γäs}</small> ,S3] <i>вәрпä.</i>	11. Птичка нарточку взял и с нарточкой пошел к запору.
12. <i>тох йү-хäc</i> [прийти- <small>PRAET_{γäs}</small> ,S3], <i>сарт л'ихра пән-хäc</i> [положить- <small>PRAET_{γäs}</small> ,S3] <i>пäни</i> <i>йохна ту-хac</i> [отвезти- <small>PRAET_{γäs}</small> ,S3].	12. Туда пришел, шуку в нарточку положил и домой отвез.
13. <i>пүт'кäl'и т'у кäl' толäx-вäl</i> [сказать- <small>PRAES</small> .S3]:	13. Птичка так говорит:
14. <i>ән'ä, сарт сүди пäни мухлэх</i> <i>мäнäти пәнä, мä эләнтälэм,</i> <i>нуз күл'тämнä л'итämäти.</i>	14. — Сестра, шуку распотроши и максу мне отложи, я лягу спать, когда встану, было бы что есть.
15. <i>пүт'кäl'и эләнтә-с</i> [лечь- <small>PRAET_s</small> ,S3] <i>ән'äl'нä бул тохә</i> <i>йовälтә-с-тә</i> [распороть- <small>PRAET_s</small> -O3] <i>пäни тәр-сә-тә</i> [пожарить- <small>PRAET_s</small> -O3].	15. Птичка лег, сестра его рыбу распотрошила на куски и изжарила.
16. <i>ән'äl'нä бул тәрәмät,</i> <i>пүт'кäl'и нуз вэрäктә-с-ә</i> [разбудить- <small>PRAET_s</small> -S3.PASS]. <i>пүт'кäl'и нуз күй'ә-с</i> [встать- <small>PRAET_s</small> ,S3] <i>пäни ән'äl'нä л'үхä,</i> <i>мәттә, л'ихa.</i>	16. Когда сестра поджарила рыбу, птичку разбудили. Птичка встал, и сестра ему, мол, ешь.
17. <i>пүт'кäl'и л'и-с</i> [поесть- <small>PRAET_s</small> ,S3] <i>пäни ән'äl'ä толäx-вäl</i> [сказать- <small>PRAES</small> .S3], <i>мәттә</i> <i>йохлам пäни пүхам йотәңә.</i>	17. Птичка поел и сестре говорит, мол, где мои лук и стрелы?
18. <i>ән'äl' л'үхä т'у кäl ат-вäl</i> [сказать- <small>PRAES</small> .S3]:	18. Сестра ему говорит:
19. — <i>пүхән пäни йохлан әнкäl'</i> <i>охтәнәңә.</i>	19. — Стрелы и луки твои на пне.
20. <i>пүт'кäl'инä вә-с-тә</i> [взять- <small>PRAET_s</small> -O3] <i>йохäl пани пүх пäни</i> <i>мәнхäc вайха.</i>	20. Птичка взял лук и стрелы и пошел на охоту.

В [Терешкин 1961] представлены еще два фольклорных нарратива, записанных в Корликах. Они, однако, относятся к другому жанру, к жанру исторических преданий. И в этих нарративах используется другая нарративная стратегия. А именно, большинство глагольных форм в таких нарративах, использующихся в секвентной функции, — претериты с нулевым показателем:

(15) Историческое предание, Корлики

1. <i>э́ж ики пәни кә ниңкән</i>	1. Один старик и две женщины
2. <i>э́ж ики пәни кә ниңкән т'уқа вэл-вэл-т</i> [жить-PRAES-S3PL].	2. Один старик и две женщины живут.
3. <i>э́жләңә итән амәстылоу әмп т'әләм-йүән</i> [залаять-PRAET ₀ -S3].	3. Однажды вечером, когда они сидели, собака залаяла.
4. <i>ики э́ж ниңә т'уты жәү-иүән</i> [сказать-PRAET ₀ -S3]:	4. Старик одной женщине говорит:
5. « <i>ләүәтәжи, қоҗы јөс?</i> »	5. «Посмотри: кто пришел?»
6. <i>т'у нинә ләүәтәж-и</i> [уйти. PRAET ₀ -S3.PASS]: <i>јөсәт пә мәү јау.</i>	6. Женщина посмотрела: пришли чужеземцы.
7. <i>ләү т'уты јөсәт, т'и э́ж ики пәни ниңкән нәмәңкә ыл вэләти.</i>	7. Они затем пришли, чтобы этого старика и двух женщин убить.
8. <i>т'уләнә ики т'уты жәү-иүән</i> [сказать-PRAET ₀ -S3]:	8. Тогда старик так говорит:
9. « <i>кутән тәләл памылты!</i> » — <i>ос төм ниңә т'уты жәү-иүән</i> [сказать-PRAET ₀ -S3]: « <i>пут вәра!</i> ».	9. «Наполни избу сеном!» — а другой женщине так говорит: «Приготовь поесть (досл.: котел сделай)!
10. <i>мәтләңә пут вэрвән пәни кутән тәләл памыллын, т'уләтнә күм лүүтитән.</i>	10. Когда приготовите поесть и избу наполните сеном, тогда выйдите на улицу.
11. <i>э́ж ниңән оҗты ләүәлвәл, э́ж ниңән оңнаты қат қона нуу қаңвәл.</i>	11. Одна из женщин дверь будет сторожить, другая женщина со свечой на чердак залезет».

12. <i>t'у пырнэ ики jөмә жауа т'уты jәҗ-иҗән</i> [сказать- PRAET ₀ -S3]:	12. После этого старик пришедшим людям так говорит:
13. <i>«joу ләңытәү литинә!»</i>	13. «Войдите в избу поесть!»
14. <i>там жау joу ләңа-с-әт</i> [войти- PRAET _s -S3PL].	14. Эти люди в избу вошли.
15. <i>ики қат пәтәнә лал'-вәл</i> [стоять-PRAES.S3].	15. Старик посреди пола стоит.
16. <i>ләү литә ымәлмыла ики нбрәүт-иҗән</i> [побежать- PRAET ₀ -S3] <i>күлпә пәни т'әләүт-иҗән</i> [закричать- PRAET ₀ -S3]:	16. Когда они сели есть, старик побежал на улицу и закричал:
17. <i>«оуны joу нәүрәүти, уңқән вәт'имәлти пәни ыл рәкәти!»</i>	17. «Дверь припри, зажги свечу и на пол бросай!»
18. <i>қат вәт'әүл-иҗән</i> [загореться- PRAET ₀ -S3].	18. Дом загорелся.
19. <i>қат тәүәнә лимә пырнә икинә лөүтәҗ-и</i> [сказать.PRAET ₀ -S3. PASS], <i>t'у қат тәүәнә литәу, t'у пә мәү жау кәтвәлләл мочә мәү уја қыдәнтәвәқтәт.</i>	19. Когда дом сгорел, старик рассмотрел, что пока дом горел, эти люди до пояса в землю углубились.
20. <i>t'у пырнә икинә пәни ниңкәннә пә мәү жау вәл-и-т</i> [взять.PRAET ₀ -PASS-S3PL] <i>вәҗләл пәни ләү күтәтәлла мән-т</i> [уйти.PRAET ₀ -S3PL].	20. После этого старик и две женщины взяли оленей этих людей и в их юрты поехали.
21. <i>мәтләнә қат кәтл-иҗән</i> [показаться-PRAET ₀ -S3].	21. Вот показались юрты.
22. <i>пә мәү жау моқалит кәмән рөү- вәл-т</i> [прыгать-PRAES-S3PL] <i>пәни т'уты jыүә-т</i> [сказать. PRAET ₀ -S3PL]:	22. Детишки на улице прыгают и так говорят:
23. <i>«әпылөүнә т'и қәнтәү жау ыл вәлсәт!»</i>	23. «Наши отцы этих ханты перебили!»

24. <i>t'ulänä</i> ики <i>t'äldät-иүән</i> [закричать-PRAET ₀ .S3]:	24. Тогда старик закричал:
25. « <i>том тärн луңқ вätä моқät!</i> »	25. «Вот дети, с которых можно взыскать бранную мечь!»
26. <i>t'у пырнә</i> ики <i>қата жоқ лоң- ыгүн</i> [войти-PRAET ₀ .S3].	26. После этого старик в избу вошел.
27. <i>әј сэмләү пырәс</i> ики <i>жоқан амәс-вәл</i> [сидеть-PRAES.S3].	27. Один слепой старик в избе сидит.
28. <i>қәнтәү</i> ики <i>вәј-иүән</i> [взять- PRAET ₀ .S3] <i>ләјәм пәни том пырәс</i> ики <i>лө-гүн</i> [ударить- PRAET ₀ .S3] <i>ләјәмнә үгәлтоқә жоуымты</i> .	28. Старик ханты взял топор и того старый старик (? старого старика) по голове ударил.
29. <i>t'у пырнә қат силә вәр-т</i> [сделать.PRAET ₀ .S3PL] <i>пәни төт вәләқәт-әт</i> [жить.INCH. PRAET ₀ .S3PL].	29. После этого они (ханты) в стороне соорудили юрты и стали там жить.
30. <i>пәққал жо јәмин ләнә, қат көч киситән, қат әјнәм төгәнә нуу луғи</i> .	30. Когда парни (ханты) вернулись домой, искали, искали свой дом — дом весь сгорел.
31. <i>t'ulänä</i> пәққән <i>қоу әнтә номәсылагүн, пөү вәр-сә-гүн</i> [сделать-PRAET _s .S3DU] <i>пәни мән-с-әгүн</i> [уйти-PRAET _s .S3DU] <i>t'у јау вәлтә мөгәлтә</i> .	31. Тогда парни, долго не думая, стрел наделали и пошли туда, где жили те люди.
32. <i>әт'ысагүн t'у қата јөгүн төү јәк-кән</i> [прийти.PRAET ₀ .S3DU].	32. Братья в эти юрты ночью пришли.
33. <i>төүы јөминә, төүала вәңкәкәтә-гүн</i> [ползти.INCH. PRAET ₀ .S3DU].	33. Дойдя туда, стали ползти.
34. <i>әјләнә әм t'әләм-иүән</i> [залаять-PRAET ₀ .S3].	34. Вдруг (досл.: однажды) собака залаяла.
35. <i>лин қолләнтыләгүн: ләүтил импәтл сөј</i> .	35. Они прислушиваются: лает их собака.

36. <i>лин ос вайцкэкэйтэ-үдн</i> [ползти. INCH.PRAET ₀ -S3DU], <i>ос айп т'эдэм-иүдн</i> [залаять-PRAET ₀ .S3].	36. Они снова поползли, собака снова залаяла.
37. <i>линнэ қоләнлы: әссә ләу импәтл сөј.</i>	37. Они слышат: лает их собака.
38. <i>т'уләнә ики қатнә т'утә јәү-иүдн т'эдэм-иүдн</i> [сказать-PRAET ₀ .S3]:	38. Тот старик в избе так говорит:
39. « <i>чәкә әл јөвитәү, мә әј қу тәјаләм, ләүән мәннә курн әүтәвәл.</i> »	39. «Очень-то смело не подходите, у меня есть товарищ, он меня сторожит».
40. <i>ики тыгүтәм ләнә қыјыүән нуқ лул'-үдн</i> [подняться.PRAET ₀ -S3DU] <i>лысәүмын.</i>	40. Когда старик [это] проговорил, парни поднялись, смешаь.

И, наконец, рассмотрим персональный нарратив, записанный Н. И. Терешкиным в Корликах, см. (15). В этом тексте все глагольные формы — претериты с показателем *-үдл*:

(16) Персональный нарратив, Корлики:

7. <i>әј әлән мин әссәүдн мән-үдл-мән</i> [уйти-PRAET _{үдл} -S1DU] <i>улаты.</i>	7. Раз утром мы с матерью пошли по ягоды.
8. <i>мин чөкин јаума јөүд-үал-мән</i> [дойти-PRAET _{үдл} -S1DU], <i>пәни дәвәт'әм-үал</i> [пойти.дождю-PRAET _{үдл} .S3].	8. Едва мы до бора дошли, пошел дождь.
9. <i>мин лыгәл қутла лул'әмтә-үал-мән</i> [встать-PRAET _{үдл} -S1DU].	9. Мы под кедр стали.
10. <i>төт ос көјңи чәкә әрки вәл-үал</i> [жить-PRAET _{үдл} .S3].	10. А там комаров очень много было.
11. <i>дәвәт' лөүмәти, кәләңқи мәү элнән чәкә нит-кәл</i> [стать-PRAET _{үдл} .S3], <i>пәни мин јоүна мән-үдл-мән</i> [уйти-PRAET _{үдл} -S1DU].	11. Когда дождь прошел, на земле очень мокро стало, и мы домой пошли.

Таким образом, оказывается, что в текстах на ваховском диалекте, записанных в Корликах, глагольные формы противопоставляют не два, а три нарративных жанра: историческое предание, сказку и персональный нарратив. Такое троичное противопоставление маркируется также в самом северном, среднетазовском диалекте селькупского и в нганасанском, см. [Урманчиева 2018, 2019]. Примечательно, что именно тексты из Корликов представляют ту часть ваховского диалектного ареала, которая ближе всего расположена к территориям, освоенным северными селькупками (пути миграций селькупов на север пролегали в том числе и через бассейн Ваха).

6. Выводы

Если обобщить данные о нарративных стратегиях в говорах ваховского диалекта, получается следующая картина:

- в говоре Лабаз-Ёгана глагольные формы обслуживают прежде всего структурирование нарратива, четко выделяя интродуктивный фрагмент, и в меньшей степени — для противопоставления текстов разных жанров (и персональный нарратив, и сказка могут быть рассказаны с использованием одних и тех же темпоральных форм);
- в говоре Большого Ларьяка, напротив, глагольные формы не служат противопоставлению интродуктивного фрагмента и основной части повествования, но четко противопоставляют тексты различных жанров: сказку и персональный нарратив;
- в говоре Корликов глагольные формы противопоставляют тексты трех жанров: сказку, историческое предание и персональный нарратив (схожая система представлена в среднетазовском говоре северного диалекта селькупского языка и в нганасанском языке); противопоставление интродуктивного фрагмента и основной части нарратива при помощи различных глагольных форм обнаружено только в сказке.

Таблица 2. Дискурсивные функции претеритальных форм в говорах ваховского диалекта

Table 2. Discursive functions of verbal forms in local varieties of Vakh dialect

	Фольклорный нарратив		Персональный нарратив
	Историческое предание	Сказка	
Лабаз-Ёган			
Интродуктивная функция			-γäl
Секвентная функция			-s, (-∅)
Большой Ларьяк			
Интродуктивная функция		-∅	-γäl
Секвентная функция			
Корлики			
Интродуктивная функция		-∅	-γäl
Секвентная функция		-s, (-γäs)	

Список условных обозначений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; AOR — аорист; APP — аппроксиматив (падеж); CN — коннегатив; COM — комитатив; CVB — конверб; DLAT — датив-латив; DU — двойственное число; EL — элатив; EMPH — показатель с эмфатическим значением; EXIST — экзистенциальный глагол; GEN — генитив; INCH — инхоатив; INF — инфинитив; INFER — инферентив; LAT — латив; LOC — локатив; NEG — отрицание; o — объектное спряжение; PASS — пассив; PL — множественное число; PN — имя собственное; PRAES, PRS — настоящее время; PRAET, PST — прошедшее время; PTCP — причастие; s — субъектное спряжение; SG — единственное число; TRNS — транслатив.

Литература

- Гусев и др. (ред.) 2008 — В. Ю. Гусев, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М.: Гнозис, 2008.
- Сорокина, Болина 2005 — И. П. Сорокина, Д. С. Болина. Энецкие тексты. СПб.: Наука, 2005.
- Терешкин 1961 — Н. И. Терешкин. Очерки диалектов хантыйского языка. Ч. 1: Ваховский диалект. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Урманчиева 2018 — А. Ю. Урманчиева. Сходство нарративных стратегий нганасанского языка и среднетазовского говора селькупского (о возможной корреляции лингвистических и этнографических данных) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. № 1 (19). С. 59–68.
- Урманчиева 2019 — А. Ю. Урманчиева. Нарративные стратегии как свидетельство возможного контакта: тазовский селькупский и нганасанский // Вопросы языкознания. 2019. № 3. С. 84–100.
- Honti 1984 — L. Honti. *Chrestomathia Ostiacica*. Budapest: Takönyvkiadó, 1984.
- Nikolaeva 1995 — I. Nikolaeva. *Obdorskiy dialekt chantyyskogo yazyka*. (Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica, 15). Hamburg: Finnisch-Ugrisches Seminar der Universität Hamburg, 1995.
- Nikolaeva 1999 — I. Nikolaeva. The semantics of Northern Khanty Evidentials // *Journal de la Société Finno-ougrienne*. 1999. № 88. P. 131–159.

References

- Gusev et al. (eds.) 2008 — V. Yu. Gusev, V. A. Plungian, A. Yu. Urmanchieva (eds.). *Issledovaniya po teorii grammatiki* [Studies in the Theory of Grammar]. Iss. 4: *Grammaticheskie kategorii v diskurse* [Grammatical Categories in Discourse]. Moscow: Gnozis, 2008.
- Honti 1984 — L. Honti. *Chrestomathia Ostiacica*. Budapest: Takönyvkiadó, 1984.
- Nikolaeva 1995 — I. Nikolaeva. *Obdorskiy dialekt chantyyskogo yazyka* [Obdorsk dialect of Khanty language]. (Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica, 15). Hamburg: Finnisch-Ugrisches Seminar der Universität Hamburg, 1995.
- Nikolaeva 1999 — I. Nikolaeva. The semantics of Northern Khanty Evidentials. *Journal de la Société Finno-ougrienne*. 1999. No. 88. P. 131–159.
- Sorokina, Bolina 2005 — I. P. Sorokina, D. S. Bolina. *Enetskie teksty* [Enets texts]. St. Petersburg: Nauka, 2005.

- Tereshkin 1961 — N. I. Tereshkin. *Ocherki dialektov khantyyskogo yazyka* [An outline of Khanty dialects]. Pt. 1: *Vakhovskiy dialekt* [Vakh dialect]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1961.
- Urmachieva 2018 — A. Yu. Urmachieva. Skhodstvo narrativnykh strategiy nganasanskogo yazyka i srednetazovskogo govora selkupskogo (o vozmozhnoy korrel'yatsii lingvisticheskikh i etnograficheskikh dannyykh) [Similarities between narrative strategies of Nganasan and Middle Taz Selkup: Converging evidence from linguistics and ethnography]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*. 2018. No. 1 (19). P. 59–68.
- Urmachieva 2019 — A. Yu. Urmachieva. Narrativnye strategii kak svidetelstvo vozmoznogo kontakta: tazovskiy selkupskiy i nganasanskiy [Narrative strategies as an evidence for language contact: Case study of Taz Selkup and Nganasan]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2019. No. 3. P. 84–100.

Этика научных публикаций

Журнал «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» (далее — ALP) — научное периодическое издание, не имеющее политической, идеологической, религиозной или иной направленности; деятельность журнала связана исключительно с академической наукой. Все участники редакционного и издательского процесса (авторы, рецензенты, редакторы и члены редколлегии) обязаны учитывать это и следовать указанным ниже этическим стандартам, основанным на рекомендациях Комитета по этике научных публикаций (COPE). Каждый участник издательского процесса должен принять все разумные меры для предотвращения недобросовестной практики в публикационной деятельности (плагиата, изложения недостоверных сведений и неправомерного использования научных результатов в интересах тех лиц, которые не участвовали в их получении).

Авторское право и открытый доступ

В соответствии с Будапештской инициативой по открытому доступу к научным публикациям (Budapest Open Access Initiative, BOAI) журнал ALP обеспечивает свободный доступ к опубликованным материалам, руководствуясь принципом поддержки глобального обмена знаниями. Какие-либо сборы за публикацию в журнале ALP с авторов не взимаются.

Обязанности авторов

Автор гарантирует, что рукопись, подаваемая для публикации в журнале ALP, является оригинальным текстом, и подтверждает свои исключительные авторские права на эту публикацию. В случае совместной работы материалы для публикации может подать один из авторов, указав всех соавторов и предоставив необходимую и достоверную информацию о них.

Автору следует указать организации и учреждения, предоставившие финансовую поддержку или оказавшие содействие в создании рукописи, при наличии

таковых. При необходимости первый автор должен быть готов уточнить сведения о вкладе каждого из соавторов в содержание статьи.

Автор обязан в полном объеме указать все источники информации, используемые в работе, включая источники (опубликованные и неопубликованные) и исследовательскую литературу (в том числе собственные ранее опубликованные работы). Автор обязан соответствующим образом оформить ссылки на использованные в работе труды или утверждения других авторов. **Любая форма плагиата неприемлема.** Автоплагиат, т. е. попытка повторной публикации собственной ранее опубликованной работы без существенных изменений, также неприемлем. Подача рукописи работы одновременно более чем в один журнал для публикации недопустима. Научный архив автора, на котором основано исследование и работа, должен быть при необходимости доступен к рассмотрению на период не менее двух лет.

В случае нарушения любого из перечисленных выше правил редколлегия может отказать в публикации рукописи в любое время, в том числе на этапе предварительного рассмотрения, без привлечения рецензентов, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет. Если после публикации статьи обнаружено нарушение автором вышеуказанных правил, редколлегия имеет право произвести ретракцию статьи, поместив указание на это на сайте журнала.

Внесение автором любых изменений в текст, прошедший этап рецензирования и принятый к публикации, допустимо только с согласия редколлегии.

Автор обязуется не размещать в открытом доступе любые принятые к публикации, но еще не опубликованные материалы. В случае нарушения этого правила редколлегия вправе снять рукопись с публикации, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Ответственность за достоверность информации и соблюдение профессиональной этики

Представляя рукописи для публикации в журнале ALP, автор несет ответственность за тщательную проверку информации, содержащейся в работе, во избежание неточных ссылок или отсутствия необходимых ссылок на источники. Если в процессе редактирования материалов, принятых к публикации, автор обнаруживает ошибки или неточности, он должен незамедлительно уведомить редколлегию и доработать статью или, при наличии существенных ошибок, требующих полной переработки текста, отозвать рукопись.

В журнале ALP не допускается клевета. Автор должен избегать личных нападок, пренебрежительных замечаний и обвинений в адрес других ученых.

Если после публикации обнаружено нарушение вышеуказанных правил, редколлегия имеет право опубликовать опровержение в следующем выпуске, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Процесс рецензирования

Представленные рукописи оцениваются по принципу двойного анонимного рецензирования; это означает, что все материалы направляются рецензентам в анонимной форме (файлы и метаданные не содержат информации об авторах).

Члены редколлегии или другие участники процесса публикации не имеют права сообщать рецензентам имен авторов до принятия рукописей к публикации.

Если рецензент узнает автора рассматриваемой статьи и обнаруживает конфликт интересов, он должен сообщить об этом редколлегии и отказаться от рецензирования.

Имя рецензента может быть раскрыто автору редколлекгией только по просьбе самого рецензента и только после принятия окончательного решения относительно публикации представленной рукописи.

Рецензия должна быть объективной и беспристрастной, личная критика в адрес автора не допускается. Все комментарии и рекомендации по улучшению работы должны быть высказаны в корректной форме, а замечания аргументированы. Рецензенты могут рекомендовать автору проработать дополнительную литературу, касающуюся темы представленной рукописи и отсутствующую в списке использованной литературы. Рецензент обязан обратить внимание редколлегии на любые признаки плагиата. Рецензирование работы должно быть завершено в установленный журналом срок.

Организация работы редколлегии

Редколлегия журнала ALP является высшим руководящим и контролирующим органом журнала. Окончательное решение о принятии к печати или отклонении рукописи принимается редколлекгией коллективно после процедуры двойного анонимного рецензирования. Рукописи членов редколлегии, представленные для публикации в журнале ALP, рассматриваются на общих основаниях.

Все конфликты, возникающие между участниками редакционного и издательского процесса, должны решаться при непосредственном вмешательстве редколлегии.

Обязанности членов редколлегии

Редколлегия журнала обеспечивает:

- предварительное рассмотрение рукописей авторов;
- выбор рецензентов для экспертизы в соответствии с их научными интересами;
- соблюдение конфиденциальности в процессе двойного анонимного рецензирования.

Главный редактор координирует работу редколлегии и принимает решения по ключевым вопросам, а также дает разрешение на печать выпуска и его публикацию в сети Интернет. Входя в состав редколлегии, главный редактор гарантирует строгое соблюдение всех этических стандартов, изложенных в настоящем документе.

Члены редколлегии должны соблюдать беспристрастность и объективность по отношению ко всем участникам редакционного и издательского процесса вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных убеждений, этнической принадлежности, гражданства или политических предпочтений. Материалы, представленные для публикации в журнале ALP, рассматриваются исключительно с точки зрения их научной ценности с соблюдением принципа двойного анонимного рецензирования.

Конфликт интересов рецензентов и авторов представляемых рукописей недопустим.

Все нарушения изложенных выше принципов должны тщательно расследоваться на заседании редколлегии, которая при необходимости обязана публиковать исправления, разъяснения и извинения, если были допущены нарушения этических или научных норм.

Язык публикаций

Журнал ALP принимает рукописи статей на русском, английском, французском и немецком языках. Если язык статьи не является для автора родным, рекомендуется, во избежание возможных недоразумений, проконсультироваться с компетентным носителем соответствующего языка.

Все метаданные статей представлены на веб-сайте журнала на русском и английском языках.

Publication Ethics

The “Acta Linguistica Petropolitana” Journal (ALP) is an academic periodical with no political, ideological, confessional, or other agendas, dedicated solely to academic activities. All the editorial / publishing process participants (authors, reviewers, editors, or Editorial Board members) are expected to follow the ethical standards below based on recommendations by the Committee on Publication Ethics (COPE). Each participant is expected to make all reasonable efforts to avoid malpractice in his/her publishing activities including plagiarism, misrepresentation, or misuse of research findings to the benefit of those not involved in the research.

Copyright and Open Access

In consistence with the Budapest Open Access Initiative (BOAI) and the principle of free global knowledge exchange, ALP ensures open access to its publications. ALP contributors are exempt of any dues.

Contributor’s responsibilities

Contributors guarantee that their contributions are original manuscripts under their exclusive copyright. For co-authored contributions, only one of the authors may submit the manuscript listing all the coauthors and providing their relevant accurate personal information.

The contributor is expected to indicate all agencies/entities, if any, which have provided financial or other support for the manuscript. Where necessary, the first contributor should be able to specify each co-author’s contribution into the manuscript.

The contributor should provide a full list of all information sources (both published and unpublished) and the literature (including his/her previously published works) used in the manuscript. The contributor should provide appropriate reference to other works or quotations used in the manuscript. Any form of plagiarism is unacceptable. Equally unacceptable is self-plagiarism, i.e. attempts at republishing own previously published work without substantial modification. Concurrent

submission of the same work to ALP and any other publication is unacceptable. The contributor's research records for the submitted work should remain accessible upon request for at least two years.

A violation of any of the above may lead the Editorial Board to reject the contribution at any time, including before review, as well as to reject all future submissions by the present author in the next three years to follow. If any violation of the rules above comes to light following the article's publication, the Editorial Board may retract the article, placing the relevant notice on the Journal's website.

Any changes by the contributor to his/her already peer-reviewed and accepted for publication text are only possible on the Editorial Board's consent.

The contributor agrees not to make publicly available any accepted but not published materials. A violation of this requirement may serve as a ground for the Editorial Board to reject both the contribution and all other contributions by the same author in the next three years to follow.

Responsibility for unreliable information or non-compliance with professional ethics

Authors submitting their manuscripts to ALP are responsible for detailed verification of all the information contained therein to avoid inaccuracy or omission of references to sources. On detection of mistakes/inaccuracies when editing the manuscript accepted for publication, the author must immediately notify the Editorial Board and either update the text or withdraw the contribution where substantial errors require its complete revision.

Defamation is unacceptable in ALP. The contributor is expected to avoid personal criticism, disrespectful remarks, or accusations against other scholars.

If any of above violations come to light after the publication, the Editorial Board may publish a disclaimer in its subsequent issue and reject any of the author's contributions in the next three years to follow.

Review Procedure

All submitted manuscripts are evaluated based on a double-blind peer review where neither the author, nor the reviewer knows the other's name. The files, including metadata, sent to reviewers contain no information about the author(s).

Neither Editorial Board members nor other publication participants are allowed to disclose the authors' names to reviewers before the submission is accepted.

The reviewer recognizing the author of the paper under review and identifying a conflict of interest is obliged to inform the Editorial Board of the case and forego the reviewing.

The Editorial Board may only disclose the reviewer's name to the contributor at the reviewer's own request and only following the final decision as to (non)acceptance of the submitted manuscript.

The review should be impersonal, impartial, and avoid personal criticism of the contributor. All comments or suggestions for improving the manuscript should be polite, and comments well-reasoned. Reviewers may recommend the author to study additional literature pertaining to the contribution's topic but lacking from the "Literature" list. The reviewer is expected to point out any evidence of plagiarism to the Editorial Board. The review should be completed within the time frame established by the Journal.

Editorial Board

The ALP Editorial Board is the top supervisory and control body of the Journal. The Editorial Board is responsible for the final collective decision to accept or reject manuscripts following their double-blind peer review. Manuscripts by Editorial Board members, submitted for publication in ALP, are reviewed under the common procedure.

All conflicts among the editing and publishing participants are resolved through direct intervention of the Editorial Board.

Duties of Editorial Board Members

The Editorial Board provides for:

- preliminary consideration of contributions;
- selection of reviewers based on their areas of expertise;
- provision of confidentiality for the double-blind review procedure;

The Editor-in-Chief coordinates all Editorial Board activities and makes key decisions, including on the publication of ALP issues in paper and online formats. As an Editorial Board member, the Editor-in-Chief guarantees strict compliance with all ethical standards outlined in this statement.

All editors guarantee impartial and impersonal treatment of all participants in the editorial/publishing process regardless of race, gender, sexual orientation, religious

belief, ethnicity, nationality, or political opinion. All materials submitted for publication in ALP are considered solely based on their scholarly merit via the double-blind peer review procedure.

Any conflict of interest between reviewers and contributors is unacceptable.

The Editorial Board will thoroughly examine any violation of the principles above and, where necessary, publish corrections, clarifications, or apologies for any breach of ethical or academic norms.

Publication Languages

The ALP Journal accepts manuscripts in Russian, English, French, or German. Where a paper is not in the contributors' native language, they are advised to consult a qualified native speaker to avoid any possible misapprehensions.

The Journal presents all published papers' metadata on its website in Russian and English.

Научное издание

Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований.
2021. — Т. 17. Ч. 3. — 332 с.

Подписано к печати 29.12.2021

Формат 60×90 1/16

Усл. печ. л. 20,75. Тираж 500 экз.

Институт лингвистических исследований РАН
199053, Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9
info@iling.spb.ru <https://iling.spb.ru>

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН
Оригинал-макет подготовил С. С. Белоусов

Корректор — Е. В. Артемьева

Издательство РХГА

191011, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15

Тел.: +7 812 310-79-29, +7 981 699-65-95

E-mail: rhgapublisher@gmail.com <http://irhga.ru>

Материалы выпуска доступны в электронном виде по ссылке:
<https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html>